

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

М. А. КОРОСТОВЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ
В ЕГИПЕТСКУЮ
ФИЛОЛОГИЮ

Ответственный редактор
В. В. Струве

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

§ 1. ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

В научной литературе как в нашей, так и в зарубежной иногда встречается термин «древнеегипетский язык», под которым подразумевается язык населения Древнего Египта.

Этот термин неточен, ибо называя какой-либо язык древним (например древнекитайский, древнегреческий), имеют в виду существование такого же нового, современного нам языка, иначе говоря, определение «древний» создает впечатление, что речь идет о древней стадии живого современного языка.

С египетским языком дело обстоит иначе. Египетский язык стал мертвым уже в начале нашей эры, когда на смену ему пришел коптский, представляющий собой последнюю стадию развития египетского языка и органически с ним связанный, но при этом отличающийся от него настолько, что в языкознании он считается самостоятельным языком. Коптский язык относится к египетскому языку поздней стадии его развития примерно так же, как итальянский к латинскому. Но и коптский язык тоже уже мертвый язык. В настоящее время жители Египта говорят на арабском языке. Поэтому египетским языком мы называем только тот язык, которым пользовалось население Древнего Египта с незапамятных времен до III в. н. э. (приблизительно).

Так как памятники египетского языка сохранились за огромный период, исчисляемый не менее чем в три с половиной тысячелетия, вполне естественно предположить, что за это время египетский язык видоизменялся. И действительно, памятники языка показывают, что на протяжении тридцати пяти с лишним веков он прошел следующие стадии развития¹: [3]

I. Язык эпохи Древнего царства (XXXII—XXII вв. до н. э.; в английской научной литературе эта стадия развития языка называется Old Egyptian, во французской — ancien égyptien, в немецкой — Altägyptisch. Отлично подошел бы к обозначению этого периода русский термин «древнеегипетский», но поскольку его неправильно употребляют для обозначения всего египетского языка, было бы неясно, о чем идет речь: о древней стадии развития языка или о языке в целом. Поэтому для обозначения древнего периода истории языка целесообразно принять термин, предложенный крупнейшим советским египтологом Ю. Я. Перепелкиным, — «староегипетский».

II. Среднеегипетский, или классический, язык (XXII—XVI вв. до н. э.); в английской научной литературе — Middle Egyptian, во французской — moyen égyptien, в немецкой — Mittelägyptisch.

III. Новоегипетский язык (XVI—VIII вв. до н. э.); в английской научной литературе — Late Egyptian, во французской — néoégyptien, в немецкой — Neuägyptisch.

IV. Демотический язык (VIII в. до н. э. — V в. н. э.).

V. Коптский язык (с III в. н. э.). После завоевания Египта арабами в VII в. н. э. коптский язык начинает вытесняться арабским, постепенно угасает и становится мертвым языком.

Весь этот процесс будет особо рассмотрен в главе об истории языка. Здесь его необходимо было коснуться лишь вкратце, чтобы в дальнейшем было ясно, о чем идет речь, когда употребляется один из этих терминов.

Таким образом, мы можем определить египетский язык как язык древнего, языческого, дохристианского Египта. Констатируя эти факты, следует подчеркнуть, что никакой органической связи между сменой языков и сменой религий нет.

Египетский язык, а впоследствии и коптский, был языком коренного населения Древнего Египта и за пределами страны распространения не имел. Географические границы страны довольно определены: вся долина Нила от средиземноморского побережья и примерно до первого нильского порога у Асуана. Памятники египетского языка часто встречаются и на других территориях, в частности далеко к югу от Асуана. Это памятники победы египетского оружия и культуры в странах, где египтяне были сравнительно немногочисленными пришельцами среди

¹ Gardiner, *Grammar*, § 4; Lefebvre, *Grammaire*, § 8; Edel, *Grammatik*, S. VII.

иноязычного населения, сохранившего свои языки. Кстати напомним, что в первые века существования Эфиопского царства египетский язык был там всего лишь языком официальным (под «Эфиопским [4] царством» подразумевается не современная Эфиопия, а древнее царство со столицей Напата);

§ 2. СЕМИТО-ХАМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Задолго до того, как в 1822 г. Ж. Ф. Шампольон нашел ключ к чтению египетских текстов, делались попытки определить место египетского языка среди других языков. Естественно, они были обречены на неудачу, ибо невозможно классифицировать язык, недоступный для исследования. Нередко такие попытки имели фантастический характер. Например, англичанин Нидхам считал египетские и китайские иероглифы тождественными. Такого же мнения упорно держался французский ориенталист Ж. де Гинь². Однако наряду с подобными, совершенно беспочвенными гипотезами, не имеющими никакого научного значения и представляющими некоторый интерес только для истории египтологии, высказывались и трезвые мысли. Так, де Гинь, Бартеlemi, Росси, Джорджи и Вольней находили точки соприкосновения между древнееврейским и коптским языками³.

Открытие Ж. Ф. Шампольона положило начало новой исторической и филологической дисциплине — египтологии, которая, несмотря на огромные трудности, развивалась настолько быстро, что уже в 1844 г. немец Т. Бенфей, исходя из конкретных научных данных, смог опубликовать исследование о принадлежности египетского языка к языкам семитским⁴.

Здесь необходимо несколько отвлечься и вкратце остановиться на содержании терминов «семитский» (или семитический) и «хамитский» (или хамитический) в языкознании.

Термин «семитский» был впервые предложен в XVIII в. Шлецером, затем он встречается в работах Эйхгорна⁵, одного из первых библейских критиков. Происхождение этого термина таково. В главе X Книги Бытия упоминаются потомки сыновей Ноя — Сима (иначе Сема), Хама и Иафета, изображаемых в Библии эпонимами-родоначальниками многих народов (здесь, кстати сказать, содержится первая в [5] мировой литературе попытка показать родственные связи между народами)⁶. После перечисления потомков Сима в Библии написано: «Это сыновья Симовы по племенам их, по языкам их, в землях их, по народам их» (Книга Бытия, X, 31). Однако лингвистический принцип такой классификации не выдержан: среди потомства Сима называются и народы, говорившие не на семитских языках, например эламиты. Но так как здесь наряду с евреями (Евер) встречаются народы, близкие к ним по языку, например арамейцы (Арам), ассирийцы (Ассур) и другие, термин «семитский» стал употребляться для обозначения группы народов и языков, близких к еврейскому.

В группу семитских языков входят следующие языки: мертвые — аккадский (и аморейский?), угаритский, палеосинайский и хананейские (к ним относятся старохананейский в текстах амарнского архива, моавитский, финикийский, древнееврейский, а также государственный язык государства Израиль — иврит, представляющий искусственно возрожденный и обогащенный древнееврейский), библейско-арамейские, распадающиеся на западную (староарамейский, арамейский, язык палестинского талмуда, неоарамейский, набатейский, пальмирский) и восточную группу (восточноарамейский, харранский, язык вавилонского талмуда, мандейский, сирийский; к этой группе относится и живой новосирийский, или айсорский); живой арабский с диалектами и мертвые южноарабские языки (сабейский, минейский и др.; некоторые

---

² См. W. R. Dawson, *Who was who in Egyptology*, London, 1951, pp. 7, 114.

³ J. J. Barthelemy, *Reflexions generates sur les rapports des langues égyptienne, phénicienne et grecque*, — «Académie royale des inscriptions et belles lettres», t. 32, 1858, pp. 212–233; см. также: Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 269.

⁴ Th. Benfey, *Über das Verhältnis der ägyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm*, Leipzig, 1844.

⁵ J. Eichhorn, *Repertorium für biblische und morgenlandische Literatur*, t. 8, Leipzig, 1781, p. 161; J. Eichhorn, *Historisch-kritische Einleitung in das Alte Testament*, Leipzig, 1787; см. также Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 267, n. 1.

⁶ См. Fr. Lenormant, *Histoire ancienne de l'Orient*, t. 1, Paris, 1888, p. 363 et suiv.— Популярное изложение см. о кн.: З. А. Рагозина, *История Халдеи*. СПб., 1903, стр. 150–164.

южноарабские диалекты, например мехри, еще живы); живые языки Эфиопии (тигринья, тигре, амхарский, гафат, аргобба, харари, гураге) и мертвый язык геэз⁷.

Многие семитские языки как древние, так и современные, имеют большую литературу и хорошо изучены, в результате чего установлена близость семитских языков между собой.

Иначе дело обстоит с так называемыми хамитскими языками. Термин «хамитский», употребляемый для обозначения народов (и их языков) северной и северо-восточной Африки, с незапамятных времен населяющих эти территории, был введен в научный обиход известным немецким египтологом Р. Лепсиусом⁸. Этот термин так же, как и термин «семитский», [6] был заимствован из главы X Книги Бытия. Там наряду с потомством Сима перечисляются и потомки Хама, среди которых названы Мицраим (Египет), Хуш (кушиты) и др. Перечисление заканчивается словами: «Это сыны Хамовы по племенам их, по языкам их, в землях их, в народах их» (Книга Бытия, X, 20). Однако и здесь принцип лингвистической классификации не выдержан: среди потомков Хама упомянуты, например, филистимляне, которые не входят в группу хамитов.

К языкам, ранее называвшимся хамитскими, относятся следующие: египетский и коптский (мёртвые языки), ливийско-берберские, на которых говорит население северной Африки (от западных границ Египта до Канарских островов включительно), и кушитские, объединяющие живые языки народов северо-восточной Африки и несемитские языки Эфиопии (беджа, афар, сахо, сомали, галла, агав, сидама, били, данакиль и др.). Раньше ошибочно считался кушитским языком, близким к языку беджа, и древний мероитский язык (мертвый), известный по сохранившимся иероглифическим и курсивным текстам (вопрос о его месте среди других языков не решен и в настоящее время)⁹. Вообще, нет единого взгляда на состав хамитской группы. Так, некоторые ученые причисляют к этим языкам язык хауса¹⁰, Л. Рейниш относит к ним язык нуба, в то время как другие считают этот язык суданским¹¹, и т.д.

Термин «кушитский» также заимствован из Библии. Любопытно, что в египетском языке слово *k3š* (ср. коптское **ⲕⲟⲩⲟ** "нубиец") сперва означало народы, населявшие территории к югу от Египта, а затем — народы и племена Нубии, Судана и Эфиопии (в древнем значении этого наименования)¹².

О всех названных языках представление было очень слабым, однако сложилось мнение, что они так же близки между собой, как и семитские. Именно это и послужило для Лепсиуса основанием объединить их в особую группу хамитских языков. Изучение хамитских языков затруднялось тем, что на них (кроме египетского и коптского) в отличие от семитских не было почти никакой литературы; они стали известны [8] лишь в современном состоянии, преимущественно как языки разговорные.

В дальнейшем выяснилось, что под термином «хамитские» объединены языки, иногда весьма далекие друг от друга, и что вместе с тем отдельные «хамитские» языки имеют точки соприкосновения с языками семитскими. В 1887 г. лингвист Ф. Мюллер предложил ввести термин «семито-хамитские языки» для обозначения совокупности семитских и хамитских языков¹³, которые распространены на огромной территории, примерно в двадцать миллионов квадратных километров¹⁴. Однако термин, «хамитские языки» удерживался еще долго. Впоследствии, когда М. Коэн доказал, что этот термин не имеет определенного лингвистического содержания, он все же уступил место общепринятому теперь термину «семито-хамитские языки».

В статье о роли хамитской теории в африканистике советский ученый Д. А. Ольдерогге пишет: «В северной части Африки живут народы, говорящие на языках семито-хамитской

⁷ A. Meillet—M. Cohen, *Les langues du monde*, Paris, 1952, pp. 82–148; И. Ю. Крачковский, *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955, стр. 23 и сл.

⁸ R. Lepsius, *Standard alphabet*, 2 ed., London — Berlin, 1863; R. Lepsius, *Nubische Grammatik*, Berlin, 1880.

⁹ A. Meillet — M. Cohen, *Les langues du monde*, p. 167; E. Zyhlarz, *Die Fiktion der «kuschitischen» Völker*, — «Kusch», vol. 4, 1956, pp. 19–31.

¹⁰ W. Vycichl, *Hausa und Ägyptisch*, — MSOS, Jg. 37, 1934, Abt. 3. S. 36; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 268, n. 8.

¹¹ L. Reinisch, *Die sprachliche Stellung des Nuba*, Wien, 1911; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 267, n. 6.

¹² H. Gauthier, *Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques*, t. V, Le Caire, 1928, pp. 193–194.

¹³ F. Müller, *Grundriss der Sprachwissenschaft*, Bd III, Wien, 1887; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 286, n. 51.

¹⁴ A. Meillet — M. Cohen, *Les langues du monde*, p. 85.

группы. На основании этого названия нельзя заключать, что существуют отдельно семитские и отдельно хамитские ее ветви. Название это условное и не может быть расчленено на отдельные половины. Семито-хамитская группа языков должна быть подразделена на четыре группы: собственно семитскую, берберскую, кушитскую и древнеегипетскую. Говорить о единстве хамитских языков, противопоставляя их семитским, нельзя, потому что нет такой черты, которая объединяла бы все три группы в противоположность семитской. Таким образом, можно говорить лишь о семито-хамитской группе языков»¹⁵.

Затронутые Д. А. Ольдерогге вопросы очень важны: египетский и коптский языки с точки зрения современной науки принадлежат к семито-хамитской группе, но это не означает, что они относятся к собственно семитским языкам или к каким-либо другим из этой группы.

§ 3 СВЯЗИ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА С СЕМИТСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В своем исследовании Т. Бенфей показал близость египетского языка к семитским в области морфологии и предложил разделить семитские языки на две группы, одна из которых [8] должна была включить египетский и другие языки северной Африки. Резко отрицательно отнесся к этой точке зрения Э. Ренан. Он утверждал, что факты, приведенные Т. Бенфеем, случайны и возражал против определения египетского языка как семитского¹⁶. Тем не менее попытки доказать близость египетского языка к семитским продолжались. К этому направлению примкнули два корифея египтологии — А. Эрман и К. Зете¹⁷. Первый в исследовании о египетской глагольной форме, которую он назвал «Pseudopartizip», указал на ее сходство с глагольной формой перфекта в семитских языках. Он же в первом издании своей египетской грамматики, вышедшей в 1893 г., отметил ряд явлений, общих для египетского и семитских языков. В одной из своих работ А. Эрман указал на общность 75 корней в египетском и семитских языках и на возможную общность еще 50 корней. К. Зете в трехтомном труде, посвященном египетскому глаголу, подчеркнул важнейшую роль согласных, а также значение трехсогласного типа корней в египетском и в семитских языках. В 1930 г. появился посмертный труд А. Эмбера, в котором автор привел около 500 корней общих, по его мнению, для египетского и семитских языков¹⁸. Американский археолог и семитолог Ф. Олбрайт в работе по египетской фонологии писал: «Египетский язык полностью семитский. Количество явных этимологии увеличивается с большой быстротой, и хотя еще ряд вопросов не разрешен, я убежден, что египетский язык ни в каком отношении не является смешанным языком; напротив, это чистый полностью семитский язык»¹⁹.

Утверждение, что египетский язык должен быть безоговорочно отнесен к языкам семитским, вызвало бурную реакцию в научном мире еще задолго до высказывания Ф. Олбрайта. Лепаж Ренуф в Англии, Г. Масперо во Франции. Э. Навилль в Швейцарии и, наконец, В. С. Голенищев в России выступали против подобного определения египетского языка. Особенно резко возражал Э. Навилль. Об А. Эрмане и К. Зете, внесших огромный вклад в разработку египетского языка, он писал: «Их труды суть продукт филологической [9] лаборатории. Это совершенно искусственное построение...». По его мнению, в трудах названных ученых египетский язык выступает не в собственном обличий. «Это не реальный египетский язык,— продолжал он,— а такой, каким должен быть египетский язык, составленный из семитских элементов»²⁰.

Трезвость взглядов и осторожность в разгаре полемики проявил Г. Масперо: «Нам удивительно повезло, когда в начале существования нашей науки мы обнаружили *tabula rasa* в вопросах о языке и приступили к расшифровке без предвзятых взглядов или заранее построенных па-

¹⁵ Д. А. Ольдерогге, *Хамитская проблема в африканистике*. — «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 170.

¹⁶ E. Renan, *Histoire générale et système comparé des langues sémitiques*, Paris, 1863, p. 87.

¹⁷ A. Erman, *Eine neue Art der ägyptischen Konjugation*,—ZÄS, Bd. 27, 1889, S. 65; A. Erman, *Ägyptische Grammatik*. Berlin, 1893; A. Erman, *Das Verhältnis des Ägyptischen zu den semitischen Sprachen*, — ZDMG, Bd. 46, 1892, Ss. 93–129; Sethe, *Verbum*.

¹⁸ A. Ember, *Egypto-Semitic studies*, Leipzig, 1930.

¹⁹ F. Albright, *The principles of Egyptian phonological development*, — RT, vol. 40, 1923, p. 70.

²⁰ E. Naville, *L'évolution de la langue égyptienne et les langues sémitiques*, Paris, 1920,— цит. по кн.: Letebvre, *Sur l'origine*, p. 271, n. 17.

радикам. Так не следует ли воспользоваться этой абсолютной свободой, которую нам предоставила судьба, чтобы создать египетскую грамматику, не инспирированную ни чисто классическими, ни индоевропейскими, ни семитскими образцами, но целиком «построенную на анализе текстов, с использованием всех средств, которые только может дать филология для изучения языка»²¹.

В противовес ученым, опиравшимся на семитскую филологию в исследовании египетского языка, ряд египтологов опубликовал труды, посвященные- сравнительному изучению египетского и североафриканских языков семито-хамитской группы.

В одной из своих работ Г. Мёллер утверждал, что «египетский язык сначала был ближе к ливийско-берберским языкам, чем к семитским... Это можно было бы понять, если бы мы знали ливийско-берберские языки не только по современным диалектам»²².

В наши дни эта полемика уже утратила остроту, ибо противопоставление семитских и хамитских языков как двух отдельных групп отвергается современной наукой, объединившей их в одну группу. Но в свое время полемика эта послужила стимулом для углубления сравнительных исследований египетского языка и языков соседних народов.

Что же касается обвинений, выдвинутых Э. Навиллем против А. Эрмана и К. Зете, то они необоснованны: труды этих ученых до сих пор не потеряли своего значения, в особенности монография К. Зете о глаголе. Поскольку египетский язык входит в группу семито-хамитских языков, понятно, [10] что он должен иметь точки соприкосновения с другими языками этой группы, которые являются его непосредственными географическими соседями: с востока — это собственно семитские языки, на юге — кушитские, на западе — ливийско-берберские. Уточнением конкретных форм и происхождения таких связей и должно заниматься языковедение. Ниже приводятся некоторые факты, иллюстрирующие связи египетского языка с языками семитскими, ливийско-берберскими и кушитскими.

Рассмотрим связи египетского языка с языками собственно семитскими.

В области фонетики близость между этими языками заключается в преобладании значения согласных над значением гласных и в избытке гортанных звуков, среди которых характерен спирант айн²³.

Египетский язык имеет общие с семитскими языками корни (причем слова, заимствованные египетским языком у семитских и семитскими языками у египетского в процессе исторического взаимодействия этих языков, здесь не учитываются). Как уже упомянуто, в исследовании А. Эмбера приводится около 500 египетско-семитских этимологий, из которых примерно 350 бесспорны. Это в основном трехгласные корни, например египетское *ḥsb* "считать", арабское *hasaba*; египетское *rḥt* "мыть", арабское *rahada* и т. д. Нередко ясность этимологии затемняется метатезой и заменой согласных в корне, например египетское *sdm* "слушать", арабское *samia'* египетское *snb* "быть здоровым", арабское *sallma* и т. д.²⁴

В области морфологии близость египетского языка к семитским проявляется в том, что в этих языках:

а) слова женского рода единственного числа имеют окончание *t*, а слова мужского рода множественного числа — окончание *w*,

б) личный местоименный суффикс мужского рода 2-го лица единственного числа выражается звуком *k*, а суффикс 1-го лица множественного числа — звуком *n*;

в) личное независимое местоимение 1-го лица единственного числа в египетском — *ink* (коптское *ⲁⲛⲟⲕ*), в еврейском — *anōki*, в аккадском — *anāku*, в арабском — *ana* почти тождественны;

г) форма прилагательного, именуемая «нисба», образуется при помощи *j*, присоединяемого к существительным и предлогам; [11]

д) отглагольные существительные образуются при помощи префикса *m* и т. д.²⁵

²¹ G. Maspero, *Introduction à l'étude de phonétique égyptienne*, — RT, vol. 37, 1915, p. 147.

²² Möller, *Die Ägypter und ihre libyschen Nachbarn*, — ZDMG, Bd. 78, 1924, S. 36.

²³ Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 273.

²⁴ Gardiner, *Grammar*, § 3.

²⁵ H. Grapow, *Über die Wortbildungen mit einem Präfix in- im Ägyptischen*, — APAW, Phil.-hist. K1., 1914, № 5; G. Jequier, *Le préfixe ⲙ dans les noms d'objets du moyen empire*, — RT, vol. 20, 1921, pp. 145–154.

Сравнение египетской глагольной формы, названной А. Эрманом «псевдопартицип», а А. Гардинером «старый перфект», с арабским (семитским) перфектом и аккадским пермансивом также указывает на близость египетского языка к семитским (см. приводимую ниже таблицу²⁶).

	Египетский старый перфект	Арабский перфект	Аккадский пермансив
Единственное число			
1-е лицо	<i>kwi (kw, k)</i>	<i>tu</i>	<i>āku</i>
2-е лицо мужского рода	<i>tī</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>
2-е лицо женского рода	<i>tī</i>	<i>tī</i>	<i>tī</i>
3-е лицо мужского рода	<i>w</i>	-	-
3-е лицо женского рода	<i>tī</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
Множественное число			
1-е лицо	<i>wjn</i>	<i>nā</i>	<i>nī, nu</i>
2-е лицо мужского рода	<i>tjwnj</i>	<i>tum</i>	<i>tunū</i>
2-е лицо женского рода	<i>tjwnj</i>	<i>tunna</i>	<i>tina</i>
3-е лицо мужского рода	<i>w</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
3-е лицо женского рода	<i>tī</i>	<i>na</i>	<i>u</i>

Следует отметить, что последняя согласная 1-го лица единственного числа египетского старого перфекта *i* отсутствует в аккадском пермансиве²⁷. Но в то же время египетский старый перфект и аккадский пермансив сближаются, так как обе формы могут иметь и активное и пассивное значения²⁸.

Вместе с тем грамматические функции всех трех форм — египетского старого перфекта, арабского (семитского) перфекта и аккадского пермансива — различны: египетский старый перфект выражает состояние как результат действия; арабский перфект передает в повествовании законченное действие; аккадский пермансив — длительное действие (отсюда и его название — от латинского *permaneo* "длиться", "продолжаться"). В роли повествовательной формы египетский старый перфект употребляется только в редких случаях. Это все же дает основание видеть в нем пережиток распространенной в древнейшие [12] времена повествовательной формы, аналогичной семитскому перфекту. Таким образом, отношение египетского старого перфекта к семитскому перфекту и аккадскому пермансиву — вопрос сложный, окончательно еще не решенный²⁹.

Что же касается префиксального спряжения, характерного для семитского имперфекта, то в египетском языке оно отсутствует (префиксальное спряжение в коптском языке — явление очень позднее и совершенно другого происхождения).

Если взять системы глагола в египетском и в семитских языках, то следует признать, что они независимы друг от друга³⁰. Несмотря на ряд моментов, сближающих семитские языки с египетским, последний отличается от них в значительно большей степени, чем сами они отличаются друг от друга. Поэтому египетский язык не может быть отнесен к языкам собственно семитским³¹.

§ 4. СВЯЗИ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА С ЛИВИЙСКО-БЕРБЕРСКИМИ И КУШИТСКИМИ ЯЗЫКАМИ

С ливийско-берберскими и кушитскими языками египетский тоже имеет точки соприкосновения³².

²⁶ Letebvre, *Grammaire*, § 334.

²⁷ Ibid., p. 167.

²⁸ Gardiner, *Grammar*, § 309.

²⁹ Ibid.

³⁰ T. W. Thacker, *The relationship of the Semitic and Egyptian verbal systems*, London, 1954, p. 332.

³¹ Gardiner, *Grammar*, § 3.

³² Lefebvre, *Sur l'origine*, pp. 273, 274, 277–281.

В области фонетики связь с этими языками (как и с семитскими) проявляется также в преобладании значения согласных над значением гласных и в избытке гортанных звуков, среди которых характерен айн.

Несомненна близость словарных фондов рассматриваемых языков; установлено около 100 этимологии, общих для египетского и ливийско-берберских языков (конкретно — туарегского), например:

	египетское		туарегское
<i>srk</i>	"дышать"	<i>ereg</i>	"вдыхать"
<i>gmi</i>	"находить"	<i>egmi</i>	"искать"
<i>hmhm</i>	"мычать"	<i>henhen</i>	"ржать"
<i>swj</i>	"пить"	<i>essw</i>	"пить"

Египетскому личному независимому местоимению 1-го лица единственного числа *ink* в ливийско-берберских соответствует *inuk*. [13]

Встречаются и этимологии, общие для египетского, ливийско-берберских и семитских языков, например египетское *m(w)t* "умирать", семитское *mut*, ливийско-берберское *emmet*; в меньшем количестве — для египетского и кушитских языков, в частности беджа:

	египетское		беджа
<i>ii, iw</i>	"приходить"	<i>jii</i>	"приходить"
<i>mi</i>	"приходи"	<i>m-3a</i>	"приходи"
<i>šms</i>	"служить"	<i>šimiš</i>	"подчиняйся"
<i>ḥkr</i>	"голодать"	<i>harag</i>	"голодать"
<i>ibi</i>	"испытывать жажду"	<i>iuūai</i>	"испытывать жажду"

Есть также этимологии, общие для египетского, кушитских и семитских языков, например египетской *dbʿ* "палец", семитское *jsba*, беджа *giba*,

Общие корни, естественно, можно обнаружить и у числительных; так, египетскому *fdw* "четыре" в беджа соответствует *fazig*, египетскому *mdw* "десять" в ливийско-берберских языках — *mzu*.

В морфологии близость между египетским языком и ливийско-берберскими и кушитскими языками проявляется в том, что в этих языках:

а) для местоименного суффикса мужского рода 2-го лица единственного числа характерна фонема *k*, для местоименного суффикса 1-го лица множественного числа — фонема *n*.

б) для 2-го лица единственного числа мужского рода в спряжении характерны префикс или суффикс *t*, либо и то и другое:

египетское	<i>sdm.ti</i>	"ты услышан"
арабское	<i>taktubu</i>	"ты пишешь"
берберское	<i>trurt</i>	"ты вернул"
беджа	<i>tefdiga</i>	"ты оставил"

в) основы некоторых глаголов, состоящих из нескольких согласных звуков, являются результатом удвоения более простых основ; полностью или частично удвоенная основа выражает интенсификацию смыслового значения неудвоенной основы (термин «интенсификация» в данном случае следует понимать широко):

египетское	<i>iw</i>	"жаловаться"	<i>imiw</i>	"горевать"
берберское	<i>gemi</i>	"искать"	<i>gemigemi</i>	"разыскивать"
беджа	<i>hirer</i>	"идти"	<i>hirerhirer</i>	"быстро идти" ³³

[14]

³³ М. К. Feichtner, *Die erweiterten Verbalstämme im Ägyptischen*, — WZKM, Bd. 38, 1932, S. 209 ff.

г) каузативные глаголы образуются путем префиксации фонемы *s*:

египетское	<i>ʕnh</i>	"жить"	<i>sʕnh</i>	"заставить жить"
берберское	<i>dudu</i>	"дрожать"	<i>sdudu</i>	"заставить дрожать"
беджа	<i>nefir</i>	"быть приятным"	<i>snafir</i>	"сделать приятным"

д) некоторые глаголы образуются путем префиксации фонемы *n*; в египетском языке этот префикс присоединяется к глаголам, имеющим четырехсложный корень, значение которого не меняется: *gsgs* — *ngsgs* "быть переполненным", "переливаться через край"³⁴. В других языках присоединение *n* в какой-то мере изменяет значение корня: берберское *erbeit* "пачкать", *neʕben* "пачкаться"; сахо *kalab* "удваивать", *nkalab* "быть удвоенным";

е) имеется глагольная форма, образующаяся при помощи суффиксов и выражающая состояние; в ливийско-берберских языках она называется квалитативом, в египетском — псевдо-партиципом, или старым перфектом.

§ 5. ОТНОШЕНИЕ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА К ЯЗЫКАМ ДРУГИХ ГРУПП

В языкознании неоднократно делались попытки сблизить египетский язык, и даже семито-хамитские языки в целом, с языками других групп, прежде всего с африканскими.

Р. Коттевией-Жиродэ, указывая на сходство некоторых слов в египетском и бушменоготтентотских языках и учитывая невозможность заимствования в данном случае, выдвинул гипотезу, согласно которой все население древней Африки представляло этническо-лингвистическое единство, названное им «каспийским». По его мнению, лишь «каспийский» субстрат может объяснить общность отдельных слов. С этими положениями перекликаются и высказывания Н. Я. Марра. Известный знаток африканских языков К. Мейнгоф относил к хамитским и готтентотский язык нама³⁵.

Л. Рейниш, исследуя хамитские языки, отмечал их [15] общность с суданскими³⁶. Однако наряду с элементами усматриваемой Л. Рейнишем общности существуют заимствования египетских слов суданскими языками: на протяжении своей многовековой истории египтяне постоянно приходили в соприкосновение с народами Судана и несомненно оказывали на них большое культурное влияние³⁷.

До настоящего времени делаются попытки доказать связь семито-хамитских языков, в частности египетского, с языками индоевропейскими.

В то же время некоторые ученые пытаются установить общность между языками семито-хамитской группы и языками кавказскими (по терминологии Н. Я. Марра, яфетическими).

Попытки эти восходят к сообщениям античных авторов о том, что древние египтяне и колхи якобы этнически представляли собой одно и то же³⁸. Как известно, Геродот писал:

«Колхидяне, очевидно, египтяне; я сам пришел к такому заключению прежде еще, чем услышал о том от других»³⁹.

Это дало повод позднейшим исследователям усмотреть элементы общности между египетским и некоторыми кавказскими языками. Так, знаток кавказских языков П. К. Услар заявлял: «Исследование языков абхазского и убыхского при сравнении с языком коптским (древне-египетским) может подтвердить основательность мнения Геродота о египетском происхождении колхов»⁴⁰.

³⁴ См.: Wb., II, 350; Wb., V, 207; Gardiner, *Grammar*, § 276; Lefebvre, *Sur l'origine*, p. 280. Г. Лефевр рассматривал *n* как интенсификатор понятия, выраженного корнем.

³⁵ R. Cotteville-Giraudet, *L'ancien égyptien et les langues africaines*, — «Revue anthropologique», année 46, 1936, pp. 56–73; Н. Я. Марр, *Готтентоты-средиземноморцы*, — Избранные работы, т. IV, М., 1937, стр. 115–124; С. Meinhof, *Die Sprachen der Hamiten*. Hamburg, 1912, S. 210.

³⁶ В ряде работ, опубликованных в «Sitzungsberichte den Wiener Akademie der Wissenschaften» за 1878–1893 гг.

³⁷ См. J. Leclant, *Egypte — Afrique*, — «Bulletin de la Société française d'égyptologie», № 21, 1936, juin, pp. 29–30.

³⁸ См. G. A. Wiedemann, *Herodots II Buch*. Leipzig, 1890, Ss. 407–408.

³⁹ Геродот, II, 103; см. также: I, 2; VII, 193.

⁴⁰ П. К. Услар, *Древнейшее сказание о Кавказе*, Тифлис, 1881, стр. 44.

Того же взгляда придерживался и А. Н. Грен. Упомянув о сообщении Геродота о родстве колхов и египтян, и в частности о родстве их языков, А. Н. Грен пишет: «Однако все же остается открытым вопрос, какое отношение имеет язык колхов к языку египтян...». После сравнения некоторых кавказских языков с египетским автор заключает: «И поэтому я едва ли ошибусь, если почту черноморские языки за хамитские»⁴¹.

Наконец, историк Абхазии Д. Гулия также придерживается этой традиции⁴². Но все лингвистические данные, приведенные названными авторами, ровно ничего не доказывают, [16] ибо если эти авторы отлично знали кавказские языки, то об египетском имели лишь смутное представление.

Гораздо серьезнее были попытки Н. Я. Марра обосновать родство грузинского языка с семитскими⁴³. Однако и его труды в этом направлении общего признания в науке не получили. «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими», предпосланное таблицам к грамматике древнегрузинского языка⁴⁴, было встречено научной критикой отрицательно. Ряд крупных русских ученых, в частности В. Р. Розен и К. Г. Залеман, а также иностранные специалисты, например К. Брокельман, отказались присоединиться к выводам Н. Я. Марра. Особенно резким был отзыв К. Г. Залемана, заявившего Н. Я. Марру: «Я не согласен с Вами, Вы не прочли Мёллера. У Вас все звуки переходят во все звуки. По-Вашему, в грузинском существует даже такая арабская форма (называет ее). Это невозможно. Таблицы же Ваши меня совершенно не интересуют»⁴⁵.

Таким образом, попытки установить общность между кавказскими и семито-хамитскими языками окончились неудачей. Однако это еще не значит, что такой общности нет. Если правомерно сравнительное изучение индоевропейских и семито-хамитских языков, то столь же правомерно сравнительное изучение семито-хамитских и кавказских языков при условии, что оно будет научно обосновано. Какие это может дать результаты — предвидеть невозможно, но та близость между кавказскими языками и языками семито-хамитской группы, которую усматривал Н. Я. Марр, вряд ли может быть доказана.

Следует также отметить, что попытки установить связь египетского языка с этрусским, океанскими, южноамериканскими и другими не дали положительных результатов.

Из сказанного ясно, что египетский язык следует рассматривать как один из языков семито-хамитской группы. Вместе со своим потомком коптским языком он составляет в ней самостоятельную подгруппу. Этот язык известен нам только по памятникам письменности, древнейшие из которых относятся приблизительно к XXXII в. до н. э.; уже в них он [17] предстает как вполне сложившийся язык, не являющийся собственно семитским. Поэтому нет никаких оснований отрицать африканское происхождение египетского языка, сыгравшего огромную роль в истории мировой культуры. Здесь уместно вспомнить мнение одного из крупнейших семитологов Т. Нельдеке, допускавшего, что Африка — родина племен, говоривших на семитских языках⁴⁶. [18]

---

⁴¹ А. Н. Грен, *Краткий очерк истории Кавказского перешейка*, Киев, 1895, стр. 1–105.

⁴² Д. Гулия, *История Абхазии*, Тифлис, 1925, стр. 80–134.

⁴³ См. И. Г. Лившиц, *Марр и египтология*, — «Язык и мышление», т. 8, 1937, стр. 189–200.

⁴⁴ Н. Я. Марр, *Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими*, СПб., 1908.

⁴⁵ В. М. Миханкова, *Николай Яковлевич Марр*, М., 1949, стр. 158–160.

⁴⁶ Т. Нельдеке, *Семитские языки и народы*, в обработке А. Крымского, М., 1908, стр. 25–26, 161.

ГЛАВА II

ПИСЬМО

§ 6. НА ЧЕМ И КАК ПИСАЛИ ДРЕВНИЕ ЕГИПТЯНЕ

До нас дошло огромное количество письменных памятников Древнего Египта. Прежде чем обратиться к рассмотрению египетской системы письма, необходимо сказать несколько слов о материалах, на которых писали древние египтяне.

Прежде всего это камень — стены храмов, гробниц, саркофагов, плиты (так называемые стелы), статуи, стены пещер, скалы и т. д. Знаки письма либо вырезывались на поверхности камня *en creux*, либо высекались *en relief*, либо, наконец, просто изображались на ней красками и чернилами.

Помимо различных каменных сооружений и предметов, для письма использовались так называемые остраконы. Это слово заимствовано из древнегреческого языка, где *ὄστρακον* означает морскую раковину, а также осколок глиняной посуды. На такие осколки — черепки — древние греки наносили имена лиц, подлежащих изгнанию из страны (отсюда термин «остракизм»).

В египтологии термин «остракон» употребляется для обозначения обломков известняка, на которых писали краткие деловые документы, выдержки из литературных текстов и т. п. Остраконы дошли до нас главным образом от времени Нового царства (1500 — 1100 гг. до н. э.), преимущественно из Фив; однако сохранились остраконы и от других эпох истории Египта. Термин «остракон» впервые встречается в египтологической литературе в 80-х годах XIX в.¹

Материалом для письма служило также дерево в разных видах (саркофаги, доски и т. д.), но текстов на дереве сохранилось гораздо меньше, чем на камне. Как отмечал Б. А. Тураев, краткими надписями покрывалось «вообще все, что давало к писанию повод и предоставляло место»².

Огромным вкладом в мировую культуру явилось изобретение в Древнем Египте писчего материала, известного в науке [19] под названием «папирус». Лишь благодаря папирусу стало возможным широкое и разностороннее развитие культуры и науки в античном мире, оказавшее решающее влияние на судьбы мировой цивилизации.

Согласно Плинию, недостаточное количество папируса и его дороговизна были причиной серьезного недовольства во времена Тиберия³.

Слово «бумага» в ряде современных европейских языков (немецкое *Papier*, французское *papier*, английское *paper*) восходит к древнегреческому слову *πάπυρος* обозначавшему растение, из которого изготовлялся одноименный писчий материал.

Слово *πάπυρος* засвидетельствовано в греческом языке со времен Теофраста⁴. Поскольку оно обозначало растение, родиной которого был Египет, естественно предполагать для него египетскую этимологию. В. Шпигельберг предложил этимологию *p3-p-iwr* "нильский" > *πάπυρος*, которую позднее принял и Б. А. Тураев⁵. Х. Торжинер выдвигал другую этимологию выводящую слово *πάπυρος* из хананейского или древнееврейского:

pp yeor (= *pp shbl*) что значит «тростник реки»⁶; таким образом, эта этимология также возводит слово *πάπυρος* к египетскому *p3-p-iwr*. Однако более правдоподобна этимология, предложенная Г. Христенсеном: *p3-pr-c* "царский" > *πάπυρος*⁷, который вывел ее на основании того, что папирус считался царским растением (во времена Птолемея на него была введена царская

¹ J. Černý — A. Gardiner, *Hieratic ostraca*, vol. I, Oxford, 1957, p. V.

² Б. А. Тураев, *Египетская литература*, М., 1920, стр. 32.

³ Plin., *Nat. hist.*, XIII, 27.

⁴ См. J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, London, 1952, p. 4.

⁵ W. Spiegelberg, *Die Schrift und Sprache der alien Ägypter*, Leipzig, 1907, S. 14; Б. А. Тураев, *Египетская литература*, стр. 31.

⁶ H. Torczyner, *On Egyptian ideas and names in Canaan and the Bible*, — *RHJE*, vol. I, 1947, pp. 105–110.

⁷ H. G. Christensen, *Zur Etymologie des Wortes «Papier»*, — *OLZ*, Jg. 41, 1938, Ss. 204–205.

монополия⁸). Эту точку зрения разделяют Ж. Вергот⁹ и Я. Черный. Как указывал последний, предполагаемое, но нигде еще не засвидетельствованное в бохейрском диалекте коптского языка слово **папоуро** соответствовало бы, с одной стороны, египетскому *p3-pr-ꜥ*; с другой — греческому *πάπυρος*. Египетское *pr-ꜥ3* "фараон" имеет точный эквивалент в бохейрском — **поуро** а египетское *p3* соответствует коптскому притяжательному префиксу **па**. Я. Черный отмечает, что предполагаемая в саидском диалекте коптского языка форма **папꜥро** дальше от греческого *πάπυρος*, чем бохейрская форма **папоуро**, и что [20] последняя употреблялась в Дельте, где греки впервые могли познакомиться с папирусом¹⁰. Однако отсутствие в коптских текстах этих терминов лишает силы доказательство подобные суждения. В коптском языке для обозначения папируса употребляется слово **хооуꜥ**^{S 11} (новоегипетское *twfi*) ничего общего, конечно, с древнегреческим *πάπυρος* не имеющее. В ботанике растение папирус называется *Suregus raryugus*.

Современному путешественнику по Египту трудно представить, что некогда папирус был непременной принадлежностью египетского ландшафта; он произрастал преимущественно в спокойных застойных водах Дельты и достигал 3 – 6 м высоты. В настоящее же время в Египте его можно увидеть лишь в каирском ботаническом саду. В естественном состоянии папирус встречается в Судане, Эфиопии, Палестине, Месопотамии и Сицилии. В древности он имел большое хозяйственное значение, что нам известно из сообщений античных авторов и данных археологии. Геродот писал: «Одежда жрецов только полотняная, а обувь из папируса; им нельзя носить ни платья иного, ни обуви». Далее он рассказывает, что «на болотах вырывают однолетний папирус; верхнюю часть его срезают и употребляют на различные поделки, а оставшуюся нижнюю, почти в локоть длины, поедают. Если кто желает иметь особенно вкусный папирус, то поджаривает его в пылающей печи и ест в таком виде». Описывая один из типов египетских судов, Геродот сообщает, что на этих судах «мачта делается из акации, а паруса — из папируса». Он упоминает также, что из папируса изготовлялись судовые канаты¹². Наконец, из папируса делались рассчитанные на двух человек небольшие лодки, в которых египтяне охотились на водную дичь, ловили рыбу в прудах, лагунах, каналах и т. д. Такая лодка была настолько легка, что ее мог свободно нести один человек¹³.

Из этого растения древние обитатели долины Нила научились выделывать и первоклассный писчий материал.

Изображение папируса встречается в произведениях египетского искусства: на колоннах, капителях и т. д. В египетской иероглифической системе письма папирус передается иероглифами и (Sign-List, M13, M15 и M16). [21]

Самые древние образцы неписанного папируса, экспонированные в Каирском музее, были найдены в гробнице вельможи Хемака (I династия, приблизительно XXXII в. до н. э.)¹⁴.

В египетской иероглифической системе есть знак, который изображает свиток папируса, перевязанный шнурком, ; этот знак встречается в текстах XII династии. Более древние его варианты обнаружены уже в текстах I и последующих династий, Таким образом, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что изобретение папируса относится к додинастической эпохе.

В текстах Древнего царства имеется также знак (Sign-List, Y4), изображающий письменный прибор египетского сcribe¹⁵.

В гробнице Пуэмрэ в Фивах (XVIII династия) сохранился обломок фрески, на которой, как установил Я. Черный¹⁶, изображено изготовление папируса. Два человека находятся в маленькой папирусной лодке; один из них выдергивает из воды папирусы, другой — связывает их в

⁸ См. N. Lewis, *L'industrie du papyrus dans l'Égypte gréco-romaine*, Paris, 1934.

⁹ J. Vergote, *L'origine du mot «papier»*, — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», Bruxelles, vol. 2, 1951, pp. 411–416.

¹⁰ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 41, n. 6; Crum, *Dict.*, P. 299; Wb., I, 492; W. Till, *Koptische Grammatik*. Leipzig, 1955, § 203.

¹¹ Wb., V, 359, 6–10; Crum, *Dict.*, p. 795.

¹² Геродот, II, 37, 92, 96; VII, 25, 34, 36.

¹³ A. Ernian — H. Ranke, *Ägypten und ägyptisches Leben in Altertum*, Tübingen, 1923, S. 572.

¹⁴ W. Emery, *Excavations at Saqqara, the tomb of Hemaka*, Cairo, 1938, p. 41.

¹⁵ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 11.

¹⁶ Ibid., p. 5.

пучки. Третий человек (на берегу) несет на спине связку стеблей папируса к четвертому, сидящему на низкой скамье и обрабатывающему эти стебли: пальцами левой ноги он держит стебель папируса за один конец, левой рукой — за другой, правой рукой он разрезает стебель на полосы. Остальная часть фрески разрушена.

Процесс изготовления писчего материала из растения описывает Плиний¹⁷. Отдельные детали его описания неясны, тем не менее на основании сообщений Плиния и данных, полученных в результате изучения ткани дошедшего до нас папируса, можно установить главные моменты производства. Они сводились к следующему: стебель папируса освобождался от корня и цветка и разрезался на длинные узкие продольные полосы, которые служили материалом для изготовления листа папируса. Лист папируса состоял из двух слоев. В нижнем слое полосы стебля, края которых накладывались один на другой, располагались вертикально, в верхнем — горизонтально. Оба слоя вместе подвергались сильному давлению¹⁸ и затем [22] высушивались. Употреблялся ли при этом процессе крахмал или какое-либо другое клеящее вещество — неизвестно. Во всяком случае Я. Черный, большой знаток папирусов, склонен отрицательно ответить на такой вопрос. Подобный метод производства папируса был проверен на практике египтологами А. Люкасом и Б. Ганном. Папирус, изготовленный последним из растения, выросших в его саду в Каире, экспонирован в Каирском музее¹⁹.

Размеры листа папируса изменялись в разные времена: в период Древнего царства высота листа достигала 21 — 27 см, в период Среднего царства 29 — 33 см (изредка 6 — 9 см), в период Нового царства 41 — 43 см.

Что же касается длины, то во времена Среднего царства она колебалась от 38 до 42 см; во времена Нового царства — от 16 до 20 см.

Толщина папируса, согласно данным Я. Черного, который при помощи микрометра измерил два папируса эпохи Нового царства, была 0,10 — 0,15 мм (толщина современной писчей бумаги 0,075 мм).

Свиток папируса получался путем склеивания нескольких листов (обычно 20; эти листы по-египетски назывались *kʿh*). Левая кромка каждого листа шириной 1 — 2 см наклеивалась на соседний лист. В качестве клея употреблялся крахмал. Такие соединения, шедшие сверху вниз, были, естественно, толще других мест папируса, однако они сделаны столь искусно, что их сразу нельзя обнаружить²⁰.

Как уже указывалось, листы папируса склеивались так, что волокна на каждой из сторон имели определенное направление. Та сторона, где они идут горизонтально, называется *recto*, обратная сторона, где они расположены вертикально, — *verso* (рис. 1).

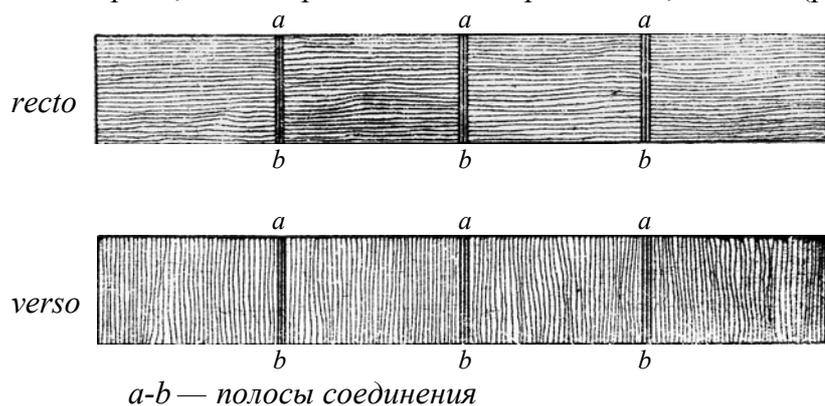

Рис. 1

Когда папирус свертывали в свиток (свертывание обычно начиналось с левого конца), сторона *recto* оказывалась внутри. Такой порядок свертывания папируса определялся его тех-

¹⁷ Plin., Nat. hist., XIII, 23 sq.

¹⁸ В египетских школьных наставлениях (например Pap. Anastasi, III, 5/2 = Pap. Anastasi, IV 9/7) при описании злочлочений солдата говорится, что он был «положен и бит, как лист папируса». По-видимому, при изготовлении папируса ткань растения били, чтобы сделать ее гибкой и гладкой.

¹⁹ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, pp. 6–8.

²⁰ Ibid., pp. 8–10.

ническими свойствами. Если же при свертывании папируса сторона verso была внутренней, то папирус быстро рвался, ибо давление на его волокна увеличивалось. Поскольку на внутренней стороне текст сохранялся лучше, чем на внешней, заполнение папируса всегда начиналось с внутренней стороны, т. е. со стороны recto. Однако вполне понятно, что в отдельных случаях могли быть различные отклонения от этого порядка. [23]

Обычно египетские сcribes, как это видно из скульптур, писали сидя на полу со скрещенными ногами (в эпоху Нового царства писцы во время работы сидели на стуле). Свиток папируса писец держал в левой руке, а правой писал на развернутой части папируса, находящейся у него на колене. Наносить знаки он начинал на правый конец папируса, справа налево.

Свитки папируса хранились в деревянных ящиках или глиняных сосудах²¹. Длинные свитки, вследствие дороговизны этого материала, встречаются сравнительно редко. Самые длинные из известных папирусов: папирус Вильбур — 10 м, папирус Эберс — 20 м и папирус Харрис № 1 — 45 м. С листа папируса нередко смывали старый текст и на очищенной поверхности писали новый. Подобный папирус называется палимпсестом²².

Вновь изготовленный папирус был белого или почти белого цвета. С течением времени он темнеет и становится светло-желтым или даже коричневым. Правомерность попытки Борхардта установить связь между цветом папируса и его возрастом крайне сомнительна, так как более древние папирусы нередко бывают светлее поздних²³. Новый папирус отличался [24] гибкостью и эластичностью, благодаря чему легко сворачивался в свитки, но под влиянием времени он терял эти свойства.

Папирус как писчий материал был широко распространен в древнем мире. Из Египта он проник в Палестину и Финикию. Имеется ряд данных, дающих основание полагать, что это произошло задолго до нашей эры.

Греки называли финикийский порт *Gubla* — Βύβλος, это слово имеет значение "папирус" (ср. βιβλίον "книга"). Фонетическая близость греческого названия финикийского города и слов Βύβλος и βιβλίον вряд ли может быть объяснена как случайное совпадение; здесь, несомненно, была и смысловая связь. С точки зрения К. Зете, «свидетельство об употреблении папируса у финикийян и вместе с тем хананейского письма содержится в отчете египтянина Ун-Амуна о его путешествии в Библ, приблизительно 1100 г. до н. э. (египетский папирус из собрания Голенищева)». К. Зете указывает, что отчет повествует о посылке правителю Библи из Египта пятисот свертков папируса и упоминает поденные записи прежних правителей Библи в свитках²⁴. К. Зете имеет в виду два места из отчета Ун-Амуна: 2,40, посвященное папирусу, и 2,8, где говорится о свитках.

Так же, как и К. Зете, понимает первое место Ф. Олбрайт²⁵. Но А. Гардинер отвергает общепринятый перевод. По его мнению, «часто встречающаяся ссылка на рассказ Ун-Амуна... о том, что танисский Смендес послал пятьсот свитков папируса правителю Библи, основана на неправильном переводе». «Многие утверждают, — продолжает он, — что греческие слова Βύβλος "папирус" и βιβλίον "книга" происходят от названия упомянутого города *Gubla* по-финикийски и *Kirpni* по-египетски. Может быть, больше соответствует истине другая точка зрения, согласно которой греческое название этого города является результатом отчасти созвучия, отчасти роли Библи в распространении папируса. То, что такой материал для письма рано распространился в Палестине и Сирии, более чем вероятно, однако неоспоримых доказательств этого не имеется»²⁶.

Если даже согласиться со скептическим взглядом А. Гардинера на общепринятый перевод текста 2,40 из отчета [25] Ун-Амуна, то существование свитков в те времена подтверждается

²¹ Ibid., pp. 10, 30.

²² В широком смысле слова палимпсест — это текст, нанесенный на любую поверхность, с которой был смыт или соскоблен старый текст.

²³ J. Černy, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 7.

²⁴ K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, Berlin, 1926, Ss. 142–143.

²⁵ W. F. Albright, *The role of Canaanites in the history of civilisation*, — «Studies in the history of culture», Menasha, 1942, p. 86; W. F. Albright, *From the Stone Age to Christianity*, Baltimore, 1940, p. 193; W. F. Albright, *Some oriental glosses on the Homeric problem*, — *AJA*, vol. 54, 1950, p. 165.

²⁶ Цит. по кн.: S. R. K. Glanville, *The legacy of Egypt*, London, 1943. p. 54.

текстом 2,8, где говорится о суточных записях в свитках; здесь употреблено египетское слово *ḥr*, означающее свиток из кожи или папируса²⁷. Какой же именно свиток имеется в виду — папирусный или кожаный — неясно. К. Зете в подтверждение своей точки зрения ссылается на Геродота (V, 58), который прямо указывает на употребление греками папируса:

«...ионяне издревле называют книги кожами на том основании, что некогда употреблялись ими для письма козьи и овечьи кожи вследствие редкости папируса»²⁸.

Почти все древнейшие дошедшие до нас семитские и греческие папирусы происходят из Египта и датируются V — VI вв. до н. э. Как полагает К. Зете, их сохранению в Египте способствовала исключительная сухость климата. Хотя Египет, и в частности Александрия, оставался главным производителем папируса, его начали изготавливать и в других местах. Так называемая *Charta Fanniana* производилась в Риме в мастерских некоего Фанниуса. Лучшими сортами папируса считались *Charta Augusta* (названная так в честь императора Августа) и *Charta Liviana* (названная в честь жены Августа). Папирус применялся и в раннем средневековье: на папирусе, например, написаны копии (VI — VII вв.) писем Августина, хранящиеся в Париже и Женеве, и другие документы²⁹.

В VIII в. египетский папирус постепенно стала вытеснять бумага, проникая в Европу из Китая через Багдад³⁰. Однако в арабском Египте до IX в. н. э. (если не позже) папирус продолжал оставаться широко распространенным материалом для письма, причем его изготавливали приблизительно так же, как в древности³¹.

В качестве писчего материала египтяне употребляли и кожу. Текстов, написанных на коже, сохранилось немного, и все они датируются эпохой Нового царства и последующим временем. В анналах Тутмоса III сказано, что они представляют собой извлечения из подробных записей на коже о походах и деяниях этого фараона³².

Инструмент, которым египтяне писали на папирусе, нам хорошо известен, так как от разных времен дошли до нас [26] письменные приборы египетских писцов. Такие приборы состояли из дощечки, в углублениях которой хранились в сухом виде красные и черные чернила, миниатюрной каменной ступы с пестиком для растирания чернил, кисточки, ее футляра и маленького сосуда с водой для смачивания кисточки (на мокрую кисточку набирались сухие чернила). Дощечка, футляр и сосуд были соединены шнурком. Черные чернила изготавливались из сажи, красные — из охры. Кисточки делались из стебля болотного растения типа камыша, называемого *Junctus maritimus* и произрастающего в Египте в соленых болотах и озерах³³; один из концов стебля, по-видимому, разжевывали. Длина кисточки была 16 — 23 см. В римское время кисточку вытеснило перо, заимствованное египтянами у греков. Оно изготавливалось из камыша *Phragmites communis*. Конец пера был расщеплен на две продольные части и заострен³⁴.

Письменные приборы с дощечками для чернил имеются во многих музеях мира, в том числе в Государственном Эрмитаже и в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в последнем хранятся два таких прибора (№ 1771 а и № 1778): у одного дощечка деревянная, у другого — каменная.

§ 7. ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Египетское письмо, как и вся египетская культура в целом, возникло вполне самостоятельно. Попытки доказать месопотамское происхождение культуры Египта не получили признания в науке. Конечно, можно допустить существование каких-то связей между долиной Нила и Двуречьем, но из этого еще нельзя сделать вывод о заимствованиях. Что же касается еги-

²⁷ Wb., I, 208, 17–19.

²⁸ K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 142.

²⁹ «Encyclopedia Britannica», vol. XVII, p. 247.

³⁰ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 1.

³¹ См. A. Grohmann, *Einführung und Chresfomatie zur arabischen Papyruskunde*, Praha, 1955, Ss. 63–71.

³² G. Möller, *Hieratische Palaographie*, Bd. I., Leipzig, 1927, S. 6; Б. А. Тураев, *Египетская литература*, стр. 32.

³³ A. Lucas, *Ancient Egyptian materials and industries*, London, 1948, pp. 413–415, 417.

³⁴ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 12.

петского письма, то «туземное его происхождение совершенно ясно и не подлежит сомнению уже потому, что оно тесно связано с природой и бытом народа»³⁵.

Термин «иероглифы», которым обозначается египетское письмо, а также другие древние системы письма, состоящие из знаков, изображающих людей, животных, их части тела, здания, разные предметы и т. д., взят у Климента Александрийского (II — III вв.). Климент называл письмо, высеченное [27] на камне, γράμματα ἱερογλυφικά³⁶. Слово ἱερογλυφικά сложное; оно состоит из слов ἱερός "священный" и γλύφω "вырезаю", "высекаю". Выражение это распространилось еще в древности: работы Херемона (I в. н. э.) и Горуполлона (V в. н. э.) о египетском письме имеют одинаковое заглавие «ἱερογλυφικά». Если употребление здесь слова γλύφω понятно, потому что в большинстве случаев иероглифические тексты действительно были высечены на камне, то употребление слова ἱερός требует пояснения.

Древние, говоря об египетском письме, правильно различали в нем иероглифическое письмо и его курсивы (иератическое и демотическое). До Климента Александрийского иероглифическое письмо называли γράμματα ἱρά (ἱερά), т. е. «священным письмом». Этот греческий термин является, несомненно, вольным переводом египетских терминов *sš n pr ʿnh* и *sš n md ntr*.

Первое выражение в буквальном переводе значит «письмо дома жизни», второе, более позднее — «письмо слова бога» (передача второго выражения словом ἱερά поэтому вполне понятна). Как показал А. Гардинер, «дом жизни» был не чем иным как скрипторием, где составлялись книги религиозного содержания³⁷. Очевидно, именно на этом основании греки передавали словом ἱερά и выражение *sš n pr ʿnh*. Интересно отметить, что термин *sš n pr ʿnh* пережиточно сохранился в коптском языке. В переводе Библии на бохейрский диалект мудрецы фараона названы словом **сфранф** (Книга Бытия, 41:8), происходящим от египетского *sš n pr ʿnh* "писец дома жизни" (слово *sš* значит «письмо» и «писец»)³⁸.

«Письмом слова бога» египтяне называли иероглифическое письмо потому, что они рассматривали свою культуру, и в частности ее важнейший элемент — письмо, — как откровение богов³⁹. Письмо находилось, по представлению египтян, под особым покровительством бога Тот, который был также патроном писцов; существовала и богиня письма Сешат.

Однако отсюда вовсе не следует, что иероглифическое письмо употреблялось исключительно для религиозных целей; до нас дошло огромное количество иероглифических текстов иного содержания. [28]

Египетские и греческие названия египетских систем письма

Иероглифическое письмо	Иератическое письмо	Демотическое письмо	Где встречаются
γράμματα ἱρά		γράμματα δημοτικά	Геродот, II, 36
γράμματα ἱερά		γράμματα κοινοτερά	Диодор, I, 81, 4
		γράμματα δημόδη	Диодор, III, 3, 4
γράμματα ἱερογλυφικά (об эфиопском письме)			Диодор, III, 4
γράμματα ἱερογλυφικά γράμματα συμβολικά (вероятно, энигматическое письмо)		γράμματα ἐπιστολογραφικά	Порфирий, О жизни Пифагора, 12
γράμματα ἱερογλυφικά	γράμματα ἱερατικά	γράμματα ἐπιστολογραφικά	Климент Александрийский, Строматы, V, 4; 20, 3
γράμματα ἱερατικά γράμματα βασιλικά		γράμματα δημοτικά	Гелиодор, IV, 8
		<i>sš n šʿj</i>	Декрет из Филе I, 16
ἱερά γραμματική			Декрет Канопский, 237

³⁵ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, Л., 1935, стр. 172.

³⁶ Clemens Alexandrinus, *Stromata*, Berlin, 1960, V, 4, S. 339; Климент Александрийский, *Строматы*, перевод с примечаниями Н. Корсунского, Ярославль, 1892, стр. 532. — Термин этот встречается также в сочинении Порфирия «О жизни Пифагора» (12).

³⁷ A. H. Gardiner, *The house of life*. — JEA, vol. 24, 1938, p. 175.

³⁸ B. Gunn, *Interpretation of dreams in Ancient Egypt*, — JEA, vol. 4, 1917, p. 252.

³⁹ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, стр. 9; Б. А. Тураев, *Бог Тот*, СПб., 1898, стр. 99; E. Akmar, *Le papyrus magique Harris*, — «Sphinx», vol. 20, 1916, pp. 2–3.

<i>sš n pr ʕnh</i>			Декрет Канопский, 32
		γράμματα αἰγυπτια	Декрет Канопский, 286
		<i>sš n šw(t)</i>	Декрет Канопский, 37
ἱερά γράμματα			Декрет Розеттский, 196
<i>sš n md ntr</i>			Декрет Розеттский, 14
		ἐγχωρία γράμματα	Декрет Розеттский, 196
		<i>sš n šj</i>	Декрет Розеттский, 14

[29]

Египетское иероглифическое письмо состоит из знаков, изображающих конкретные предметы, одушевленные или неодушевленные. Наиболее употребительных знаков насчитывается около 700 (эти данные относятся ко времени Среднего царства — от XI династии до Хоремхеба включительно, т. е. к так называемому классическому периоду в истории языка и письма)⁴⁰.

Начертание отдельных знаков менялось в разные времена; зависело оно и от вкусов и наклонностей писца; например, встречаются различные варианты иероглифа (Sign-List, A22), изображающего статую: то это фигура мужчины, то фигура женщины, изменяется головной убор и т. п.

Иероглифы принято классифицировать по их внешним признакам: так, группа А объединяет иероглифы, изображающие разные фигуры мужчин, группа В — женщин. Наиболее совершенной является классификация А. Гардинера, помещенная в его грамматике в так называемой Sign-List⁴¹. Приводим эту таблицу (буква латинского алфавита обозначает здесь группу, цифра — число иероглифов в этой группе; например группа А имеет 55 знаков, и т. д.):

- A 55 — мужчина и его занятия.
- B 77 — женщина и ее занятия.
- C 11 — антропоморфные божества.
- D 63 — части тела человека.
- E 32 — млекопитающие.
- F 52 — части тела млекопитающих.
- G 54 — птицы.
- H 8 — части тела птиц.
- I 15 — амфибии и пресмыкающиеся.
- K 6 — рыбы и части тела рыб.
- L 7 — беспозвоночные.
- M 44 — деревья и растения.
- N 42 — небо, земля, вода.
- O 51 — здания и их части.
- P 11 — суда и части судов.
- Q 7 — домашняя и похоронная утварь.
- R 25 — храмовая утварь и священные эмблемы.
- S 45 — короны, одежда, посохи и т. п.
- T 35 — оружие военное, охотничье и т. п.
- U 41 — орудия земледелия и разных ремесел.
- V 38 — корзины, мешки, изделия из веревок и т. п.
- W 25 — сосуды каменные и глиняные.
- X 8 — хлеб разных видов.
- Y 8 — принадлежности письма и игры, музыкальные инструменты.
- Z 11 — разные линии и геометрические фигуры.
- Aa 31 — не поддающиеся классификации.

[30]

Знаки иероглифического письма отражают природу и быт Египта. Изучение иероглифов с этой точки зрения представляет большой интерес (здесь необходимо сделать следующую оговорку: некоторые иероглифы со временем потеряли характер рисунка и иногда, глядя на них, невозможно понять, что именно они изображают).

Рассмотрим группы иероглифов А и В, изображающих мужчину и женщину. Большое количество знаков, представляющих мужчину и его занятия, указывает на то, что роль его в жизни страны была значительнее, чем роль женщины (это подтверждают и бесчисленные изобра-

⁴⁰ Gardiner, *Grammar*, p. 440.

⁴¹ Ibid., pp. 438–543.

жения на гробницах и других памятниках). При этом нисколько не опровергается общеизвестный факт, что женщина занимала в семье более почетное положение⁴².

Из 55 иероглифов, изображающих мужчину, только 7 показывают его в трудовом процессе. Так, иероглиф A10 изображает мужчину, сидящего с веслом в руке, т. е. фигуру, типичную для Египта, где уже в глубокой древности водные пути имели большое значение. Иероглифы A33 и A47 изображают пастуха: первый из них — фигура мужчины, стоящего с посохом на плече (к посоху прикреплен узел со скарбом, что характеризует кочевой быт пастухов); второй — фигура мужчины, сидящего с палкой в руках и охраняющего стада. Оба знака читались *mnw* "пастух". Не удивительно, что фигура пастуха отражена в иероглифическом письме: пастух — видимое лицо в хозяйственной жизни страны с развитым скотоводством.

Иероглифы A34 и A35 означают строителя. Первый иероглиф изображает мужчину, размешивающего шестом известь в сосуде, второй — мужчину, строящего стену. В стране монументальных сооружений, развалины которых и в настоящее время поражают своей грандиозностью, труд строителя играл первостепенную роль, и поэтому естественно, что типичные для этого труда моменты нашли отражение в иероглифическом письме.

Иероглиф A36, изображающий мужчину, размешивающего что-то в сосуде, применяется в качестве идеограммы и детерминатива слова «пивовар» (пиво было самым популярным напитком древних египтян). Часто встречается знак A9 — сидящий мужчина, придерживающий рукой корзину на голове. Этот знак — общеупотребительный детерминатив слов *k3t* "работа", [31] *3tp* "грузить", *βj* "нести", он указывает на обычай переносить тяжести на голове, характерный для стран Востока. Иероглиф A12 изображает воина с луком и стрелами, A13 — мужчину со связанными за спиной руками (знак этот служит детерминативом слов *sbj* "мятежник" и *hftj* "враг"); A17 — сидящего ребенка с пальцем во рту; A19 — согбенного старца, опирающегося на посох; A53 — стоящую мумию; A54 — лежащую мумию и т. д.

Иероглифы, изображающие женщину, показывают ее чисто женские функции, совершенно не отражая положения в обществе и роли в производстве (так, B2 — беременная женщина, B3 и B4 — рожающая, B5 — кормящая грудью ребенка).

Широко представлен в иероглифическом письме животный мир. Больше чем полтораста иероглифов изображают различных животных и части их тела. Нередко знаки сделаны с такой тщательностью, что можно опознать породы и виды воспроизводимых животных; это помогает восстановить фауну Древнего Египта.

Иероглиф E1 изображает быка. «В Египте из всех домашних животных рогатый скот был самым любимым. Поэтому изображениям, связанным с разведением рогатого скота, на памятниках уделяется особенно много места. Почти в каждой гробнице Древнего царства можно обнаружить сцены, представляющие пастуха с животными... или сцены кормления и доения коров... Египтяне разговаривали со своими прекрасными быками точно так же, как мы беседуем с собаками, давали им имена...»⁴³. Иероглиф E1, как отмечал А. Гардинер, имеет несколько вариантов и показывает быков разных пород⁴⁴.

Иероглифы E2, E3, E4 и E5 изображают коров и телят, E6 — лошадь. Последний служит детерминативом в словах *ssmt* "лошадь", *ibr* "жеребец" и *htr* "упряжка". Этот иероглиф и первые два слова появляются лишь при XVIII династии, т. е. после господства в Египте гиксосов, которые привели в страну лошадь. Слово *ibr* заимствовано из семитских языков⁴⁵. Вероятно, такого же происхождения и слово *ssmt*. Что же касается слова *htr* то до правления XVIII династии его детерминативом был бык, когда же в Египте [32] появилась лошадь, *htr* стали писать с детерминативом лошади⁴⁶. На этом примере мы наглядно видим, как иероглифическое письмо отражает жизнь Египта.

Иероглиф E10 изображает барана *Ovis longipes palaeoegypticus*, E12 — свинью, E13 — кошку, E14 — собаку, E17 — шакалу, E22 — льва, E24 — пантеру, E25 — гиппопотама, E26 —

⁴² A. Erman — H. Ranke, *Ägypten und ägyptisches Leben in Altertum*, Ss. 175–185; A. Wiedemann, *Das alte Ägypten*, Heidelberg, 1920, S. 92.

⁴³ A. Erman — H. Ranke, *Ägypten und ägyptisches Leben in Altertum*, S. 522.

⁴⁴ Gardiner, *Grammar*, p. 458.

⁴⁵ M. Burchardt, *Die altkanaanäischen Fremdwörter und Eigennamen im Ägyptischen*, Leipzig, 1910, T. II, № 20.

⁴⁶ Wb., 111, 119.

слона, E 27 — жирафу, E32 — обезьяну *Cynocephalus hamadryas*, E34 — зайца, G1 — египетского коршуна *neophron percnopterus*, G5 — сокола, G14 — грифа *Gyps fulvus*, G17 — совы, G39 — утку *Dafla acuta*, I2 — пресноводную черепаху, I3 — крокодила, I7 — лягушку, I9 — рогатую змею *Cerastes cornutus*, I12 — кобру, K2 — рыбу *Barbus bynni*, L1 — жука *Scarabeus sacer*, L2 — пчелу, L3 — муху, L4 — саранчу *Acrydium peregrinum*, L7 — скорпиона и т. д.

Среди знаков, обозначающих части человеческого тела, свыше 20 являются различными изображениями руки⁴⁷.

Н. Я. Марр указал, что «основное орудие кинетической речи, рука, вошла прямо-таки в древнейшие типы письма». Здесь следует отметить, что учение о кинетической речи⁴⁸ вовсе не является специфической особенностью лишь теории Н. Я. Марра. До него этой же точки зрения придерживались Л. Гейгер, В. Вундт, Я. Ван-Гиннекен, Г. Пауль (крупный младограмматик), взгляды которых не имеют ничего общего с теорией Марра. Возможно, представления Н. Я. Марра и других ученых о роли кинетической речи у древнейших людей весьма преувеличены, но то, что «одновременно с ролью первого орудия труда рука могла иногда выступать и в качестве орудия сообщения (жест)»⁴⁹, не вызывает сомнений. Во всяком случае Н. Я. Марр правильно констатировал распространенность знаков, изображавших руку или ее части, в древнейших иероглифических системах письма.

Значение руки в египетском иероглифическом письме, как и в других иероглифических системах, объясняется в основном тем, что в отдаленные времена, когда складывались первые письменные системы, уровень техники был очень низок и, несмотря на существование ряда созданных человеком орудий, роль руки в производстве и жизни оставалась первостепенной. [33]

«Художественное чутье развилось у египтян раньше письма, и последнее воспользовалось первым», — замечал Б. А. Тураев⁵⁰. Система письма, в которой каждый знак изображал живые существа или предметы и представлял собой миниатюрную картину, могла служить и декоративным целям. Египетское иероглифическое письмо, которое, по меткому выражению А. Гардинера, «является отпрыском живописи»⁵¹, сохранило декоративный характер до последних дней своего существования. Стены храмов, гробниц и других монументальных сооружений покрывались ярко раскрашенными иероглифическими надписями, оживлявшими монотонную поверхность камня.

Египетский художник-писец, как правило, стремился возможно более реально воспроизвести то существо (или предмет), которое изображал иероглифический знак. Конечно, на поверхностях мелких предметов (ваз, амулетов и т. п.) нельзя было представить все детали рисунка, и иероглифическое письмо подвергалось стилизации. Рисунок все более упрощался, превращаясь в условный контур. В результате этого наряду с монументальным художественным иероглифическим шрифтом выработался упрощенный иероглифический шрифт, а затем и так называемые курсивные иероглифы, в значительной мере потерявшие свой первоначальный рисунок. Такими иероглифами написаны религиозные тексты на папирусах, в частности Книга мертвых.

Связь между иероглифами и искусством отмечает В. Шпигельберг: «Иероглифы развивались в тесной связи с искусством, расцвет и упадок которого они отражали. Неуклюжие знаки архаического периода (приблизительно 3200–2900 гг. до н. э.), уверенные, пространно начертанные знаки Древнего царства (2900–2500 гг. до н. э.), чеканные иероглифические знаки Среднего царства (2000–1800 гг. до н. э.), изысканные формы Нового царства (1400–1100 гг. до н. э.), несколько сухие, но тонко выполненные знаки саисской эпохи (660–525 гг. до н. э.), тесно сжатые, скученные знаки птолемеевского и римского времени стилистически отличаются друг от друга так же, как и искусство этих времен»⁵².

В некоторых случаях египтяне приписывали иероглифическому письму и мистические свойства. Хорошо известно, что у ряда племен изображение некоторых существ и предметов

⁴⁷ М. Korostovtzev, *La main dans l'écriture et la langue de l'Égypte ancienne*, — BIE, t. 28, 1947, pp. 1–10.

⁴⁸ Н. Я. Марр, *Язык и письмо*, — Избранные работы, т. II, Л., 1936, стр. 352–371.

⁴⁹ А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1960, стр. 368.

⁵⁰ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, стр. 29.

⁵¹ Gardiner, *Grammar*, § 5.

⁵² W. Spiegelberg, *Die Schrift und Sprache der alten Ägypter*, S. 13.

отождествлялось с этими существами и предметами. На [34] подобном представлении построены приемы симпатической магии. «Это отождествление, такое странное для нас, не есть ни иллюзия, ни грубое недоразумение. Оно происходит оттого, что дикарь воспринимает все образы и самые вещи мистически... Изображение осла или собаки в сознании цивилизованного человека — это только образ осла или собаки и больше ничего. Но для дикаря этот образ — сам осел или сама собака... Так же опасно нарисовать тигра или бегемота, как и назвать их, ибо рисунок, как и слово, составляет часть таинственной сущности всякого существа»⁵³. Однако, если бы дело обстояло таким образом, египтяне не могли бы пользоваться иероглифическим письмом: представление о магической силе знаков должно было бы побудить их полностью отказаться от этого опасного занятия. «История создания письма предполагает, следовательно, что ум первобытного человека уже освободился от мистицизма. Это произошло не сразу. Исходной точкой, несомненно, было то, что знак одновременно допускал несколько толкований и мог служить различным целям»⁵⁴.

В глазах египтян иероглифическое письмо было прежде всего способом запечатлеть мысль. Но все же оно сохранило след тех далеких времен, когда считали, что всякий рисунок обладает магическими свойствами. Это наглядно проявляется в иероглифических заупокойных текстах, предназначенных для умершего и начертанных в его погребальной камере — на ее стенах, саркофаге, дарственных предметах и т. д. Для таких текстов характерно упразднение некоторых знаков или изменение их начертаний. «И это нетрудно понять: изображение, безобидное при солнечном освещении, во мраке гробницы могло стать опасным для умершего. Для мира умерших требовались особые меры предосторожности. Какие же это знаки, которые могут вредить мертвому и которые поэтому должны быть опущены или видоизменены? Это знаки, изображающие живые существа — людей или животных»⁵⁵.

Уже сcribes Древнего царства, начертавшие тексты в пирамидах фараонов V—VI династий, разработали специальные графические приемы для того, чтобы «обезвредить» многие воспроизведенные фигуры живых существ; например, от фигуры сидящего мужчины (знак A1) оставляли только голову и плечи; фигуры маленького лежащего буйвола (E9) и льва [35] (E23) разрезали пополам⁵⁶ и т. д. Заупокойные тексты обезвреживали и во времена Среднего и Нового царства, и не только в царских гробницах, но и в гробницах частных лиц⁵⁷.

Магическое значение имела и окраска иероглифов: «Цвет амулетов, сделанных из золота и разных минералов, был далеко не безразличен; поэтому и иероглиф, изображающий амулет и служащий графическим знаком, должен быть окрашен в цвет амулета: чем больше сходство оригинала с изображением, тем они ближе, тождественнее и, значит, иероглиф будет иметь такие же благотворные магические свойства, как амулет, который он изображает. Цвет золота сообщает свою несокрушимость, зеленый цвет — жизненность, белый — чистоту...»⁵⁸. Иероглифы в Текстах Пирамид, например, окрашены в зеленый цвет — цвет жизни и воскрешения.

Обратимся теперь к вопросу о направлении иероглифического письма. Строки могут быть горизонтальными — справа налево или слева направо — и вертикальными — сверху вниз. Вертикальные строки представляют собой первичное направление иероглифического письма; так, в частности, написаны Тексты Пирамид. Определить направление письма в горизонтальных строках очень легко: если фигуры людей и животных обращены головами направо, то текст читается справа налево, и наоборот. Направление строк подчинялось стремлению писцов и художников расположить текст на плоскости стены, колонны, стелы или статуи симметрично — вокруг изображений или архитектурных деталей, — как того требовали эстетические каноны древнеегипетского искусства.

---

⁵³ Th. W. Danzel, *Die Anfänge der Schrift*, Leipzig, 1912, S. 72, — цит. по кн.: Ж. Вандриес, *Язык*, пер. с франц., М., 1937, стр. 286.

⁵⁴ Там же, стр. 285–286.

⁵⁵ P. Lacau, *Suppressions et modifications de signes dans les textes funéraires*, — ZÄS, Bd. 51, 1913, S. 2.

⁵⁶ Ibid., pp. 1, 2, 32.

⁵⁷ Ibid., p. 64; P. Lacau, *Suppressions des noms divins dans les textes de la chambre funéraire*, — ASAE, t. 26, 1926, pp. 69–81.

⁵⁸ М. Морэ, *Во времена фараонов*, М., 1913, стр. 28.

Пропорциональность величины иероглифов, определенные правила сочетания длинных вертикальных и горизонтальных знаков с компактными, симметрия — все это имело перво-степенное значение для внешнего облика иероглифических текстов. Строка иероглифического текста делилась на так называемые «квадраты» (по современной терминологии), т. е. на части, каждая из которых плотно заполнялась иероглифическими знаками. Это обстоятельство в значительной мере способствует реконструкции фрагментированных слов: зная написание того или иного слова, нередко можно догадаться, какие знаки могли уместиться на разрушенной поверхности. [36]

Горизонтальная строка имела определенную высоту, вертикальная — ширину. Знаки не выходили за пределы строки. Очень часто строки отделялись одна от другой чертой. В качестве примера заполнения «квадрата» иероглифами приведем слово *hṯp*, состоящее из трех знаков: , , . Знаки в этом слове никогда не писались в порядке последовательности их чтения. Обычно иероглифы располагали так чтобы они заполняли квадрат строки (горизонтальной или вертикальной):   .

Стремление обязательно использовать все пространство квадрата нередко вело к графической метатезе в написании слов⁵⁹, например слово пирамида, в состав которого входили последовательно знаки, , , никогда в таком виде не встречается: подобное написание оставило бы в строке нежелательную пустоту над знаком и под ним. Поэтому слово писали   , причем весь квадрат строки максимально плотно заполнялся иероглифическими знаками.

Одним из основных правил графической метатезы являлось помещение маленьких компактных знаков (, и др.), а также длинных вертикальных (, и др.) перед знаком, изображающим птицу, например слово «лестница», состоящее в порядке последовательности чтения из знаков , , писалось обычно   ⁶⁰.

Примером соблюдения принципа симметрии может служить написание слова «праздник», состоящее в порядке последовательности чтения из знаков , , , ; оно почти всегда пишется   , т. е. длинные вертикальные знаки и , стоящие в начале и в конце слова, симметричны.

Таким образом, расположение знаков оказало большое влияние на египетскую орфографию, и научиться распознавать графическую метатезу можно только при систематическом чтении иероглифических текстов. [37]

В иероглифических текстах нередко встречаются раздвоенные вертикальные строки; при этом в нераздвоенной части строки помещались выражения, служащие началом или концом выражений, расположенных в раздвоенной части. Параллельные ряды раздвоенной части строки читались один за другим:

 Я был

 возглавляющим

 начальником верхнеегипетского ячменя

 в этом номе

т. е.: «Я был возглавляющим (и) начальником верхнеегипетского ячменя в этом номе». Строки такого типа характерны для текстов конца Древнего царства⁶¹ и более поздних, вплоть до XI династии.

⁵⁹ P. Lacau, *Metathèses apparentes en égyptien*, — RT, vol. 25, 1903, pp. 139–161.

⁶⁰ H. Sottatas — E. Drioton, *Introduction à l'étude des hiéroglyphes*, Paris, 1922, p. 60.

⁶¹ H. Grapow, *Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte*, Gluckstadt, 1936, S. 40.

В иероглифическом письме нет пунктуации, в какой-то мере разделителями слов служат детерминативы.

Следует сказать и о типографском воспроизведении иероглифов. Никакой типографский текст не может быть полностью адекватен подлинным иероглифическим текстам, в которых начертание одних и тех же знаков бывает весьма разнообразным. В глазах египтян, как указывает А. Гардинер, их иероглифическое письмо было не только письмом, но и картинным изображением. Это открывало широкий простор для проявления художественных вкусов писцов, чем и порождалось такое разнообразие⁶². Однако наука не может обойтись без типографских иероглифических знаков. В прошлом столетии Тейнхардт по инициативе Лепсиуса отлил типографский иероглифический шрифт, воспроизводящий в основном знаки саисского периода. Им напечатано, например, третье издание грамматики А. Эрмана и другие работы.

Во французских изданиях употребляется преимущественно так называемый черный шрифт Французского института восточной археологии (Institut français d'archéologie orientale), [38] имеющий наибольший ассортимент знаков (свыше трех тысяч). В его основу положены очертания иероглифов греко-римского времени⁶³. Теперь наиболее распространен типографский шрифт, отлитый по инициативе А. Гардинера для его грамматики⁶⁴.

§ 8. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА И ЕГО СУЩНОСТЬ

Египетская иероглифическая система сложилась очень рано. К сожалению, мы располагаем очень небольшим количеством памятников, проливающих свет на ее возникновение. Однако картинный, изобразительный характер египетского иероглифического письма, а также наблюдения над иероглифическими системами других древних народов указывают на пиктографию как на исходную точку его развития. Немногочисленные архаические (так называемые шиферные) пластинки «дают нам возможность присутствовать при развитии этого письма. Изображения на них — это символические представления событий, их описания при помощи доступных тогда средств, своего рода пиктография, подобная мексиканской, где символизм и идеография мало-помалу вытесняют реальные изображения. Так, бык представляет царя, гербы — области, бывшие под его начальством, и т. п. Рядом с этим появляются и настоящие иероглифы для выражения собственных имен — начали передавать не только мысли, но и звуки. На пластинках и булаве Нармера, этих хрониках, изображенных пиктографией, фонетического элемента уже порядочно»⁶⁵.

Развившаяся из рисунка пиктография — древнейший вид письма. Пиктограммы, сохранившиеся от глубокой древности, — первые попытки человеческого ума фиксировать мысли и впечатления путем реалистического изображения события или предмета. Строго говоря, пиктограмма — это комплексное изображение события, это картина, и как таковая она является элементом искусства. Идеограмма же, изображающая отдельные предметы и понятия, представляет собой элемент письма. Если знак письма изображает и означает, например луну, то перед нами обычная идеограмма. Если же [39] знак письма изображает предмет, а означает какое-то отвлеченное понятие, например дружбу, любовь, ненависть, мудрость и т. д., то это уже идеограмма-символ. Из пиктограммы развиваются как идеограммы, так и фонограммы, ибо идеограмма не только воспринимается мысленно, но и произносится. Таким образом, наряду с идеографией появляется переплетающееся с ней звуковое письмо; фонетические элементы письма приобретают все большее значение, поскольку лишь они отражают грамматические формы языка, без которых невозможна точная передача мыслей.

Если идеограмма сначала выражала определенное понятие вне зависимости от его звучания, то впоследствии она одновременно стала являться и фонетическим знаком, изображающим звуки, из которых состоит слово, обозначающее это понятие. Позже идеограмма могла и совершенно потерять свое идеографическое значение. Развиваясь в этом направлении, письмо

⁶² Gardiner, *Grammar*, p. 438.

⁶³ J. M. A. Janssen, *Remarques sur les listes des signes hiéroglyphiques*, — CdE, année 27, 1952, pp. 88–97.

⁶⁴ «Catalogue of the Egyptian hieroglyphic printing type from matrices owned and controlled by Dr. A. H. Gardiner», Oxford, 1928.

⁶⁵ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 172.

становится все более фонетическим, сохраняя ряд идеограмм и окончательно порвав с пиктографией. Примерно таким путем возникли и развились все иероглифические системы письма⁶⁶.

Знаменитая таблица Нармера (I династия) обычно приводится как один из образцов архаического египетского письма, содержащего пиктографические, идеографические и фонетические элементы.

Однако следует отметить, что в интерпретации этого памятника мнения расходятся. Как указывают А. Сотта и Э. Дриотон, приводя мнения различных ученых, Ж. Фукар в своей работе о религии пишет, что изображения на таблице Нармера не связаны с происхождением письма⁶⁷. По-разному объяснял таблицу Нармера в двух своих работах А. Эрман⁶⁸. А. Сотта и Э. Дриотон приходят к выводу, что этот памятник, как и другие ему подобные, мало что дает для истории возникновения египетского письма⁶⁹. Такой скептицизм кажется несколько преувеличенным. Если оба французских ученых до какой-то степени и правы, то все же общее значение памятника отрицать нельзя; в изображениях на нем видны явные элементы идеографии, например сокол, символизирующий царя, и голова, символизирующая пленных. Интерпретация этого памятника, предложенная А. Гардинером, отлично согласуется со всем, что известно об иероглифическом [40] письме, и вряд ли может вызвать возражения. Смысл знаков А. Гардинер передает предположительно: царь ведет пленников обитателей Дельты, которая условно изображена в виде шести стеблей папируса, выходящих из удлиненного овала. Точно так же эти стебли трактовали А. Сотта и Э. Дриотон⁷⁰. В этой интерпретации нет числительных (6000), которые видели в тексте А. Эрман, Б. Тураев и другие.

Все знаки иероглифического письма делятся на две группы: идеограммы и фонограммы. Необходимо отметить, что это разделение, несколько искусственное, идет по линии не внешних особенностей знаков, а их значения в системе письма.

Идеограммами называются иероглифы, обозначающие предмет, который они изображают, или что-либо, тесно связанное с ним. Например, знак ☉, изображающий солнце, обозначает «солнце» (*r^c*) и «день» (*r^c*); знак □ изображает и означает «дом» (*pr*) знак ☆ — «звезду» (*sb3*) и т. д.

Фонограммами называются знаки, основной функцией которых является обозначение звуков, т. е. это идеограммы, превратившиеся в фонетические знаки. Многие из них сохранили при этом и идеографическое значение. Фонограммы бывают трехзвучные, двухзвучные и однозвучные⁷¹.

Здесь необходимо упомянуть, что в египетском письме гласные звуки опущены и среди иероглифов нет знаков для их выражения.

Трехзвучные фонограммы сравнительно немногочисленны — их около пятидесяти. К ним относятся, например, изображение хлеба на камышовой циновке — фонетически *hṯp*; изображение мачты — *ḥ^c*; изображение ремешка-завязки — *nh* (как идеограмма, обозначающая ремешок-завязку, применялся очень редко); изображение плода-стручка какого-то дерева — *ndm*; изображение человеческого дыхательного пути и сердца — *nfr* и т. д. [41]

Двухзвучные фонограммы более многочисленны и имеют существенное значение для письма. К ним относятся в частности знаки: , изображающий деревянную колонну, фонетическое значение *ʕ3*; , изображающий доску для игры (вроде шашек), фонетическое значение *mn*; , изображающий корзину, фонетическое значение *nb*; , изображающий гору, фонетическое значение *dw* и т. д.

⁶⁶ K. Sethe, *Vom Bilde zum Buchstaben*. Leipzig, 1939, S. 28.

⁶⁷ H. Sottas — E. Drioton, *Introduction à l'étude des hiéroglyphes*, p. 24.

⁶⁸ A. Erman, *Ägyptische Grammatik*, Berlin, 1911, S. 10; A. Erman, *Die Hieroglyphen*, Leipzig, 1912, S. 14.

⁶⁹ H. Sottas — E. Drioton, *Introduction à l'étude des hiéroglyphes*, p. 30.

⁷⁰ Ibid., p. 25.

⁷¹ Выражаясь терминологией структуральной лингвистики, идеограммой является графема, имеющая морфемный референт. Графема, имеющая фонетический референт, называется фонограммой (см. Г. Глиссон, *Введение в дескриптивную лингвистику*, пер. с англ., М., 1960, стр. 400–401).

⁷² W. Vycichl, *The hieroglyph* , — JEA, vol. 39, 1953, p. 112.

Некоторые идеограммы употреблялись и как фонограммы, например знак $\star$ (*sb3*), изображающий звезду, служил фонограммой для обозначения сочетания звуков *sb3*; знак $\sqcup$ (*dw*), изображающий гору, став фонограммой, применялся везде, где надо было выразить сочетание звуков *dw*, например глагол *dwj* "звать" писался при помощи фонограммы *dw* $\sqcup$ $\downarrow$ $\downarrow$.

Таким образом, идеограммы и фонограммы различаются в основном по их роли в письме и по их функциям. Когда знак, имеющий и идеографическое и фонетическое значение, употребляется как идеограмма, рядом с ним или под ним обычно ставится короткая вертикальная черта: так, $\star$, или $\star$!, значит «звезда», а не сочетание звуков *sb3*.

Отметим, что среди трехзвучных и двухзвучных фонограмм есть такие, которые полифоничны: например, знак $\mathfrak{L}$, изображающий заднюю часть тела льва с поднятым хвостом, имеет фонетические значения *ph* и *kf3*; знак $\mathfrak{R}$ — *rwd* и *3r* и т. д. Подобная полифония объясняется тем, что в каждом языке, в том числе и в египетском, имеются синонимы; поэтому одна и та же идеограмма может означать два слова разного звучания и, превращаясь в фонограмму, приобретать два разных фонетических значения.

Наряду с полифонией наблюдается и омофония, т. е. два или несколько иероглифических знаков, совершенно различного внешнего вида могут передавать одни и те же согласные, например: $\mathfrak{C}$ и $\mathfrak{D}$ *mr*; $\mathfrak{E}$ и $\mathfrak{F}$ *hm*. Происхождение омофонии связано с тем, что в египетском языке было довольно много омонимов. Когда идеограммы, обозначавшие эти слова с одинаковыми согласными, стали превращаться в фонограммы, получились знаки одинакового фонетического значения, но с различными начертаниями.

Обратимся к самому важному виду фонограмм — к однозвучным фонограммам, не совсем точно называемым алфавитными знаками. Таких знаков около — 30 (5 из них дублиеты более позднего происхождения). Они передают 24 звука и могут употребляться в письме как совершенно самостоятельно, [42] так и в сочетании с трехзвучными и двухзвучными фонограммами и идеограммами.

В прилагаемой таблице приводятся типичные для среднеегипетского письма графемы (с алографами⁷³) и их общепринятая фонетическая транскрипция (транслитерация)⁷⁴. Такой порядок знаков выработан египтологами. О существовании алфавита у египтян нам ничего неизвестно. Вероятнее всего, его не было.

Забегая вперед, скажем о чтении египетских слов. Поскольку в письме отмечены только согласные, то и в транскрипции каждое слово выглядит как сочетание одних согласных. Поэтому в научной практике принята условная вокализация, которая ни в какой мере не соответствует подлинной вокализации египетских слов: знаки $\mathfrak{A}$ (*aliph*) и $\mathfrak{B}$ (*ajin*) читаются как *a*; *i* и *j* — как *i*; *w* — как *u*. Между всеми остальными согласными вставляется *e*. Так, *hn^c* произносится *hena*, *mn* — *men*, *ht* — *het*, $\mathfrak{C}$ — *aa*, *wi3* — *uia*, *sdm* — *sedjem* и т. д.

Таблица алфавитных графем

	3		p		h		k
	i		f		h		g
	j		m		h		t
	c		n		s		t
	w		r		s		d
	b		h		k		d

[43]

Сопровождая фонограммы, алфавитные знаки выражают часть их фонетического значения и называются фонетическим дополнением, которое очень часто следует за фонограммой.

⁷³ Письмо Древнего царства алографов еще не имело. Алографы $\mathfrak{C}$, $\mathfrak{D}$, $\mathfrak{F}$ появляются в иероглифическом письме лишь в эпоху XVIII Династии (Lefebvre, *Grammaire*, § 21).

⁷⁴ Все трехзвучные и двухзвучные фонограммы транскрибируются алфавитными знаками в соответствии с их фонетическим значением, например: $\mathfrak{G}$ = *nfr*. Точкой в транскрипции отделяются корни слов от суффиксов, глагольных окончаний и т. п.

Например, трехзвучная фонограмма $\overset{\text{a}}{\square}$, имеющая фонетическое значение *htp*, обычно пишется так: $\overset{\text{a}}{\square}$; в этом случае ее фонетическим дополнением являются знаки $\curvearrowright t$ и $\square p$, иначе говоря, $\overset{\text{a}}{\square} htp + \curvearrowright t + \square p = \overset{\text{a}}{\square} htp$. Трехзвучная фонограмма $\overset{\text{a}}{\circ}$, имеющая фонетическое значение *nfr* пишется, как правило, с фонетическим дополнением в виде знаков $\curvearrowleft f$ и $\circ r$; таким образом, $\overset{\text{a}}{\circ} nfr + \curvearrowleft f + \circ r = \overset{\text{a}}{\circ} nfr$. Трехзвучная фонограмма $\overset{\text{a}}{\text{f}}$ с фонетическим значением *nh* обычно пишется со своим фонетическим дополнением: *n* и *h*; следовательно, $\overset{\text{a}}{\text{f}} nh + \overset{\text{a}}{\text{f}} n + \overset{\text{a}}{\text{f}} h = \overset{\text{a}}{\text{f}} nh$. Фонетическое дополнение к трехзвучным фонограммам может состоять и из одного знака, например: $\overset{\text{a}}{\text{w}} w3h + \overset{\text{a}}{\text{h}} h = \overset{\text{a}}{\text{w}} w3h$. Двухзвучные фонограммы обычно сопровождаются однозвучным фонетическим дополнением: $\overset{\text{a}}{\text{w}} w3 + \overset{\text{a}}{\text{z}} z = \overset{\text{a}}{\text{w}} w3$. Иногда двухзвучная фонограмма имеет фонетическое дополнение в виде двух алфавитных знаков, из которых один предшествует фонограмме, а другой следует за ней, например: $\overset{\text{a}}{\text{b}} b3$; здесь алфавитный знак $\overset{\text{a}}{\text{b}}$ стоит перед фонограммой $\overset{\text{a}}{\text{b}} b3$, а знак $\overset{\text{a}}{\text{z}}$ после нее.

В том случае, когда алфавитные знаки только предшествуют фонограмме, они не являются фонетическим дополнением, а выражают полностью ее фонетическое значение; например, $\overset{\text{a}}{\text{tr}}$ двухзвучная фонограмма имеет фонетическое значение *tr*. Слово *tr* (время года) пишется $\overset{\text{a}}{\text{tr}}$ ($\curvearrowright t + \circ r + \overset{\text{a}}{\text{tr}}$); слово «обелиск» пишется так: $\overset{\text{a}}{\text{thn}}$ ($\curvearrowright t + \overset{\text{a}}{\text{h}} h + \overset{\text{a}}{\text{n}} n + \overset{\text{a}}{\text{tr}}$) Такие фонограммы называются фонетическими детерминативами⁷⁵.

Здесь мы подходим к вопросу о детерминативах, значение которых в египетском письме чрезвычайно велико. Детерминативы [44] — это идеограммы, стоящие в конце существительных прилагательных и глаголов, не имеющие собственного фонетического значения и определяющие смысловую категорию слова (местоимения, наречия, предлоги, союзы, как правило, детерминативов не имеют). Иногда очень трудно решить, что перед нами — просто идеограмма или детерминатив. По этому поводу А. Гардинер пишет: «Термин "детерминатив" часто бывает исторически не точен, так как вначале именно идеограмма была знаком, которым писалось слово, и перед этой идеограммой для точности чтения ставили ее звуки. В таких случаях правильнее сказать, что фонограммы определяют звук идеограммы, чем утверждать, что идеограмма детерминирует смысл фонограмм»⁷⁶. А. Гардинер верно отмечает, что строгая теоретическая классификация иероглифических знаков была бы очень громоздким и формалистическим предприятием⁷⁷, ибо грани между фонограммами и идеограммами весьма непостоянны и переходящи.

Оставляя поэтому в стороне этот вопрос, тем более что практически, для чтения, он не играет существенной роли, обратимся к примерам, иллюстрирующим значение и употребление детерминативов. Например, три слова с одинаковыми согласными звуками (омонимы), но с различным значением, сопровождаются разными детерминативами: $\overset{\text{a}}{\text{nb}} nb$; $\overset{\text{a}}{\text{nw}} nw$; $\overset{\text{a}}{\text{nw}} nw$, у первого детерминатив изображает небо, у второго — дорогу, у третьего — пустыню, и соответственно эти слова значат: «небо», «дорога» и «гробница»⁷⁸. Отсутствие детерминатива затруднило бы понимание текста, было бы неясно, какое из этих трех значений имеется в виду. Детерминатив вносит определенность в понимание слова. Например, знак $\overset{\text{a}}{\text{sk}}$, изображающий шкуру животного с хвостом, пишется после слов со значением *dhr*, *msk* "шкура", "кожа", после названий ряда животных — *wnš* "волк", *pnw* "мышь" и т. д.; знак $\overset{\text{a}}{\text{mw}}$, являющийся идеограммой слова *mw* "вода", служит также детерминативом для глаголов, по смыслу связанных с этим словом — *isj* "мыть", *swr* "пить"; знак $\overset{\text{a}}{\text{nh}}$ изображающий руку с зажатой в кулаке палкой, служит детерминативом для слов, выражающих понятие силы: *nh* "сильный", *nhm* "отбирать", *hcdz* "грабить" и т. д. Последний упомянутый здесь детерминатив — рука с палкой — иногда употребляется в

⁷⁵ Lefebvre, *Grammaire*, § 29; Gardiner, *Grammar*, § 54.

⁷⁶ Gardiner, *Grammar*, § 23.

⁷⁷ Ibid., § 64.

⁷⁸ Lefebvre, *Grammaire*, p. 19.

[45] качестве идеограммы слова *nht* "сильный". Это слово в звуковом написании встречается в виде ($\text{𓏏}n + \text{𓏏}ht + \text{𓏏}h + \text{𓏏}t$).

Необходимо обратить внимание на то, что введение в обиход детерминативов указывает на развитие отвлеченного мышления, ибо детерминативы употребляются для выражения классификации и обобщения.

Следует отметить, что среди детерминативов есть весьма распространенный знак , изображающий свиток папируса, перевязанный шнурком (Sign-List, Y 1); этот знак ставился после всех слов, выражающих отвлеченные понятия (например: *m3ʿt* "правда"), и после глаголов, связанных с такими словами (например: *rh* "знать"). Детерминативы появляются в иероглифическом письме начиная со времени VI династии, широкое распространение они получают лишь в эпоху Среднего царства⁷⁹.

Таким образом, иероглифическая система развивалась от пиктографии к идеографии; очень рано появились фонетические элементы, а затем уже идеограммы стали использоваться как детерминативы. С применением детерминативов начертания слов в какой-то мере стабилизируются, приобретают свои индивидуальные особенности; исторически складывается более или менее устойчивая традиция написания отдельных слов, например все глаголы движения имеют после своего фонетического написания детерминатив, изображающий две ноги, — знак , все названия различных судов — детерминатив судна и т. д. В то же время ряд наиболее распространенных слов пишется обычно без детерминатива, например слово *nfr* "хороший".

Необходимо отметить еще одну особенность иероглифического письма — сокращенные написания слов⁸⁰. Например, в распространенной формуле, следующей за именами и титулами царя, глаголы *ʿnh* "жить", *d3* "быть невредимым" пишутся фонограммами без фонетического дополнения: *ʿnh* и *d3* а глагол *snb* "быть здоровым" передается лишь начальной фонемой *s*. Другого рода сокращениями являются так называемые мнимые дефектные написания, когда в середине слова, очевидно по соображениям чисто каллиграфическим, опускается [46] какой-либо знак, например *m* в слове *rmt*, которое пишется обычно , а не .

Грамматические окончания — признак множественного числа, суффиксы-местоимения и т. п. — пишутся в большинстве случаев после детерминатива алфавитными знаками. Если множественное число передается при помощи трех палочек или точек, то они также выписываются после детерминатива.

§ 9. ПОДЛИННАЯ ПРИРОДА ЕГИПЕТСКОГО АЛФАВИТА (БЕЗГЛАСНОСТЬ ЕГИПЕТСКОГО ПИСЬМА)

Выше отмечалось, что термин «алфавитные знаки» не вполне точно соответствует однозвучным фонограммам, но он настолько прочно укоренился в науке, что было бы практически неудобно заменять его другим. Однако необходимо разъяснить, что именно представляют собой иероглифические фонограммы, которые мы называем «алфавитными знаками». По существу — это идеограммы слов, состоявших либо из одного сильного, устойчивого согласного и одного или двух слабых, неустойчивых согласных, очень рано отпавших, либо из согласного и необозначенного гласного. Когда такая идеограмма превратилась в фонограмму, она стала обозначать сохранившийся согласный. Фонетические особенности некоторых слов — устойчивое звучание одного согласного и слабое звучание другого (или других) и затем исчезновение последнего (или последних) — были причиной того, что отдельные слова с одним устойчивым согласным стали использоваться в качестве фонограмм для выражения подобных согласных, где бы они ни встречались. Наглядным примером такого развития является алфавитный знак *h*; впервые этот знак появляется в текстах Древнего царства: сначала он был идеограммой

⁷⁹ Ibid., p. 24; F. Ll. Griffith, *A collection of hieroglyphs*, London, 1898, p. 5.

⁸⁰ A. Erman, *Defective Schreibungen*, — ZAS, Bd. 29, 1891, Ss. 33–39.

слова *h3t* "утроба", потом от этого слова отпал слабый согласный *3*, а затем и *t*. К. Зете установил 19 слов, из которых таким путем произошли «алфавитные знаки»⁸¹.

Здесь, естественно, встает вопрос: каким образом могло возникнуть письмо, где полностью опущены гласные? Египетская система письма не единственная, обладающая этой [47] особенностью; подобные системы имеются и в других семито-хамитских языках (например, письмо древнееврейское, арамейское, арабское и др.). Среди них египетское письмо — самое древнее.

В 1914 г. Г. Шефер опубликовал исследование о причинах безгласности финикийского алфавита⁸². Он совершенно верно указал, что объяснить такое явление можно только исторически.

Неудобство безгласных семитских алфавитов выявилось очень рано, и попытки исправить этот дефект привели к использованию некоторых знаков для обозначения гласных. Вполне понятно, что подобные безгласные алфавиты не могли быть созданы искусственно и были наследием далекого прошлого, а именно, наследием египетской иероглифической системы письма, полностью опускавшей гласные.

Специфической особенностью семито-хамитских языков является исключительная роль согласных; согласные выражают семантику слова, его основную сущность, тогда как гласные играют служебную роль, указывая на грамматическую форму слова и меняясь в зависимости от последней. В письме, одной из начальных стадий развития которого была идеография, и в языке, в котором согласные выполняли столь важную функцию, а гласные — служебную, идеограмма при своем превращении в фонограмму становилась сочетанием только согласных звуков. Этим и объясняется безгласность египетского письма.

Очень поучительно сравнение египетского безгласного письма с ассиро-вавилонской вокализированной клинописью.

Аккадский язык, пользовавшийся ею, — язык семитский, и поэтому, казалось бы, клинопись, развившаяся из особого иероглифического письма, должна была быть тоже безгласной. Оно и было бы так, если бы клинопись и это иероглифическое письмо были бы созданы ассиро-вавилонянами, но фактически творцами такого письма были шумеры, народ, говоривший на языке, ничего общего с семито-хамитскими не имеющим, в котором роль гласных была совершенно иной. Ассиро-вавилоняне заимствовали у шумеров готовую вокализованную систему письма и, сохранив гласные, приспособили ее к своему языку⁸³. [48]

§ 10. ГРУППОВОЕ ПИСЬМО («СИЛЛАБИЧЕСКОЕ»)

Термин «силлабическое письмо», введенный в научный обиход В. М. Мюллером⁸⁴, получил довольно широкое распространение. Однако его нельзя признать удачным, так как он предполагает наличие вокализма. В английской литературе это письмо более правильно называется «групповым»⁸⁵, поскольку отдельные согласные звуки в нем передаются не алфавитными знаками, а сочетанием двух знаков; например, сочетание двузвучной фонограммы *h3* с алфавитным звуком *3* т.е.   *h3*, в групповом письме читается не *h3* а *h*; двузвучная фонограмма читается не *3*, а *с* и т. д. Слово, написанное групповым письмом, можно различить среди других слов, ибо каждая группа состоит из двух знаков, из которых читается только первый, например: *mrkbt* "боевая колесница", а не *m^cr3k3bwti*. Группа читается *m*, а не *m^c*; читается *r*, а не *r3* (знак над *r* не фонограмма, а графический заполнитель пустоты) и т. д. Для группового письма характерно сочетание двузвучных фонограмм и алфавитных знаков со знаками, обозначающими звуки *w* и *j*.

⁸¹ K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, Ss. 119, 151–157; см. также: S. Jeivin, *The sign and the true nature of the early alphabets*, — «Archiv orientální», vol. 4, 1932, pp. 71–78.

⁸² H. Schafer, *Die Vokallösigkeit des «phönizischen» Alphabets*, — ZÄS, Bd. 52, 1915, Ss. 95–98.

⁸³ K. Sethe, *Vom Bilde zum Buchstaben*, Ss. 37–38.

⁸⁴ W. M. Müller, *Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern*, Leipzig, 1893, Kap. 5 und 6.

⁸⁵ Gardiner, *Grammar*, § 60.

Элементы группового письма появляются уже в текстах Древнего царства, затем встречаются в текстах XI династии и очень часто — в текстах XVIII—XXII династий⁸⁶.

О природе и значении группового письма сложились разные мнения: одни исследователи хотели видеть в групповом письме попытку египтян вокализировать написанные иероглифически иностранные слова, имена и названия и отчасти некоторые египетские слова, другие возражали против этого предположения. Так, М. Бурхардт в большом исследовании о [49] хананских словах в египетском языке, тщательно рассмотрев все употреблявшиеся группы, пришел к убеждению, что групповое письмо является робкой попыткой вокализации и что принцип его указывает лишь на то, что после согласного следует гласный, качество которого никак не показано. Ф. Олбрайт предложил конкретную систему вокализации группового письма. В. Эджертон, придерживаясь позиции К. Зете, отрицает вокализм этого письма⁸⁷. Э. Эдель, так же как и Ф. Олбрайт, исходит из сравнения клинописных материалов и переданных иероглифическим групповым письмом слов, имен и названий, заимствованных египетским языком, и разделяет точку зрения Ф. Олбрайта на то, что групповое письмо пыталось выразить гласные, но расходится с ним в фонетической оценке отдельных групп. К сторонникам вокализма группового письма, в частности к Ф. Олбрайту, присоединяется и Г. Лефевр⁸⁸.

А. Гардинер⁸⁹ в своей грамматике классического языка, касаясь группового письма, не затрагивает вопроса о его вокализме. Он лишь отмечает спорность интерпретации этой проблемы. А. Эрман считал, что групповое письмо в ряде случаев содержит указание на гласные⁹⁰.

Сравнительно недавно заметки о групповом письме опубликовал В. Уорд. Он показал, что некоторые утверждения о групповом письме лишены основания. Так, он полагает, что распространенное мнение, будто целью группового письма была передача иностранных слов и имен, неверно, и приводит ряд египетских слов, написанных групповым письмом, например: *ihj* "испускать стон" (Wb., II, 118); *b3dj* "быть утомленным" (Wb., I, 431); *ps* "особый вид хлеба" (Wb., I, 553); *mmj* "какой-то плод" (Wb., II, 58); *ghs* "газель" (Wb., V, 191); *trp* "гусь" (Wb., V, 387). Групповым письмом написано египетское слово *pr* "дом" на одном из скарабеев времени Рамсеса II⁹¹. Групповым письмом передаются и другие, чисто египетские имена и названия. [50]

В то же время В. Уорд отмечает, что отдельные иностранные слова и названия, например *ssmt* "лошадь", *B^cr* "Ваал", не пишутся групповым письмом. Приведя эти соображения, автор справедливо указывает, что вопрос о природе и значении группового письма не может считаться окончательно решенным, что высказанные о нем мнения не всегда согласуются с имеющимися материалами и в свете новых данных нуждаются в тщательной проверке⁹².

---

⁸⁶ W. T. Edgerton, *Egyptian phonetic writing from its invention to the close of the nineteenth dynasty*, — JAOS, vol. 60, 1940, p. 489; W. A. Ward, *Notes on Egyptian group writings*, — JNES, vol. 16, 1957, p. 202; K. Sethe, *Die Achtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefäßscherben des Mittleren Reiches*, — APAW, Phil.-hist. Kl., 1926, № 5; M. Burchardt, *Die altkanaanäische Fremdworte und Eigennamen im Ägyptischen*, T. I, § 4.

⁸⁷ M. Burchardt, *Die altkanaanäische Fremdworte...*: W. F. Albright, *The vocalization of the Egyptian syllabic orthography*. New Haven, 1934; K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, Ss. 158–159; W. T. Edgerton, *Egyptian phonetic writing from its invention to the close of the nineteenth dynasty*, — JAOS, vol. 60, 1940.

⁸⁸ E. Edel, *Neues Material zur Beurteilung der syllabischen Orthographie des Ägyptischen*, — JNES, vol. 8, 1949, pp. 44–47; Lefebvre, *Grammaire*, § 48.

⁸⁹ Gardiner, *Grammar*, § 60.

⁹⁰ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, Leipzig, 1933, § 32–38.

⁹¹ A. H. Gardiner, *The Delta residence of the Ramessides*, — JEA, vol. 5, 1918, pp. 138–198.

⁹² W. A. Ward, *Notes on Egyptian group writing*, — JNES, vol. 16, 1957, pp. 198–203.

§ 11. РАЗВИТИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ПИСЬМО ГРЕКО-РИМСКОГО ВРЕМЕНИ. КРИПТОГРАФИЯ

На протяжении своей многовековой истории египетское иероглифическое письмо видоизменялось: некоторые знаки выходили из употребления, создавались новые, старые приобретали иные формы и т. д. Все эти изменения были в основном чисто внешними (лишь в отдельных случаях они касались значения знаков) и не затрагивали главного принципа иероглифического письма — комбинации фонограмм и идеограмм. Конечно, орфография отдельных слов также видоизменялась, но суть иероглифического письма на всем протяжении его истории не подвергалась каким-либо серьезным изменениям.

Опытные египтологи могут довольно точно датировать тексты по очертаниям знаков. Однако иероглифическая палеография до сих пор не создана, и в этой области не существует никаких трудов общего и систематического характера, что объясняется огромной трудностью выполнения подобной работы. В специальных египтологических журналах рассеяно множество мелких статей и заметок о происхождении, значении и истории отдельных иероглифических знаков, но все это вместе взятое является лишь каплей в море. Поэтому мы лишены возможности хотя бы схематично и кратко набросать историю иероглифического письма и ограничимся здесь лишь беглыми замечаниями.

Иероглифы тинисского периода (т. е. времени первых двух династий) еще неуклюжи и грубы, их контуры не очень стабильны. Так, например, знак F34, изображающий сердце и имеющий фонетическое значение *ib*, на протяжении первых двух династий неоднократно изменял свой облик¹. Причем [51] его первоначальная форма отличалась от более поздней настолько, что даже такие опытные исследователи, как Г. Масперо, Р. Вейль, К. Зете и А. Гардинер, однажды были введены в заблуждение, и на печатке, опубликованной Фл. Питри, приняли этот знак за другой. По предположению Г. Годрона, изучающего эпиграфику тинисского периода, составлять образцовые списки иероглифических знаков стали после I династии, что и должно было послужить стабилизации и четкости их начертаний в последующие времена². Соответствует эта догадка действительности или нет, сказать нельзя. Во всяком случае иероглифы из гробниц знатных вельмож V и VI династий отличаются художественным выполнением, и вряд ли можно сомневаться в том, что писцы-художники пользовались в своей работе списками образцов иероглифических знаков³. Именно благодаря художественности исполнения иероглифы Древнего царства позволяют определить, что именно они изображали.

Для начала Среднего царства (XI династия) характерны особые формы ряда знаков, почти не применявшиеся в другие времена. Так, например, знак G29, фонограмма *b3* в этих текстах встречается в виде (а не)⁴, т. е. птица не имеет хохолка на груди; знак H1, изображающий птичью голову с частью шеи и употребляющийся в заупокойной жертвенной формуле для обозначения слова *3pd* "птица", пишется в обратном направлении, т. е. клюв птицы обращен не в ту сторону, в которую обращены в данном тексте готовы людей и животных; знак F31, фонограмма *ms* пишется не , как обычно, а с маленькой петлей наверху и т. д.⁴

Знак (D19), изображающий нос, глаз и часть щеки и имеющий фонетическое значение *hnt* только со второй половины XVIII династии начинает применяться как фонограмма в слове *hntj* "находящийся впереди", по его употреблению можно уже приблизительно датировать текст; прежде в этом слове фонограмма *hnt* писалась знаком (W17), изображающим три сосуда⁵. [52]

Во времена XIX—XXII династий знак (M4), изображающий пальмовую ветвь с оборванными листьями, получает фонетическое значение *n* благодаря чему тексты, в которых он встре-

¹ G. Godron, *Notes d'épigraphie thinite*, — ASAE, t. 54, 1957, pl. 7.

² Ibid., pp. 195–198, 205–206.

³ H. Sottas — E. Drioton, *Introduction à l'étude des hiéroglyphes*, pp. 32–33.

⁴ J. Polotsky, *Zu den Inschriften der 11. Dynastie*, Leipzig, 1929.

⁵ A. Erman, *Ein orthographisches Kriterium*, — ZÄS, Bd. 55, 1918, Ss. 86–88.

чается с этим значением, датируются довольно точно⁶. В текстах XXI–XXII династий знак U33 , имеющий фонетическое значение *ti* в некоторых случаях встречается и со значением *šps*⁷. В текстах, близких по времени к греко-римской эпохе, подобные явления наблюдаются все чаще. Вместе с тем неуклонно увеличивается число иероглифических знаков, поэтому чтение таких текстов, внешний облик которых имеет специфический вид, представляет серьезные трудности.

Начиная с текстов XXVI династии наблюдается стремление вернуться к лучшим образцам письма эпохи Древнего царства, подражать далеким искусным предкам — современникам Хуфу и фараонов V—VI династий. В ряде случаев это подражание настолько тонко и художественно, что трудно отличить иероглифический текст Древнего царства от текста саисской эпохи⁸. Причины этого явления надо искать в исторических особенностях рассматриваемого периода. Идеализация далекого прошлого была результатом тех суровых испытаний, которые пришлось пережить Египту в предшествовавшие XXVI династии времена ослабления и унижения страны, подчинения ее чужеземцам. С приходом к власти XXVI династии Египет вступает в полосу, если так можно выразиться, национальной реставрации, и именно поэтому космополитические тенденции Нового царства, а также заимствованные элементы в искусстве, религии и языке тщательно изгоняются. Восстанавливаются не только обряды, связанные с почитанием древних царей, но и некоторые уцелевшие памятники Древнего царства, в которых Египет саисской эпохи обретает для себя источник культурного возрождения. Подражание в искусстве и письме образцам Древнего царства — характерная черта саисской эпохи. Одним из примеров такого подражания может служить стела Априэса из Мит-Рахины⁹. [53]

Чрезвычайно любопытным памятником доптолемеевского времени является известная стела из Навкратиса, относящаяся к периоду царствования Нектанеба II, последнего фараона независимого Египта. Два раздела текста почти целиком начертаны на ней алфавитными знаками (весь остальной текст — обычным письмом). Например, слово htp на стеле из Навкратиса вырезано в виде ⲕ ⲛ ⲛ . Так же непривычно написаны и другие слова: ib вместо ⲓⲃ "сердце" и т. д. Такие написания этих слов не встречаются в текстах предшествующих времен, и поэтому Б. Ганн пытается опровергнуть мнение А. Эрмана о том, что в подобных написаниях сказывается архаизирующая тенденция подражать текстам Древнего царства¹⁰.

Как полагает Б. Ганн, эти алфавитно-согласные написания слов — результат влияния греческой культуры и письма. Такого же взгляда придерживается и Г. Масперо. Указав на роль греков в Египте того времени, Б. Ганн подчеркивает, что Навкратис был чисто греческим городом и что поэтому влияние греческой культуры на египетскую здесь должно было быть особенно сильным¹¹.

Это мнение интересно с точки зрения взаимодействия обеих культур, но все же оно далеко не убедительно: сам Б. Ганн ссылается на необычные алфавитные написания разных слов, которые встречаются в более ранних криптографических текстах, и добавляет, что такие написания усложняли, а не упрощали текст. Однако различие между таким «упрощением» и «усложнением» в действительности вряд ли существует. Мы в состоянии лишь констатировать, что слово написано алфавитными знаками, но не можем квалифицировать такое написание как «упрощение» или «усложнение», хотя нам читать такой текст труднее. Поэтому правильнее отнести все эти алфавитные написания на стеле Навкратиса к одному из приемов криптографии, а не считать их результатом чисто греческого влияния, тем более, что аналогичный метод написания встречается на ряде памятников саисского времени¹².

Переходя к специфическому иероглифическому письму греко-римского времени, отметим прежде всего, что оно дошло до нас главным образом в храмовых текстах Эдфу, [54] Дендера,

⁶ R. Anthes, *Zur Datierung durch* $\{ = n$, — ZÄS, Bd. 77, 1941, S. 55.

⁷ A. Gardiner, *The hieroglyph* ⲕ *with the value* *šps*, — JEA, vol. 37, 1951, p. 110.

⁸ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 102.

⁹ B. Gunn, *Stela of Apries at Mitrahina*, — ASAE, t. 27, 1927, pp. 211–237.

¹⁰ A. Erman, *Die Naukratisstele*, — ZÄS, Bd. 38, 1900, Ss. 127–133.

¹¹ B. Gunn, *Notes on the Naukratis stela*, — JEA, vol. 29, 1943, pp. 55–56.

¹² K. Piehl, *La stèle de Naucratis*, — «Sphinx», vol. 6, 1903, pp. 89–96.

Эсне, Филе, Ком-Омбо и др. На иероглифических стелах того времени его применяют не так часто, и эти стелы с точки зрения эпиграфики бывает трудно отличить от стел доптолемеевского времени. Храмовые тексты греко-римского времени написаны, в основном, по одной системе, но все же в письме каждого из них наблюдаются свои особенности (например, одни и те же знаки имеют различные написания и т. п.).

Для иероглифического храмового письма греко-римского времени характерно:

1) значительное увеличение числа иероглифических знаков всех категорий — идеограмм, детерминативов, фонограмм и алфавитных знаков;

2) увеличение числа значений отдельных знаков (в том числе и алфавитных);

3) подражание древним образцам письма¹³. Эта система письма имеет свою внутреннюю логику. Она не может рассматриваться только как сочетание шарад или ребусов без определенных правил. В иероглифическом храмовом письме греко-римского времени, как и в обычном иероглифическом письме, соединяются идеограммы, детерминативы и фонограммы (включая и алфавитные знаки). Трудность иероглифического храмового письма греко-римского времени заключается не в каких-то особых принципах и правилах, а в наличии огромного числа знаков, значение которых часто неизвестно. Письмо это изучено еще совершенно недостаточно, и до сих пор нет ни одного сводного списка всех знаков с установленными чтениями. Наиболее полным списком является каталог типографских знаков Французского археологического института в Каире, состоящий из нескольких объемистых выпусков, где знаки сгруппированы по внешнему виду. Значения их, естественно, не приведены. Изучением этой трудной ветви египетской эпиграфики занимались лишь немногие ученые. Для понимания таких текстов особенно важны труды Г. Юнкера, Г. Фэрмана и Э. Дриотона.

Остановимся прежде всего на алфавитных знаках. Во времена Среднего царства их было 25, в иероглифике же греко-римского времени их уже несравненно больше. В специальном исследовании Г. Фэрмана об алфавитных знаках приводится список, в котором насчитывается 320 знаков. С внешней стороны — это главным образом старые иероглифические знаки: идеограммы, детерминативы и фонограммы. Добавим, [55] что многие из них полифоничны, например знак № 193 (Sign-List, I 10), изображающий отдыхающую кобру и в обычном письме имеющий фонетическое значение *d*, в иероглифике греко-римского времени может иметь еще значения *s*, *r*, *f*. Знак, изображающий птичье перо (Sign-List, 2), с фонетическим значением *šw* приобретает значения *h*, *r*, *c*¹⁴ и т. д. Вполне понятно, что подобные явления крайне затрудняют чтение текстов. Естественно возникает вопрос: каким образом многие знаки получили несколько звуковых значений и почему вообще появилось такое огромное число знаков, в частности алфавитных?

Полифония многих алфавитных знаков, конечно является не результатом бессознательного развития письма, а напротив, следствием вполне сознательной изошренности и остроумия писцов того времени, проявлением их изобретательности. Тщательный анализ 320 алфавитных знаков, произведенный Г. Фэрманом, показал, что алфавитные значения придавали им египетские писцы. Например, несколько знаков, изображающих фигуры разных божеств, приобрели алфавитное значение *i* потому, что они выполняют функцию местоименного суффикса 1-го лица единственного числа, имеющего звучание *i* в тех случаях, когда говорит то или иное божество. Следует подчеркнуть, что *i* в таком начертании встречается только как местоименный суффикс 1-го лица единственного числа¹⁵.

Нередко старые фонограммы, преимущественно двузвучные, имеют значение только одного из звуков; например, $\text{𓆎} hr$ становится просто *h*, $\text{𓆏} in$ — просто *n* и т. д.¹⁶. Мы не будем здесь останавливаться на других выявленных Фэрманом превращениях фонограмм в алфавитные знаки. На этой почве между Г. Фэрманом и Э. Дриотонем возникла ожесточенная полемика. В то время как Э. Дриотон считает, что новые алфавитные знаки приобрели новое значение в результате сознательного применения египетскими писцами принципа акрофонии, т. е. что

¹³ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs and their values*, — BIFAO, t. 43, 1945, pp. 55, 57.

¹⁴ H. W. Fairman, *Notes on the alphabetic signs employed in the hieroglyphic inscriptions of the temple of Edfu*, — ASAE, t. 43, 1943, pp. 228–229. 249.

¹⁵ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs...*, — BIFAO, t. 43, 1945, p. 62.

¹⁶ Ibid., pp. 62–63.

идеограммы и фонограммы стали обозначать первый звук своего фонетического значения¹⁷, Г. Фэрман [56] отрицает этот принцип. Приведенные здесь случаи превращения *hr* в *h* или *in* в *n* он называет результатом применения консонантного принципа, согласно которому при сочетании двух или трех согласных алфавитное значение получает самый устойчивый из них¹⁸.

Наряду с увеличением числа алфавитных знаков увеличилось и число идеограмм и фонограмм, причем многие знаки представляют собой комбинацию или сочетание двух старых знаков; так, например, для слов *tw3 pt* "поднимать небо" была изобретена идеограмма, изображающая фигуру мужчины с идеограммой неба в поднятых руках; для слова *mdw* "выражение", "слово" — сидящий павиан, держащий в лапе знак *mdw*; для слова *sb3* "дверь" — стоящая женщина со звездой (*sb3*) на голове; для слов *rn.f* "имя его" — картуш со вписанным в него знаком ¹⁹. Некоторые идеограммы, не изменяясь внешне, приобретают совершенно новые значения, например знак G26, изображающий ибиса и обозначающий бога Тота, получает фонетическое значение *hmnw*, а отсюда, значение *Hmnw* "(город) Гермополь" и "восемь".

Что же собственно вызвало к жизни в греко-римское время эту храмовую систему иероглифического письма? Г. Фэрман указывает следующие причины:

- 1) желание усилить декоративный характер текстов на стенах храмов²⁰;
- 2) интерес к древним текстам, продолжающийся со времени саисской эпохи;
- 3) стремление произвести впечатление на иностранцев художественным и таинственным видом текстов²¹.

К этим причинам следует, может быть, добавить еще одну:

желание ограничить круг лиц, способных читать священные тексты (грамотность в Египте была распространена довольно широко, о чем свидетельствуют так называемые «обращения к живым» в заупокойных текстах на гробницах и стелах).

Действительно, текст, почти сплошь состоявший из иероглифов, нередко сложного характера (например, пара коней запряженных в колесницу и стоящий на ней человек; двое мужчин, обращенных друг к другу лицом и производящих [57] какую-то работу; кошка, держащая в лапе зеркало и др.), выполненный тонко и художественно, не мог не быть декоративным и не производить впечатления своим внешним видом. Естественно, непосвященным такой текст должен был казаться сочетанием причудливых символов, скрывавших какие-то тайны. Наиболее изученными являются тексты храмов Эдфу и Дендера, которые полностью опубликованы.

Заканчивая обзор иероглифического письма, необходимо вкратце остановиться на криптографии, имеющей много общего с храмовой иероглификой греко-римского времени. Г. Фэрман указывает, что между последней и монументальной криптографией предшествующих исторических эпох трудно провести четкое разграничение, ибо криптографические монументальные тексты, как правило, располагались в тех же частях храмов, что и тексты греко-римского времени²².

Приемы криптографии и храмовой иероглифики греко-римского времени близки между собой: в обеих системах, во-первых, часто употребляются идеограммы и фонограммы нормального иероглифического письма не в их общепринятом значении; во-вторых, иероглифическим знакам придается новая форма, но сохраняется их прежнее значение. Однако в криптографии есть отдельные особенности, например встречаются тексты, написанные обычными иероглифическими знаками, но расстановка этих знаков нарушает все правила исторически сложившейся орфографии и тем самым крайне затрудняет чтение²³.

¹⁷ E. Drioton, *Procédé acrophonique ou principe consonantal?* — ASAE, t. 43, 1943, pp. 319–349.

¹⁸ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs...*, — BIFAO, t. 43, 1945, pp. 62–63.

¹⁹ Ibid., pp. 98, 121, 123–124.

²⁰ См. H. Junker, *Über das Schriftsystem im Tempel der Hathor in Dendera*, Berlin, 1903, Ss. 12–15.

²¹ H. W. Fairman, *Notes on the alphabetic signs employed...*, — ASAE, t. 43, 1943, p. 295.

²² Ibid., p. 293.

²³ E. Drioton, *La cryptographie par perturbation*, — ASAE, t. 44, 1944, p. 17.

Элементы криптографии («энигматики») обнаружены уже в текстах Среднего и даже Древнего царства²⁴. Криптографические тексты встречаются начиная со времени XVIII династии.

В одном из текстов Древнего царства (Каирский музей № 1696) имеется очень любопытный знак — по наклонной плоскости поднимается бык, на спину которого взбирается человек. Такой необычный знак, естественно, привлек внимание исследователей²⁵. Э. Дриотон читает этот знак, вернее группу знаков, — *d3.k k3 wr* "ты взбираешься на большого [58] быка"²⁶. Здесь перед нами нечто среднее между пиктограммой и сочетанием идеограмм. В подобном факте мы можем видеть реминисценции далекого прошлого или просто игру остроумного профессионала писца, а вернее — и первое и второе, вместе взятые.

В основе развития криптографии и храмовой иероглифики греко-римского времени лежало то, что иероглифическое письмо, произошедшее от пиктографии, изобилует идеограммами и что в результате отсутствия огласовки была широкая возможность создавать из идеограмм фонограммы по принципу ребусов²⁷.

Было бы серьезным заблуждением полагать, что содержание текстов, написанных криптографией, какое-то особенное, нуждающееся в покрове тайны. Такие тексты ничем не отличаются от текстов, написанных нормальным способом. Так, во времена XVIII династии и позже — это преимущественно обычные религиозные тексты (например, отрывок из Текстов Пирамид и гимн Амуну, которые найдены в гробнице вельможи Джехути, жившего во времена царицы Хатшепсут). Следовательно, криптография вовсе не была вызвана к жизни содержанием текстов. Декоративность надписей, а также стремление писцов превзойти друг друга в остроумии и изобретательности, опираясь на основные принципы иероглифики, — вот что привело к подобным явлениям.

Иероглифическая система письма просуществовала три с половиной тысячелетия: древнейшие образцы иероглифического письма относятся приблизительно к XXXII в. до н. э., а последние, известные нам, — ко времени правления императоров Деция (249—251) и Диоклетиана (284—305), самая же поздняя надпись (в Филе) датируется 394 г. н. э.²⁸ (время правления императора Феодосия I).

§ 12. ИЕРАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Иероглифическое письмо было основой египетской письменности. Два других вида письма — иератическое и демотическое — развились из иероглифического письма. Мы упомянули выше, что в Египте уже во времена I династии [59] выделяли писчий материал — папирус. Он был гораздо удобнее, легче и портативнее всякого другого писчего материала и по мере внедрения письма в обыденную жизнь приобретал все большее значение, прежде всего потому, что на нем можно было быстро писать. Эта быстрота писания иероглифов неизбежно должна была отразиться на их форме. Если мы учтем, что на папирусе или заменивших его материалах писали при помощи кисточки, то нам легко представить себе, что все знаки, имевшие углы и острые начертания, в процессе быстрого письма деформировались и округлялись.

С одной стороны, обычные иероглифы картинного типа превращались в курсивные, линейные иероглифы, с другой, — иероглифическое письмо становилось подлинным курсивом, в котором картинные очертания иероглифов схематизировались и упрощались до неузнаваемости.

Этот подлинный курсив был двух видов. Они известны в науке как письмо иератическое и демотическое. Термин «иератическое письмо», как и термин «иероглифическое письмо», заимствован у древних авторов. О трех типах египетского письма — $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\tau\alpha$ $\text{i}\epsilon\rho\omicron\upsilon\lambda\omicron\phi\iota\kappa\acute{\alpha}$,

²⁴ E. Drioton, *Une figuration cryptographique sur une stèle du Moyen Empire*, — RE, vol. I, 1933, pp. 203–229; E. Drioton, *Un rébus de l'ancien empire*, — «Mélanges Maspero», p. 697.

²⁵ J. Capart, *Un hieroglyphe mystérieux*, — «Kêmi», t. 2, 1929, pp. 1–2; Ch. Kuentz, *Remarques sur les statues de Harwa*, — BIFAO, t. 34, 1934, p. 149.

²⁶ E. Drioton, *Un rébus de l'ancien empire*, — «Mélanges Maspero», pp. 697–704.

²⁷ H. W. Fairman, *An introduction to the study of Ptolemaic signs...*, — BIFAO, t. 53, 1955, p. 131.

²⁸ Gardiner, *Grammar*, § 1.

γράμματα ἐπιστολογραφικά, γράμματα ἱερατικά упоминает только Климент Александрийский²⁹. Он, в частности, говорит: «Получающие воспитание египетское начинают с системы египетских букв, так называемых эпистологографических. Затем переходят к изучению букв иератических, или иерограмматических, кои в ходу у жрецов, пишущих о вещах священных. Оканчивают изучением систем букв иероглифических»³⁰.

Курсив, о котором умалчивают другие авторы, Климент Александрийский называет «иератическим», т. е. «священным»: в его время иератическое письмо употреблялось в рукописях религиозного содержания.

Все другие античные авторы сообщают лишь о двух видах письма: о иероглифах — «священном письме» (γράμματα ἱερά) и о курсиве, который они называют различно. Геродот именует этот курсив «демотика» (γράμματα δημοτικά)³¹; отсюда и произошел термин «демотическое письмо». Как правильно указывает А. Видеман, Геродот, конечно, видел и иератические тексты, но так же как и другие античные авторы, он не мог отличить их от демотических³². [60] Термин γράμματα ἱερατικά встречается и у Гелиодора, но у него он совершенно определенно означает иероглифическое письмо, называемое им также γράμματα βασιλικά («царским письмом»)³³.

В связи с этим интересно сообщение арабского историка позднего средневековья Макризи (1364—1441), который в своей истории коптов говорит, что в древности «они имели свой язык и три различных вида письма — письмо народа, письмо знати, употребляемое жречеством, и письмо царей»³⁴.

Абсолютно ясно, что письмо народа — это демотическое письмо, письмо знати — иератическое письмо, письмо царей — иероглифическое письмо. Любопытно, что арабский историк XV в. лучше информирован об египетском письме, чем многие античные авторы. Это, конечно, объясняется тем, что он пользовался какими-то не дошедшими до нас античными источниками.

По выражению Б. А. Тураева, отношение между иероглифическим, иератическим и демотическим письмом приблизительно такое же, как между нашим печатным шрифтом, рукописным письмом и стенографией³⁵. Иератическое письмо отличается от иероглифического лишь по внешнему виду, оно тоже состоит из идеограмм, детерминативов, фонограмм и алфавитных знаков, сочетающихся друг с другом на основе тех же принципов и правил, которые свойственны иероглифическому письму. Иератика видоизменялась в различные времена. В зависимости от степени ее курсивности различают иератику книжную и иератику курсивную.

Создателем научной иератической палеографии является Г. Мёллер. В своем четырехтомном труде он дает иератические эквиваленты более чем семистам иероглифическим знакам разных времен, приводит наиболее употребительные лигатуры, а также сообщает ряд очень ценных сведений по истории иератики. К сожалению, его классическое исследование не завершено: в нем разработана лишь книжная иератика и курсивная иератика времени Среднего царства и XVIII династии. Автор задумал специальный том, посвященный поздней курсивной иератике, однако это намерение осталось неосуществленным³⁶. [61]

История иератики может быть разделена на следующие этапы:

1. Архаическая иератика (до V династии). Ранних иератических текстов до нас дошло мало. Однако те, которые сохранились, свидетельствуют о том, что до V династии иератика была в стадии самого начального формирования. От времени правления царя I династии, имя которого обозначается иероглифом , дошел счет, написанный чернилами при помощи кисточки. В

²⁹ Clemens Alexandrinus, *Stromata*, V, 4, S. 339. — Порфирий также говорит о трех видах письма, но иератическое он не упоминает, и его высказывание об египетском письме подверглось разным толкованиям.

³⁰ Климент Александрийский, *Строматы*, V, 4, стр. 532.

³¹ Геродот, II, 36.

³² A. Wiedemann, *Herodots II Buch*, S. 165.

³³ Гелиодор, IV, 8.

³⁴ F. Wustefeld, *Makrizi's Geschichte der Kopten*, Göttingen, 1845, S. 140.

³⁵ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, стр. 25.

³⁶ G. Möller, *Hieratische Palciographie*. Ergänzungsheft zu Bd. I und III, Leipzig, 1936, Vorbemerkung.

этом тексте уже явно видно стремление писать с наименьшей затратой времени и энергии: например, цифра 10 обозначена здесь точно так, как и в иератических документах V династии³⁷.

В Бет-Халлафе, в гробницах царей III династии Джосера и Небка, Гарстанг нашел остраконы с чернильными иератическими текстами. Г. Мёллер приводит 35 знаков из этих текстов и отмечает, что при начертании их (даже в тех случаях, когда знак или его часть были выполнены одним росчерком пера) сcribes стремились возможно ближе держаться к иероглифическому оригиналу³⁸.

2. Иератика Древнего царства (с V династии до XI включительно). Ко времени правления V династии иератическое письмо уже вполне сложилось: документ из заупокойного храма царя Нефериркара имеет все черты канцелярского письма с установившимися лигатурами. Знаки выполнены тщательно. В последующие столетия, вплоть до конца XI династии, их очертания мало изменяются, но становятся явно грубее. В письме, как и в искусстве, сказалось огрубение и одичание, характерное для эпохи после правления VI династии. Иератические тексты V династии (время фараона Исеси) и некоторые тексты из Хатнуба конца XI династии, разделенные периодом в 400—450 лет, ближе друг другу палеографически, чем эти хатнубские тексты к храмовому дневнику из Иллахуна (время фараона XII династии Сенусерта III), написанному позже этих текстов всего лишь на 150 лет. Иератический текст начала XII династии, датированный 31-м годом правления Сенусерта I, палеографически мало отличается от иератических текстов периода царствования Сенусерта III и более позднего времени. Таким образом, тип письма изменялся в течение приблизительно 80 лет — на рубеже XI и XII династий³⁹. [62]

3. Иератика Среднего царства (XII — начало XVIII династии включительно). Наметившееся уже в конце Древнего царства расхождение между книжной и курсивной иератикой в эпоху Среднего царства приобретает ярко выраженный характер. Эта эпоха была одной из самых блестящих в истории Египта. Экономическое и культурное благосостояние страны достигло высокого уровня; очень расширилось применение письма — как иероглифического, так и иератического. Документы хозяйственной отчетности и деловая корреспонденция писались курсивной иератикой, которая в значительной степени отличалась от современной ей книжной иератики. Основная масса дошедших до нас курсивных текстов того времени — кахунские папирусы — были изучены и опубликованы Гриффисом. Книжной иератикой написаны такие общеизвестные литературные и научные тексты, как Папирус Присс, Берлинский папирус № 3022 (Синухэ), Папирус Эберс и др. Письмо этих текстов очень четкое. Папирус Эберс представляет собой шедевр каллиграфического искусства.

4. Иератика Нового царства (с середины XVIII до XXI династии включительно). Для иератических текстов XVIII династии и первой половины XIX характерны ясность и изящество, но формы знаков здесь иные, чем в книжной иератике предшествующего периода. Начиная со второй половины XIX династии формы знаков ухудшаются, появляется все больше излишних штрихов и завитков, очертания становятся менее четкими. Вместе с тем в некоторых документах, преимущественно времени правления XX и XXI династий, встречаются палеографические особенности, позволяющие отличать тексты из Верхнего Египта от текстов из Нижнего Египта. Эти различия очень заметны в Большом папирусе Харрис⁴⁰.

Расхождение между книжной и курсивной иератикой достигает в это время такой степени, что у них остается мало общего. Особые лигатуры и сокращения в курсивной иератике делают облик отдельных знаков почти неузнаваемым.

5. Книжная иератика позднего времени (с XXII династии по греко-римское время — III в. н. э. включительно). В течение этого периода книжная иератика претерпевает существенные изменения. Они заключаются в следующем: во-первых, постепенно появляется совершенно определенная тенденция вернуться к лучшим образцам книжной иератики XVIII династии; во-вторых, обнаруживается стремление приблизить иератический знак к его иероглифическому оригиналу; [63] в-третьих, сводятся на нет индивидуальные особенности почерка писцов.

³⁷ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. I, Leipzig, 1927, S. 1.

³⁸ Ibid., S. 2.

³⁹ Ibid., S. 3.

⁴⁰ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, Leipzig, 1927, S. 1–2.

Тексты XXV—XXVI династий, которых сохранилось немного, почти не отличаются от текстов XXII династии. Для последующей же стадии развития иератики характерны штрихи и мелкие, близко стоящие знаки.

Введение в обиход тростникового пера не вытеснило до конца традиционную кисточку. Тексты, написанные кисточкой и пером, выглядят различно, так как пером приходилось писать почти без нажима (оно цеплялось за волокна папируса, не представлявшие препятствия для мягкой кисточки)⁴¹.

Со времени XX династии книжная иератика постепенно превращается в письмо, предназначенное исключительно для религиозных документов.

6. Анормальная иератика. Так Ф. Гриффис назвал самый поздний этап развития иератики, когда она достигла наибольшей курсивности⁴². Текстов с анормальной иератикой дошло до нас около 150, из них опубликовано вполне надежно всего около 30. Все эти тексты относятся к эпохе правления XXV и XXVI династий.

Изучение анормальной иератики находится в начальной стадии. Тем не менее уже можно кое-что сказать, о ее происхождении. Анормальная иератика развилась из верхнеегипетской, в частности фиванской, курсивной иератики (XXI и XXII династий) и является кульминационным пунктом ее эволюции⁴³. К концу XXVI династии анормальная иератика была вытеснена демотическим письмом.

По мнению французского египтолога М. Малинина, «развитие "анормальной иератики" представляется нам вполне естественным; начиная со времени Псамтика I, рисунок письма постепенно улучшается и становится более четким и ясным...»⁴⁴. Однако это почти не уменьшает трудностей расшифровки, связанных с исключительно высокой степенью курсивности текстов анормальной иератики. Изучению анормальной иератики посвящен ряд трудов Г. Мёллера, Ф. Гриффиса, Я. Черного и М. Малинина.

В Государственном Эрмитаже хранится один текст анормальной иератики — документ хозяйственной отчетности, так называемый Папирус Прахова, вывезенный из Египта в конце [64] прошлого века известным русским искусствоведом А. Праховым. Фотография этого папируса (без перевода) и его описание были опубликованы Б. А. Тураевым⁴⁵.

Как показывает этот весьма беглый обзор, иератика с момента своего возникновения все больше и больше расходилась с иероглифическим письмом. Поэтому вполне естественно, что в процессе ее развития появились особенности, отличающие иератическое письмо от иероглифического не только по внешнему виду знаков, но и по способу их употребления. Это прежде всего относится к иератике Нового царства. Например, если в иероглифическом письме довольно часто встречаются двузвучные фонограммы без фонетического дополнения, то в иератических текстах двузвучные фонограммы всегда сопровождаются фонетическим дополнением⁴⁶. В иератических текстах орфография многих слов гораздо более стабильна, чем в иероглифических, но вместе с тем нередко и в иератике одно и то же слово пишется различными знаками.

Иероглифическая транскрипция иератического текста должна сохранять особенности иератического написания, в первую очередь орфографию, чтобы такую транскрипцию можно было сразу же отличить от копии иероглифического текста⁴⁷. Для правильной передачи иератического текста иероглифическими знаками большое значение имеет ряд конкретных деталей, на которых здесь нет возможности останавливаться.

В противоположность иероглифике все без исключения иератические тексты написаны справа налево. В связи с этим следует вспомнить слова Геродота: «Эллины пишут и считают камешки от левой руки к правой, а египтяне от правой к левой, хотя и утверждают, что они пи-

⁴¹ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. III, Leipzig, 1936, Ss. 1–2.

⁴² P. Ll. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library*, vol. III, Manchester, 1909, p. 12.

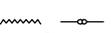
⁴³ M. Malinine, *Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique*, pt. I, Paris, 1953, pp. IV, IX, XIV, XXII.

⁴⁴ Ibid., p. XX.

⁴⁵ Б. А. Тураев, *Papyrus Prachov* собрания Б. А. Тураева, Л., 1927.

⁴⁶ A. H. Gardiner, *The transcription of New Kingdom Hieratic*, — JEA, vol. 15, 1929, p. 49.

⁴⁷ Ibid., p. 61.

шут к правой руке, а эллины к левой»⁴⁸. В путаном и неясном сообщении греческого историка есть, однако, доля истины: действительно, как это показал еще Г. Бругш, отдельные знаки в иератике писались слева направо, при общем направлении строки справа налево; таковы, например, знаки ⁴⁹.

В иератических текстах встречается вертикальное и горизонтальное направление строк: в иератике Древнего царства строки располагались только вертикально, в текстах Среднего царства — и вертикально и горизонтально, во времена [65] же гиксосов вертикальная строка исчезает. Изменение направления строки имело некоторое влияние на форму знаков: широкие, рассчитанные на заполнение всего пространства вертикальной строки, знаки становились более сжатыми⁵⁰.

Начиная со второй половины XVIII династии письма и деловые документы продолжали писать на стороне *recto*, но строки в это время уже шли перпендикулярно к направлению волокна папируса. Это объясняется тем, что документы писали не вдоль папируса, а поперек его (рис. 2).

Рис. 2

Именно так написан отчет Ун-Амуна. Я. Черный усматривает здесь подтверждение тому, что этот текст не литературное произведение, а деловой документ («подлинный отчет»)⁵¹.

Иератические тексты пагинации не имеют⁵², за исключением двух папирусов, которые относятся ко времени, предшествующему эпохе Нового царства: Папируса Батлера (Butler) и Медицинского папируса Эберса. Папирус Батлера содержит отрывок повести о красноречивом селянине; строки на нем расположены вертикально, 20, 30 и 40-я пронумерованы. На Папирусе Эберса пронумерованы колонки текста; цифры, обозначающие их, стоят наверху в середине⁵³.

В иератических текстах, в основном написанных черными чернилами, встречаются выражения и отдельные слова, выделенные красными чернилами. Это особенно характерно для текстов Нового царства. Красные чернила писцы применяли для того, чтобы привлечь внимание читателей к определенным местам. Ими писали слова, начинающие новый важный абзац, колофоны, знак , заканчивающий самостоятельные [66] по содержанию разделы текста (он встречается только в текстах Нового царства)⁵⁴. Красными чернилами писали также имена бога

⁴⁸ Геродот, II, 36.

⁴⁹ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. I, S 7.

⁵⁰ Ibid., S. 7–8

⁵¹ J. Černý, *Paper and books in Ancient Egypt*, pp. 21–22.

⁵² G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, S. 6; Bd. III, S. 5.

⁵³ Ibid., Bd. I, S. 8.

⁵⁴ H. Grapow, *Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte*, Glückstadt, 1936, Ss. 51–53; G. Posener, *Sur l'emploi de l'encre rouge dans les manuscrits égyptiens*, — JEA, vol. 37, 1951, pp. 75–80.

Сета и змея Апопа (в поздних текстах), слово *hftj* "враг", выражение *kj dd* (букв. "другое говорение"), начинающее новый абзац, выделяли названия некоторых знаков в документах хозяйственной отчетности⁵⁵, исправляя ошибки писцов и иногда ставили точки (только в текстах Нового царства, в основном литературного содержания), причем точки проставляли в ранее написанном тексте, чтобы облегчить его чтение и понимание⁵⁶. Здесь необходимо отметить, что египетская пунктуация весьма отлична от нашей: нередко точки расставлены там, где нам они представляются лишними, и наоборот.

Несомненно, иератическое письмо как фактор культурного развития играло в жизни Египта огромную роль. Надо иметь в виду, что дошедшие до нас иератические тексты — это лишь ничтожная доля всего написанного иератическим письмом на протяжении более чем трех тысячелетий. Однако даже сохранившиеся тексты свидетельствуют о том, что именно иератическим письмом зафиксированы основные достижения египетской мысли. Следует также помнить, что некоторые египетские иероглифические тексты, например анналы Тутмоса, являются чем-то вроде транскрипции иератических текстов⁵⁷. Сами египтяне продолжали интересоваться иератическим письмом и тогда, когда его употребление ограничилось исключительно религиозными текстами. Это подтверждается найденными в Танисе фрагментами папируса римского времени, который представляет собой список иероглифических знаков с их иератическими эквивалентами⁵⁸. К сожалению, этот очень интересный документ — единственный в своем [67] роде, но подобные списки, безусловно, создавались для писцов и в предшествующие эпохи.

§ 13. ДЕМОТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Термин «демотическое письмо» заимствован у античных авторов, которые хорошо знали по внешнему виду этот тип египетского курсива, широко распространенного в их время. Геродот и Гелиодор называют его «народным» (δημοτικά), Диодор — «народным письмом» (δημώδη γράμματα) или «письмом более общего изучения» (γράμματα τὰ κοινότερα ἔχοντα τὴν μάθησιν), Климент Александрийский и вслед за ним Порфирий — «письмом писем» (γράμματα ἐπιστολογραφικά)⁵⁹, Розеттский декрет (строка 197 греческого текста) — «туземным» (ἐγχώρια), Канопский декрет (строка 286 греческого текста) — «(письменами) египетскими» — (γράμματα) αἰγύπτιοις. Египетское *ss n sʿj* "письмо писем" в иероглифическом тексте Розеттского декрета (строка 14) соответствует греческому ἐγχώρια, а в Канопском декрете — греческому (γράμματα) αἰγύπτιοις⁶⁰. Все эти названия отражали роль и значение данного вида письма.

Термин «демотический» в египтологии применяется для определения и демотического письма и демотического языка. Хотя эти два понятия очень близки друг к другу, надо подчеркнуть, что они не совпадают; не все демотические тексты написаны на демотическом языке.

Демотическое письмо отличается как от курсивной, так и от аномальной иератики. Уже в ранних демотических текстах нет многих знаков, типичных для иератики. Демотика выработала свои письменные знаки. Она богаче курсивной иератики разнообразными лигатурами, которые значительно отличаются от лигатур иератических. Вместе с тем в демотике гораздо чаще, чем в иератике, употребляются алфавитные знаки, и число слов, написанных ими, несравненно больше, чем в иератических текстах⁶¹.

⁵⁵ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. III, S. 4; G. Posener, *Sur l'emploi de l'encre rouge dans les manuscrits égyptiens*, — JEA, vol. 37, 1951, pp. 75–80; A. H. Gardiner, *Ramesside texts relating to the taxation and transport of corn*, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 26–27; B. Gunn, *The use of red for amounts of cereals in hieratic*, — JEA, vol. 27, 1941, p. 157.

⁵⁶ H. Grapow, *Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte*, Ss. 52–53; A. Erman, *Die ägyptischen Schülerhandschriften*, — APAW, Phil.-hist. Kl., 1925, № 2; A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 56–58.

⁵⁷ H. Grapow, *Studien zu den Annalen Thutmosis des Dritten und zu ihnen verwandten historischen Berichten des Neuen Reichs*, Berlin, 1949, S. 60 ff.

⁵⁸ F. Ll. Griffith, *The Sing papyrus*, — в кн.: F. Ll. Griffith — Fl. Petrie, *Two hieroglyphic papyri from Tanis*, London, 1898.

⁵⁹ Геродот, II, 36; Гелиодор, IV, 8, прим. 159; Диодор, III, 3; I, 81; Климент Александрийский, *Строматы*, V, 4, стр. 532; Порфирий, *О жизни Пифагора*, прим. 51.

⁶⁰ Urk., II, 164, 197.

⁶¹ W. Erichsen, *Auswahl frühdeiotischer Texte*, Hft. I, Kopenhagen, 1950, S. XI.

Как было указано в предыдущем параграфе, иероглифическая транскрипция курсивных иератических текстов может почти точно соответствовать иератическому оригиналу. [68] Иероглифическая же транскрипция демотических текстов ввиду упомянутых особенностей демотического письма гораздо более произвольна, и поэтому демотические тексты, как правило, не транскрибируются иероглифами: они обычно сопровождаются фонетической транскрипцией. Существует два основных метода транскрипции. Одна — так называемая историческая — передает фонетический согласный состав написанных знаков; этой транскрипцией пользуются, чтобы передать звуки иероглифического или иератического текста. Вторая построена на базе коптской фонетики, т. е. с учетом гласных звуков (в демотическом письме впервые весьма непоследовательно начинают использовать для передачи гласных некоторые знаки, обычно обозначающие согласные звуки)⁶². Эту систему транскрипции применяли в своих работах ф. Гриффис и Х. Томпсон.

Число знаков демотического письма не велико — в списке В. Эрихсена приведено около 260 знаков, 38 из них имеют алфавитные значения⁶³. Многие знаки являются курсивным сокращением сочетаний иероглифов, употреблявшихся в групповом письме. Трудность чтения демотического письма состоит прежде всего в том, что у каждого знака, как правило, есть несколько значений, т. е. они полифоничны: например, вертикальная черта | имеет фонетические значения *l*, *w*, *h*, *dj*, а также пишется во многих словах просто как штрих; знак может читаться *ʿwj*, *ʿn*, *bn*, *kd*, *tn*, *k*, он же используется как детерминатив в слове *grh* "ночь", как фонограмма в слове *ʿhʿ* "стоять" и т. д.⁶⁴. Другая трудность заключается в том, что один и тот же знак имеет несколько вариантов начертаний, которые иногда довольно резко отличаются друг от друга.

Демотика — одна из наименее разработанных областей египетской филологии. Демотическое письмо и язык занимают промежуточную ступень между новоегипетским языком и коптским. Поэтому прав был В. Шпигельберг, когда писал, что «без овладения египетским, новоегипетским и коптским языками, а также иератическим письмом, изучение демотического является напрасной и бесполезной работой»⁶⁵.

В течение многих лет демотические тексты из-за трудности их чтения почти не исследовались. После Г. Бругша и Э. [69] Ревилью — пионеров в этой области, труды которых теперь уже устарели, — огромный вклад в науку внесли К. Зете, Ф. Гриффис и В. Шпигельберг; на их работах зиждутся все последующие достижения науки в этой области. Лишь в самое последнее время появились труды справочного характера — списки знаков и демотический словарь, — столь необходимые исследователям. В настоящее время благодаря работам Н. Томпсона, В. Эджертона, В. Эрихсена, Н. Рейха, М. Малинина и других в изучении демотических текстов достигнуты значительные успехи. Однако и до сих пор не существует ни демотической палеографии, ни подробного словаря, включающего весь известный лексический материал.

История демотического письма охватывает примерно двенадцать веков — с VII в. до н. э. до V в. н. э. На протяжении этого времени демотическое письмо развивалось и видоизменялось. Его история делится на следующие этапы:

1. Демотика ранняя (с VII в. до н. э.) — время XXVI—XXX династий.
2. Демотика птолемеевского времени.
3. Демотика римско-византийского времени (последний демотический текст датирован 452 г. н. э.)⁶⁶.

Вопрос о возникновении демотики нельзя считать окончательно решенным. Несомненно лишь то, что демотика развилась из иератики; это признают все исследователи. А. Эрман в 1890 г. писал: «Мы видим, где иератический курсив превращается в демотику»⁶⁷. Много позже Г.

⁶² W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, Heidelberg, 1925, § 3.

⁶³ W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. 3, Kopenhagen, 1950.

⁶⁴ W. Erichsen, *Demotische Lesestücke*, Bd. I, *Literarische Texte mit Glossar und Schrifttafel*, Hft. 3 (Schrifttafel), Leipzig, 1937, Ss. 2, 23–24.

⁶⁵ W. Spiegelberg, *Der gegenwärtige Stand und die nächsten Aufgaben der demotischen Forschung*, — *ZÄS*, Bd. 59, 1924, Ss. 131–139.

⁶⁶ W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, S. II–III; W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 1; M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, p. III.

⁶⁷ A. Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, Bd. II, Berlin, 1890, S, 48.

Мёллер в своем капитальном труде о иератической палеографии указывал: «Курсивная иератика XXI династии с одинаковым правом может быть названа и ранней демотикой и курсивной новой иератикой»⁶⁸. Однако в дальнейшем после тщательного изучения нового материала эти формулировки оказались несостоятельными.

Мы не располагаем текстами, на основании которых можно было бы судить о возникновении и первых шагах демотического письма, поэтому естественно, что в решении этого вопроса имеется ряд гипотетических и недоказанных моментов. Древнейшие известные демотические документы датированы временем правления фараона XXVI династии Псамтика I, и в них демотика обладает уже своими характерными [70] особенностями. В 1953 г. большой знаток аномальной иератики и демотики М. Малинин изложил свою точку зрения на происхождение демотики⁶⁹. Его теория сводится к следующему.

В книжной иератике XX—XXI династий, как уже упоминалось выше, появляются палеографические признаки, позволяющие отличать тексты из Нижнего Египта от текстов из Верхнего Египта⁷⁰. Однако никаких папирусов более позднего времени, чем эпоха Нового царства, из Нижнего Египта до нас не дошло. Все курсивные иератические тексты XXI—XXII династий, так же как и тексты аномальной иератики XXV—XXVI династий, происходят из Верхнего Египта. Палеографически аномальная иератика является непосредственным продолжением курсивной иератики. Следовательно, развитие курсивной иератики в Верхнем Египте прослеживается вплоть до XXVI династии. Относительно демотики Ф. Гриффис еще в 1909 г. писал: «Настоящая демотика должна была возникнуть и усовершенствоваться в Среднем или Нижнем Египте»⁷¹. Это положение Ф. Гриффиса полностью разделяет и В. Эрихсен⁷². М. Малинин считает, что различия между верхнеегипетской и нижнеегипетской иератикой времени правления XIX и XX династий в дальнейшем должны были усилиться в связи с политической децентрализацией страны. В результате углубления этих различий появилась демотика как поздняя стадия развития нижнеегипетской курсивной иератики.

«Как мне кажется, — писал М. Малинин, — развитие демотики могло быть лишь длительным явлением, сходным с развитием южной курсивной иератики. Поэтому неправильно рассматривать демотику самых ранних известных нам текстов как начальную стадию ее развития. Такая оценка подразумевала бы, что исходным пунктом развития демотики была радикальная реформа египетской системы письма, осуществленная школой египетских писцов в начале саисской эпохи»⁷³.

М. Малинин не соглашается с утверждением В. Шпигельберга, что «демотика в VIII—IV вв. до н. э. (переходный период) развилась из курсивной иератики путем систематических сокращений и приобрела свой стереотипный [71] вид на исходе IV столетия до н. э.»⁷⁴. М. Малинин возражает против слов «систематические сокращения», содержащихся в формулировке В. Шпигельберга, так как именно эти слова подразумевают сознательную реформу египетского письма сcribes, реформу, которую М. Малинин считает невероятной.

Далее М. Малинин дает определение ранней демотики: «Ранняя, или архаическая, демотика есть система египетского курсивного письма XXVI—XXX династий, применявшегося для официальных документов. Эта система письма должна была возникнуть естественным путем, без перерыва и преобразований, из самостоятельной ветви египетской курсивной иератики, ветви, развившейся постепенно в одном из центров Нижнего Египта»⁷⁵.

Таким образом, превращение верхнеегипетской курсивной иератики в аномальную иератику и превращение неизвестного нам нижнеегипетского иератического курсива в раннюю демотику — это два параллельных процесса. Вместе с тем «близость этих обеих систем письма сводится к следующему: отойдя от своих систем книжной иератики (от своих унциалов), от ко-

⁶⁸ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, S. 1.

⁶⁹ M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, pp. VII—XXI.

⁷⁰ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd. II, Ss. 2, 11—12.

⁷¹ F. Ll. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library*, vol. III, p. 11.

⁷² W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, Ss. IV—V.

⁷³ M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, p. XV.

⁷⁴ W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 1.

⁷⁵ M. Malinine, *Choix de textes juridiques...*, pt. I, p. XVI.

торых они зависели вначале, обе системы курсива проявляют одинаковую двойную тенденцию развития: с одной стороны, они стремятся к каллиграфии, с другой — к все усиливающейся курсивности»⁷⁶.

Аномальная иератика представлена верхнеегипетскими, главным образом фиванскими, текстами, начиная с царствования Шабаки (XXV династия) и кончая царствованием Ахмеса II (XXVI династия); ранняя демотика — текстами XXVI—XXX династий, которые также происходят в основном из Верхнего Египта и, в частности, из Фив. М. Малинин обращает внимание на то, что на протяжении царствования XXVI династии обе системы письма сосуществовали в Фивах, а затем демотика вытеснила аномальную иератику.

Указав, что ранняя демотика как система письма не имела никаких палеографических преимуществ перед аномальной иератикой и что последняя вовсе не изжила себя, М. Малинин видит причину победы ранней демотики над аномальной иератикой в исторических условиях развития Египта. Как известно, начиная с XXVI династии политический и культурный центр страны перемещается из Верхнего Египта в Нижний. Поэтому вполне понятно, что именно нижнеегипетская [72] система курсивного письма, т. е. демотика, одержала победу над верхнеегипетским курсивным письмом, т. е. аномальной иератикой. То, что самые ранние демотические тексты обнаружены в Верхнем, а не в Нижнем Египте, несколько не опровергает факта происхождения демотики из Нижнего Египта: это лишь свидетельствует о том, что во времена XXVI династии влияние Нижнего Египта в Фивах было уже достаточно сильным⁷⁷.

Связь ранней демотики с иератикой отлично иллюстрируют два самых ранних известных науке демотических документа, происходящих из Эль-Хибе и датированных 21-м годом правления Псамтика I. Оба они изданы сначала Ф. Гриффисом, потом В. Эрихсеном⁷⁸. Последний абсолютно правильно характеризует их как тексты, написанные смешанным иератическо-демотическим письмом; он говорит: «В обоих документах из Эль-Хибе от 21-го года царствования Псамтика I на демотическом письме лежит яркий отпечаток иератики и наблюдается написание одних и тех же слов разными способами, что резко противоречит настоящей демотике»⁷⁹. Это совершенно бесспорно. Следует добавить, что элементы иератики в данных документах гораздо ближе к иератике книжной, чем к курсивной, например, написание слова *ht-ntr* "храм" в документе № 1 (стр. 1, строка 7 по изданию В. Эрихсена) и др. Эти факты свидетельствуют о том, что ранняя демотика, развившаяся из нижнеегипетского иератического курсива, вместе с тем в какой-то мере испытывала на себе влияние книжной иератики.

Нельзя обойти молчанием весьма интересную попытку древних египтян перейти от сложного демотического письма к подлинно звуковому алфавиту. Мы видим ее в Большом демотическом магическом папирусе III в. н. э.⁸⁰. Ко многим словам этого текста написаны глоссы, всего 695. Из них 93 написаны алфавитом, состоящим из 36 знаков, преобладающее количество которых заимствовано из демотического письма, и лишь очень немногие из греческого. Такие знаки передают и согласные и гласные звуки. Остальные глоссы написаны греческим алфавитом, дополненным несколькими знаками из демотического письма, передающими отсутствующие [73] в греческом языке звуки⁸¹. Это уже предвестник коптского алфавита.

§ 14. ТРУДНОСТИ В ПОНИМАНИИ ЕГИПЕТСКИХ ТЕКСТОВ

Каждому, имеющему дело с египетскими текстами, хорошо известно, какие серьезные препятствия часто встречаются при их переводе. Вряд ли существует хоть один более или менее значительный по объему египетский текст без испорченных или непонятных мест. Поэтому

⁷⁶ Ibid., pp. XVI–XVII.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ F. Ll. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library*, vol. I, Manchester, 1909, pt. I; W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, Ss. 1–6.

⁷⁹ W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft. I, S. V.

⁸⁰ F. Ll. Griffith — H. Thompson, *The demotical magical papyrus of London and Leiden*, vol. I–III, London, 1904–1909; vol. IV, Oxford, 1921.

⁸¹ F. Ll. Griffith, *The glosses in the magical papyrus of London and Leiden*, — ZÄS, Bd. 46, 1909, Ss. 117–118; H. Grapow, *Vom Hieroglyphisch-Demotischen zum Koptischen*, — SPAW, Phil.-hist. Kl., 1938, № 28, Ss. 322–349.

филологический комментарий к научному изданию или переводу египетских текстов является насущной необходимостью.

Трудности в понимании египетских текстов связаны с недостаточностью наших познаний в египетской грамматике и словаре, а также с имеющимися в текстах графическими ошибками.

Датский египтолог А. Вольтен, конечно, правильно говорит, что искажения встречались уже в текстах Древнего царства⁸². Однако он ссылается на «Поучение Птахотепа» (608—609), в котором якобы содержится наставление, предостерегающее от искажения текста, и принимает перевод этого места, сделанный А. Эрманом: «Не опускай никакого слова, и не прибавляй, и не ставь никакого (слова) на место другого»⁸³. Позднее З. Жаба доказал, что такой перевод неверен и что приведенные слова к текстам и папирусам никакого отношения не имеют⁸⁴.

А. Вольтен сделал интересную попытку проанализировать искажения текстов и классифицировать их по группам. По его мнению, все ошибки и искажения связаны с тем, что либо диктующий неправильно читал вслух текст, либо писец неправильно записывал, потому что не понимал или ошибочно воспринимал услышанное, или, наконец, потому что старался «исправить текст сознательно, в действительности же не исправлял, а искажал его по незнанию или непониманию»⁸⁵.

Как отметил Б. Ван де Валле, в этой классификации пропущены искажения, связанные со зрительным восприятием писца: [74] переписывая текст, писец повторял ошибки и искажения оригинала, а также ошибался и сам. Б. Ван де Валле⁸⁶ приводит слова Д. Гро и С. Рейнака о происхождении подобных ошибок: «копирующий текст не смотрит на него непрерывно: прочтя какую-то часть фразы, он как бы диктует ее самому себе. Если он не знает орфографии, он допускает орфографические ошибки даже при списывании, если он невнимателен, он пропускает слова или пишет одни слова вместо других»⁸⁷.

О визуальных ошибках при копировании писал и Г. Масперо: «Было бы неправильно полагать, что профессионалы были приучены переписывать классические произведения слово в слово, не сводя глаз с текста. Как писцы наших дней и, по правде говоря, как писцы всех времен, они читали части фраз или целые фразы, которые затем диктовали себе уже на память, не заглядывая снова в текст. Этот способ работы неизбежно приводит к пропуску слов или замене одних слов другими, близкими по смыслу или произношению»⁸⁸.

На один из источников ошибок в текстах указывает Ж. Познер: «Человек выучивал текст папируса либо по рукописи, либо слушая его и повторяя, либо комбинируя слуховое и зрительное восприятие. Позже, через дни, месяцы и годы, по необходимости или ради удовольствия, он диктовал его или сам записывал (на папирусе, остраконе и т. п.). В таком тексте оказывались пропуски или перестановки строк, что было не ошибкой копирования и не ошибкой диктовки, а лишь недостатком памяти»⁸⁹.

Искажения в текстах вызывались в значительной мере сложностью и громоздкостью египетской системы письма. Специфические ошибки нередко делались при переписывании древних текстов, во-первых, потому, что их язык и письмо были мало понятны писцу, а, во-вторых, потому, что оригинал бывал разрушен или сильно поврежден. Добросовестный писец в таких случаях оставлял в своей копии пустое место, намереваясь, быть может, заполнить его позже, использовав другой экземпляр, или вписывал в эти лакуны стандартное выражение: *gm wšr* (букв. "найден нехватящим"). Так, например, поступил писец экземпляра Книги мертвых, [75] принадлежавшего Гатсетену, — он заполнил этим выражением все места, где отсутствова-

⁸² A Volten, *Studien zum Weisheitsbuch des Anii*, København, 1937, p. 8.

⁸³ A Erman, *Die Literatur der Ägypter*, Leipzig, 1923, S. 98.

⁸⁴ Z. Žaba, *Les maximes de Ptahhotep*, Prague, 1956, pp. 169–170.

⁸⁵ A Volten, *Studien zum Weisheitsbuch des Anii*, pp. 13–14.

⁸⁶ B. Van de Walle, *La transmission des textes littéraires égyptiens avec une annexe de G. Posener*, Bruxelles, 1948, pp. 26–27.

⁸⁷ Цит. по кн.: B. Van de Walle, *La transmission des textes littéraires égyptiens...*, p. 62.

⁸⁸ G. Maspero, *Hymne au Nil*, Le Caire, 1912, p. XVII.

⁸⁹ Цит. по кн.: B. Van de Walle, *La transmission des textes littéraires égyptiens...*, p. 63.

ли иллюстрации и виньетки. Иногда вписывалось другое выражение: *šw m irj.f* (букв. "пустое от того, что принадлежит ему")⁹⁰.

Текст Книги мертвых подвергался, пожалуй, наибольшим искажениям. Это объясняется тем, что, с одной стороны, она содержит немало древних текстов, смысл которых во время ее наибольшего распространения вряд ли был понятен писцам-профессионалам, а, с другой стороны, писцы, ее изготовлявшие, отлично знали, что эту книгу никто читать не будет и поэтому относились к своей работе небрежно.

§ 15. ВЛИЯНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМА НА СИСТЕМЫ ПИСЬМА ДРУГИХ НАРОДОВ И НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛФАВИТА

Одно время в науке были очень модны представления, что Двуречье являлось истоком культуры на Древнем Востоке и что шумеро-вавилонская культура обладала особой действенностью, перед которой блекло значение и влияние других древневосточных культур⁹¹. Как правильно указал К. Зете, «так называемый панвавилонизм временно совершенно заслони от нас все то, чем обязана наша культура другому древневосточному народу, история которого прослеживается в еще более глубокой древности, — египетскому»⁹². Действенность вавилонской культуры и широкое распространение ее влияния обуславливаются не превосходством ее над культурой Египта, не большим богатством содержания, а объективными условиями ее исторического развития.

Двуречье в силу своего географического положения не было изолировано от соседних стран и уже с древнейших времен подвергалось нашествиям разных народов и племен. Их постоянные сношения и столкновения не могли не способствовать распространению вавилонской культуры и ее важнейшего элемента — клинописи — по всей Передней Азии.

Египет же был отделен от внешнего мира значительно больше, чем Двуречье: Ливийская и Аравийская пустыни на западе и востоке и Средиземное море на севере являлись естественными преградами, весьма затруднявшими проникновение [76] в долину Нила. Это было подчеркнуто еще Диодором Сицилийским, который подробно описал положение страны и пришел к следующему выводу: «Страна Египет, таким образом, хорошо укреплена со всех сторон самой природой...»⁹³.

Своему географическому положению Египет обязан тем, что вплоть до XVIII в. до н. э. он не подвергался серьезным нападениям и жил относительно замкнуто, изолированной жизнью. По этой же причине сфера его культурного влияния значительно меньше, чем сфера влияния Двуречья. Однако здесь следует подчеркнуть, что речь идет не об абсолютной, а лишь о сравнительной замкнутости и изолированности Египта. Вопрос о культурном влиянии Египта в Африке — очень важный и интересный, но, к сожалению, далеко еще не разработанный. Во всяком случае в Напата и Мероэ воздействие Египта проявилось чрезвычайно сильно.

Другой исконной областью египетского влияния были страны, расположенные по восточному побережью Средиземного моря, — Палестина и Финикия. Здесь египетская культура временами сталкивалась с вавилонской и далеко не всегда оказывалась побежденной. Наконец, далекий Крит, с древних времен находившийся в сношениях с Египтом, испытывал культурное воздействие последнего. Во всех этих странах можно проследить влияние египетского письма на развитие культурной жизни народов, их населявших.

В VIII в. до н. э. далеко к югу от Египта, близ 4-го нильского порога, сложилось Эфиопское государство со столицей Напата. По выражению Б. А. Тураева, оно «было сначала сколком с Египта Нового царства»⁹⁴. Египетская религия с культом Амона, египетское искусство, египетские методы управления — все это по форме, но далеко не всегда по сути, было воспринято

⁹⁰ J. Černy, *Paper and books in Ancient Egypt*, p. 28; L. Borchardt, *Bemerkungen zu den ägyptischen Handschriften des Berliner Museums*, — ZÄS, Bd. 27, 1889, Ss. 118–122.

⁹¹ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 35.

⁹² K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 89.

⁹³ Диодор, I, 30–31.

⁹⁴ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, Л., 1935, стр. 175.

Эфиопским государством. Египетский язык и египетское иероглифическое письмо официально стали языком и письмом страны. Надписи эфиопских фараонов отличаются хорошим литературным стилем. Впоследствии (примерно между VI и IV вв. до н. э.), когда резиденция царей была перенесена в Мероэ, к югу от 5-го порога, и когда политические и культурные связи Эфиопии с Египтом ослабели, египетский язык и письмо были вытеснены местным языком и мероитским письмом (рис. 3).

Мероитский алфавит состоит из двадцати трех иероглифических знаков, обозначающих согласные и гласные звуки⁹⁵. [77]

		a (или алеф)			l
		e			h (kh)
		ē			h (kh)
		i			s
		y			š (sh)
		w			k
		b			q
		p			t
		m			te
		n			tê
		ñ			z
		r			

Рис. 3

Двадцать из этих знаков заимствованы из иероглифической системы Египта без всяких изменений, однако фонетическое значение их в ряде случаев иное. Египетские двузвучные фонограммы *bʒ*, *wʒ*, *šʒ* приобретают в мероитском письме соответственно значение *b*, *w*, *š*. Египетский алфавитный знак *š* в мероитском алфавите имеет значение *r*. Египетский иероглифический знак (Sign-List, A26), служащий детерминативом в некоторых словах, в мероитском алфавите обозначает гласный звук *i*; египетский иероглиф (Sign-List, D10), изображающий человеческий глаз и служащий [78] идеограммой или детерминативом слова *wʒt* в мероитском алфавите обозначает звук *z*; египетский иероглифический знак (Sign-List, F1), представляющий голову быка и являющийся идеограммой слова *kʒ* "бык", в мероитском алфавите выражает гласный звук *e*; египетский иероглиф (Sign-List, H6), изображающий страусовое перо и имеющий фонетическое значение *šw*, в мероитском алфавите выражает гласный звук *ē* и т. д.

Наряду с мероитским иероглифическим алфавитом появляется и мероитское курсивное алфавитное письмо: каждому иероглифическому алфавитному знаку соответствует курсивный знак. Эти знаки по своему типу весьма похожи на демотические и их связь с последними очевидна.

Таким образом, египетское письмо было родоначальником древнейшего алфавита в Африке.

В научной литературе уделялось много внимания вопросу о сношениях Крита с Египтом. Египетское влияние на Крит уже в очень отдаленные времена (в I и II раннеминойские периоды, т. е. в первой половине III тысячелетия до н. э.) дает себя знать настолько сильно, что А. Уэс допускает возможность существования в это время египетской колонии на Крите⁹⁶.

В эпоху Древнего царства в Египте имела развитая система письма, представленная иероглифическими и иератическими текстами, на Крите же в этот период письма еще не было; оно начинает появляться здесь в конце III раннеминойского периода, соответствующего концу Древнего царства в Египте. Поэтому понятно, что сложившаяся система египетского иероглифического письма оказала влияние на более молодое, формировавшееся критское письмо. Раз-

⁹⁵ F. Ll. Griffith, *Meroitic inscriptions*, London, 1911, p. 49.

⁹⁶ A. J. B. Wace, *Early Aegean civilisation*, — «Cambridge ancient history», vol. I, London, 1928, p. 591.

витое иероглифическое критское письмо встречается на печатях I среднеминойского периода, т. е. конца III и начала II тысячелетия до н. э. Впоследствии оно превращается в так называемое линейное письмо А, из которого в свою очередь развивается линейное письмо В.

Внешнее сходство египетского и критского письма было отмечено еще в древности. Плутарх рассказывает, что спартанец Агесилай нашел в гробнице Алкмены бронзовую табличку с «большим количеством букв, возбудивших великое удивление, так как они производили впечатление глубокой древности. Ибо ничего нельзя было понять из них, хотя после [79] промывки бронзы буквы выступали вполне отчетливо. Буквы были чужеземные и более всего похожи на египетские»⁹⁷.

Основываясь на сравнительном изучении египетских и критских иероглифов, финский ученый Я. Сундвалл показал, что критская система письма заимствовала из египетской семьдесят иероглифических знаков⁹⁸. Таблица, в которой Я. Сундвалл приводит эти знаки, убедительнее всяких рассуждений. Правда, большая часть египетских иероглифов, встречающихся в критском письме, имеет другие значения, а многие из знаков претерпели известную модификацию⁹⁹. Например, египетский иероглиф (Sign-List, D26), изображающий две поднятые кверху руки, в критском письме видоизменяется: здесь руки не подняты, а скрещены. Очень часто египетские вертикальные знаки принимают в критском письме горизонтальное положение. Знаки, обозначающие меры веса, заимствованы критским письмом из египетской иератики; особенно поразительно сходство знаков, обозначающих дроби, с египетскими иератическими знаками. Цифры первого десятка в египетском и критском письме обозначаются одинаково — вертикальными штрихами: || 2, ||| 3 и т. д. Обе системы счета десятичные¹⁰⁰.

С. Доу высказал правдоподобное предположение, что критяне, имея постоянные сношения с Египтом, должны были знать папирус как материал для письма. Однако папирус не распространился на Крите. Это свидетельствует о том, что потребность писать у критян была несравненно меньше, чем у египтян, и что папирус — растение не критское¹⁰¹.

С египетским письмом тесно связана проблема происхождения алфавита. Как известно, родоначальником большинства алфавитов является финикийский алфавит. Происхождение алфавитов от финикийского выходит за пределы темы данной книги, но вопрос о генезисе финикийского алфавита имеет непосредственное отношение к египетскому письму. Проблему эту, очень интересную и сложную, еще в древности пытались разрешить по-разному. На египетское происхождение [80] финикийского письма указывал Тацит (*Annales*, XI, 14); среди финикийцев эллинистической эпохи сохранилось предание, приписывавшее изобретение финикийского письма египетскому божеству: Филон Библский (финикийский мудрец Санхуниафон) называл изобретателем финикийского письма египетского бога Тота, покровителя письма и писцов¹⁰².

В современной науке проблеме происхождения финикийского алфавита было уделено много внимания. Однако в нашу задачу не входит ни полный обзор всех существовавших по этому вопросу гипотез, ни история этой проблемы.

Первым, кто указал на египетское происхождение алфавита, был основатель египтологии Ж. Ф. Шампольон: «...Европа, получившая от древнего Египта начатки науки и искусства, обязана ему еще одним неоценимым благодеянием — алфавитным письмом»¹⁰³. Великий французский ученый писал: «В этом древнем египетском фонетическом письме, сколь бы несовершенно оно ни было само по себе, можно, пожалуй, признать если не начало, то, по меньшей мере, образец, слепым подражанием которому, возможно, были алфавиты народов западной Азии и в

⁹⁷ Plutarchus, *De Genio Sokratis*, vol. 7, — цит. по ст.: А. Эванс, *Критское линейное письмо*, — ВДИ, 1939, № 3, стр. 18.

⁹⁸ J. Sundwall, *Der Ursprung der kretischen Schrift*, — «Acta Academiae Aboensis», Humaniora, Abo, 1920, Ss. 1–25.

⁹⁹ J. Sundwall, *Über kretische Masszeichen*, — «Acta Academiae Aboensis», Humaniora, Abo, 1924, S. 2; E. Grumach, *Kretisch-ägyptische Scheffelzeichen*, — «Archiv orientální», vol. 10, 1938, pp. 427–432.

¹⁰⁰ G. Sarton, *Minoan mathematics*, — «Isis», vol. 24, 1936, pp. 375–381, S. Dow, *Minoan writing*, — *AJA*, vol. 58, 1954, p. 125.

¹⁰¹ S. Dow, *Minoan writing*, — *AJA*, vol. 58, 1954, p. 111.

¹⁰² K. Sethe, *Ursprung des Alphabets*, S. 101.

¹⁰³ Ж.-Ф. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите*, перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица, [М.—Л.], 1950, стр. 41.

особенности алфавиты соседних с Египтом наций»¹⁰⁴. Этому же мнению придерживались Шарль и Франсуа Ленорманы и известный семитолог Ж. Галеви. Начало финикийского алфавита в египетском иератическом письме видел и Э. де Руже¹⁰⁵.

Все эти положения, однако, были в гораздо большей степени догадками, чем обоснованными выводами.

Обратимся к фактам. Древнейшие финикийские надписи, дошедшие до нас, относятся приблизительно к XIII в. до н. э. Хотя сделаны они на камне и на металле, контуры букв округлены. Это свидетельствует о том, что финикийское письмо сложилось как курсивное в процессе длительного его применения на таком материале, который способствует стабилизации округлой формы знаков. Подобным материалом могли быть папирус, кожа и т.п. Очевидно, надписи, которыми мы располагаем, представляют собой сравнительно редкие образцы применения финикийского письма на твердых материалах. Памятников, свидетельствующих о возникновении финикийского письма, нет: они либо погибли, либо не найдены¹⁰⁶. [81]

Поскольку финикийское письмо нам известно в уже сложившемся виде, естественно и логично сопоставить его с какой-то из систем письма окружающих народов. Попытки вывести финикийский алфавит из кипрского силлабического письма, хеттских иероглифов, критского письма или ассиро-вавилонской клинописи потерпели неудачу¹⁰⁷, Клинопись в силу своей огласовки, а также потому, что она состоит исключительно из знаков, не имеющих никаких закруглений, не могла породить безгласный округлый финикийский алфавит.

Финикийское и египетское письмо имеют три общих момента:

- 1) направление справа налево;
- 2) безгласность;
- 3) акрофония алфавитных знаков (правда, в египетском письме акрофония только кажущаяся).

Выше рассматривалась причина безгласности египетской системы письма. Как установил А. Шэфер, в языке такой структуры, как египетский (и семито-хамитские языки), значение слова определяют в основном его согласные, гласные же играют только служебную грамматическую роль. Поэтому в идеографической системе письма подобного языка идеограммы обозначали только согласные, а когда идеограммы стали превращаться в фонограммы, последние передавали лишь сочетание согласных звуков. Безгласность финикийского алфавита могла быть им унаследована лишь от той системы письма, из которой он произошел. Такой системой письма могла быть только египетская.

Акрофония финикийского алфавита заключается в том, что каждый его знак (их 22) имеет свое название и выражает согласный звук, начинающий это название. В данном случае роли не играет, изображали знаки алфавита в неизвестном для нас прошлом те предметы, от которых они получили названия, как считают К. Зете и другие, или нет, как полагает Г. Бауэр¹⁰⁸. Важно то, что и египетский алфавит содержит ряд знаков, являющихся однозвучными фонограммами, происшедшими от идеограмм и означающими первый звук таких идеограмм. По существу это результат не применения принципа акрофонии, а отпадения слабых согласных в ряде египетских слов. Но в каждом случае, когда устойчивый, сильный согласный был начальным звуком, получалось впечатление акрофонии, например из *rʒ* произошло *r*, из *ht* — *h* [82] и т.д. Поэтому вполне понятно, что народ, соприкасавшийся с египтянами и знавший о существовании у них алфавита, воспринимал последний как следствие акрофонии.

Итак, общность этих моментов не могла быть случайной и указывает она на связь между финикийским алфавитом и египетским письмом. Однако было бы ошибочным полагать, что буквы финикийского алфавита происходят непосредственно от египетских иероглифов. Египетские алфавитные знаки в иероглифическом или иератическом облике или, фонетически соответствующие им, финикийские буквы не имеют никакого сходства. Возникает вопрос, где же звено, связывающее эти алфавиты. Ответ на него дают так называемые синайские надписи.

¹⁰⁴ Там же, стр. 40.

¹⁰⁵ См. К. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, Ss. 159–160.

¹⁰⁶ *Ibid.*, Ss. 94, 95.

¹⁰⁷ Н. Bauer, *Der Ursprung des Alphabets*, Leipzig, 1937, S. 14.

¹⁰⁸ К. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 102; Н. Bauer, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 19.

Известный русский путешественник и церковный деятель середины прошлого века Порфирий Успенский в своих трудах говорит о «синайских надписях» и о том, что от них произошел финикийский алфавит. Однако Порфирий имеет в виду набатейские надписи¹⁰⁹, интересующие же нас тексты были обнаружены на Синайском полуострове в местности Сарбут (Серабит)-эль-Хадим в непосредственной близости от развалин египетских храмов.

А. Гардинер одним из первых изучил эти тексты и установил, что они написаны алфавитным письмом, так как в них встречается всего лишь 32 знака¹¹⁰. Бросается в глаза их палеографическая близость к египетскому иероглифическому письму, иначе говоря, их зависимость от него (об обратной зависимости, конечно, речи быть не может). Непосредственные ли это заимствования египетских иероглифов или просто подражание им — сказать трудно.

Р. Бютен, исследовавший с палеографической точки зрения ряд знаков синайских (или, как их часто называют, протосинайских) надписей, пришел к следующему выводу: синайские знаки значительно грубее египетских иероглифов, однако в них чувствуется некоторая самостоятельность¹¹¹. Шесть синайских знаков, исследованных Р. Ф. Бютеном, имеют несомненное сходство с египетскими. [83]

Установить египетский иероглифический прототип для каждого синайского знака весьма трудно, так как контуры синайских знаков неустойчивы. «Они, очевидно, недавно возникли и не успели отложиться в твердую, строго определенную форму»¹¹², — писал В. В. Струве.

Интересно, что отдельные синайские знаки изображают те предметы, по которым названы буквы финикийского алфавита.

Например, синайский знак, изображающий голову быка и явно заимствованный из египетской иероглифики, где этот знак означает слово «бык», соответствует первой букве финикийского алфавита — *aleph*, что также значит «бык», а синайский знак, изображающий незамкнутый прямоугольник и, безусловно, являющийся вариантом египетского иероглифа, представляющего дом, — второй букве финикийского алфавита — *beth*, что по-финикийски значит «дом». Как доказывают подобные соответствия, синайское письмо является связующим звеном между египетским письмом и финикийским алфавитом.

Исходя из этого, А. Гардинер приступил к анализу синайских текстов, выбрав группу из четырех синайских знаков. В. В. Струве, излагая ход работы А. Гардинера, писал: «Первый знак группы из четырех в сильнейшей степени, напоминает египетский иероглиф "дом", и, таким образом, соответствует тому предмету, которым названа вторая буква финикийского алфавита — *beth*. Второй знак группы, являясь иероглифом глаза, изображает предмет, которым названа семитическая буква *jīn*, т. е. "глаз". Третий знак несколько напоминает своей внешней формой семитическую букву *lamed* и, наконец, четвертый вполне тождествен по своему облику с последней буквой семитического алфавита *taw*»¹¹³. Так как фонетические значения финикийских букв и их названия связаны принципом акрофонии, приведенные четыре знака А. Гардинер прочел как *Bʿlt* (семитское слово «владычица»).

Если учесть, что эта надпись начертана на сфинксе, на котором имеется еще и египетская надпись, где упомянут «любимец (богини) Хатор, владычица бирюзы», то результат исследования А. Гардинера можно считать почти верным. Однако А. Гардинер отнесся к своему важному открытию с известной долей скептицизма: «К сожалению, я не имею предположительного чтения какого-нибудь другого слова, так [84] что дешифровка имени Баалат должна остаться, поскольку это касается меня, непроверенной гипотезой»¹¹⁴.

Открытие А. Гардинера вызвало огромный интерес к синайским надписям. Однако его метод не мог быть последовательно применен в отношении всех знаков синайского письма.

---

¹⁰⁹ См. работы Порфирия Успенского: «Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году», СПб., 1856, стр. 173–174; «Надписи Киная Манафы на Синайских утесах», СПб., 1857.

¹¹⁰ А. Н. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 16.

¹¹¹ R. F. Butin, *Some Egyptian hieroglyphs of Sinai and their relationship to the hieroglyphs of the Proto-Sinaitic Semitic alphabet*, — «Mizraim», vol. 2, 1936, p. 56.

¹¹² В. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Пг., 1923, стр. 31.

¹¹³ Там же, стр. 39–40.

¹¹⁴ А. Н. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 15.

Многие тексты плохо сохранились, некоторые знаки расплылись и невозможно сказать, что они изображают. Следовательно, очень трудно установить фонетическое значение знаков и соответствующие им названия финикийских букв. В одной из своих заметок В. В. Струве, применяя метод А. Гардинера, с большой вероятностью определил в синайском письме знаки, соответствующие египетским *m* и *z*¹¹⁵.

Как констатирует З. Харрис, «самыми древними образцами чисто алфавитного письма, известными в настоящее время, являются грубо выполненные надписи из египетских бирюзовых рудников в Серабит-эль-Хадиме на Синае, относящиеся, вероятно, к XIX в. до н. э.»¹¹⁶. Чтение А. Гардинером имени *Bʿlt* З. Харрис считает совершенно правильным.

Синайское письмо возникло под непосредственным воздействием египетской иероглифики — в этом нет ни малейших сомнений. О связи синайского письма с финикийским довольно осторожно говорит А. Гардинер: «...если даже новое синайское письмо не является именно тем письмом, от которого произошли финикийский и южносемитские алфавиты, я не вижу другой возможности как только считать его попыткой, сделанной в направлении создания алфавита...»¹¹⁷.

Вслед за А. Гардинером над дешифровкой синайских текстов работали К. Зете, М. Шпренглинг, Г. Гримме, Я. Лейбович и другие исследователи. Однако нельзя сказать, что исследование успешно продвигалось и что эти надписи можно надежно и точно перевести. Предложенные Г. Гримме и М. Шпренглингом «переводы» в большей степени являются догадками, чем филологическими обоснованными интерпретациями синайских текстов, и внушают самые серьезные сомнения в своей достоверности. Так, например, надпись № 357 М. Шпренглинг перевел: «я рудокоп Сахмилат, начальник рудника», тогда как Р. Бютен прочел ее следующим [85] образом: «пещера, которую СКМ изготовил для (следуют имена)».

В 1948 г. известный американский семитолог Ф. Олбрайт предложил свой метод перевода синайских текстов¹¹⁸. По мнению Ф. Олбрайта, причиной неудач его предшественников является то обстоятельство, что им не были еще известны новейшие достижения семитской филологии (преимущественно в области фонетики), совершенно необходимые при расшифровке семитских текстов. Несомненно, переводы Ф. Олбрайта филологически гораздо обоснованнее всех предшествующих, с которыми они имеют очень мало общего. Нужно добавить, что Ф. Олбрайт, полностью признавая первостепенное значение открытия А. Гардинера (чтение имени богини *Bʿlt*), резко расходится с ним в датировке текстов: А. Гардинер отнес их ко времени Среднего царства, тогда как Ф. Олбрайт, солидаризируясь в этом вопросе с Фл. Питри, открывшим рассматриваемые тексты, датирует их XVIII династией¹¹⁹.

Чрезвычайно важно установить, кто именно был создателем синайского алфавита. Все исследователи единодушны в том, что это были семиты. А. Гардинер первый указал, что создателями этого письма не могли быть номады Синая, так как весь уклад их жизни совершенно не соответствовал оседлости и упорному труду семитов, работавших на Синае¹²⁰.

Совокупность данных, которыми мы располагаем, и в частности египетские иероглифические тексты из Синая, совершенно бесспорно свидетельствуют о сильной египтизации синайских семитов¹²¹. Они хорошо знали обычаи и нравы египтян, были обучены египетским ремеслам, поклонялись египетским божествам.

Как правильно отмечает Ф. Олбрайт, эта сильная египтизация семитов Синая объясняется тем, что они были рабами и военнопленными египтян.

Резюмируя результаты своих изысканий, Ф. Олбрайт приходит к следующим выводам: синайские тексты написаны ханаанским алфавитом XVI в. до н. э. Ханаанским является и язык

¹¹⁵ V. Struve, *Note*, — JEA, vol. 10, 1924, p. 335.

¹¹⁶ Z. S. Harris, *A grammar of Phoenician language*, Philadelphia, 1936, pp. 11–12, 13.

¹¹⁷ A. H. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 16.

¹¹⁸ W. F. Albright, *The early alphabetic inscriptions from Sinai and their decipherment*, BASOR, № 110, 1948, pp. 6–22.

¹¹⁹ *Ibid.*, p. 9 ff.

¹²⁰ A. H. Gardiner, *The Egyptian origin of the Semitic alphabet*, — JEA, vol. 3, 1916, p. 14.

¹²¹ J. Černý, *Semites in Egyptian mining expeditions to Sinai*, — «Archiv orientální», vol. 7, 1935, p. 381 ff.

этих текстов: он очень близок к языку текстов из [86] Библа и таблиц из Палестины Тель-эль-Амарнского архива, а также к угаритскому языку¹²².

Несомненно, синайское письмо сыграло весьма существенную роль в возникновении и формировании семитских алфавитов. По меткому выражению К. Зете, египетское иероглифическое письмо было для семитов не *Urbild*, а *Vorbild*, или говоря словами Ф. Шампольона, *modele methodique*¹²³. [87]

---

¹²² W. F. Albright, *The early alphabetic inscriptions from Sinai and their decipherment*, — BASOR, № 110, 1948, pp. 13, 22.

¹²³ K. Sethe, *Der Ursprung des Alphabets*, S. 133. — Исчерпывающий и подробный обзор всех гипотез о происхождении синайского письма содержится в монографии: H. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*, Berlin, 1958, Ss. 237–262.

ГЛАВА III

ЯЗЫК

§ 16. ФОНЕТИКА¹

Выше уже упоминалось, что изучение египетской фонетики, в частности египетских гласных, представляет большие трудности: во-первых, египетский язык — язык мертвый, известный нам только из текстов, во-вторых, для египетского языка, как и для других языков семитохамитской группы, характерна преобладающая роль согласных (гласные имели подчиненное значение и не выписывались). Для понимания фонетики египетского языка одним из важнейших опорных пунктов является фонетика коптского языка, в письме которого гласные обозначены. Хотя коптский язык — последняя стадия развития египетского — тоже мертвый язык, его фонетика исследована в достаточной степени. Но необходимо иметь в виду, что египетская фонетика в целом отделена от коптской фонетики многими веками, и закономерности коптской фонетики, конечно, не тождественны египетским.

Значительную помощь при изучении египетской фонетики оказывают встречающиеся в иероглифических и иератических текстах отдельные слова, известные нам из семитских языков, а также египетские имена и названия, которые упоминаются в имеющих огласовку клинописных текстах, в еврейских и арамейских источниках, в греческих папирусах, надписях и в сочинениях античных авторов. Эти материалы, однако, малочисленны (за исключением греческих данных, важных только для языка позднего времени) и при всей их ценности способны восполнить пробелы наших знаний лишь в очень ограниченных размерах.

Так как египетская фонетика нам доступна только в графическом облике, то необходимо рассмотреть ее алфавитные [88] графемы. Египетский «алфавит», о котором шла речь выше, состоит из 24 графем. Отдельные из них имеют алографы (варианты). Последние никакими фонетическими особенностями не отличаются от своих основных графем.

Общая фонетика классифицирует звуки по способу и месту артикуляции и по акустической характеристике. Определение звука станет исчерпывающим лишь тогда, когда оно будет содержать все эти три момента. Однако практически такое определение трудно применить к звукам мертвого египетского языка ввиду недостаточности наших познаний в его фонетике. Поэтому приведенная ниже классификация является лишь приблизительным описанием египетского консонантизма.

Таблица согласных

Место артикуляции	Биллабиальные (губно-губные)	Лабiodентальные (губно-зубные)	Дентальные (зубные)	Велопалатальные			Фарингальные	Ларингальные
				Препалатальные	Постпалатальные	Велярные		
Способ артикуляции								
Шумные спиранты (фрикативы или щелевые) смычные взрывные аффрикаты	<i>w</i> <i>b, p</i>	<i>f</i>	<i>z, s, š</i> <i>t, d</i> <i>ṭ, ḍ</i>	<i>i, j</i>	<i>h</i> <i>k, g</i>	<i>ħ</i> <i>ḳ</i>	<i>ḫ, ḥ</i>	<i>h</i> <i>ʕ</i>
Сонорные носовые боковые дрожящие	<i>m</i>		<i>n</i> <i>l</i> <i>r</i>					

¹ Все следующие ниже замечания ни в коей мере не претендуют на систематическое изложение истории египетской фонетики — это именно отдельные замечания и не более.

Эти сведения об египетском консонантизме следует дополнить замечаниями об отдельных графемах и отображенных ими фонемах.

𐎗 (алеф) — единственно возможный по условиям артикуляции глухой ларингальный смычный², так называемый «гортанный взрыв», часто встречающийся в семитских, а также и в несемитских языках. В арабском языке ему соответствует ʾ (aleph hamzatum), в еврейском א³. В [89] датском он называется *stød*, в немецком — *Knacklaut*⁴: нем. *Ab'art* (гортанный взрыв перед вторым *a*) ср. с *Bart*, где перед *a* гортанного взрыва нет.

Конечно, нельзя утверждать, что египетский и семитский алеф полностью тождественны, однако их близость не вызывает сомнений.

Уже в Текстах Пирамид выступают специфические особенности алефа: 𐎗 изредка может заменять *r*, причем смысл слова сохраняется. Например: *drt* "рука" = *dʒr*; *krs* "хоронить" = *kʒs*⁵. Во времена Среднего царства египтяне использовали 𐎗 для передачи семитских звуков *r* и *l*, стоявших в иностранных текстах между гласными и после них; об этом свидетельствуют так называемые «черепки проклятий»⁶.

В Текстах Пирамид иногда наблюдается опущение алефа в середине и в конце слова; начиная с текстов Нового царства такие факты встречаются чаще. Например: *ibʒ* "танцевать" = *ib*; *ʒbt* "жертвоприношение" = *ʒbt*; *wšʒ* "откармливать (скот)" = *wš*; *bʒgi* "быть утомленным" = *bgi* и т.д.⁷ Эти явления письма, несомненно отражают процесс количественной и, по-видимому, качественной редукции фонемы алеф. В коптском письме нет уже специального знака для алефа, но следы его в языке сохранились: наличие удвоенного гласного указывает на то, что в древности здесь стоял алеф или айн⁸.

𐎗; 𐎗𐎗, 𐎗𐎗𐎗 (йод)

Прежде чем говорить о фонетической природе этого звука необходимо указать, что передающие его иероглифы транскрибируются по-разному.

В Берлинском словаре и в работах А. Эрмана в начале [90] слова транскрибируются через *i*⁹, в середине и в конце слова — через *j*; иероглифы 𐎗𐎗 и 𐎗 — всегда через *j*.

А. Гардинер и Г. Лефевр 𐎗 во всех позициях передают посредством *i*, 𐎗𐎗 и 𐎗 — посредством *y*. Э. Эдель оба знака (𐎗 и 𐎗𐎗) транскрибирует одним *j* (𐎗 как фонограммы в текстах Древнего царства нет).

В дальнейшем мы передаем 𐎗 во всех позициях через *i*, 𐎗𐎗 — через *j*.

Знак 𐎗 как фонограмма появляется только в среднеегипетских текстах, причем он стоит здесь лишь в конце слов. Иероглиф 𐎗𐎗 в среднеегипетском языке встречается в середине и в конце слов, а в новоегипетском также и в начале слов, например: 𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 *jm* "море".

Транскрипционный египтологический знак *i* был принят для обозначения 𐎗 и потому, что египетское 𐎗 этимологически близко, с одной стороны, к протосемитскому йод (*i*), с другой, — к протосемитскому алеф (ʾ); ср., например, египетское 𐎗𐎗 "я" и еврейское אָנִי "я", начинающееся с алефа¹⁰. Эта близость несомненна и подтверждается множеством данных. Однако на

² Vergote, *Phonétique*, p. 70.

³ Gardiner, *Grammar*, § 19.

⁴ Ж. Марузо, *Словарь лингвистических терминов*, пер. с франц., М., 1960, стр. 80.

⁵ Edel, *Grammatik*, § 129; Wb. V, 63, 14.

⁶ Vergote, *Phonétique*, pp. 76, 110; E. Dévaud, *Permutation de r avec ʒ*, «Sphinx», vol. 12, 1904, pp. 123–124; *Correspondance de V. Loret*, — «Kêmi», Vol. 13, 1954, p. 22; A. Jirgu, *Bemerkungen zu den ägyptischen sogennanten «Ächtungstexte»*, — «Archiv orientální», vol. 20, 1952, pp. 167–169; P. Montet, *Notes et documents pour servir à l'histoire des relations entre l'ancienne Egypte et Syrie*, — «Kêmi», vol. 1, 1928, p. 23.

⁷ Edel, *Grammatik*, § 132; Vergote, *Phonétique*, p. 97; Sethe, *Verbum*, § 72–73.

⁸ Vergote, *Phonétique*, p. 90; W. Till, *Koptische Grammatik*, Leipzig, 1955, § 31–32.

⁹ Vergote, *Phonétique*, p. 125 — Знак *i* ввиду технических трудностей может транскрибироваться просто через *i*.

¹⁰ В эпоху Среднего царства при транскрипции семитского алефа египтяне действительно использовали свой знак 𐎗 (Albright, *Vocalization*, p. 31).

основании этого факта К. Зете без убедительных доказательств сделал очень спорный вывод о том, что египтяне использовали иероглиф для обозначения двух разных звуков — алефа и йода — в самом египетском языке¹¹. Для того чтобы предположение о двух различных фонетических значениях иероглифа в египетском языке превратилось в доказанный тезис, необходимо и достаточно одно условие: наличие в египетских текстах таких слов, в которых заменял бы алеф при сохранении значения [91] слова. Подобные факты до сих пор не отмечены. Наоборот, вплоть до Нового царства иероглифы и тщательно различаются в письме и никогда не заменяют друг друга. Зарегистрировано лишь одно исключение — вместо *ʒpd* "гусь" стояло *ipd*¹², которое ни о чем не говорит и может рассматриваться только как ошибка. Против мнения К. Зете и его последователей выступили некоторые ученые, в частности Ж. Вергот и К. Диров¹³.

Из Берлинского словаря египетского языка видно, что многие слова начинаются сочетанием , где эти иероглифы обозначают разные фонемы¹⁴.

Вполне достоверно, что имел звучание йод, т. е. был звонким препалатальным спирантом. Этот звук встречается как в семито-хамитских, так и в других языках, например им начинается французское слово *yeux* "глаза", кончается русское *змиy* и т. д. Египетскому йод в еврейском соответствует *י* в арабском *ي*. Йод принято называть слабым согласным или полугласным, ибо он близок к гласному *i*¹⁵.

Начиная с текстов Древнего царства йод в начале, внутри и в конце слов иногда опускается, так вместо *ih* — просто *ht*, вместо *bik* — *bk* и т. д.¹⁶ Особенно часто он опускается в конце слов, например, если бывает третьим согласным глаголов *tertiae infirmae*: *ir(i)* "делать", *gm(i)* "находить", *mr(i)* "любить" и т. д.

В коптском языке йод сохранился в виде *ϥ* или *ⲓ* (в зависимости от диалекта)¹⁷; например, египетское *it(f)* "отец", коптское *ϥⲓⲧ*.

Следует сказать несколько слов о взаимоотношениях йода с другими согласными.

Во-первых, нужно отметить переход *r > i*, преимущественно в конце слов, наблюдающийся уже в Текстах Пирамид; например: *npr* "зерно" > *npi*; *mr* "как" > *mi* и т. д.¹⁸

Во-вторых, переход *ʒ > i*. Как упоминалось выше, вплоть до Нового царства алеф и йод тщательно различаются. [92] Начиная же с текстов Нового царства встречаются слова, в которых вместо древнего алефа стоит йод:

ʒsh "жаты" > *ish*   *ʒms* "скипетр" > *ims*
ʒmm "хватать" > *im*   *ʒh* "страдание" > *ih* и т. д.

Однако слово *ibt* "жажда", писавшееся через *i* уже в староегипетских текстах, на стеле Пианхи (XXV династия) стоит в виде *ʒb* (Urk., III, 9–10, Z. 15); такое написание Берлинский словарь не приводит. Эти факты говорят о том, что в новоегипетском языке четкие различия между обоими звуками начинают стираться, т. е. происходит процесс конвергенции данных двух фонем.

Наконец, уже в староегипетских текстах нередко наблюдается (в грамматических окончаниях) замена иероглифом и обратно.¹⁹

— (айн) — звонкий фарингальный спирант²⁰, которому в арабском соответствует *ع*, в еврейском — *ע*. Четко отличается в текстах от ларингального *ʒ*, сохраняя свою индивидуальность.

¹¹ Sethe, *Verbum*, § 109.

¹² Vergote, *Phonétique*, p. 77; Sethe, *Verbum*, § 85.

¹³ Vergote, *Phonétique*, p. 77–79, К. Dyroff, *Ägyptisches j — der Tonsilbe in Koptischen*, ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 27–30.

¹⁴ Ср. «правила выделения фонем» в кн.: Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, пер. с немецкого, М., 1960, стр. 55 (правило второе).

¹⁵ Gardiner, *Grammar*, § 128.

¹⁶ Edel, *Grammatik*, § 139–140.

¹⁷ Vergote, *Phonétique*, p. 63.

¹⁸ Edel, *Grammatik*, § 128.

¹⁹ Ibid., § 142.

Тем не менее в определенных условиях айн превращается в йод — в словах, содержащих фонемы *h* и *ḥ*; например: *s^ch* "благородный" пишется также *sih*, *ḥh* "сумерки" — *ihh*; *ṯh* "процеживать" — *ith*. Отмечены и случаи перехода *ṯ* > *r* в словах, содержащих *ḥ*. Наконец, изредка в текстах встречаются такие написания, как *i3š* "звать" (вместо обычного *ṯš*). Все эти явления указывают на известную количественную и качественную редукцию фонемы *ṯ*²¹. О том же говорят и некоторые данные демотических текстов: например, слово *ṯb* "рог" в демотических текстах пишется *3b*²².

В коптском алфавите нет специального знака для *ṯ*, но следы его в языке иногда нетрудно обнаружить; о его наличии [93] в древней форме слова можно догадаться по удвоенной гласной, например египетское *db^c* "палец" > **тннвс**. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в коптском алеф и айн уже совершенно не различались²³.

 (ваф) — билабиальный звонкий спирант. В еврейском ему соответствует **ו**, в арабском **و**. Этот звук встречается не только в семито-хамитских языках. Мы находим его, например, во французском слове *rouet* "прялка"; в английском слове *war* "война" и т. д. Как и йод, ваф обычно называют слабым согласным или полугласным, близким к гласному *u*. В коптском письме поэтому **ou** служит для обозначения двух звуков: полугласного ваф и гласного *u*; например: **ouʿwn** "часть", **ounoʿ** "час". Подобно йоду, ваф при письме может опускаться внутри слова и особенно часто в конце. Уже упоминалось, что йод и ваф нередко заменяют друг друга в грамматических окончаниях слов.

 h — глухой фарингальный спирант (как мы видели выше, звонким является айн). Ему соответствует в еврейском **ח**, в арабском **ح**.

 h — глухой ларингальный спирант, соответствующий еврейскому **ח** и арабскому **ح**.

 h — глухой велярный спирант, соответствующий арабскому **خ**.

 h — глухой постпалатальный спирант.

Поскольку все четыре перечисленные фонемы акустически близки друг к другу, они будут рассматриваться вместе.

Как видно из староегипетских и более поздних текстов, в ряде слов возможен переход *š* > *h*, например: *š3t* "групп" > *h3t*; *š3pt* "плохая погода" > *h3pt*; *šbt* "провода" > *h3bt*; *š^ck* "брить" > *h3k*; *šp3* "пуповина" > *hp3*; *šnm* "соединиться с..." > *hnm*, причем написание таких слов через *š* постепенно совсем выходит из употребления.

С другой стороны, уже в староегипетских текстах отмечены написания одних и тех же слов то через *ḥ*, то через *h*; это явление наблюдается и в текстах последующих эпох. Например: *hrp* и *ḥrp* "вести"; *hms* и *ḥms*, "колос"; *h3rt* и *ḥ3rt* "вдова"; *pšr-phr-phr* "окружать". Наконец, в текстах позднего и греко-римского времени *ḥ* очень часто передается через *š*, например: *hrp* "вести" *šrp*, коптское **шорп**^{SB}; *h(3)h* "спешить" > *šš*; *ḥpr* "быть" > *špr* коптское **шопс**^S; *ḥftj* "враг" > *šftj*, [94] коптское **шхт**^{SB}; *hm* "храм" > *šm*; *ḥnp* "грабить" > *šnp* и т. д.

Фонемы *h* и *ḥ* четко различаются в письме начиная со староегипетских текстов. Это различие строго соблюдается в иероглифических текстах греко-римского времени, написанных среднеегипетским языком, и в новоегипетских текстах. Однако в демотических текстах мы обнаруживаем совершенно определенную тенденцию обеих фонем к конвергенции: они заменяют друг друга в разных словах; например, наряду со старым *whr* "собака" встречается новое *wḥr*,

²⁰ В некоторых арабских диалектах эта фонема ларингальная, т. е. место ее артикуляции ниже. Конечно, мы не можем безапелляционно утверждать, что египетский айн был именно фарингальным, а не ларингальным, но это и не существенно.

²¹ E. Dévaud, *Sur la substitution d'un secondaire à un primaire*, — «Sphinx», vol. 12, 1909, pp. 107–110; E. Dévaud, *Encore un mot sur le nom du Nil*, — ZÄS, Bd 47, 1910, S. 163; J. Černy, *On the etymology of Coptic* **ⲗⲟ** «treasure», — ASAE, t. 41, 1942, pp. 335–358; A. Erman, *Assimilation des Ajin an andere schwache Konsonanten*, — ZÄS, Bd 46, 1909–10, Ss. 96–104.

²² W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 4; Erichsen, *Glossar*, S. 3.

²³ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 31–33.

коптское $\text{ou}z\text{op}^{\text{SB}}$; наряду со старым $wh\text{z}t$ "оазис" — новое whj , коптское $\text{ou}az\epsilon^{\text{S24}}$. В коптском эта конвергенция полностью завершилась, что видно из приведенных ниже данных.

Саидский диалект коптского языка передает египетские звуки h , h , h всегда через z ; звук h — через z или через w . Например: $w\text{z}h$ "класть" > $\text{ou}wz$; hnw "внутреннее" > $z\text{ou}n$; $di\text{ }^c nh$ "давать жизнь" > $\text{tan}z\text{o}$; $s^c nh$ "кормить" > $\text{caan}w^{\text{25}}$.

В бохейрском диалекте египетские h и h переданы через h , а в ахмимском — через z .²⁶

⌋ — билабиальный звонкий взрывной смычный, в коптском алфавите **в**. Эта фонема в ряде случаев переходит в коптском языке в **м**, например bw "место" = **ма**; nb "каждый" — **ним**²⁷ и т. д. Возможно, это явление наблюдалось и значительно раньше²⁸.

Следует подчеркнуть очень интересную, но еще далеко недостаточно исследованную фонетическую близость b к n , прослеживаемую еще со времен Среднего царства²⁹.

Наконец, в коптском иногда наблюдается переход **в** > **ou**, например: t^cbo > $\text{to}u\text{bo}^{\text{B}}$ "очищать" (от древнего $dit\ w^c b$)³⁰. Этот переход происходил и в более древние времена, судя, например, по материалам демотических текстов: sbz "звезда" — демотическое sw — коптское $\text{cio}u^{\text{SABF}}$, где $b > w > \text{ou}$.

□ p — билабиальный глухой взрывной смычный, в коптском алфавите **п**. [95]

⌘ f — лабиодентальный глухой спирант, в коптском алфавите **ф**.

⌚ m — билабиальный носовой смычный, в коптском письме **м**.

В Текстах Пирамид m изредка переходит в w , например: $^c m\text{z}$ "быть горьким" > $^c w\text{z}$; иногда m переходит и в b , например: wnm "есть" > wnb . Гораздо характернее, особенно для новоегипетских текстов, переход $m > n$, например в предлоге $m(n)$ " b "³¹. Новоегипетское m в коптском языке в ряде случаев выступает как **н**, например, префикс конъюнктива $mtw > \text{n}^c\text{te}$; $m\text{-dr}$ "когда" > n^ctere - и т. д. С другой стороны, в коптском наблюдается замена древнего n через **м**, например: $h\text{z}nw > z\text{oe}m^{\text{S}}$. Наконец, следует отметить, что m в конце слова иногда полностью редуцируется, например египетское $\text{z}m$ "идти" — новоегипетское $\text{z}i$ — коптское $w\epsilon^{\text{32}}$.

⌘ n — зубной носовой смычный, в коптском **н**. В некоторых случаях в коптском переходит **р**, например: $n\text{m}hw$ "бедный" > $\text{p}^c m\text{z}\epsilon$ "свободный"³³.

⌘ r — зубной дрожащий смычный, в коптском **р** (только в фаюмском диалекте древнеегипетское r превратилось в l , например: iri "делать" > il^{F}). Как упоминалось, для r характерны переходы: $r > \text{z}$, $r > i$ и $^c > r$. Фонема r в конце слов часто подвергалась полной редукции, а затем совершенно исчезла, например: hpr "быть" > hpi (греко-римское время), коптское $w\text{op}\epsilon^{\text{S}}$; hr "лицо" > коптское $z\text{o}$; "бог" > коптское $\text{no}u\text{te}$; предлог $r > \text{e}^{\text{SBF}}$, a^{AA} ².

l — зубной боковой смычный, коптское **л**. В демотическом письме имеется специальный знак для обозначения этой фонемы, но ни в иероглифическом, ни в иератическом письме такого знака нет. Замечено, что еще в староегипетских текстах фонема эта передавалась сочетанием двух разных фонем: zn , например в слове dlg "карлик"; nr , например в слове $s\text{z}l$ "доить", а также фонемами n , r или z ³⁴. В среднеегипетском наблюдается приблизительно то же самое; в новоегипетском для передачи l обычно служит стабильное сочетание nr , например в слове bl "снаружи" (коптское **вол**).

²⁴ W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, § 3; Erichsen, *Glossar*, Ss. 97–98.

²⁵ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 40–42.

²⁶ A. Blackman — H. Fairman. *The Myth of Horus at Edfu-II*, — JEA, vol. 30, 1944, p. 21.

²⁷ Ibid.

²⁸ W. Albright, *The Egyptian corresponsion of Abimilki prince of Type*, — JEA, vol. 23, 1937, p. 197, n. 2; Sethe, *Verbum*, § 210, 4.

²⁹ J. Clère, *L'ancienneté des négations à b initial du néoégyptien*, — MDAIK, Bd 14, 1956, Ss. 29–31.

³⁰ Vergote, *Phonétique*, p. 16.

³¹ Edel, *Grammatik*, § 124. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 603.

³² Lefebvre, *Grammaire*, § 36.

³³ P. Lacau, *Sur le ⌘ égyptien, devenant pen copte*, — «Recueil Champollion», pp. 721–732.

³⁴ Edel, *Grammatik*, § 130.

— z — зубной звонкий спирант, в староегипетских [96] текстах четко отличается от зубного глухого спиранта s (см. ниже), хотя изредка и отмечается смешение обоих знаков³⁵. Соответствует еврейскому ז и арабскому ز.

⊥ s — зубной глухой спирант, соответствует еврейскому ש и арабскому س.

Ко времени Среднего царства, о чем свидетельствуют тексты, происходит конвергенция обеих фонем: z оглушается, обозначающий ее иероглиф становится алогографом ⊥. Поэтому, если в транскрипции староегипетских текстов соблюдение различия между z и s обязательно, то начиная с текстов Среднего царства рекомендуется оба алогографа передавать просто через s (коптское с).

⊥ s̄ — зубной глухой спирант, коптское џ. В еврейском ему соответствует שׁ, в арабском ش.

Об отношениях этой фонемы к h и h̄ говорилось выше.

⊃ k — взрывной глухой велярный смычный, которому в еврейском соответствует ק (коф), в арабском ق (коф).

⊃ k — взрывной глухой постпалатальный смычный; в еврейском ему соответствует ק (каф), в арабском ك (каф).

В египетском письме фонемы k̄ и k четко различаются.

⊃ g — взрывной звонкий постпалатальный смычный. Со времени Нового царства фонема g начинает оглушаться, и в некоторых словах k̄, k̄ и g заменяют друг друга (причем k̄ и k взаимозаменяются исключительно редко). Примеры:

1. Бывшее звонкое g — эквивалент глухого k̄: knd "гневаться" — gnt (knt); Gbtjw "Коптос" > kbt; Gbb (имя бога земли) — kb̄, греческое κῆβ; gbb "поля" — kb̄b; gbgbt "лежать ниспровергнутым" — kb̄k̄bt (XX династия); gbgb "быть хромым" — kb̄k̄b (XXI династия).

2. Бывшее звонкое g — эквивалент глухого k: gʒw "быть узким" — kʒ; gʒbt "рука" — kbt; gʒbt "лист (растения)" — kb̄(kb̄); gʒš "стряхивать" — kš; gʒgʒw "изумляться" — kʒkʒ; gnn "сладкопахнущее" — knn; grg "основывать" — krk; gs "половина" — ks; gsʒ "склоняться" — ksʒ; gsf̄n (название минерала) — ksf̄n.

Такие написания, как knd и knd, kb̄ и kb̄, k̄fdnw и k̄fdnw "обезьяноподобный (бог)" являются редкими примерами замены k̄ через k.

Если обратиться к данным коптского языка, то легко убедиться в том, что коптское г употреблялось лишь в словах греческого происхождения и что, следовательно, оно [97] никогда не выражало древнего египетского g. Последнее в коптском передавалось либо посредством б, либо х (в зависимости от диалекта). Например: gmi "искать" > бине^S, хми^B; gʒbt "лист" > бџџџ^S, хџџџ^B; gbi "быть слабым" > бџџџ^S, хџџџ^B. Древнеегипетское g изредка передавалось в коптском через к, например: gʒš "тростник" > каџ^{SB}. Во всех этих случаях оно передано глухими фонемами.

Египетские k̄ и k в коптском обозначены через к, х, б, х (в зависимости от диалекта), например: k̄rst "погребение" каисџ^{SB}, k̄rr "лягушка" > кроур^S, хроур^B; kd "строить" > кџт^{SBAF}; knd "гневаться" > бџнџ^{SA}, хџнџ^B; kʒm "сад" > бџм^{SB}; km "черный" > камџ^S, хамџ^B; kkw "мрак" > каке^S, хаки^B и т. д.

⊃ t — взрывной зубной глухой смычный, коптское т. Эта фонема в частности служила грамматическим признаком женского рода, например: sn.t "сестра" (sn "брат"). Хотя в староегипетских и среднегипетских текстах t регулярно выписывается, имеются весьма серьезные основания полагать, что как грамматическое окончание слов в status absolutus оно отпало еще во времена Древнего царства³⁶. В новоегипетском языке окончание t звучало, по-видимому, как џ.³⁷ В коптском окончание женского рода t совершенно исчезло, например: sn.t "сестра" > сџне.

³⁵ Ibid., § 116.

³⁶ Gardiner, *Grammar*, § 25; P. Montet, *Sur la chute du t final, marque du féminin*, — RE, t. 9, 1952, pp. 81–90.

³⁷ Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 130.

⇨ *d* — взрывной зубной звонкий смычный. Коптское **Δ** употребляется исключительно в словах греческого происхождения и поэтому не передает древнего египетского *d*. Последнее подверглось оглушению, и в позднюю эпоху истории языка его в ряде случаев заменило *t*, например: *db* "гиппопотам" > *tb*, *dbn* "окружать" > *tbn*, *dbh* "просить" > *tbh*, коптское **тѡвѡ**; *dm* "точить" > *tm*, коптское **тѡм**^S; *dm* "называть" > *tm* и т. д. Словом, древнее египетское *d* в коптском передается через **т**.

⇨ *t* — глухой зубной (вроде русского *ч*); образовался в результате препалатализации древнего *k*, о чем свидетельствуют Тексты Пирамид, в которых наряду с древнейшими написаниями через *k* встречаются уже более поздние написания через *t*, например: *kbwi* "обе подошвы" > *tbwi*; *kw* "ты" > *tw*; частица *sk* > *st* и т. д.³⁸ В дальнейшем, начиная со Среднего царства, фонема *t* часто подвергается редукции, теряет [98] свойства аффрикаты и становится алофоном фонемы *t*, а графема ⇨ — алогографом графемы **Ⲁ**; например, суффикс 2-го лица женского рода единственного числа *t* — *t*, суффикс 2-го лица множественного числа *tn* = *tn* и т. д. При этом египетскому *t* в коптском соответствует **т**. В очень многих других случаях фонема *t* сохраняет свойства аффрикаты и в коптском передается через **х** и **ѡ** (в зависимости от диалекта), например: *tsi* "поднимать" > **хисѡ**^S, **ѡисѡ**^B; *t3m* "класть" > **хиѡѡѡ**^S, **ѡиѡѡ**^B; *trm* "моргать" > **хѡрм**^S, **ѡѡрем**^B и т. д.

⇨ *d* — звонкая зубная аффриката (вроде русского *дж*)³⁹; происходит в результате препалатализации от древнего *g* (процесс параллельный с препалатализацией *k* > *t*).

Очень часто *d* подвергается редукции, теряет свойства аффрикаты и превращается в *d*, которое затем оглушается, например: *dbt* "кирпич" > *dbt* (новоегип.) > **тѡвѡѡ**^S, **тѡвѡ**^B; *db3* "заменять" > *db3* > **тѡвѡвѡѡ**^S, **тѡвѡ**^B.

С другой стороны, звонкая аффриката *d* оглушается, превращаясь в глухую аффрикату, о чем свидетельствуют коптские соответствия, например: *d3d3* "голова" > **хѡх**^S; *d^cbt* "древесный уголь" > **хѡвѡѡ**^S, **хѡвѡѡ**^B; *d^rr* "искать" > **хѡр**^S; *dnw* "ток" > **хнѡѡѡѡ**^S, **хнѡѡѡѡ**^B; *dnr* "ветвь" > **хал**^B и т. д.

В египетском языке не было так называемых эмфатических звуков типа **Ⲁ**, **Ⲁ**, **Ⲁ**, **Ⲁ**, свойственных некоторым семитским языкам. Поэтому, строго говоря, нет египетских соответствий семитским эмфатическим звукам. Египетские *t* и *d* в семитских текстах передавались графемами, выражавшими эмфатические звуки, ибо фонетически они наиболее близко подходили к египетским. Так, например, египетское *d* передается семитским **Ⲁ** (**Ⲁ**)⁴⁰.

Как мы видели выше, в египетском консонантизме часты переходы одних звуков в другие. Сами египтяне отлично сознавали существование таких переходов и, что очень любопытно, отмечали эти переходы в письме. Их метод очень прост и остроумен. Он состоит в следующем: сначала писали графему, обозначающую тот звук, который переходит, а рядом с ней графему, обозначающую тот звук, в который переходит первый. Так, сочетание **Ⲁ** | **Ⲁ** означало переход *r* > *i*; **Ⲁ** | **Ⲁ** — [99] *k* > *t*; **Ⲁ** | **Ⲁ** — *š* > *h*; **Ⲁ** | **Ⲁ** — *3* > *j*. Например: **Ⲁ** | **Ⲁ** *swi* "пить"; **Ⲁ** | **Ⲁ** *h3t* "труп" и т. д.⁴¹ Переходы *r* > *3* и *l* > *3* графически не обозначались.

Остается сказать несколько слов об общих тенденциях развития египетского консонантизма (естественно, это можно сделать лишь в той мере, в какой они выявлены наукой)⁴².

Для того чтобы судить о таких тенденциях, совершенно неизбежно данные египетского языка рассматривать в сравнении с данными коптского.

Тенденция первая — оглушение звонких смычных (*b*, *g*, *d*, *d*) и звонкого спиранта *z*. Оглушение фонемы *b* в конце слова наиболее ясно видно из бохейрского диалекта, например: *m^cb3* "тридцать" > **мап**^B (наряду с **маав**^{SA}₂, **мавѡ**^A); *sbt* "паразит" > **сип**^B (наряду с **сив**^S); *db^c* "опечатать" > **тѡп**^B (наряду с **тѡвѡвѡѡ**^{SF}, **тѡвѡѡ**^A₂); *hbi* "ибис" > **зип**^B (наряду с **зипѡ**).

³⁸ Vergote, *Phonétique*, p. 34; Edel, *Grammatik*, § 111.

³⁹ С. Дониц в статье «О звуковом потенциале двух египетских графем» («Советское востоковедение», 1958, № 6, стр. 85—88) предлагает вернуться к устаревшим чтениям *t* = *ts* и *d* = *dz* (ср. А. Erman, *Die Umschreibung des Ägyptischen*, — ZÄS, Bd 34, 1896, S. 62).

⁴⁰ Vergote, *Phonétique*, pp. 47—51.

⁴¹ Edel, *Grammatik*, § 111, 120, 134.

⁴² Vergote, *Phonétique*, pp. 118—119.

Примеры оглушения звонких смычных *g*, *d*, *ḏ* и спиранта *z* приведены выше.

Тенденция вторая — редукция ларингальных и фарингальных фонем (например, в коптском *ʒ* и *ʕ* больше не различаются и даже не имеют специальных графем). Исследователь египетской фонетики Ж. Вергот, указав на малую изученность этого процесса, сравнивает его с исчезновением ларингалов в индоевропейских языках (обнаруженных только в хеттском языке).

Тенденция третья — препалатализация (это явление имело место дважды). В результате первой, происходившей в Древнем царстве или ранее, велопалатальные *g* и *k* превратились соответственно в *ḡ* и *t̪*⁴³. Но процесс этот не был всеобъемлющим, и наряду с новыми звуками *ḡ* и *t̪* продолжали существовать древние звуки *g* и *k*. В результате второй препалатализации (неполной в Верхнем Египте и полной в Нижнем Египте), происходившей, по-видимому, в начале I тысячелетия до н. э., положение велопалатальных в коптских диалектах стало следующим: в диалектах Верхнего Египта четко различаются зубные и велопалатальные звуки, но не различаются глухие и звонкие; в бохейрском, наоборот, сохранилось четкое различие между глухими и звонкими, тогда как древнее различие между зубными и велопалатальными [100] стерлось⁴⁴. Это различие между глухими и звонкими в бохейрском, в частности, сказывается в том, что древние *t* и *t̪* нередко обозначаются как **ϑ**, а звонкие *ḡ* и *ḑ* как **τ**. Древнее *ḡ* в бохейрском иногда передается через **χ**, а *t̪* посредством **ϑ**.

Помимо этих трех тенденций, перечисленных Ж. Верготом, еще отмечается очень сильная тенденция к редукции конечных фонем *t* и *r* (о чем уже говорилось в связи с их описанием). Так, например, во время Нового царства звук *r* совершенно перестал звучать в предлоге *r* (*status absolutus*), превратившись в короткий гласный⁴⁵; в коптском языке этот предлог может быть обозначен короткими гласными — **ϵ**^{SBF} и **α**^{AA}₂. Здесь же необходимо указать, что в *status pronominalis*, т. е. с последующим местоименным суффиксом, предлог *r* и в новоегипетском⁴⁶ и в коптском сохраняет *r* — **ϵρο**. Редукция *t* и *r*, происходившая еще во времена Древнего царства, в коптском выражена очень сильно, например: *nfr* "хороший" > **ноуϑε**^S (но **ноϑρε** "хорошая"); *ntr* "бог" > **ноуτε**^S.

Как видно из всего сказанного, египетский консонантизм представляет собой многогранное, сложное явление, полностью далеко еще не изученное.

Однако гораздо больше трудностей стоит перед наукой в области египетского вокализма, так как в египетском письме не существовало специальных обозначений для гласных фонем.

Прежде чем приступить к рассмотрению сути вопроса, нужно сказать несколько слов о его истории.

Как известно, начиная с Ж. Ф. Шампольона египтологи долгое время утверждали, что египетская система имеет специальные знаки для обозначения гласных (а именно знаки *ʒ*, *i*, *ʕ*, *w*, *j*). Последними защитниками этого взгляда были Г. Масперо и Э. Навиль.

Диаметрально противоположной точки зрения держался К. Зете, чьи работы оказали огромное влияние на развитие египтологической филологической мысли. В течение многих лет он считал, что все египетское письмо обозначало лишь согласные звуки и что первые попытки вокализации могут быть обнаружены лишь в демотических текстах римского времени⁴⁷. [101] Позже он допустил, что групповое письмо (начиная с текстов Нового царства) содержит попытки вокализации письма⁴⁸.

Наконец, существует третья точка зрения А. Эрмана, по которой уже в староегипетских и среднеегипетских текстах *w* и *i* в конце слов иногда могли обозначать гласные⁴⁹. Эта гипотеза в самое последнее время нашла очень авторитетных сторонников в лице бельгийского ученого Ж.

⁴³ Ibid., p. 34.

⁴⁴ Формулировка Г. Юнкера (ibid., pp. 36–37).

⁴⁵ Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 48.

⁴⁶ Ibid., § 604.

⁴⁷ Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 145 ff.

⁴⁸ K. Sethe, *Die Ächtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefäßdes Mittleren Reiches*, — APAW, Phil.-hist. Kl., 26, № 5.

⁴⁹ A. Erman, *Die Flexion des ägyptischen Verbuns*, — SPAW, Jg. 1900, S. 317 ff.

Вергота и американского египтолога и семитолога В. Тэкера⁵⁰. К ним примыкает и автор исследования об огласовке группового письма во времена Нового царства, известный семитолог Ф. Олбрайт⁵¹.

Первый вопрос, на котором нам надлежит сосредоточить свое внимание, заключается в следующем: на каком основании египтологи старого поколения, включая Г. Масперо и Э. Навиля, утверждали, что египетское письмо обозначало гласные звуки?

Имена царей династии Лагидов, с расшифровки которых началось чтение египетских иероглифических текстов, были известны из греческого перевода текста и содержали наряду с согласными гласные фонемы. Сопоставление иероглифов с греческими буквами привело к совершенно неопровержимому выводу: отдельные фонемы в этих именах переданы теми или другими иероглифическими знаками. Установлено было, что иероглифы ʾ (алеф), i, j (йод), ʿ (айн) и w (ваф) использовались здесь для передачи гласных. Этот факт и послужил основой для предположения о наличии в египетском иероглифическом письме специальных знаков для обозначения гласных; поэтому в старых фонетических транскрипциях египетских текстов фигурируют и гласные — a, i, u и т.д.

Однако, исходя лишь из данного факта, невозможно было создать строго последовательную и выдержанную [102] транскрипцию, ибо иероглифические знаки, якобы обозначающие гласные, оказались полифоничными, т. е.:

 = a, e, o;

 = a, e, o;

 = a (в дифтонгах ai, ia)

 = o

 = i

Возьмем, например, коптское слово **ран** "имя" египетское . Если бы в египетском письме указанные иероглифы во всех случаях действительно передавали гласные звуки, то слово «имя» писалось бы   или   и т. д., чего никогда не было. Можно привести огромное количество подобных примеров.

Закономерно возникает вопрос: почему же для обозначения гласных фонем египтяне использовали именно эти, а не какие-либо другие иероглифы? Ведь в иероглифическом письме не было знаков для гласных, все иероглифы обозначали согласные. Дело в том, что и среди согласных есть такие, которые в какой-то степени похожи на гласные. Знаки, передающие эти согласные, египтяне и избрали для обозначения гласных.

Для того чтобы принять это предположение, необходимо прежде всего отказаться от традиционной точки зрения, принципиально противопоставляющей гласные звуки согласным. Еще Ф. Ф. Фортунатов отмечал, что «различие между гласными и согласными сводится к различию в степени участия, какое принимает полость рта при образовании тех или других звуков, т. е. различие между гласными и согласными есть различие относительное»⁵². Акад. Л. Щерба и его последователи, а также видные лингвисты Ф. Соссюр и М. Граммон решительно отвергают деление звуков на гласные и согласные⁵³. «Отсутствие достаточно четкого акустического критерия для деления звуков на гласные и согласные дает основание делить звуки с акустической точки зрения не на эти две группы, а на "сонорные" и "шумные"»⁵⁴. Если в образовании гласных [103] участвует только голос, то отличительными признаками ряда согласных, наоборот, являются лишь разные шумы (при полном отсутствии голоса). Но есть и такие согласные, в образовании которых принимают участие и шумы и голос одновременно. Именно эта категория

⁵⁰ Vergote, *Phonétique*, pp. 17, 79; J. Vergote, *Vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 1–20; J. Vergote, *Vocalisation et origine du système verbal égyptien*, — CdE, année, 31, 1956; T. W. Thacker, *The Relationship*, p. 31.

⁵¹ W. F. Albright, *The vocalisation of the Egyptian syllabic orthography*, New Haven, 1934.

⁵² Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение* (курс лекций, читанных в МГУ в 1900–1902 гг.), — Избранные труды, т. I, М., 1956, стр. 102.

⁵³ А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1960, стр. 133.

⁵⁴ Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Л., 1960, стр. 108.

согласных приближается к гласным. Сюда относятся египетские алеф, айн, йод и ваф. Последние два звука, как мы видели, обычно считаются слабыми согласными или полугласными и близкими гласным *i* и *u*. Поэтому вполне понятно, что их использовали для обозначения гласных.

Остается сказать несколько слов об айн и алеф. Первый из них был звонким фарингальным, т. е. в его образовании наряду с шумом участвовал и голос. Уже Ф. Л. Гриффис много лет тому назад указал, что айн в какой-то степени близок к гласному *a*⁵⁵. Как пояснил Н. В. Юшманов, при артикуляции звука айн голос «настроен на *a*, *э*, *о*»⁵⁶.

Алеф в качестве самостоятельной согласной фонемы существует во многих языках. Тот факт, что в египетском языке во время Среднего царства, например, она использовалась для передачи семитских *r* и *l*, свидетельствует о ее независимом употреблении. С другой стороны, в ряде языков алеф тесно связан с гласными. Немецкий Knacklaut представляет собой «сильный приступ» гласного, находящегося в начале слова, а не самостоятельный согласный. Неотделим фонематически от гласного и так называемый *stød* датского языка, встречающийся только после гласного⁵⁷. Ф. Л. Гриффис высказал мысль, что алеф близок к гласному *a*⁵⁸. Это парадоксальное на первый взгляд мнение по сути дела правильно: безусловно, в египетском языке алеф не только был самостоятельной согласной фонемой, но в ряде случаев также играл роль «сильного приступа» гласного, по крайней мере на поздних этапах развития языка. Именно этой его особенностью и объясняется использование египтянами алефа для обозначения гласных.

Здесь уместно сказать, что с точки зрения Ж. Вергота, выражал не только самостоятельную фонему, но и «слабый приступ» в артикуляции гласных⁵⁹.

Огромный научный вклад берлинской школы египтологов, в [104] первую очередь А. Эрмана и К. Зете, состоит отчасти в том, что они воочию показали всю несостоятельность и беспочвенность гипотезы, по которой иероглифы, выражающие алеф, айн, йод и ваф, в основном обозначали гласные. Но как это нередко случается в пылу научной полемики, К. Зете зашел слишком далеко: он полностью отвергал все попытки найти следы вокализации в египетском иероглифическом письме (до демотических текстов римского времени).

Как известно, наряду с египетским консонантным письмом существовали и другие системы такого письма у семитских народов древности. Однако эти народы очень рано почувствовали неудобство полного отсутствия гласных в письме и старались в какой-то мере исправить положение. Так появился целый ряд попыток частичной вокализации консонантных алфавитов, попыток, вполне определенно установленных наукой⁶⁰.

При этом для обозначения гласных прежде всего были использованы уже существовавшие знаки, выражавшие согласные. Любопытно отметить, что в еврейском письме для передачи гласных стали использовать согласные алеф, йод, ваф и хе, т. е. почти те же согласные, что и в египетском. Поэтому вполне естественно и логично уже априори полагать, что одаренные египтяне не отстали в этом отношении от других народов.

В настоящее время можно согласиться с Т. Тэкером, по мнению которого исследование Ф. Олбрайта о вокализации группового письма «доказывает, что египтяне открыли принцип обозначения гласных внутри и в конце слова уже в середине XVIII династии и регулярно использовали его для передачи иностранных имен»⁶¹. Графемами, посредством которых они выражали гласные, являются: *ʒ* (= *a*, *i*, *u*); *w* (= *u*, *a*, *i*); *j* (= *i*).

Но если групповое письмо XVIII династии и более позднего времени применялось в основном для передачи гласных в иностранных словах, то можно ли говорить о вокализации египетской письменности вне группового письма во времена Древнего и Среднего царств?

⁵⁵ F. LI. Griffith, *A collection of hieroglyphs*, London, 1898, p. XII (далее — *Hieroglyphs*).

⁵⁶ Н. В. Юшманов, *Грамматика литературного арабского языка*. Л., 1928, стр. 7; см. также Vergote, *Phonétique*, pp. 72.

⁵⁷ Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, стр. 171.

⁵⁸ F. LI. Griffith, *Hieroglyphs*, p. XII.

⁵⁹ Vergote, *Phonétique*, pp. 76–77.

⁶⁰ Т. Тэкер (T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 7–12) приводит ряд, данных еврейского, угаритского, арамейского и других языков.

⁶¹ *Ibid.*, p. 16.

Т. Тэкер отвечает на этот вопрос положительно. Касаясь слабых согласных, или полугласных йод и ваф, он указывает на следующее, с точки зрения фонетики очень важное, [105] обстоятельство: данные фонемы в конце слога и после гласных теряют свой консонантный характер и удлиняют предшествующий гласный: $i + i = \bar{i}$; $u + w = \bar{u}$, $a + i = ai$; $a + w = au$, только в сочетаниях $u + i$ и $i + w$ консонантный характер у них сохраняется. Т. Тэкер отмечает, что подобные явления прослеживаются почти во всех языках и поэтому были, конечно, и в египетском. Однако не может быть такого правила, которое во всех случаях позволяло бы установить, когда графемы $\imath$ и ω обозначают гласные, а когда согласные: каждый отдельный случай должен иметь свое конкретное обоснованное решение⁶². Допустимо лишь сказать, что в Древнем царстве гласные внутри слова не обозначались, а в Среднем царстве выражались лишь в иностранных словах. Конечные гласные редко отмечаются в текстах Древнего царства, чаще в текстах Среднего царства, но везде очень нерегулярно.

Таким образом, практически мы почти ничего не узнаем об египетском вокализме непосредственно из написаний египетских слов.

Вплоть до настоящего времени основополагающей работой об египетском вокализме является исследование К. Зете, с выводами которого совпадают и выводы Ф. Олбрайта, опубликованные им в небольшой статье⁶³.

Однако отдельные положения К. Зете оспариваются другими учеными. Совершенно необходимо также учитывать серьезные исправления и дополнения, которые внесли в выводы К. Зете польский филолог А. Смешек и бельгийский египтолог Ж. Вергот⁶⁴.

Метод выявления гласных египетского языка состоит в сопоставлении разных египетских слов (собственных имен, географических названий и т.д.), неогласованных в египетских текстах, с этими же словами, встречающимися в огласованных клинописных аккадских текстах из архивов Тель-эль-Амарны и Богазкёя (XV–XIII вв. до н. э.), в ассирийских (VIII–VII вв. до н. э.), нововавилонских (VI–V вв. до н. э.), греческих и коптских текстах. На основании всего этого [106] материала возможно восстановить вокализм египетского языка вплоть до XV в. до н. э.

Отправным пунктом исследования эволюции египетских гласных являются аккадские тексты XV–XIII вв. до н. э.

К. Зете сопоставил аккадскую форму имени египетского бога Хора (Hr) — $H\bar{a}ra$, с ассирийской формой $H\bar{u}ru$, а затем с греческой формой египетских теофорных имен, в которые составным элементом входит имя этого божества, и, наконец, с коптской формой его имени:

$$\begin{aligned} H\bar{a}ra > H\bar{u}ru > [\Psi\epsilon\nu] & \text{ — } \upsilon\rho\iota\varsigma > \text{ϣ}\omega\rho \\ & [\text{πετε}] \text{ — } \upsilon\rho\iota\varsigma \\ \text{'}A\theta\upsilon\rho > \text{ϣ}\lambda\omega\rho \end{aligned}$$

Отсюда получается следующая линия развития гласных:

$\bar{a} > \bar{u} > \bar{o}$. Но поскольку переход $\bar{a} > \bar{u}$ слишком резок и невероятен, К. Зете по априорным соображениям ввел еще промежуточное звено: $\bar{a} > \bar{o} > \bar{u} > \bar{o}$. Отмеченный выше переход греческого υ (ипсилон) в коптское ω подтверждается и многими другими данными; например: $\text{Πα}\bar{\upsilon}\nu\iota$ — **пафне**; $\text{Τ}\bar{\upsilon}\beta\iota$ — **тфве**; $\text{'A}\bar{\upsilon}\beta\delta\omicron\varsigma$ — **εфот**; $\text{Τε}\bar{\upsilon}\tau\upsilon\rho\iota\varsigma$ — **нитентфре** и т.д. Так как по схеме: $\bar{a} > \bar{o} > \bar{u} > \bar{o}$ звук $\bar{u}$ древнее звука $\bar{o}$, то, согласно мнению К. Зете, $\omega\upsilon$ после сонорных согласных **м** и **н** в коптских **амоун** и **аноуп** (коптские формы имен египетских богов Амуна и Анубиса) древнее, чем ω (o). Однако эту гипотезу легко опровергнуть. Прежде всего следует отметить, что в аккадской и ассирийской клинописи нет звука типа o и клинописные материалы никаких сведений в пользу перехода $\bar{o} > \bar{u}$ дать не могут. Что же касается дальнейшего обратного перехода $\bar{u} > \bar{o}$, предполагаемого К. Зете, то с точки зрения фонетики он неправдоподобен⁶⁵.

⁶² Ibid., pp. 3, 31.

⁶³ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 145–207; W. F. Albright, *The principles of Egyptian phonological development*, — RT, vol. 40, 1923, pp. 64–70.

⁶⁴ A. Smieszek, *Some hypotheses concerning the prehistory of the Coptic vowels*, Krakow, 1936; J. Vergote, *Où en est la vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 1–19.

⁶⁵ П. В. Ернштедт, *Египетские заимствования в греческом языке*, М.—Л., 1953, стр. 159, J. Vergote, *Où en est la vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 3–4.

Мнение К. Зете о большей древности $\text{o}\ddot{\text{u}}$ в именах $\text{amo}\ddot{\text{u}}\text{n}$ и $\text{amo}\ddot{\text{u}}\text{t}$ по сравнению с фонемой w в других коптских словах не разделяется современными коптологами, рассматривающими это $\text{o}\ddot{\text{u}}$ как явление, обусловленное предшествующими сонорными m и n ⁶⁶.

Весьма значительную роль во всех этих построениях К. Зете, как мы уже видели выше, играет подмеченный им [107] переход греческого υ (ипсилон) в коптское w . Объяснение такому явлению предложил польский ученый А. Смешек, к которому присоединился и Ж. Вергот.

А. Смешек показал, что передача одной и той же гласной египетской фонемы несколькими греческими буквами связана с изменениями внутри греческой фонетики (описанными и систематизированными Е. Майзером). В силу этих изменений одна и та же греческая буква в разное время могла обозначать различные звуки. Так, например, до начала II в. до н. э. греческая омега обозначала долгое и открытое $\bar{o}$, тогда как греческий омикрон — короткое и закрытое o . К указанному времени эти различия стерлись⁶⁷.

Объяснение А. Смешака заключается в следующем.

Египетский широкий долгий гласный $\bar{a}$, засвидетельствованный в аккадских текстах XIV в. до н. э. (ср. *Hāra*) через несколько веков превращается в узкий гласный o . Ассирийская клинопись, не имевшая обозначения для этой фонемы, передает его как $\bar{u}$ (ср. *Hūru*). Греки Египта во времена Лагидов обозначали эту фонему сначала через υ или, гораздо реже, через $\text{o}\ddot{\text{u}}$, так как греческая омега фонетически менее подходила для передачи египетской фонемы. Когда же υ (ипсилон) стал звучать как $\bar{u}$, а фонетические свойства греческой омеги изменились, то именно через омегу и передавался египетский узкий звук o ; в коптском w также применялось для этой цели. Поэтому, например, в имени египетского бога *Hr* узкую фонему o после *H* греки сначала передавали через υ : [Ψεν] — $\upsilon\rho\iota\varsigma$, [Петε] — $\upsilon\rho\iota\varsigma$, $\text{'}\text{A}\theta\upsilon\rho$, а позже через o : $\text{O}\rho\omicron\varsigma$, коптское $\text{z}\omega\rho$. Иначе говоря, в схеме К. Зете: $\bar{a} > \bar{o} > \bar{u} > \bar{o}$ средние два звена нужно удалить и преобразовать ее в $\bar{a} > \bar{o}$ с последующим частичным изменением o после m и n в u .

Приблизительно такой же точки зрения придерживается и П. В. Эрнштедт⁶⁸.

Э. Эдель также признает переход $\bar{a} > \bar{o}$ ⁶⁹.

Наряду с длинным гласным $\bar{a}$ египетский язык обладал коротким a . К. Зете показал это путем следующих сопоставлений:

аккад. *hatpi* (из имени *Amanhatpi*, егип. *Imn-htp* коптское [памр] $\text{z}\omega\tau\bar{\text{t}}$ (название месяца); *mašši* (в имени [108] *Hāramašši*, егип. *Hr-ms*), греческое [A]μασις (из Геродота), [A]μωσις (из Манефона), коптское $\text{m}\omega\text{c}\epsilon^{\text{S}}$, $\text{m}\omega\text{c}\bar{\text{t}}^{\text{B}}$ "рожден".

Отсюда переход: аккад. $a >$ греч. a (передаваемое через α и $\omega >$ коптское o .

Путем аналогичных сопоставлений устанавливается наличие в египетском долгого гласного $\bar{i}$. В аккадских текстах имя египетского бога солнца R^c обозначено как *rīa* (например, в тронном имени Аменхотепа III — *Nibmuarīa*, егип. *Nb-m³t-R^c*). В грецизированной форме египетских теофорных имен, содержащих в качестве составного элемента имя египетского бога солнца, мы находим греческое $\rho\eta$ или $\rho\iota$. (копт. $\text{p}\bar{\text{n}}$); например: в названии месяца $\text{M}\epsilon\sigma\omicron\rho\bar{\text{t}}$ или $\text{M}\epsilon\sigma\omicron\rho\text{t}$ (копт. $\text{m}\epsilon\text{c}\omega\rho\bar{\text{n}}$), в собственных именах $\text{'}\text{A}\rho\eta\iota\varsigma$, $\text{O}\omega\alpha\phi\rho\eta$, $\text{P}\epsilon\tau\epsilon\phi\rho\eta\varsigma$ и др. Из этих данных К. Зете выводит переход $\bar{i} > \bar{e}$. Однако, как отмечает Ж. Вергот, здесь имеется ряд существенных исключений, так, в некоторых глаголах *tertiaie infirmae*, например: $\text{m}\bar{\text{t}}\epsilon^{\text{SAA}}_2$ "рожать", $\text{x}\bar{\text{t}}\epsilon^{\text{SAA}}_2$ "поднимать", $\text{t}\bar{\text{t}}^{\text{SBFAA}}_2$ "давать", а также в существительных, например: $\text{p}\bar{\text{t}}$ "келья", $\text{p}\bar{\text{t}}\epsilon$ "лук", коптское долгое $\bar{\text{t}}$ могло произойти лишь от египетского долгого $\bar{i}$, т. е. последнее не перешло в $\bar{e}$, а сохранилось как $\bar{i}$.

Все же эти исключения несколько не опровергают вывода К. Зете о переходе $\bar{i} > \bar{e}$. Ж. Вергот приводит очень интересные данные, подтверждающие вывод К. Зете. Имя египетской богини Исиды в ассирийских текстах написано $\bar{e}\bar{s}u$, в нововавилонских $\bar{e}\bar{s}i\bar{s}$, что бесспорно свидетельствует о завершении перехода $\bar{i} > \bar{e}$ к VIII—VII вв. до н. э. По-гречески это имя писалось $\text{I}\bar{\text{s}}\iota\varsigma$ (или через η в теофорных именах $\text{P}\epsilon\tau\eta\eta\varsigma\iota\varsigma$, $\text{P}\psi\epsilon\eta\eta\varsigma\iota\varsigma$, $\text{'}\text{A}\rho\sigma\eta\eta\varsigma\iota\varsigma$). В коптском же — $\text{h}\bar{\text{c}}\epsilon$. Таким образом, несомненно, что в это время египетский язык уже обладал гласной фонемой e .

⁶⁶ J. M. Plumley, *An introductory Coptic grammar*, London, 1948, § 14; G. Steindorff, *Lehrbuch der koptischen Grammatik*, Chicago, 1951, § 49; W. Till, *Koptische Grammatik*, § 54–56.

⁶⁷ E. Mayser, *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*, Berlin, 1923, § 97, 117.

⁶⁸ П. В. Эрнштедт, *Египетские заимствования в греческом языке*, стр. 157–160.

⁶⁹ Edel, *Grammatik*, § 151.

Существовал и переход $i > a$, на что указывают ассирийское *Putubišti* и греческое *Πετουβίστις*, а также название египетского месяца $k3-hr-k3$, которое в ассирийских текстах передано как *kuihku* (где египетское $hr-k3$ = ассирийскому *ihku*). В коптском названии того же месяца **к(о)и** — **ⲁⲢⲕ** ассирийскому *ihku* соответствует **ⲁⲢⲕ**⁷⁰.

Наконец, наличие в египетском языке эпохи Нового царства фонемы *u* доказывается переходом $u > e$. Как уже упоминалось, одно из тронных имен египетского фараона XVIII династии Аменхотепа III — егип. *Nb-m3ʿt-Rʿ* — аккадские тексты Тель-эль-Амарнского архива передают в виде [109] *Nibmuarā*; здесь египетскому *m3ʿt* "истина" соответствует аккадское *mia*. По-коптски "истина" **ⲙⲉ**⁷¹. Другие примеры перехода приводят Ф. Каличе и Ф. Олбрайт⁷². Этот же переход засвидетельствован и в целом ряде слов Библии, передающих египетские оригиналы⁷³.

В основном выводы К. Зете и Ф. Олбрайта общеприняты, и серьезные исправления и дополнения А. Смешека и Ж. Вергота не меняют существа дела.

Итак, устанавливаются следующие конечные соответствия⁷⁴:

египетский язык Нового царства	коптский язык
<i>ā</i>	Ⲱ
<i>ī</i>	Ⲏ
<i>a</i>	Ⲑ
<i>i</i>	Ⲙ
<i>u</i>	Ⲏ

Таким образом, изменение гласных в египетском языке произошло между XIII и VIII–VII вв. до н. э. Можно считать установленным, что египетский язык в эпоху Нового царства располагал тремя гласными фонемами *a*, *i*, *u*, а к VIII–VII вв. также и фонемами *o* и *e*. По мнению Э. Эделя, фонема *e* существовала в египетском языке еще во время Нового царства, хотя, как он сам признает, ее происхождение неясно⁷⁵. Б. Стрикер также полагает, что в египетском языке Нового царства была фонема *e*⁷⁶.

Однако все эти результаты египетской филологии еще очень далеки от выявления египетского вокализма в целом. Для достижения этой цели, т. е. для того чтобы из согласных скелетов египетских слов воссоздать полностью огласованные слова, необходимо знать правила дистрибуции гласных фонем в египетских словах, структуру слога, характер ударения и т. д. Так как египетская система письма [110] не имела специальных обозначений для гласных, то на пути к разрешению подобных вопросов возникают очень большие трудности.

Правила египетского слога выведены К. Зете.

Правило 1-е. В ударном слоге гласный открытого слога длинный, закрытого слога — короткий. Это правило общепризнанно, поскольку вытекает из совокупности всего материала. Например, египетское *ndm* "сладкий" — коптское **ⲛⲟⲩⲧⲙ** (*nū-t^em*) египетское *sdm.f* "слушать его" — коптское **ⲥⲟⲩⲙⲓ** (*sot-m^ef*). По мнению К. Зете, это правило действовало уже во времена I династии. Ф. Олбрайт полагает, что оно стало функционировать лишь после XIV в. до н. э.⁷⁷

Правило 2-е. Каждый слог и, следовательно, каждое слово начинается одним согласным. Это правило, провозглашенное К. Зете⁷⁸, как утверждает Е. Эджертон, никогда никем обосновано не было⁷⁹. В своем исследовании о вокализации К. Зете не повторяет его, говоря о правиле 1-м и 3-м, а в примечании упоминает о начальном гласном в слове, т. е. об исключении

⁷⁰ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 173, 191.

⁷¹ Ibid., Ss. 173–174.

⁷² F. Calice, *Zur Entwicklung des u-Lautes im Ägyptischen und Koptischen*, — ZÄS, Bd 63, 1928, S. 143; W. F. Albright, *The vocalization of the Egyptian syllabic orthography*, pp. 17–18.

⁷³ B. H. Stricker, *Trois études de phonétique et de morphologie copies*. II. *Les voyelles u et e en égyptien*, — «Ada orientalia», vol. 15, 1936, p. 6–10.

⁷⁴ Надо принять во внимание, что это сопоставление намечает лишь основную линию эволюции гласных. Естественно, существует и ряд исключений.

⁷⁵ Edel, *Grammatik*, § 16.1.

⁷⁶ B. H. Stricker, *Trois études de phonétique et de morphologie copies*. II. *Les voyelles u et e en égyptien*, — «Ada orientalia», vol. 15, 1936, p. 10.

⁷⁷ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 196; F. Albright, *Cuneiform material for Egyptian prosography*, — JNES, vol. 5, 1946, pp. 7–25.

⁷⁸ Sethe, *Verbum*. § 8.

⁷⁹ W. E. Edgerton, *Stress, vowel, quantity and syllabic division in Egyptian*, — WES, vol. 6, 1947, p. 17.

из этого правила⁸⁰. А. Гардинер в своей грамматике отмечает, что подобное исключение противоречит самому правилу. Он формулирует это исключение следующим образом: если при чтении кажется, что слово начинается не одним, а двумя согласными, то на самом деле перед этими согласными стоит короткий вспомогательный гласный, т.е. эти согласные относятся к разным слогам — первый согласный кончает первый слог, начинающийся кратким вспомогательным гласным, а второй согласный начинает второй слог. Например, египетское *nht* "быть твердым" — коптское **ⲛⲟⲩⲟⲧ** (^e*n-šot*)⁸¹.

Правило 3-е. Безударные слоги должны быть закрыты. Это правило, как указал Е. Эджертон, также не было обосновано. Т. Тэкер, Э. Эдель и в особенности Я. Штурм отвергают его⁸². [111]

Надо добавить, что в каждом слове есть только один ударный слог, который стоит на последнем или предпоследнем месте. Безударные слоги имеют краткий нейтральный гласный. Например: египетское *hrhr* "разрушать" — коптское **ⲟⲣⲟⲣ̄** (*šor – š^er*); *hrhr.f* "разрушать его" — коптское **ⲟⲣ̄ⲟⲣ̄ⲣ̄** (*š^er – šō – r.f*)⁸³.

К коптскому языку эти правила применимы лишь со многими исключениями, что связано с разложением египетской системы вокализации. Согласно К. Зете, А. Гардинеру и Т. Тэкеру, этот процесс начался еще в эпоху Нового царства⁸⁴. По мнению А. Эрмана, Г. Ранке, Э. Эделя, Я. Штурма и Ж. Вергота, в египетском языке Нового царства редукция гласных развилась далеко не в такой степени, как в коптском⁸⁵. Ф. Олбрайт придерживается того взгляда, что редукция гласных перед ударным слогом восходит к древнейшим временам, а процесс редукции гласных после ударного слога очень затянулся⁸⁶.

Надо отметить, что В. Тэкер и Ж. Вергот предложили вполне конкретную вокализацию глагольных форм египетского языка (к сожалению, мы не в состоянии останавливаться здесь на этом сложном вопросе).

Подводя итоги всему изложенному, нужно сказать, что египетский вокализм далеко еще не изучен, и что многие выводы являются пока гипотетическими.

В заключение следует поставить вопрос о возможности фонологического исследования египетского языка. Основатель научной фонологии Н. С. Трубецкой указывает, что эта наука «само собой разумеется, должна использовать фонетические понятия... Фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы»⁸⁷. В свете этих высказываний, учитывая нашу совершенно недостаточную осведомленность в фонетике египетского языка, кажется преждевременным говорить о его фонологии.

Тем не менее все же не исключено, что применение тех [112] или иных методов фонологического исследования египетского языка может оказаться плодотворным.

§ 17. ЛЕКСИКА

Изучение египетской лексики, бесспорно, является одной из важнейших задач египетской филологии.

На первых этапах развития этой еще молодой науки лексикография, как ее отрасль не находилась на должной высоте. С одной стороны, вследствие превратного убеждения в том, что египетское иероглифическое письмо систематически обозначает гласные звуки, представления о структуре египетских слов были совершенно неверны. С другой стороны, из-за своей общей

⁸⁰ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 194, 202, n. 1.

⁸¹ Gardiner, *Grammar*, p. 429.

⁸² T. W. Thacker, *The relationship*, p. 324; Edel, *Grammatik*, § 217, 226, 245, 635; J. Sturm, *Zur Vokalverfluchtigung in der ägyptischen Sprache der Neuen Reiches*, — WZKM, Bd 41, 1934, Ss. 43–68, 161–179.

⁸³ Gardiner, *Grammar*, p. 429.

⁸⁴ K. Sethe, *Die Vocalisation des Ägyptischen*, — ZDMG, Bd 77, 1923, S. 180; Gardiner, *Grammar*, pp. 429–430; T. W. Thacker, *The Relationship*, p. 37.

⁸⁵ Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 133; H. Ranke, *Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vocalisation*, — «Anhang zu APAW», 1910, S. 77; Edel, *Grammatik*, § 152; J. Sturm, *Zur Vokalverfluchtigung...*, — WZKM, Bd 41, 1934, Ss. 161–180; J. Vergote, *Où en est la vocalisation de l'égyptien?* — BIFAO, t. 58, 1959, p. 11.

⁸⁶ F. Albright, *Cuneiform material for Egyptian prosography*, — JNES, vol. 5, 1946, p. 25.

⁸⁷ Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, стр. 21.

незрелости наука не могла разобраться в огромной массе наличных текстов и подвергнуть их подлинному анализу с точки зрения лексикологии. Поэтому в настоящее время словари Ж. Ф. Шампольона, С. Бёрча⁸⁸ и других, где египетские слова приведены в транскрипции с огласовкой, устарели. То же можно сказать и о семитомном словаре Г. Бругша⁸⁹, хотя в нем использован гораздо больший словарный запас и впервые привлечены материалы демотических текстов.

Единственным словарем египетского языка, соответствующим настоящему уровню науки, является большой словарь, составленный по поручению Немецкой Академии наук А. Эрманом и Г. Граповым при активном участии ряда ученых разных стран.

Этот словарь — незаменимое настольное пособие в исследовательской работе всякого египтолога-филолога, и поэтому необходимо хотя бы кратко описать его⁹⁰.

Составители словаря стремились охватить весь лексический материал (за исключением демотического), известный науке в то время, т.е. использовать максимальное количество иероглифических и иератических текстов. Последние привлекались только в иероглифической транскрипции. Все тексты переписывались небольшими частями на отдельные карточки. На каждой из них помещался отрывок текста — примерно [113] 30 слов. Таким образом, если какая-либо надпись содержала, например, 600 слов, то ее переписывали на 20 карточек. Каждую карточку размножали в 40 экземплярах, из которых десять откладывали. На остальных 30 красными чернилами подчеркивали одно из слов (на каждой карточке — новое). Кроме того, подчеркнутое слово выписывалось в правом верхнем углу карточки. В результате весь текст оказывался расписанным на отдельные слова. Карточки раскладывались по ящикам в алфавитном порядке. Подобный метод, во-первых, гарантировал исчерпывающее использование лексического материала всех обрабатываемых текстов; во-вторых, показывал значение каждого слова не изолированно, а в контексте, что особенно важно для исследований в области лексики⁹¹.

Основную работу при подготовке словаря провели 27 ученых, среди которых были виднейшие филологи: А. Гардинер, А. Эрман, Г. Грапов, К. Зете, Г. Юнкер и др. Каждый из них обрабатывал определенную группу текстов, например Г. Юнкер — тексты из храмов Эдфу, Дендера, Филэ, Эсне и тексты, найденные им в Гиза, Дж. Брэстед — тексты из Сиута и т.д. Большую часть текстов из русских собраний расписали А. Эрман и А. Гардинер.

Всего было составлено полтора миллиона карточек⁹². Так, лишь для регистрации разных случаев употребления предлога *m*, наиболее часто встречающегося слова, потребовалось заполнить 90 тыс. карточек; для предлога *n* — 45 тыс., для предлога *r* — 30 тыс., для предлога *hr* — 28 тыс., для слова *nb* "каждый" — 16 тыс. карточек и т.д.⁹³. Естественно, такая грандиозная систематизированная картотека представляет для науки бесценный клад: она не только дает возможность установить разные значения одного и того же слова в различных сочетаниях, но и указывает на его распространенность, время появления и исчезновения и т.д. Казалось бы, этот словарь должен быть безупречным. К сожалению, на самом деле получилось не совсем так.

Во-первых, в словаре имеется довольно много слов, значение которых не установлено. Такие слова большей частью встречаются в текстах лишь один раз (*hax* *legomena*), что крайне затрудняет определение их смысла.

Во-вторых, многие слова, в особенности различные термины, интерпретированы только приблизительно. [114]

В-третьих, вообще отсутствует целый ряд слов. Это объясняется в основном тем, что со времени выхода пятого тома словаря было открыто и издано много новых текстов, которые содержали ранее неизвестные слова. Однако пропущены и отдельные известные слова (например: *gnwtj* "скульптор").

---

⁸⁸ Этот словарь приложен к труду: K. Bunsen, *Ägyptens Stelle in der Weltgeschichte*, Bd I–V, Hamburg, 1845–1857.

⁸⁹ H. Brugsch, *Hieroglyphisch-demotisches Wörterbuch*, Bd I–VII, Leipzig, 1867–1882.

⁹⁰ Более полно история словаря освещается в брошюре Германа Грапова (H. Grapow, *Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Zur Geschichte eines grossen wissenschaftlichen Unternehmens der Akademie*, Berlin, 1953).

⁹¹ Gardiner, *Onomastica*, vol. I, p. XIV.

⁹² Ibid., p. XII.

⁹³ H. Grapow, *Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Zur Geschichte...*, S. 47.

Таким образом, несмотря на всю свою огромную ценность, словарь в настоящее время не может рассматриваться как исчерпывающая по полноте сводка всего известного лексического материала. Вот почему исследования в области египетской лексики имеют большое значение для дальнейшего развития египетской филологии. «Мы еще далеко не достигли того уровня знаний, когда значение каждого египетского слова может быть провозглашено *ex cathedra* и поэтому всякому ученому, проработавшему в этой области хотя бы пару лет, должна быть предоставлена возможность проверить, если он это считает нужным, правильность лексикографических взглядов своих учителей»⁹⁴.

Исходя из подобных соображений (еще до высказывания А. Гардинера), составители Берлинского словаря дополнили его пятью томами так называемых *Belegstellen*, т.е. ссылками на некоторые (правда, лишь очень немногие по сравнению с использованными) тексты, на основании которых определялось значение того или иного слова. Этим самым составители словаря хотели дать возможность каждому, кто того желал, самому проверить смысл интересующих слов.

Ценным дополнением к словарю служат исследования в области египетской лексики, опубликованные в виде отдельных статей и заметок в специальных египтологических и востоковедных журналах, а также приложенные к некоторым изданиям текстов списки упоминаемых слов (таков, например, список слов к фрагментам литературных папирусов Р. Каминуса)⁹⁵. Почти в любом вновь открытом тексте, в том числе и в изданных Р. Каминусом фрагментах, встречаются ранее неизвестные слова, значение которых в ряде случаев остается для нас неясным.

После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению египетской лексики. Каждое египетское слово может быть либо словом-корнем, т.е. может иметь форму, не отличимую от последнего, либо быть производным от корня, т.е. его форма образуется путем прибавления к корню префикса, суффикса или каким-либо другим способом. Хотя обычно термин «слово» употребляется для обозначения и [115] корней и производных слов, понятия «слово» и «корень» не тождественны: египетский словарь содержит приблизительно 3200 корней, от которых происходит около 16 тыс. слов, относящихся к разным периодам истории языка.

Приводимые Г. Граповым статистические данные весьма интересны для характеристики словарного состава египетского языка⁹⁶.

Слова одногласного корня ⁹⁷	60
Двусогласные корни	380
Трехсогласные корни	2234
Четырехсогласные корни	450
Слова пятисогласного корня	125
Слова шестисогласного корня	30
Итого	3279

Как показывает таблица, в египетском языке число трехсогласных корней намного превышает число всех остальных. Эти слова составляют основу египетского словаря.

Слова одногласного корня включают 30 слов мужского рода и около 30 женского; к ним относятся также некоторые частицы. Среди двусогласных корней имеется около 20 таких, в которых оба согласных звука тождественны, например: *mm ḥḥ* и т.д.; от них происходит около 65 слов. Корни подобного типа представлены и в коптском языке, например: **ḳḳ** "множество", **ḳḳḳ** "воробей".

Наиболее распространены трехсогласные корни, в которых все три согласных звука различны, например: *sḏm*. Наряду с ними имеются трехсогласные корни других типов, как, например *nḥn*, где тождественны первый и третий звуки; таких корней насчитывается около 60 и к ним восходит около 95 слов; корней типа *bḥḥ* с одинаковыми вторым и третьим согласным несколько больше — примерно 165, от них образовано около 380 слов (ср. коптское **krour** "ля-

⁹⁴ Gardiner, *Onomastica*, vol. I, pp. XIII–XIV.

⁹⁵ R. Caminos, *Literary Fragments in the Hieratic Script*, Oxford, 1936.

⁹⁶ H. Grapow, *Zur Wortbildung des Ägyptischen*, — «Miscellanea Academica Berolinensia», 1950, Ss. 61–69.

⁹⁷ Так как одногласных, пятисогласных и шестисогласных корней очень мало, в этих рубриках слова и корни объединены. Все цифры приблизительны.

гушка"). Трехсогласных корней типа *ssf*, где первый и второй звуки тождественны, примерно 25; от них происходит около 30 слов.

Четырехсогласные корни также могут быть разных типов: имеется около 85 корней типа *hsmn*, в которых все четыре согласных звука различны, к таким корням восходят около 250 слов; существует около 80 корней типа *tpnn* с одинаковыми [116] третьим и четвертым согласными, от этих корней образовано около 100 слов. Отмечены корни типа *ʒgʒg* с тождественными первым и третьим согласными; типа *nhmn*, с тождественными первым и четвертым согласными; типа *hnbn*, с тождественными вторым и четвертым согласными; типа *innk*, с одинаковыми вторым и третьим согласными; типа *bbnt*, где совпадают первый и второй согласные. К четырехсогласным корням относятся еще около 170 редуцированных корней, т.е. таких, в которых первые два согласных удвоены — типа *fdfd*, *mnmn* и т.д. В основном это глаголы. В группу четырехсогласных корней следует включить, наконец, и трехсогласные корни с префиксом каузатива *s* (глаголы) и с префиксом *m*.

Среди немногочисленных пятисогласных корней и слов имеется приблизительно 25 таких, где все пять согласных различны. Остальные пятисогласные корни и слова состоят из четырехсогласных редуцированных корней с предшествующим префиксом, например: *hbrbr*, *nhmhm*.

Что же касается шестисогласных корней и слов, то их насчитывается не более тридцати, и почти все корни имеют шесть различных согласных. Корни этого типа относятся к наиболее древним периодам истории языка.

Значительную роль в образовании слов играют префиксы. Так, например, при помощи префикса *m* образовано (преимущественно от глаголов) около 140 существительных⁹⁸; префикс *s* придает глаголам форму каузатива. Менее важны префиксы *n* и *h*.

Помимо простых слов, в египетском языке существовали также и сложные слова, представляющие собой сочетание двух слов. Особенно распространены конструкции следующего типа⁹⁹.

1. С начальным словом *tp* "голова": *tp + rʒ* "рот" = *tp r* "слово"; *tp + rd* "нога" = *tp rd* "предписание"; *tp + hsb* "счет" = *tp hsb* "счет", "точность"; *tp + nfr* "хороший" = *tp nfr* "правильный образ действия"; *tp + mtr* "точный" = *tp mtr* "точность".

2. С начальным словом *st* "место". Как указывает А. Гардинер, оно обычно сочетается с названиями частей человеческого тела¹⁰⁰. Например: *st + rʒ* "рот" (об искусных [117] устах); *st + ib* "сердце" = *st ib* "любимец"; *st + hr* "лицо" = *st hr* "наблюдение", "надзор"; *st + rd* "нога" = *rd* "местоположение", "положение (при дворе)"; *st + drt* "рука" = *st drt* (в выражении *rh st drt.f* "знающий место руки своей", т.е. "ловкий", "искусный").

3. С начальным словом *rʒ*, "рот": *rʒ + pr* "дом" = *rʒ pr* "храм", коптское $\bar{p}r\bar{t}\bar{e}^S$; *rʒ + wʒt* "дорога" = *rʒ wʒt* "близость", "соседство", коптское $\rho\lambda\omega\upsilon\epsilon^B$.

4. С начальным *rʒʕ* "состояние" (коптское $\rho\lambda$ -): *rʒʕ + kʒt* "работа" = *rʒʕ kʒt* "в работе"; *rʒʕ + ht* "палка" = *rʒʕ ht* "сражение".

5. С начальным словом *nt* [единственное число женского рода служебного прилагательного *n(j)*]: *nt + ʕ* "рука" = *ntʕ* "обычай"; *nt + htr* "лошадь" = *nt htr* "колесничный".

6. С начальным словом *bw* "место": *bw + ikr* "отличный" = *bw ikr* "совершенство", "отличное качество"; *bw + nfr* "хороший" — *bw nfr* "добро", "благое", "хорошее"; *bw + bin* "зло" = *bw bin* "злое"; *bw + dw* "злое" = *bw dw* "злое".

Разумеется, этим не исчерпываются все способы словообразования в египетском языке. Здесь были приведены лишь самые главные и общеупотребительные.

На протяжении своей многовековой истории словарь египетского языка неоднократно пополнялся иностранными словами. Этот процесс особенно усилился в эпоху Нового царства, когда народ Египта пришел в длительное и тесное соприкосновение с рядом племен и народов, преимущественно семитских, населявших страны восточного побережья Средиземного моря. Семитских слов в египетском языке довольно много (большинство из них собрано в специаль-

⁹⁸ H. Grapow, *Ober die Wortbildungen mit einem Prafix in- im Ägyptischen*, — APAW, Phil.-hist. K1., 1914, № 5.

⁹⁹ Lefebvre, *Grammaire*, § 161.

¹⁰⁰ A. H. Gardiner, *Review of R. Weill, Les decrets royaux de l'Ancien Empire égyptien*, — PSBA, vol. 34, 1912, pp. 257–265.

ном словаре М. Бурхардта¹⁰¹). Некоторые слова перешли в речь египтян из языков племен и народов, обитавших к югу от первого нильского порога.

В свою очередь и многие египетские слова были заимствованы языками других народов, прежде всего семитских. Коптский словарь сохранил примерно 1400 слов из египетского языка¹⁰². Отдельные египетские слова можно найти и в греческом языке. Так, например, слово βῆρις "судно" происходит от египетского *br*; ἔρις "вино" — от египетского *irp*¹⁰³.

В заключение следует упомянуть, что данные египетского [118] и коптского языков (наряду с данными других языков) были использованы основателем глоттохронологии (или лексикостатистики) американским лингвистом М. Сводешом (M. Swadesh) и его последователями для подтверждения их гипотезы. Эта гипотеза заключается в том, что словарный состав каждого языка изменяется не произвольно и не случайно, а с постоянной скоростью, которая математически может быть выражена определенным коэффициентом, и что эти коэффициенты для разных языков близки между собой¹⁰⁴.

§ 18. ЧАСТИ РЕЧИ

Грамматическое описание языка принято начинать с частей речи, так как в грамматике любого языка они играют важную роль. Однако в современной лингвистике нет единого установившегося определения частей речи¹⁰⁵. Положение осложняется еще и тем, что из-за разнообразия языков общей схемы частей речи быть не может. Вот почему для описания каждого языка, в частности конечно, и египетского необходима схема, построенная на данных именно этого языка. В египетской филологии такой вопрос по существу до сих пор не ставился. В капитальных грамматиках А. Эрмана, А. Гардинера и Г. Лефевра эта проблема даже не затронута; в них рассматриваются только отдельные части речи: существительные, местоимения, числительные, наречия, глаголы, предлоги, частицы, междометия. Н. С. Петровский различает части речи (существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия) и частицы речи (предлоги, частицы, связки и междометия)¹⁰⁶. Мы предлагаем следующую классификацию.

I. Знаменательные части речи:

- 1) существительные;
- 2) прилагательные;
- 3) наречия;
- 4) глаголы.

II. Местоимения.

III. Числительные.

IV. Служебные слова:

- 1) предлоги;
- 2) частицы.

V. Междометия. [119]

Однако части речи египетского языка удобнее различать по лексическому, а не по грамматическому аспекту слов, так как большинство слов тождественно с корнем, который выступает в роли разных частей речи в зависимости от своей грамматической функции в каждом данном случае¹⁰⁷. Так, существительные, прилагательные, глаголы и наречия от одного корня часто имеют одинаковый внешний облик. Например *mdw* означает «говорить» и «речь».

¹⁰¹ M. Burchardt, *Die altkanaanäischen Fremdworte und Eigennamen im Ägyptischen*, Leipzig, 1910.

¹⁰² H. Grapow, *Zur Wortbildung des Ägyptischen*, — «Miscellanea Academica Berolinensia», 1950, S. 60.

¹⁰³ П. В. Ернштедт, *Египетские заимствования в греческом языке*, стр. 97, 98.

¹⁰⁴ М. Сводеш, *Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов*, — «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 34.

¹⁰⁵ О. Есперсен, *Философия грамматики*, пер. с англ., М., 1958, стр. 62 и сл.

¹⁰⁶ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, стр. 88–89.

¹⁰⁷ Разумеется, высказанное утверждение относится только к словам, упоминаемым в текстах, т. е. лишенным огласовки. Увеличение наших знаний о египетской вокализации может опровергнуть это положение.

Основанием для лексического деления служит и отсутствие у перечисленных частей речи морфологических особенностей. Только прилагательные-нисбы имеют определенное, лишь им присущее окончание *i*, а окончание *t*, например, свойственное существительным женского рода, может быть и у глаголов: *swtwt* "гулять".

Необходимо подчеркнуть, что в египетском языке между прилагательным и глаголом отсутствует такое четкое различие, какое нам хорошо известно в русском и ряде других языков.

В египетском языке есть много слов, имеющих одновременно аспект глагола и прилагательного. В Берлинском словаре египетского языка подобные слова определены немецким термином «Eigenschanswort», за которым в скобках следует разъяснение: *Adjektiv und Verbum*. Таковы, например, слова: *šps* "быть прекрасным (ценным)"; *snb* "быть здоровым"; *nfr* "быть хорошим"; *nht* "быть сильным"; *ʕ* "быть большим" и ряд других. Эти слова в роли прилагательного употребляются в качестве определения, в роли глагола — в качестве сказуемого.

С глаголами-прилагательными не следует смешивать предикативные прилагательные (правила их употребления будут рассмотрены ниже): предикативные прилагательные не спрягаются, а глаголы-прилагательные спрягаются так же, как и все другие глаголы.

А. Гардинер высказал предположение, что, может быть, в тех случаях, когда эти слова выступают в качестве определения, следующего за определяемым, перед ними не прилагательное, а форма старого перфекта этих глаголов (об этой форме см. ниже). Как бы то ни было, совершенно ясно, что такие слова (глаголы-прилагательные) имеют два синтаксических аспекта — сказуемого и определения.

Приблизительно подобное явление наблюдается и в современном китайском языке: некоторые его исследователи [120] объединяют глагол и прилагательное в одну часть речи — в так называемый предикатив¹⁰⁸.

Несмотря на это, мы сохраняем традиционное деление частей речи египетского языка, отличая глаголы от прилагательных, так как, во-первых, это гораздо удобнее для практических целей, и, во-вторых, большинство глаголов египетского языка все же не являются глаголами-прилагательными.

§ 19. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В основу нашего обзора египетской грамматики положены нормы среднеегипетского, так называемого классического языка. Когда же рассматриваются грамматические явления, относящиеся к староегипетскому или новоегипетскому языкам, это оговаривается в каждом случае.

Как уже упоминалось, египетские существительные особых морфологических признаков не имеют и в своем большинстве тождественны с корнями.

Данные коптского языка и некоторые факты, отмеченные в египетских текстах, показывают, что у существительных было три формы: 1) *status absolutus* (когда существительное употреблялось самостоятельно); 2) *status constructus* (когда оно непосредственно стояло перед другим словом); 3) *status pronominalis* (когда существительное соединялось с местоименным суффиксом). В коптском языке эти формы различаются ударением и огласовкой. В египетских же текстах, где никакой огласовки нет, иногда прослеживаются лишь косвенные указания на наличие упомянутых форм¹⁰⁹. Существительные имеют две категории — рода (мужской и женский) и числа (единственное, двойственное и множественное). Уменьшительных и увеличительных форм у существительных нет.

Существительные мужского рода единственного числа определенного окончания не имеют, например: *sn* "брат", *s3* "сын", *pr* "дом". Правда, есть довольно много существительных мужского рода, оканчивающихся на *w*. Признаком существительных женского рода является окончание *t*, например: *snt* "сестра", *s3t* "дочь", *mwt* "мать". Как правило, это окончание пишется до детерминатива. В коптском языке окончание *t* у существительных женского рода в *status absolutus* и в *status constructus* отпало, например: *snt* > **сwne**¹¹⁰. Однако в [121] *status*

¹⁰⁸ А. А. Драгунов, *Исследования по грамматике современного китайского языка*, М., 1952, стр. 10 и сл.

¹⁰⁹ Gardiner, *Grammar*, p. 432; Lefebvre, *Grammaire*, § 112.

¹¹⁰ Lefebvre, *Grammaire*, § 112; Gardiner, *Grammar*, § 85.

pronominalis оно сохранилось. Показателем того, что *t* произносилось, было его повторение после детерминатива перед местоименным суффиксом, например: *ht.t.f*, здесь *t* перед суффиксом *f* — повторение окончания (в новоегипетском в подобных случаях пишется *tw*) Некоторые существительные, например: *dpt* "судно" в status pronominalis иногда принимают окончание *wt*: *dpwt.k* "судно твое".

Но не все существительные, оканчивающиеся на *t*, относятся к женскому роду. У ряда существительных мужского рода конечный звук корня также *t*, но он является не окончанием, а именно частью корня, например: *ht* "дерево", *wmt* "толщина". Вместе с тем названия стран и городов, даже не имеющие окончания *t*, в среднеегипетском языке грамматически трактуются как существительные женского рода¹¹¹ (в староегипетском — как существительные мужского рода).

В двойственном числе существительные мужского рода имеют окончание *wj*, существительные женского рода — *tj*; например: *thnwj* "два обелиска", *sntj* "две сестры". Окончание множественного числа существительных мужского рода *w*, женского рода — *wt*, например: *snw* "братья", *snwt* "сестры". Окончания двойственного и множественного числа пишутся до детерминатива.

В языках, находящихся на ранних стадиях развития, нередко встречается несколько видов множественного числа, выражающих не множество вообще, а конкретную множественность: два, три и даже четыре¹¹². Эти формы могут сосуществовать с обычным множественным числом, которое иногда в таких случаях обозначается словом «много». С эволюцией языка от конкретности к отвлеченности подобные формы множественности отмирают и сливаются с общим множественным числом. О таком развитии свидетельствуют данные многих языков, в частности океанийских. Явные следы этого процесса можно заметить и в египетском языке. В староегипетских текстах множественное число нередко выражается троекратным повторением идеограммы слова или его детерминатива: если же слово пишется не идеографически и без детерминатива, то оно полностью повторяется трижды, например множественное число слова *rn* "имя" писалось *rn rn rn*. К концу эпохи Древнего царства этот громоздкий способ был замененписанием особого детерминатива множественного [122] числа — трех штрихов или трех кружочков, указывающих, что слово (или его детерминатив) следует читать три раза; соответственно двойственное число стало выражаться двумя штрихами. Однако удвоение и утроение слова, идеограммы или детерминатива, штрихи и фонетическое написание, окончание *w* и *wt* — все это может сочетаться в разных комбинациях и в среднеегипетском языке, причем фонетическое окончание *w* нередко опускается.

Собирательные существительные также писались со штрихами множественного числа. Большинство из них женского рода, т.е. с окончанием (*w*)*t*. Например: *mnmnt* "стадо", *hnt* "пиво", *hmzt* "соль" и т.д. Форму множественного числа имеют и существительные, выражающие отвлеченные понятия, например: *h^cw* "появление", *kbhw* "прохлада", *nfrw* "красота" и т.п.

В новоегипетском языке двойственное число уже не употребляется и заменяется множественным числом. В коптском языке двойственное число встречается только пережиточно и грамматически трактуется как единственное число, например: **спотоу** "губы" ("две губы").

В египетском языке нет склонений с морфологическими показателями. Значения, для передачи которых в других языках служат парадигмы падежей, в египетском языке выражаются порядком слов или служебными словами, предшествующими знаменательным словам.

Тем не менее в грамматиках обычно говорится о наличии в египетском языке родительного, дательного и других падежей.

Родительный падеж различается прямой и косвенный. В конструкции прямого родительного падежа два существительных стоят рядом, при этом первое является управляющим, а второе — управляемым; например: *hrw ksnt* "день несчастья", *dpt mwt* "вкус смерти", *hmt w^cb* "жена жреца". В новоегипетском языке прямой родительный падеж выходит из употребления и сохраняется пережиточно лишь в древних устойчивых словосочетаниях¹¹³. Изменения в огласовке

¹¹¹ J. Clère, *Sur le genre général féminin des noms des villes en ancien égyptien*, — GLECS, t. 3, 1939, pp. 47–49.

¹¹² L. Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales des sociétés inférieures*, Paris, 1918, p. 157.

¹¹³ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 200–201.

управляющего существительного в письме не могли быть выражены, так как гласные не выписывались. Но такие изменения были. Об этом свидетельствуют данные семитских языков, а также особенности коптского языка, где при прямом родительном падеже (который встречается только пережиточно в сложных словах) управляющее существительное переходило из status absolutus в status constructus, т.е. [123] теряло свое ударение, и гласный звук его редуцировался; управляемое же существительное оставалось в status absolutus, т.е. в своей неизменной полной форме. Например:

бв-хоѐит "лист оливкового дерева", здесь **бв** — status constructus слова **бѡѡѡ** (status absolutus) "лист"; **нѡѡ-ни** "хозяин дома", здесь **нѡѡ** — status constructus слова **ниѡѡ** (status absolutus) "хозяин"¹¹⁴.

Косвенный родительный падеж выражается при помощи служебного прилагательного *n(j)*, которое ставится между управляющим и управляемым словами. Это служебное прилагательное происходит от предлога *n* и, изменяясь в роде и числе, согласуется с управляющим словом:

единственное число мужского рода	<i>n(j)</i>
» » женского	» <i>n(j)t</i>
множественное число мужского	» <i>n(j)w</i>
» » женского	» <i>n(jw)t</i>

Например: *dmi n Gbtiw* "город Коптос" (этой египетской конструкции точно соответствует французский перевод — *ville de Coptos*): *nsw n(j) Kmt* "царь Египта"; *niwt n(j) nhj* "город вечности"; *hmwt n(jw)t wrw* "жены вельмож"¹¹⁵.

Косвенный родительный падеж иногда выражает качество, т.е. заменяет прилагательное, например: *s n mʕt* "правдивый человек" (букв. "человек правды"). Между управляющим и управляемым словами могут быть и другие слова, например *hkʒ pn Tnw* "правитель этот (страны) Чену".

Дательный падеж всегда образуется при помощи предлога *n* "для", который ставится перед управляемым словом.

Существительное (а также прилагательное, причастие и другие части речи), следующее за предлогом *m*, нередко переводится на русский язык в творительном падеже, например: *hpr m bʒ ʕnhj* "стать душой живой".

В творительном же падеже переводится существительное без предлога, стоящее за прилагательным; например: *ink ʕbʒ ʕwj* "я искусен руками", *ikr shrw* "отличный замыслами".

Указательное местоимение, которое следует за существительным, иногда придает ему значение звательного падежа. Это же относится и к междометию *i* перед существительным, например: *i ʕnhw* "о, живущие"¹¹⁶. Значение звательного падежа может иметь существительное и без указательного местоимения или междометия. [124]

Необходимо отметить, что если два существительных стоят рядом, то это еще не говорит о наличии прямого родительного падежа. Возможны следующие случаи:

1. **А п п о з и ц и я**. Второе существительное поясняет первое; например: *sʒ.k Hr* "сын твой Хор", *hnkt hbnt 1* "пиво, мера 1". В таком сочетании оба существительных стоят как бы в именительном падеже и воспринимаются независимо друг от друга.

2. **К о о р д и н а ц и я**. В египетском языке нет союза, соответствующего русскому «и» (немецкому *und*, французскому *et*, английскому *and* и т.п.). Такой союз **лѡѡ** появляется только в коптском языке. Поэтому в некоторых случаях два рядом стоящих существительных при переводе можно соединять союзом «и»: *gm.n.i dʒbw iʒrrt im* "нашел я фиги и виноград там".

Подобно существительным, прилагательные не имеют особых морфологических признаков. Как и другие части речи, они тождественны с корнем. Исключение составляют прилагательные-нисбы (распространенные и в семитских языках), которые образуются посредством

¹¹⁴ Lefebvre, *Grammaire*, § 140.

¹¹⁵ Ibid., § 146; Gardiner, *Grammar*, § 86.

¹¹⁶ Lefebvre, *Grammaire*, § 159.

прибавления окончания *j* к существительным и предлогам; например; *ntr* "бог", *ntrj* "божественный", *hr* "на", *hrj* "который на" и т.д.¹¹⁷.

В египетском языке прилагательные (кроме нисб) могут быть сказуемым или определением. В первом случае предикативное прилагательное, не изменяясь, предшествует подлежащему (существительному или зависимому местоимению), во-втором — следует за ним. И в той и в другой роли наиболее часто встречается прилагательное *nfr*: как сказуемое оно переводится "быть хорошим", как прилагательное "хороший". Например: *nfr mtn.i* "хорош путь мой", *nfr pr.i* "хорош дом мой", *nfr tw hn^c.i* "хорошо тебе со мной", *hrw nfr* "день хороший", *ntr nfr* "бог благой". Прилагательное согласуется в роде и числе со словом, которое им определяется: грамматические окончания у прилагательных те же, что и у существительных.

Степени сравнения не имеют специальных форм. Сравнительная степень передается при помощи предлога *r* "больше чем", например: *wr mnw.k r nsw nb hpr* "(памятники) твои больше, чем (памятники) всякого царя, бывшего (до сих пор)". [125]

Превосходная степень выражается различными способами. Например: *wr wrw* "наибольший (из) больших", *wr imj s^chw* "величайший среди благородных" и т.д.

§ 20. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения делятся на три группы: местоименные суффиксы, зависимые местоимения и независимые местоимения.

Местоименные суффиксы

Эти личные местоимения никогда не употребляются самостоятельно, они всегда связаны с другими словами.

Единственное число		
1-е лицо	<i>i</i>	"я", "мой"
2-е » мужского рода	<i>k</i>	"ты", "твой"
2-е » женского »	<i>t, t</i>	"ты", "твой"
3-е » мужского »	<i>f</i>	"он", "его"
3-е » женского »	<i>s</i>	"она", "ее"
Множественное число		
1-е лицо	<i>n</i>	'мы', 'наш'
2-е »	<i>tn, tn</i>	'вы', 'ваш'
3-е »	<i>sn</i>	'они', 'их'

В староегипетских текстах встречается и двойственное число местоименных суффиксов:

1-е лицо	<i>nj</i>	"мы (двое, оба, две, обе)", "наш (двоих, обоих, обеих)"
2-е »	<i>tnj</i>	"вы (двое, оба, две, обе)", "ваш (двоих, обоих, обеих)"
3-е »	<i>snj</i>	"они (двое, оба, две, обе)", "их (двоих, обоих, обеих)"

В среднеегипетском языке эти формы чрезвычайно редки и являются архаизмами.

Местоименный суффикс 1-го лица единственного числа большей частью выражается знаком , но иногда он передается иероглифами, представляющими божество, царя или женщину (когда речь ведется от имени божества, царя или женщины). Иероглиф, изображающий женщину, начинает употребляться как суффикс 1-го лица только в текстах [126] XIX династии. Изредка суффикс 1-го лица единственного числа пишется знаком или просто чертой еще реже — знаком .

Суффиксы 2-го и 3-го лица единственного числа мужского рода *k* и *f* и суффикс 3-го лица единственного числа женского рода *s* сочетаются с окончанием двойственного числа *j*, когда они следуют за словами, обозначающими парные предметы. Например: *irtj.kj* "глаза твои", *swj.ff*

¹¹⁷ Ibid., § 178.

"руки его", *msdrwj.fj* "уши его", *gswj.kj* "твои оба бока" (*gs* "бок", "сторона", подразумевается, что все имеет по крайней мере две стороны, два бока)¹¹⁸.

В поздних новоегипетских текстах суффикс 3-го лица единственного числа женского рода пишется в форме *sw*¹¹⁹.

Местоименные суффиксы 2-го и 3-го лица множественного числа *tn* (позднее *tn*) и *sn* нередко встречаются без детерминатива множественного числа — трех штрихов. Начиная с текстов XVIII династии в качестве суффикса 3-го лица множественного числа вместо *sn* стал употребляться суффикс *w* (в коптском **ⲟϥ**).

В египетском языке существует безличное местоимение *tw* (в староегипетском *tj*), имеющее такое же значение, как французское местоимение *on* или немецкое *man*. Оно выступает в роли местоименного суффикса, зависимого местоимения и нового независимого местоимения (в форме *twtw*). В новоегипетском и коптском вместо него нередко употребляется суффикс 3-го лица множественного числа *w* (**ⲟϥ**)¹²⁰.

Как правило, суффиксы пишутся после детерминатива слова (исключения составляют отдельные написания в староегипетских текстах).

Местоименные суффиксы употребляются:

1) в качестве подлежащего в финитных формах глагола, например: *sdm.i* "слушаю я", *sdm.k* "слушаешь ты", *sdm.f* "слушает он" и т.д.;

2) как притяжательное местоимение после существительных (и их эквивалентов), например: *pr.i* "дом мой", *pr.k* "дом [127] твой";

3) в роли косвенного дополнения после предлогов, например: *dd.fn.i* "говорит он мне";

4) в качестве подлежащего или прямого дополнения после сказуемого-глагола в форме неопределенного наклонения.

Зависимые местоимения (по английской терминологии — *dependent pronouns*, по немецкой — *altes Pronomenab solutum*)

Единственное число		
1-е лицо	<i>wi</i>	"я", "меня"
2-е » мужского рода	<i>tw, tw</i>	"ты", "тебя"
2-е » женского »	<i>tn, tn</i>	"ты", "тебя"
3-е » мужского »	<i>sw</i>	"он", "его"
3-е » женского »	<i>sj, (st)</i> ¹²¹	"она", "ее"
Множественное число		
1-е лицо	<i>n</i>	"мы", "нас"
2-е »	<i>tn, tn</i>	"вы", "вас"
3-е »	<i>sn, st</i>	"они", "их"

Эти местоимения названы зависимыми потому, что они зависят от другого слова, самостоятельно не употребляются и не начинают предложения (исключение составляют формы 3-го лица в архаических и архаизирующих текстах)¹²².

У зависимых местоимений, так же как и у местоименных суффиксов, часто опускается показатель множественного числа — три штриха. Редкие формы двойственного числа, совпадающие с формами двойственного числа местоименных суффиксов, встречаются тоже только в древнейших текстах. В роли подлежащего зависимые местоимения употребляются в предложениях с неглагольным сказуемым:

а) в предложении с адвербиальным сказуемым, например:

mk wi m-b^ch.k "вот я перед тобой";

¹¹⁸ Lefebvre, *Grammaire*, § 75–76.

¹¹⁹ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 74; K. Piehl, *ⲥ^e pronom-suffixe des basses époques*, — «Sphinx», vol. I, 1887, p. 68.

¹²⁰ A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 86, 269.

¹²¹ Необходимо отметить, что зависимое местоимение 3-го лица женского рода *st* в среднеегипетском языке имело также значение «это» (т. е. выражало средний род). Например: *dd.f st* "говорит он это". Иногда такую же функцию выполняет и суффикс 3-го лица единственного числа женского рода *s*. В новоегипетском для этой цели употреблялся суффикс 3-го лица единственного числа мужского рода *f*.

¹²² Gardiner, *Grammar*, p. 424 (§ 115A).

б) в предложениях, в которых сказуемым является старый перфект, например: *mk wi ij.kwj* "вот я пришел";

в) в предложениях с предикативными прилагательными, например: *nfr s(j) r hmt nbt* "прекраснее она, чем любая женщина".

Следует подчеркнуть, что в первых двух случаях перед зависимым местоимением-подлежащим обязательно должна [128] стоять или какая-нибудь частица (*mk* "вот", *nn* "нет" и др.) или относительное местоимение (*ntj* "который", *ntt* "что" и др.).

В качестве прямого дополнения зависимые личные местоимения употребляются после различных финитных глагольных форм и после причастий, например: *h3b.k wi* "посылаешь ты меня"; в роли косвенного объекта эти местоимения не применяются.

Зависимые местоимения выражают значение возвратных местоимений, а также употребляются после императива: *ts sw* "подними его"¹²³.

Независимые местоимения

Независимые местоимения обычно стоят в самом начале предложения.

Следует отметить, что староегипетские и среднегипетские формы независимых местоимений не тождественны, как это видно из приводимой парадигмы.

	Староегип. формы	Среднегип. формы	
	Единственное число		
1-е лицо	<i>ink</i>	<i>ink</i>	"я"
2-е » мужского рода	<i>twt</i>	<i>ntk</i>	"ты"
2-е » женского »	<i>tmt</i>	<i>ntt, ntt</i>	"ты"
3-е » мужского »	<i>swt</i>	<i>ntf</i>	"он"
3-е » женского »	<i>stt</i>	<i>nts</i>	"она"
	Множественное число		
1-е лицо	не засвидетельствовано	<i>inn</i>	"мы"
2-е »	<i>nttn</i>	<i>nttn, nttn</i>	"вы"
3-е »	<i>ntsn</i>	<i>ntsn</i>	"они"

В новоегипетском языке наряду с формой 3-го лица множественного числа *ntsn* применяется форма *ntw*.

Независимые местоимения никогда не употребляются в роли дополнения, они могут быть только подлежащим. Независимые местоимения часто встречаются в предложениях со сказуемым-существительным, например: *ink it.k* "я отец твой", *ntf s3.s* "он сын ее".

Местоимение 1-го лица единственного числа *ink* употребляется как подлежащее в предложениях, где сказуемым является [129] прилагательное, следующее за местоимением, например: *ink bnr it pr nb.f* "я приятен для дома владыки своего"; *ink nfr* "я хорош". В адвербиальных предложениях независимые местоимения не применяются.

В роли подлежащего независимые местоимения встречаются и в сочетании с глагольной формой *sdm.f*, имеющей свое собственное подлежащее, например: *ntf dd.f st*, букв. "он, скажет он это"¹²⁴.

Наконец, как логическое подлежащее независимое местоимение (наряду с местоименным суффиксом) употребляется в предложениях со сказуемым инфинитивом, например: *dd st ntf* "говорит это он" (букв. "говорение этого им"), где форма *dd* "говорение" — глагол в неопределенном наклонении¹²⁵.

Независимые местоимения применяются для выражения притяжательности, например: *ntk nbw* "твое золото", *ink sj* "моя она".

В новоегипетском языке независимые местоимения также употребляются в роли притяжательных, причем они пишутся после определяемого существительного, например: *w^c pr ink* "один дом мой". В заключение необходимо упомянуть, что староегипетские независимые мес-

¹²³ Ibid., § 339.

¹²⁴ Lefebvre, *Grammaire*, § 92; Gardiner, *Grammar*, § 64–65.

¹²⁵ Lefebvre, *Grammaire*, § 92; Gardiner, *Grammar*, § 300.

тоимения 2-го и 3-го лица единственного числа мужского рода *twt* и *swt* в новоегипетском «оживают» и используются, как и *ink*, в качестве притяжательных местоимений¹²⁶.

Новые независимые местоимения

В текстах XVII династии появляются новые формы независимых местоимений:

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	<i>twi</i>	1-е лицо	<i>twn</i>
2-е » мужского рода	<i>twk</i>	2-е »	<i>twtn</i>
2-е » женского	<i>twt</i>	3-е »	<i>st</i>
3-е » мужского	<i>sw</i>		
3-е » женского	<i>sj</i>		

В новоегипетском языке такие формы широко применяются как подлежащее адвербиальных предложений, а также в глагольной конструкции. [130]

§ 21. МЕСТОИМЕНИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ, ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ, ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ

В египетском языке существует несколько видов указательных местоимений:

Единственное число мужского рода		Единственное число женского рода		Множественное число	
<i>pw, pwj</i>	"этот"	<i>tw, twj</i>	"эта"	<i>nw</i> ¹²⁷	"эти"
<i>pn</i>	"этот"	<i>tn</i>	"эта"	<i>nn</i> ¹²⁸	"эти"
<i>pf, pfj, pf3</i>	"тот"	<i>tf, tf3</i>	"та"	<i>nf, nf3</i>	"те"
<i>p3</i>	"этот"	<i>t3</i>	"эта"	<i>n3</i>	"эти"

Как видно из приведенной парадигмы, у всех этих местоимений характерный признак мужского рода — фонема *p*, признак женского рода — фонема *t*, признак множественного числа — фонема *n*. Местоимения множественного числа по происхождению, видимо, являются местоимениями единственного числа¹²⁹.

Местоимения *pw, pwj, tw, twj, pn, tn* следуют за словом, к которому они относятся, например: *ntr pwj 3* "бог этот великий", *pr.k pn nfr* "дом твой этот хороший". Местоимения *pf, pfj, pf3, tf, tf3* ставятся и до этого слова и после него, а *p3, t3* всегда предшествуют ему, например: *m t3 3t* "в этот момент". Местоимение *pw* (также *pn* и *p3*) может придавать существительному значение, соответствующее звательному падежу, например: *hk3j pw* "о, маг".

Формы множественного числа обычно связываются с последующим словом, с которым они согласуются посредством прилагательного *n(j)*, например: *w^c m nn n shtj* "один из этих жителей оазиса", *nw n ntrw* "эти боги" (позже это *n* нередко выпадает — *nw ntrw*).

Местоимения *p3, t3, n3* постепенно теряли свое значение указания и превратились в определенные артикли, подобные французским *le, la, les*, немецким *der, die, das*, английскому *the*. Именно в таком значении они встречаются в текстах XVIII династии. Здесь уместно сказать, что артикль можно уже обнаружить в среднеегипетском языке, например в Папирусе Весткар.

Широкое распространение получает артикль в новоегипетском языке, где его функции очень существенны. Он [131] выражает категории определенности или неопределенности (в последнем случае употребляется артикль *w^c n*, образовавшийся из числительного *w^c* "один"). Определенный артикль служит для грамматического определения сопровождаемого слова, т.е. он является показателем существительного (или его эквивалентов в предложении). При помощи артикля различаются число и грамматический род сопровождаемого слова, что, естественно, способствует отмиранию морфологических показателей рода у существительных. Когда ар-

¹²⁶ А. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 107–108, 109.

¹²⁷ В староегипетском языке имелись также особые формы для множественного числа мужского и женского родов: *ipw* и *iptw*.

¹²⁸ Архаическая форма множественного числа мужского рода — *ipn*, женского — *iptn* или *ptn*. Здесь мы опускаем некоторые другие староегипетские варианты этих местоимений и формы двойственного числа.

¹²⁹ Lefebvre, *Grammaire*, § 94; Gardiner, *Grammar*, § 110.

тилькь предшествует целому предложению, последнее рассматривается синтаксически как существительное, например: *t3 ntj hr s^cnh ib.i* "которая оживляет сердце мое".

От этих же указательных местоимений (в форме *p3j, t3j, n3j*) произошли путем добавления к ним местоименных суффиксов особые притяжательные местоимения: *p3j.i* "мой", *t3j.i* "моя", *n3j.i* "мои" и т.д. Они встречаются уже в среднеегипетском народном языке, например, в деловых Кахунских папирусах (Р. Kahun, 12, 10; 12, 12; 36, 41 и др.), в литературном Папирусе Весткар, а также в «Повести о красноречивом селянине» (В, 2, 128). Однако широко применяться притяжательные местоимения начинают лишь в новоегипетском языке¹³⁰.

Наконец, из среднеегипетских указательных местоимений образовались выражения *p3-n* и *t3-n*, которые точно переводятся французскими *celui de, celle de*.

К вопросительным местоимениям относятся: *m* "кто", "что"; *n-m* (из *in m*) "кто", "что"; *sj* "кто", "что", "какой", "что за"; *isst* "что", *ptr* (из *pw-tr*) "кто", "что"; *ih* (коптское **ⲁⲮ**) "что", "почему".

На всех этапах развития египетского языка важную роль играли относительные местоимения, которые бывают положительными и отрицательными. Формы их следующие:

Положительные относительные местоимения

Единственное число		Множественное число	
мужской род	<i>ntj</i>	"которые"	мужской род <i>ntjw</i> "которые"
женский »	<i>nt(j)t</i>	"которая"	женский » <i>nt(jw)t</i> "которые"

Отрицательные относительные местоимения

мужской род	<i>iwtj</i>	"которые не"	мужской род <i>iwtjw</i> "которые не"
женский »	<i>iwt(j)t</i>	"которая не"	женский » <i>iwt(jw)t</i> "которые не"

[132]

Положительное относительное местоимение *ntj* "который" является нисбой от служебного прилагательного женского рода *n(j)t*. Выражение *ntj nb* значит «всякий», «каждый»; *ntt nb* — «все что»; наконец, слова *ntt iwtj* значат «все то, что есть и чего нет».

Местоимение *ntj* употребляется в значении союза «что». В коптском языке египетскому *ntj* соответствует **ⲉⲧ-**, **ⲉⲧⲉ-**,

§ 22. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

У египтян была десятичная система счисления. Единицы с 1 по 9 передавались штрихами: I 1, II 2, III 3 и т.д. Число 10 выражалось знаком $\cap$ (ноль в этой системе не обозначался), 100 — знаком $\textcircled{10}$, 1000 — знаком $\textcircled{100}$, 10 тысяч — знаком $\textcircled{1000}$, 100 тысяч — знаком $\textcircled{10000}$; наконец, миллион и больше — знаком $\textcircled{1000000}$. При передаче многозначных чисел сначала писались высшие разряды, потом низшие, например: 618 $\textcircled{1000} \textcircled{10} \textcircled{100}$.

Приведем египетские и соответствующие коптские названия чисел (количественные числительные):

1	<i>w^c(jw)</i> ¹³¹	ⲟⲩⲁ	50	<i>dijw</i>	ⲧⲁⲓⲟⲩ
2	<i>snw(j)</i>	Ⲥⲏⲁⲩ	60	<i>si(sjw)</i> или <i>sr</i>	Ⲥⲉ
3	<i>hmt(w)</i>	Ⲯⲟⲙⲏⲧ	70	<i>sfl(jw)</i>	ⲮⲪⲉ, ⲮⲪⲉ
4	<i>fdw</i>	Ⲫⲧⲟⲟⲩ	80	<i>hmn(jw)</i>	Ⲓⲙⲉⲛⲉ
5	<i>diw</i>	ⲧⲟⲩ	90	<i>psdjw</i>	ⲡⲤⲁⲓⲟⲩ
6	<i>sisw (srsw)</i>	Ⲥⲟⲟⲩ	100	<i>st</i>	Ⲯⲉ
7	<i>sfl(w)</i>	ⲤⲁⲮⲒ	1 000	<i>h3</i>	Ⲯⲟ
8	<i>hmn(w)</i>	Ⲯⲙⲟⲩⲏ	10 000	<i>db^c</i>	ⲧⲪⲁ
9	<i>psd(w)</i>	Ⲫⲏⲧ, ⲪⲏⲤ	100 000	<i>hfn</i>	(коптского названия нет)
10	<i>md(w)</i>	ⲙⲏⲧ		<i>hh</i>	ⲒⲁⲒ "много"
20	<i>dwj(?)</i>	ⲮⲟⲩⲮⲧ	1 000 000		
30	<i>m^cb3</i>	ⲙⲁⲁⲪ			
40	<i>hmw</i>	Ⲓⲙⲉ			

¹³⁰ Lefebvre, *Grammaire*, § 109–110.

¹³¹ Окончания, указанные в скобках, рано отпали.

Число, выраженное цифрой, писалось обычно после слова, с которым оно согласуется, например: *mḥ 1* "локоть 1", *msdr.f 2* "оба его уха" (букв. "уха его 2")¹³². При этом существительное ставилось большей частью в единственном числе. Когда [133] существительное определено указательным или притяжательным местоимением, последнее всегда приводится в единственном числе, даже если существительное стоит во множественном, например: *p3 s 2* "человека 2", *hrw 3 pn* "дня 3 эти", *p3.i hrdw 4* "моих детей четверо". Обычно местоимение согласуется с родом существительного, если же существительное отсутствует, то местоимение имеет форму мужского рода единственного числа, например: *p3 21* "двадцать один". Только при числах 100 (*št* женского рода) и 1000 (*h3* мужского рода) местоимение согласуется с родом числительного, а не существительного: *t3 t št* "хлебов сто", *p3 t h3* "хлебов тысяча". Способ передачи числительных заимствован из счетных документов, которые писались так же, как и у других народов: сначала название предмета в единственном числе, потом число, указывающее, о каком количестве этих предметов идет речь. Несомненно, такой порядок слов применялся только в письме, в устной речи количественное числительное предшествовало существительному, к которому относится.

Количественные числительные с 1 по 9 могли иметь форму мужского и женского рода, например: *wᶜ* "один" и *wᶜt* "одна".

Количественное числительное «один», написанное фонетически, либо следовало непосредственно за существительным, к которому относится, либо предшествовало ему; в последнем случае оно было связано с существительным служебным прилагательным *n(j)*: *wᶜ n dmi* "один город", *wᶜ n k3k3w* "одно судно". Конструкция с *n(j)* распространилась в новоегипетском языке и на другие числительные.

Числительные *h3* "тысяча" и *hh* "миллион", "неисчислимое множество" иногда предшествует существительному, которое они исчисляются, и связаны с ним либо служебным прилагательным *n(j)*, либо предлогом *m*; например: *h3 m t* "тысяча в хлебах"; *hh pn n rnpwt* "миллион этот лет".

Из числительного *wᶜ*, как уже упоминалось, развился неопределенный артикль *wᶜ n*, соответствующий французскому *un*, английскому *a*, немецкому *ein*¹³³.

Числительное *snw(j)* "два" фонетически близко к существительному *sn* "брат", возможно, оба слова семантически связаны между собой: ведь брат является вторым (*sn.nw*) по отношению к другому брату (ср. русское «друг-другой»), а форма двойственного числа от слова «брат» — *snwj* тождественна форме *snw(j)*.

Порядковые числительные от «второй» до «девятой» образуются от количественных числительных, к которым прибавляются [134] суффиксы *nw* (для мужского рода) и *nwt* (для женского рода), например: *hmt* "три", *hmt.nw* "третий". Для порядкового числительного «первый» существует особое слово *tpj* (*tpt* "первая"). В новоегипетском языке вместо него прибавляется слово *h3wj*, сохранившееся в коптском языке в виде ϩⲟϥⲉⲓⲧ ^S. Начиная с числительного «десятый», порядковые числительные образуются посредством причастий *mḥ* (для мужского рода) и *mḥt* (для женского рода), означающих «наполняющий», «дополняющий». Такое причастие предшествует количественному числительному, например: *wdjt mḥt 10* "поход десятый". Порядковые числительные обычно ставятся после существительного, к которому относятся, но могут вместе со служебным прилагательным *n(j)* и предшествовать ему: *5-nw n ḥb* "пятый праздник"¹³⁴.

Дроби у египтян выражались при помощи слова *r* (коптское ⲣⲉ), означающего «часть». Под ним цифрами выписывалось, какая именно часть целого имеется в виду. Например: $\frac{\text{ⲓⲓ}}{\text{ⲓⲓⲓ}} 1/7$; $\frac{\text{ⲓ}}{\text{ⲓⲓ}} 1/10$ и т.д. Единица (т.е. *r* "часть") была числителем у всех дробей, за исключением $\frac{\text{ⲓⲓ}}{\text{ⲓⲓⲓ}} rwj$ 2/3 (букв. "две части от трех целых") и $\frac{\text{ⲓⲓⲓ}}{\text{ⲓⲓⲓⲓ}} 3/4$ (букв. "три части от четырех целых"). Для 1/2 имелся специальный знак $\text{ⲓⲓ} gs$ (букв. "сторона", "бок")¹³⁵.

¹³² В примерах, данных в транслитерации, египетские цифры заменены общеупотребительными арабскими.

¹³³ Lefebvre, *Grammaire*, § 300; Gardner, *Grammar*, § 262.

¹³⁴ Gardiner, *Grammar*, § 262.

¹³⁵ Lefebvre, *Grammaire*, § 210–211.

В заключение этого раздела следует подробнее остановиться на иероглифе, обозначающему цифру 10 000. Его история проливает свет на происхождение египетской системы числительных. Общеизвестно, что система счета первобытных народов в ряде случаев связана с рукой. Прямое указание на существование счета по пальцам мы имеем в некоторых египетских религиозных текстах¹³⁶. Подобный способ счета должен был выработать прочную ассоциацию между определенными числами и определенными пальцами. Однако в египетском языке для обозначения 10 000, т.е. числа, которое пальцами передано быть не может, применялся иероглиф , изображающий палец $\left\| \right\|$. Возникает вопрос, как и почему это могло произойти? Здесь мы подходим к понятию предельного числа, отлично освещенному Л. Леви-Брюлем на основании данных языков Меланезии. В своей работе Л. Леви-Брюль приводит наблюдения Кодрингтона: [135] «Слово, первоначальное значение которого мы не можем установить, но которое выражает предельное число, естественно, увеличивает свое численное значение по мере развития счисления и обозначает большее число, чем раньше. Так например, в Сабо слово *tale*, или *sale*, значит 10, а на островах Торресова пролива 100. Это, несомненно, одно слово в обоих случаях. Некогда в Менгоне слово *tini* могло означать 3 — крайний предел местного счета, на островах Фиджи оно значит 10, а в языке маори — 10000 ... Слово *tar* в некоторых языках означает "много", в других — 10, а в третьих — 1000»¹³⁷. На такое же явление указывает и Н. Я. Мapp: «Самое число "десять", а следовательно и "пять" одно время означало "много". В свою очередь с развитием производства и расширением человеческого горизонта мышления это "много", очевидно, в свое время перешедшее на 10, постепенно переходило на 100 на 1000 и 10000»¹³⁸.

В свете приведенных фактов ясно, что египетское количественное числительное *db^c* — 10 000 прошло подобный же путь развития. Доказательством тому служит и текст в кенотафе Сети I в Абидосе, где говорится о пятом часу ночи. Как правильно указал Л. Борхардт, обративший внимание на этот текст, написание слова «пятый» знаком пальца свидетельствует о том, что такое обозначение существовало в глубокой древности и не было еще забыто во время написания текста, т.е. в XIV в. до н. э.¹³⁹. Не менее убедительные доказательства представляют данные других семито-хамитских языков, близких к египетскому¹⁴⁰:

египетское *db^c* "палец" = 1000 = *dubw* (в хауса)

египетское *db^c* "палец" = 10 = *tamun* (в беджа) = *toban* (в сомалийском) = *taban* (в афар).

§ 23. НАРЕЧИЯ, ПРЕДЛОГИ, ЧАСТИЦЫ, МЕЖДОМЕТИЯ

Слова, имеющие значение наречий, по своему происхождению весьма разнообразны. Подлинных наречий, таких, как *ʕ* "здесь", *min* "сегодня", *rsj* "совсем", *gr* "тоже", *tn* "откуда", "где", в египетском языке немного. В качестве наречий нередко [136] используются существительные, выражающие время, например: *dt* значит «вечность» и «вечно», *dw3w* «утро» и «завтра». В роли наречий употребляются также прилагательные, глаголы, предлоги (*nfr* означает «хороший» и «хорошо», *3s* «спешить» и «спешно», *hn^c* — «с» и «вместе») и производные от предлогов (*im* — "там" — производное от предлога *m* "в"). Имеются наречия, образованные путем соединения предлога *r* с прилагательным; например: *r ikr* "чрезвычайно" (от прилагательного *ikr* "отличный"), *r mnḥ*. "превосходно" (от прилагательного *mnḥ* "превосходный"). Довольно распространены наречия типа *mi kd.f* "целиком" (букв. "как образ его"), *r dr.f* "целиком", "полностью" (букв. "до предела его").

Наконец, как наречия используются сложные предлоги: *r hnt* "впереди", *m ht* "затем" и т.д.

Наречия не имеют сравнительной и превосходной степеней, оформленных морфологически. Эти степени образуются описательно такими же способами, как степени сравнения прилагательных. Значение сравнительной степени чаще всего создается при помощи предлога *r*, наречия *wrt* "очень", повтора *sp snw* (букв. "два раза") и выражения *r ht nbt* "больше чем что-либо".

¹³⁶ Urk. V, Ss. 146–160; K. Sethe, *Ein altägyptischer Fingerzählreim*, — ZÄS, Bd 54, 1918, Ss. 16–17; B. Gunn, *Fingernumbering in the Pyramid Texts*, — ZÄS, Bd 57, 1922, S. 71.

¹³⁷ L. Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales des sociétés inférieures*, p. 210.

¹³⁸ Н. Я. Мapp, *О числительных*, — Избранные работы, т. III, Л., 1934, стр. 274.

¹³⁹ L. Borchardt, *Db^c 'Daumen'* — ZÄS, Bd 73, 1937, Ss. 119–120.

¹⁴⁰ M. Korostovtsev, *L'hiéroglyphe pour 10.000*, — BIFAO, t. 45, 1947, pp. 81–88.

В предложениях наречие может выполнять функции определения и сказуемого. В качестве определения наречие определяет глагол (либо другую часть речи) или все предложение в целом, например: *ij.n.i min* "пришел я сегодня". В роли сказуемого наречие (или заменяющий его оборот) очень часто встречается в неглагольных предложениях. Как правило, наречие стоит в конце предложения.

Предлоги, являясь служебными словами, выражают подчинение между членами предложения и в известных случаях выполняют функции союзов, не существующих в египетском языке. Предлоги могут сочетаться с местоименными суффиксами и образуют таким образом косвенное местоименное дополнение, например: *n.f* "ему".

Предлоги бывают простые и сложные.

Ряд простых предлогов произошел от означавших отдельные части человеческого тела существительных, которые потеряли свои номинативные функции и превратились в чисто служебные слова. Таковы, например, предлоги *hr* "на" (от существительного "лицо"), *tp* "на" (от существительного "голова"), *h3* "за" (от существительного "затылок").

Сложные предлоги обязательно состоят из простого предлога и какой-либо иной части речи, например существительного или даже глагола. Для египетских предлогов характерна многозначность. [137]

Из простых предлогов наиболее распространены следующие: *n* (в коптском $\bar{n}$ -, $n\lambda$; первая форма — *status constructus* — употребляется с существительными и другими частями речи, вторая — *status pronominalis* — с местоименными суффиксами) имеет много значений, основное из них — указание на косвенный объект (в значении дательного падежа);

m, перед местоименными суффиксами *im* (в коптском $\bar{m}$ -, $m\omega$) — главное значение «в»; из многих других значений особенно важное — указание на тождественность предметов (*m* тождества) или «*m* предикативности»;

r, перед суффиксами иногда *ir* (в коптском ϵ -, $\epsilon\rho$) — основные значения: «к» (передает направление движения), «против», «больше, чем», «соответственно»;

hr (в коптском $\mathfrak{r}$) — основное значение «на»; часто встречается и в значениях «из», «из-за», «за», «с»;

hr (в коптском $\mathfrak{r}\lambda$ -, $\mathfrak{r}\lambda\rho$) употребляется в значении «под», «у», «при» и др.;

hr (в коптском $\omega\lambda$) — «при (том-то)» (указывает время), «с», «к» (передает направление); этот предлог также выражает дательный падеж: *rdi hr* "давать (кому-либо)", *dd hr* "говорить (кому-либо)";

hft "перед", "соответственно";

in (не смешивать с частицей *in*) — применяется только после глаголов в неопределенном наклонении или страдательном залоге для обозначения деятеля (субъекта);

mi "как", "подобно";

hn^c "с (кем-либо)";

h3 "за", "вокруг";

tp "на";

hnt "перед", "впереди";

ht "в", "по", "через";

dr "с (такого-то времени)";

imjtw "между", "среди";

Из сложных предлогов для примера приведем следующие:

n-ib-n "по причине";

m-isw "вместо";

m-^cb "с (кем-либо)";

m-b3h "перед";

m-h3t "перед";

r-db3 (в коптском ϵ тв ϵ -, ϵ твннт) "взамен", "вместо";

m-hnw "внутри".

Все эти сложные предлоги образованы сочетанием простых предлогов с существительными или глаголами (*ib* "сердце", *isw* "возмещение", *h3t* "передняя часть", *^cb* "объединять", *db3* "заменять" и т.д.). [138]

Частицами называются служебные слова, которые выполняют разнообразные грамматические функции. Некоторые «модальные» частицы (типа русских частиц «ведь», «же», «ни», «не», «бы», «ли») передают отношение говорящего к своим словам, выражают сомнение, отрицание, условие, желание и, таким образом, могут обозначать наклонение глагола. Например: *ir* вводит условные предложения, *ih* перед формой *sdm.f* выражает пожелание, весьма распространенные частицы *n* и *nn* — отрицание.

Вообще же частицы имеют самые разные значения, и иногда даже такие, которые очень трудно передать при переводе¹⁴¹. Однако в ряде случаев их значения вполне ясны.

Обычно в грамматиках египетского языка частицы делятся па две группы не по значению, а по формальному признаку: 1) неэнклитические частицы (или проклитики), стоящие в начале предложения; 2) энклитические частицы, место которых после первого или после нескольких первых слов предложения.

Наиболее употребительные из неэнклитических частиц:

in — вводит конструкцию: существительное + глагольная форма *sdm.f*, выражающую будущее время; вводит причастную конструкцию; иногда вводит вопросительные предложения, имея значение «разве»;

ir "если", "что касается";

ih — употребляясь перед глагольной формой *sdm.f*, придает ей значение пожелания (не смешивать с вопросительным местоимением *ih*);

ist (варианты *ist*; *st*; в архаической форме — *isk*, *sk*) "вот", "же", "ведь", иногда в начале придаточного предложения означает «когда»;

m.k, *m.t*, *m.tn* — здесь собственно частицей является *m*, за которой следуют суффиксы 2-го лица единственного и множественного числа; нередко переводится «смотри(те)». Однако в правильности такого перевода можно усомниться. Как указывает Г. Грапов, *m.k* вовсе не значит «смотри»¹⁴². Если в одних случаях перевод «смотри» действительно соответствует контексту, то в ряде других он явно не подходит, и *m.k* нужно переводить «ты», или точнее, «вот тебе». Эта частица служит [139] для привлечения внимания к тому, что в предложении непосредственно за ней следует.

n и *nn* — частицы отрицания¹⁴³;

nḥmn "действительно", "конечно";

h3, *ḥw(j)* — имеют условное или желательное значение «если бы», «хотя бы»;

smwn "может быть";

ii "вот", "когда".

Энклитические частицы:

3 — имеет значение «ведь», «же»; во многих случаях не переводится;

is "ведь";

ʿwj — употребляясь после прилагательных или причастий, придает им восклицательный оттенок, например: *nfr ʿwj* "какой хороший" или "как хорошо";

wnnt "действительно", "ведь";

ms "же";

r — усиливает и подчеркивает те слова, после которых стоит; это частица, так же как *m.k*, варьирует свою форму принимая разные суффиксы: *r.i*, *r.k*, *r.t*, *r.tn*;

ḥm "конечно";

swt "зато", "но";

grt "далее";

¹⁴¹ А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1960, стр. 240; Ж. Марузо, *Словарь лингвистических терминов*, М., 1960, стр. 334.

¹⁴² Н. Грапов, *Wie die alten Ägypter sich anredeten, wie sie sich grüßten und wie sie miteinander sprachen*, Bd I, Berlin, 1939, Ss. 32–33.

¹⁴³ Помимо этих отрицаний, в среднеегипетских текстах изредка встречаются староегипетские отрицания *hfr n*, *nfr pw*, *wdf*, которые не являются частицами. Выражение *n sp* (частица *n* + *sp* букв. "раз") значит «никогда». Новоегипетский язык имеет свои отрицания — *bw*, *bn*, *mn*.

tr "конечно", "ведь";

w — отрицание, употреблявшееся в староегипетском языке и только один раз отмеченное в среднегипетском¹⁴⁴.

Предлагаемые переводы частиц в значительной степени условны и лишь приблизительно передают их значение.

Междометий в египетском языке очень мало. Часто встречаются междометия *i* "о!", *h3* "о!" *hj* "привет".

---

¹⁴⁴ Gardiner, *Grammar*, § 351–352A.

§ 24. ГЛАГОЛЫ

В египетском языке глаголы являются важнейшей частью речи, и потому во всех грамматиках им уделяется особое внимание. Вместе с тем, и это следует оговорить, многие [140] проблемы, связанные с пониманием сущности и значения египетских глаголов, очень сложны и разрешены далеко не полностью.

Авторы словарей, грамматик и всех филологических работ, называя те или иные глаголы, приводят не конкретную грамматическую форму, а их корень. Как известно, в русском и ряде других языков глаголы в подобных случаях ставятся в неопределенном наклонении, например: *numь, boire, trinken, to drink*.

По своему значению египетские глаголы делятся на две группы: переходные и непереходные. Разделение египетских глаголов на эти две группы требует некоторых пояснений.

Термин «переходный глагол» (*verbum transitivum*), так же как и термин «непереходный глагол» (*verbum intransitivum*), заимствован современным языкознанием у античных грамматиков. Последние называли «переходными глаголами» такие глаголы, которые принимали «прямое дополнение», т.е. слово, управляемое глаголом непосредственно без помощи предлогов или других служебных слов и обязательно стоящее в винительном, а не каком-либо ином падеже. «Переходность» глагола заключается именно в том, что действие глагола «переходит», т.е. распространяется на дополнение прямо, без помощи других слов.

Так как в египетском языке нет склонений, то понятие «прямое дополнение» применительно к этому языку должно быть определено несколько уже. Прямым дополнением в египетском языке служит слово, управляемое глаголом без помощи предлога.

Выше было указано, что для выражения значений косвенных падежей египетский язык пользовался предложными группами (предлог + слово). Прямые, в нашей интерпретации, падежи — именительный и винительный — предлогов не имеют и поэтому совершенно тождественны. Единственным признаком, различающим существительные (или их эквиваленты) в именительном и винительном падежах, является их место в предложении (о чем см. ниже). Что же касается местоимений, то о них надо сказать особо.

Как уже отмечалось, независимые местоимения бывают только подлежащими (за исключением тех случаев, когда они перестают быть личными местоимениями и становятся притяжательными); поэтому независимые местоимения всегда воспринимаются нами в именительном падеже. Зависимые местоимения могут быть подлежащими лишь в неглагольных и ложноглагольных предложениях, причем им обязательно предшествует [141] какая-либо проклитика. Следовательно, во всех таких случаях мы их воспринимаем в именительном падеже. В глагольных предложениях они бывают только прямым дополнением, т.е. зависят от переходного глагола непосредственно, и поэтому воспринимаются нами в винительном падеже. Наконец, местоименные суффиксы в спрягаемых глагольных формах, являясь подлежащим, также воспринимаются нами как именительный падеж. В предложных группах суффиксы служат косвенным дополнением глагола.

Необходимо подчеркнуть, что в египетском языке нельзя провести четкое разграничение между переходными и непереходными глаголами. Многие египетские глаголы обладают свойством в одних случаях функционировать как переходные глаголы, в других случаях — как непереходные. Для примера приведем глаголы *sbi* "идти" — "вести", *hn* "спешить" — "проходить (место)", *rwi* "уходить" — "покидать" и др. Большей частью это свойство наблюдается у глаголов движения.

К переходным глаголам в египетском языке относятся в основном такие глаголы, которые и в других языках являются переходными, например: *dd* "говорить", *rdi* "давать", *mri* "любить", *swi* "пить", *wnm* "есть", *3tp* "грузить", *iri* "делать" и т.д.

Некоторые переходные глаголы обладают интересной особенностью: принимая вместо прямого дополнения косвенное, они изменяют свое основное значение, оставаясь по функции переходными и распространяя свое действие на косвенное дополнение. Таков, например, глагол *hsf* "отражать". Принимая вместо прямого дополнения предложную группу с предлогом *n*, глагол приобретает значение «наказывать»; здесь действие глагола распространяется не на отсутствующее прямое дополнение, а на косвенное дополнение: *hsf n.f* "наказывать его".

К непереходным глаголам относятся глаголы *snb* "быть здоровым", *nfr* "быть хорошим" и т.п., разные глаголы движения и т.д. В очень редких случаях непереходный глагол *ḥtp* "покоиться" функционирует как переходный, принимая прямое дополнение: *iw ḥtp.n ntr st.f wrt* "почил бог на своем великом месте". Здесь слово *st* "место" — прямое дополнение глагола *ḥtp* "почить".

Огромное большинство глаголов имеет детерминативы. Так, многие глаголы движения оканчиваются детерминативом 𓀀 , изображающим две ноги. Но некоторые очень распространенные глаголы, например *dd* "говорить", как правило, пишутся без детерминативов. [142]

От глаголов образуются отглагольные существительные (неопределенное наклонение) и отглагольные прилагательные (причастия), которые в отличие от простых существительных и прилагательных имеют двоякую природу: они могут одновременно выполнять функцию существительных или прилагательных и функцию глаголов.

С морфологической точки зрения египетский глагол подвергается гораздо большим изменениям (при спряжении), чем какая-либо другая часть речи. Поэтому, естественно, он имеет и больше грамматических категорий:

- 1) залог — действительный (актив) и страдательный (пассив);
- 2) лицо — 1-е, 2-е и 3-е;
- 3) род — мужской и женский.

Из этого перечня умышленно опущена категория времени, вопрос о которой ввиду его сложности будет рассмотрен особо.

Спряжение египетского глагола, т.е. изменение его в роде, числе и лице, происходило путем присоединения местоименных суффиксов к корню. Исключением является старый перфект, имеющий особые, только ему свойственные окончания. В отдельных глагольных формах суффикс непосредственно примыкал к корню, в других — между корнем и суффиксом помещался какой-либо формант. Аффиксация эта агглютинативного, а не фузионного типа. Например, в формах *sdm.f*, *sdm.n.f*, *sdm.in.f* формант и суффикс механически присоединяются к корню, который от этой аффиксации не изменяется. Следует оговориться, что настоящее суждение основано лишь на текстах, т.е. на письменных формах языка, лишенных огласовки. При помощи данных коптского языка, где глагол в подавляющем большинстве случаев имеет аффиксацию в виде префиксов (а не суффиксов), этот вопрос разрешить невозможно. Однако немногочисленные остатки суффиксального спряжения в коптском языке свидетельствуют о том, что в отдельных случаях гласный звук перед суффиксом изменялся, например **пехе** перед подлежащим-существительным и **пеха** перед подлежащим — местоименным суффиксом. Вероятно, такие изменения имели место и в египетском языке¹. [143]

В то время как ничего неизвестно о внутренней флексии гласных, у ряда глаголов в некоторых формах спряжения точно установлено изменение согласных корня (в виде удвоения предпоследнего согласного, это явление называется геминацией).

§ 25. БЫЛА ЛИ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ У ЕГИПЕТСКОГО ГЛАГОЛА?

Прежде чем рассматривать вопрос о категории времени египетского глагола, необходимо уяснить, что такое время в грамматическом понимании. Грамматическое время в простом предложении — это отношение времени данного действия или состояния к моменту речи. В сложноподчиненных предложениях существует отношение времени действия, выраженного сказуемым придаточного предложения, ко времени действия, выраженного сказуемым главного, и отношение времени этих действий к моменту речи.

В русском языке и во многих других языках формы спряжения глагола передают именно эти отношения, иначе говоря, глагол обладает вполне определенной и четко выраженной категорией времени.

---

¹ «Я называю семитские языки флективно-агглютинативными и называю их так потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как и в языках агглютинирующих» (Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение*, — Избранные труды, т. I, М., 1956, стр. 154).

В египетском же языке мы постоянно сталкиваемся с фактами, совершенно несовместимыми с подобными, обычными для нас представлениями о грамматическом времени, например очень распространенная глагольная форма *sdm.f* означает «слушал он», «слушает он», «будет слушать он». Точно так же и иные глагольные формы могут относиться к прошедшему, настоящему и будущему. Следовательно, определенного времени они не выражают. Поэтому мы вправе утверждать, что египетскому глаголу категория времени чужда. Это явление встречается и в ряде других языков. «Весьма важно и то, что в некоторых языках (малайский, древнекитайский) грамматических времен вовсе нет. Значит, грамматические времена не являются обязательными для всех без исключения языков»². В американском языке хопи глаголы также не имеют категории времени, «вместо них употребляются формы утверждения, видовые формы и формы, связывающие предложения...»³. [144]

Для нас особый интерес представляет вопрос о том, как обстоит дело с категорией времени в языках, которые в какой-то степени родственны египетскому. «Семитский глагол не имеет времени в европейском смысле. Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению во времени на прошедшее, настоящее или будущее, семит пользуется двойным делением по законченности на совершенное и несовершенное»⁴.

Что же в таком случае выражают разные формы египетского глагола?

Известный русский египтолог В. С. Голенищев указал, что две главные египетские глагольные формы — перфект и имперфект — передают однократность и многократность (или длительность) действия⁵. Это наблюдение полностью подтвердилось дальнейшими исследованиями. В настоящее время точно установлено наличие двух глагольных форм *sdm.f* — однократного действия (перфектной) и многократного действия (имперфектной). Такие формы свойственны не только египетскому, глаголу, но и глаголу семитских языков⁶.

Но констатация этого факта отнюдь не разрешает сложных проблем, связанных с пониманием природы египетского глагола.

Если существуют формы однократного и многократного действия, то какое значение имеют другие формы египетского глагола, которые также не выражают никакого времени? Определенного и ясного ответа на эти вопросы до сих пор нет. В таких капитальных научных грамматиках, как грамматика А. Эрмана, А. Гардинера и Г. Лефевра, подробно рассмотрены лишь отдельные формы спряжения и показаны, более или менее полно, случаи употребления той или иной формы и ее основное значение.

Следует отметить точку зрения Я. Полотского, считающего, что формы *sdm.f* и *sdm.n.f* применяются лишь тогда, когда необходимо подчеркнуть не действие глагола, а условие, в котором оно протекает (об этом положении Я. Полотского несколько подробнее будет сказано ниже). В свою очередь Т. Тэкер в большой монографии, посвященной изучению семитской и египетской глагольных систем, указывает, что разные формы египетского глагола передают не время действия, а его завершенность или незавершенность. [145]

Интересную попытку разрешить проблему сущности египетского глагола сделал Н. С. Петровский. По его мнению, глагол выражал не времена, а «способы действия», которых насчитывается пять: 1) способ однократного действия; 2) способ многократного действия; 3) способ завершенного действия; 4) способ предельного действия и 5) способ неопределенного действия. Однократное действие передается перфектной формой *sdm.f*, многократное — имперфектной формой *sdm.f*, завершенное — формой *sdm.n.f*, а предельное действие — старым перфектом. Под термином «предельное действие» Н. С. Петровский понимает действие, доведенное «до такого предела, что уже не распространяется на объект, а переходит на субъект»⁷. Наконец, неопределенное действие выражается неопределенным наклонением (инфинитивом).

² Н. А. Сыромятников, *О системе времен новояпонского языка*, — «Краткие сообщения ИВ АН», вып. XXIV, 1958, стр. 75.

³ Б. Уорф, *Отношение норм поведения и мышления к языку*, — «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 149.

⁴ Н. В. Юшманов, *Грамматика литературного арабского языка*. Л., 1928, стр. 29.

⁵ W. Golénisheff, *Le conte du naufragé*, Le Caire, 1912, pp. 61–62.

⁶ Gardiner, *Grammar*, § 295.

⁷ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 99.

Здесь нет возможности подробно останавливаться на оригинальных взглядах Н. С. Петровского, но все же нельзя не подчеркнуть, что он очень четко поставил вопрос об отсутствии категории времени у египетского глагола. Другие египтологи даже не включали такой вопрос в число своих задач, хотя им так или иначе приходилось сталкиваться с этой проблемой.

Однако ни у кого не возникает сомнений в том, что уже в среднеегипетском языке появляется в самом зачаточном виде категория времени у глагола. Для выражения разных времен используются некоторые определенные формы и обороты. В новоегипетском языке тенденция тех или иных форм глагола передавать время становится (по сравнению со среднеегипетским) более ощутимой. Этот процесс в конце концов заканчивается появлением категории времени у коптского глагола.

§ 26. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ГЛАГОЛОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ

Согласные корни являются носителем понятия, выраженного глаголом. В результате изменения корня создавались новые формы, значение которых могло отличаться от первоначального значения корня. Эти изменения происходили путем префиксации и редупликации всего корня или его части. Здесь имеется в виду не морфологическая префиксация, а словообразовательная, при которой посредством префиксов [146] *n* и *s* создавались новые глаголы⁸; морфологических изменений при префиксации не было.

При помощи префикса *n* из четырехсогласного корня получался новый корень — пятисогласный, значение которого либо совпадало с первоначальным, либо было близким к нему, например: *gsgs* и *ngsgs* "переполнять" (в обоих случаях), *ffft* и *nffft* "прыгать" (в обоих случаях)⁹.

Часто употреблявшийся префикс *s* в основном служил для образования так называемых каузативных или «побудительных» глаголов, т.е. придавал корню «побудительное» значение, например: *mn* "пребывать", "оставаться", *smn* "заставить пребывать (оставаться)"; *nh* "жить", *snh* "заставить жить", "кормить". Однако в ряде случаев префикс *s* изменяет первоначальное значение корня, например: *dd* "говорить", *sdd* "рассказывать"; *ndm* "быть сладким (приятным)", *sndm* "сидеть"; *ip* "считать", *sip* "ревизовать", "учитывать"¹⁰.

При образовании нового глагола путем редупликации всего корня или его части значение нового глагола переключается с первоначальным значением корня, например: *nd* "спрашивать", *ndnd* "советоваться", "осведомляться". Глаголы, образованные таким образом, при спряжении не изменяются. Редупликацию следует отличать от геминии, которая является внутренней особенностью данного корня; геминирующие глаголы изменяемы.

Египетские глаголы различаются по следующим признакам:

- 1) по количеству согласных звуков в корне (два, три, четыре или пять);
- 2) по грамматическому роду неопределенного наклонения; если неопределенная форма глагола оканчивается на *t*, то он женского рода, например: *prt* "выходить" (букв. "выхожде-ние"); все остальные глаголы имеют неопределенное наклонение мужского рода, например: *nh* "жить" (букв. "житие");
- 3) по природе последних согласных корня; если корень оканчивается на полугласные *i* или *w* (которые очень часто [147] не выписываются), то глагол называется слабым, например: *mri* "любить", *pri* "выходить"; когда два последних согласных корня тождественны, например: *wnn* "быть", глагол называется геминирующим; если корень состоит из разных согласных (причем последний не полугласный), то глагол называется сильным, например: *sdm* "слушать";
- 4) по неизменяемости или изменяемости корня при спряжении; корень всех сильных глаголов неизменяем. Корень слабых и геминирующих глаголов при передаче однократного дей-

⁸ Г. Таузинг указывает на существование префикса, *h* (G. Thausing, *Ober ein h-Prefix im Ägyptischen*, — WZKM, Bd 39, 1932, Ss. 287–294). Но значение этого префикса не совсем ясно. М. Фейхтнер отмечает, что и фонема *t* применялась как префикс, служащий для образования глаголов (М. К. Feichner, *Die t-Prefix- and t-Suffixverben im Ägyptischen*, — WZKM, Bd 30, 1932, Ss. 295–316). Однако Ж. Клер выразил очень обоснованные сомнения относительно правильности этого взгляда (J. Clère, *Existe -t- il un préfix, verbal t en ancien égyptien?* — GLECS, t. 3, 1938, pp. 13–16).

⁹ Gardiner, *Grammar*, § 276.

¹⁰ Ibid., § 275.

ствия может стягивать два последних тождественных согласных звука в один, например геминирующий глагол *m33* "видеть" имеет две формы — *m33.f* "видит он (постоянно)" и *m3.f* "видит он"; слабый глагол *pri* "выходить" также имеет две формы — *pr.r.f* "выходит он (постоянно)" и *pr.f* "выходит он".

Следует отметить, что египетские геминирующие глаголы сходны с еврейскими глаголами типа $ri^c\bar{e}l$ и с арабскими глаголами II породы типа $فعل$, у которых тоже удвоен средний согласный. Последние, как и египетские геминирующие глаголы, выражают интенсивность и повторность действия¹¹. Являются ли те и другие тождественными по своей природе или имеют лишь внешнее сходство, пока еще не решено.

В соответствии с перечисленными признаками египетские глаголы классифицируются следующим образом:

I. Двусогласные (2-rad. или 2-lit.) сильные глаголы, например: *mn* "оставаться", "пребывать"; неопределенное наклонение мужского рода; не геминируют. Интересным исключением является глагол *šm* "идти" (коптское $\omega\epsilon$), имеющий неопределенное наклонение женского рода — *šmt*.

II. Трехсогласные глаголы (3-rad. или 3-lit.)

1. Сильные глаголы, например: *ḥh* "жить"; неопределенное наклонение мужского рода; не геминируют.

2. Слабые глаголы (*tertiaefirmae*, т.е. слабый третий согласный), например: *hsi* "хвалить"; неопределенное наклонение женского рода; геминируют.

3. Глаголы, геминирующие второй согласный (*secundae geminatae*), например: *m33* "видеть", *wnn* "быть"; неопределенное наклонение мужского рода.

4. Каузативные глаголы (от двусогласных глаголов), [148] например: *sdd* "рассказывать" (от *dd* "говорить"); неопределенное наклонение женского рода; не геминируют.

III. Четырехсогласные глаголы (4-rad. или 4-lit.)

1. Сильные глаголы, например: *wstn* "шагать"; неопределенное наклонение мужского рода; не геминируют.

2. Слабые глаголы (*quartae infirmae*), например: *ntri* "быть божественным"; одни из этих глаголов имеют неопределенное наклонение мужского рода, другие — женского; некоторые геминируют; сюда относятся также каузативы от глаголов *tertiaefirmae*, например: *smsi* "заставить родить" (от *nisi* "рожать").

3. Глаголы, геминирующие третью согласную (*tertiaefeminatae*). Выделение этой группы, может быть, и неправомерно, так как некоторые глаголы, например *spdd* "снабжать", относятся к сильным глаголам, образованным посредством редупликации. К глаголам *tertiaefeminatae*, возможно, следует причислить и каузативы от глаголов *secundae geminatae*, например *skbb* "охлаждать". Неопределенное наклонение мужского рода; негеминирующие формы составляют редкое исключение.

IV. Пятисогласные глаголы (5-rad. или 5-lit.)

1. Сильные глаголы, например: *swtwt* "гулять"; неопределенное наклонение мужского рода; не геминируют.

2. Слабые глаголы (*quintae infirmae*); выделение этой группы также сомнительно. Вполне вероятно, что *h^cwt*, *thhwt* и *rnnwt* (синонимы со значением «радоваться», «ликовать») не глаголы, а существительные. К *quintae infirmae* можно отнести редкие каузативы, образованные от глаголов *quartae infirmae*, например: *sm3wj* "возобновлять". Неопределенное наклонение мужского рода; не геминируют.

В перечисленные группы нельзя включать так называемые неправильные глаголы, например: *rđi* "давать" (с переносным значением «побуждать», «заставлять», «приказывать»). В ряде случаев начальное *r* этого геминирующего глагола отсутствует; неопределенное наклонение — женского рода, повелительное наклонение — *imi* — происходит от другого корня. К неправильным также относятся глаголы *ij* и *iw* "приходить", *ini* "приносить"; спряжение их имеет ряд особенностей; неопределенное наклонение женского рода.

¹¹ С. Brockelmann, *Arabische Grammatik*, Leipzig, 1953, S. 35; Gardiner, *Grammar*, § 269, 274, 356, 438.

§ 27. СУФФИКСАЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

Формами суффиксального спряжения называются глагольные формы, образованные от корня глагола присоединением местоименного суффикса, который стоит или непосредственно [149] за глаголом, или после какого-либо следующего за глаголом форманта (А. Эрман именуется такое спряжение «новым», противопоставляя его старому перфекту). Суффиксальным спряжением считается и тогда, когда к корню глагола вместо суффикса 3-го лица единственного и множественного числа присоединяется существительное. В противоположность местоименному суффиксу, существительное может быть отделено от корня глагола (или от идущего за ним форманта) другими словами в зависимости от правил, которым подчиняется порядок слов данного глагольного предложения. Местоименный суффикс и существительное в составе таких форм являются подлежащим. Формы суффиксального спряжения изменяются по лицам, числам и родам.

К суффиксальному спряжению относятся следующие формы действительного и страдательного залогов: 1) *sdm.f*; 2) *sdm.n.f*; 3) *sdm.in.f*; 4) *sdm.hr.f*; 5) *sdm.k3.f*; 6) *sdm.f* (форма страдательного залога); 7) *sdm.f* (форма страдательного залога); 8) *sdm.t.f*.

Первые пять из перечисленных форм могут быть переведены из действительного залога в страдательный при помощи форманта *tw*, непосредственно предшествующего суффиксу, например: *sdm.f* "слушает он", *sdm.tw.f* "слушаем он"; *sdm.hr.f* "будет слушать он", *sdm.hr.tw.f* "будет слушаем он".

Шестая и седьмая формы по своей природе относятся к страдательному залогоу и действительного залога не имеют. Восьмая — *sdm.t.f* — может употребляться как в действительном, так и в страдательном залогоу, в последнем случае она тождественна перфектному причастию женского рода страдательного залога.

Форманты перечисленных форм (так же как и суффиксы) обычно пишутся после детерминатива глагола; предшествуют детерминативу лишь формант страдательного залога *t(w)*, когда он стоит в сокращенном виде, и формант *t* формы *sdm.t.f*.

Формы суффиксального спряжения применяются в различного рода повествованиях, утверждениях, высказываниях, пожеланиях и т.д. Они могут относиться к прошедшему, настоящему и будущему времени.

§ 28. ФОРМЫ *sdm.f*.

Отсутствие вокализации порождает очень существенные, до сих пор непреодоленные трудности и неясности в [150] понимании некоторых форм суффиксального спряжения, что приводит к разногласиям среди исследователей.

Формы *sdm.f* — одни из важнейших среди глагольных форм, поэтому им следует уделить особое внимание. Обзор многочисленных и противоречивых взглядов на формы *sdm.f* дается в монографии Т. Тэкера¹². Здесь достаточно ограничиться лишь констатацией фактов и изложением наиболее распространенных и достоверных, по нашему мнению, точек зрения.

Прежде всего необходимо остановиться на вопросе о количестве форм *sdm.f*, который остается не решенным и в настоящее время.

А. Гардинер, подводя итоги исследованиям своих предшественников, различает две формы *sdm.f* — перфектную, выражающую однократное действие, и имперфектную, выражающую многократное действие. У сильных глаголов разницу между этими формами обнаружить невозможно. Иначе обстоит дело с геминирующими и слабыми глаголами: например, геминирующий глагол *m33*¹³ "видеть" и слабый глагол *mri* "любить", как уже было отмечено раньше, бесспорно, имеют две формы: одну без геминации (*m3.f*, *mri.f*), другую — с геминацией (*m33.f*, *mrr.f*), А. Гардинер допускает возможность, что перфектная форма (т.е. негеминирующая) в

¹² Т. W. Thacker, *The relationship*, pp. 190–193.

¹³ В нашем изложении мы будем в основном оперировать глаголами, имеющими трехгласные корни, так как это наиболее многочисленная группа египетских глаголов.

действительности скрывает в себе две формы, а может быть, и больше¹⁴; однако на этом предположении он не останавливается и говорит лишь о двух формах *sdm.f*.

Т. Тэкер, развивая мысль А. Гардинера, считает, что существуют не две, а три формы *sdm.f* (одна геминирующая и две негеминирующие) и предлагает разную вокализацию для каждой из этих трех форм¹⁵. Таким образом, Т. Тэкер различает формы *sdm.f* не только по отсутствию или наличию геминации, но и по их гипотетической огласовке, не отраженной в письме. Третью форму *sdm.f* Т. Тэкер называет проспективной; подобно перфектной форме, она не геминирует. Как и другие исследователи, Т. Тэкер находит у форм *sdm.f* категорию способа действия, в некоторых случаях выражавшую категорию времени. [151]

Перфектная форма *sdm.f* (негеминирующая) преимущественно описывает однократное или завершенное действие. Согласно А. Гардинеру, она может относиться к прошедшему, настоящему и будущему¹⁶. Т. Тэкер полагает, что она безразлична ко времени, но поскольку выражает однократное или завершенное действие, то тем самым в известной степени приобретает оттенок прошедшего времени¹⁷.

Имперфектная (или, по немецкой терминологии, «эмфатическая») форма (геминирующая) служит для описания многократного, длительного или незавершенного действия безотносительно ко времени. Однако, в ряде случаев она употребляется для выражения будущего времени; это объясняется тем, что длительное, незавершенное к моменту речи действие может и должно пониматься как будущее¹⁸.

От точки зрения многих ученых на значение имперфектной формы, в основном согласных между собой, несколько отличается взгляд Я. Полотского. Как уже упоминалось, по его мнению, так называемые «вторые времена» коптского языка служат для того, чтобы подчеркнуть не самое действие глагола, а условия, в которых оно осуществляется. Я. Полотский показал, что в новоегипетском языке имперфектная (или эмфатическая) форма (например, *iir.f sdm*), образованная при помощи вспомогательного глагола *iri* и знаменательного глагола, выполняет те же функции, что и коптские «вторые времена». Оба эти наблюдения ныне общепризнанны. Однако Я. Полотский пошел дальше, утверждая, что и в среднегипетском языке имперфектная форма *sdm.f* служила для той же цели¹⁹. А. Гардинер в рецензии на книгу Я. Полотского полемизирует с ним и подчеркивает, что основным назначением этой формы было выражение многократности и длительности действия и что лишь попутно она могла иногда выполнять функции, подобные функциям коптских «вторых времен»²⁰. В этой полемике Т. Тэкер разделяет взгляды А. Гардинера²¹. Таким образом, вопрос о значении имперфектной формы далеко не решен и требует, как указывает Р. Паркер, досконального исследования. Однако сам Р. Паркер склонен, по-видимому, согласиться с Я. Полотским. К этому его побуждает анализ текста демотического [152] астрономического папируса Карлсберг I, где на демотическом языке передаются и комментируются среднегипетские тексты, содержавшие имперфектную форму *sdm.f*²².

Прспективная форма *sdm.f*, существование которой постулирует Т. Тэкер, служит для передачи желания, просьбы, приказания (ср. русское «ты сделаешь это немедленно»). Нередко ей непосредственно предшествуют служебные слова (например, частицы *ih*, *h3*, *k3*, *hr*), придающие именно такое значение, а также глаголы *rdi* "давать", "побуждать", "заставлять", "приказывать", *mri* "хотеть" и др. Эта форма паратаксически может употребляться для выражения цели или результата действия²³.

¹⁴ Gardiner, *Grammar*, § 438, 447. — Следует отметить, что 3-е издание грамматики А. Гардинера, на которое мы ссылаемся и которое вышло в свет в 1957 г., по сути дела воспроизводит 2-е издание 1950 г. и не учитывает трудов, вышедших позднее.

¹⁵ T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 209–213.

¹⁶ Gardiner, *Grammar*, § 450.

¹⁷ T. W. Thacker, *The relationship*, p. 218.

¹⁸ Ibid., p. 210. — Значение незавершенности действия, отмеченное Т. Тэкером, дополняет характеристику этой формы, данную А. Гардинером.

¹⁹ H. Polotsky, *Etudes de syntaxe copte*, Le Caire, 1944, § 27, 28.

²⁰ JEA, vol. 33, 1947, pp. 96–101.

²¹ T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 209–210.

²² R. Parker, *The function of the imperfective sdm.f*, — RE; vol. 10, 1955, p. 51.

²³ T. W. Thacker, *The relationship*, p. 214.

Формы *sdm.f* применяются как в главных, так и в придаточных предложениях.

Форма *sdm.f* с предшествующим отрицанием *nn sdm.f* (где *sdm.f* перфектная негеминирующая форма) обычно отрицает прошлые действия, изредка настоящие²⁴.

Форма *sdm.f* с отрицанием *nn* в громадном большинстве случаев относится к будущему времени, т.е. *nn sdm.f* значит «не будет слушать он»; здесь *sdm.f* также не геминирует. А. Гардинер относит эту форму к перфектным²⁵. По мнению Т. Тэкера, *sdm.f* в таком сочетании следует понимать как проспективную форму. Необходимо отметить, что в староегипетском и новоегипетском языках (в противоположность среднеегипетскому) отрицания *n* и *nn* не различаются, и поэтому все сказанное о сочетаниях этих отрицаний с формой *sdm.f* относится исключительно к среднеегипетскому языку.

Таким образом, в некоторых случаях формы *sdm.f*, лишенные по своей природе временных категорий, приобретают значение того или иного времени.

Наряду с рассмотренными формами *sdm.f* Э. Эдель обнаружил в староегипетском языке форму *sdm.w.f*. По своему значению и функциям эта форма сходна с негеминирующей формой *sdm.f*²⁶. Возможно, она является одной из разновидностей формы *sdm.f*, так как встречается и в среднеегипетском.

Следует отметить, что в староегипетских текстах [153] суффикс 1-го лица единственного числа в формах *sdm.f* обычно опущен.

§ 29. ФОРМЫ *sdm.n.f*, *sdm.in.f*, *sdm.hr.f*, *sdm.k3.f*.

Помимо форм *sdm.f*, в которых после глагола стоит суффикс, суффиксальное спряжение, как уже упоминалось, имеет еще несколько глагольных форм со следующими непосредственно за глаголом различными формантами.

Форма *sdm.n.f*, применяясь в повествовании, описывает полностью завершённое действие. Как правило, глагол в этой форме не геминирует, но встречаются и геминирующие глаголы, например *kbb*. Суффикс 1-го лица единственного числа *i* бывает опущен и в среднеегипетских текстах (*sdm.n* вместо *sdm.n.i*). Форма *sdm.n.f* употребляется как в главных, так и в придаточных предложениях. В придаточных предложениях ею часто выражается действие, предшествующее действию, о котором говорится в главном предложении. Следовательно, эта форма в основном приспособлена для описания действия в прошлом. Однако отмечаются и исключения. Формы *sdm.n.f* глаголов *rh* "знать" и *sh3* "вспоминать"— *rh.n.f* и *sh3.n.f* нередко имеют значение «знает он» и «помнит он»²⁷.

В староегипетских текстах и архаизирующих среднеегипетских эта форма иногда выражает действие, одновременное с моментом речи, т.е. незавершённое действие настоящего времени²⁸. Как объяснить этот факт, неизвестно. Во всяком случае подобное употребление формы *sdm.n.f* резко отличается от того, когда она описывает завершённое действие.

Таким образом, основное значение формы *sdm.n.f* такое же, как и формы *sdm.f* однократного действия. Какая разница между этими формами, сказать трудно.

Т. Тэкер указывает, что в Текстах Пирамид под *sdm.n.f* скрывалась не одна глагольная форма²⁹. В новоегипетском языке форма *sdm.n.f* выходит из употребления и встречается лишь изредка как архаизм.

Если основной функцией формы *sdm.n.f* является описание полностью завершённого действия, то с предшествующим отрицанием *n* эта форма (т.е. *n sdm.n.f*), наоборот, [154] описывает действие незавершённое, повторяющееся. По объяснению Н. С. Петровского, частица *n* отрицает не самое действие, выраженное формой *sdm.n.f*, а лишь способ этого действия, иначе говоря, из утвердительной формы завершённого действия при помощи частицы *n* получается отрица-

²⁴ Gardiner, *Grammar*, § 495.

²⁵ Ibid., § 456.

²⁶ Edel, *Grammatik*, § 511–531.

²⁷ Gardiner, *Grammar*, § 414, 4; Lefebvre, *Grammaire*, § 276.

²⁸ B. Gunn, *Studies in Egyptian syntax*, Paris, 1924, pp. 69–74.

²⁹ T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 245, 247.

тельная форма незавершенного действия³⁰, не относящаяся ни к какому определенному времени. Очень редкие и сомнительные примеры сочетания *nn sdm.n.f* относятся к будущему времени³¹.

Я. Полотский рассматривает форму *sdm.n.f* как в действительном, так и в страдательном залоге (*sdm.n.tw.f*). На ряде примеров ему удалось показать, что в страдательном залоге она на самом деле выполняла функции, подобные функциям коптских «вторых времен», т.е. подчеркивала значение не самого действия, а условия и обстоятельства, в которых оно протекает. Приведенные им примеры употребления в таком же значении формы *sdm.n.f* менее убедительны³².

Формы *sdm.in.f*, *sdm.hr.f*, *sdm.k3.f* в основном описывают не время, а действие или состояние, наступившее как результат какого-то предшествующего, ранее упомянутого действия; употребляются они только в главных предложениях³³. Между этими формами существует некоторое различие.

Форма *sdm.in.f* применяется преимущественно для описания уже завершенного действия и, следовательно, относится к прошедшему времени, например: *dd.in shtj pn* "(тогда) сказал крестьянин этот". Но изредка эта форма может относиться к будущему времени, например: *dd.in.k r.f* "(тогда) скажешь ты о нем".

Форма *sdm.hr.f* отличается от формы *sdm.in.f* лишь тем, что главным образом она описывает действие будущего времени, иногда, может быть, — настоящего, очень редко — прошедшего.

Форма *sdm.k3.f* употребляется только для описания действия, которое последует за уже описанным действием, т.е. с нашей точки зрения, выражает будущее время.

Форма *sdm.in.f* общеупотребительна, тогда как формы *sdm.hr.f* и *sdm.k3.f* применялись реже. В новогипетском языке все эти формы выходят из употребления. [155]

Следует отметить, что встречаются сложные формы, состоящие из форманта (*in*, *hr* или *k3*), суффикса и непосредственно следующей за ними негеминирующей формы *sdm.f* например: *hr.f di.f* "(тогда) дает он"; *k3.k ir.k mitt* "(тогда) сделаешь ты подобное". Таким образом, формы *hr.f sdm.f* и *sdm.hr.f*, *k3.f sdm* и *sdm.k3.f* по своему значению похожи. Иначе обстоит дело с формантом *in*; форма *sdm.in.f* относится преимущественно к прошедшему времени, описывая завершенное действие. Другое значение имеет конструкция: *in* + существительное + *sdm.f* (негеминирующая), которая всегда выражает будущее время³⁴. Это дает основание полагать, что в данном случае *in* не формант формы *sdm.in.f* а неэнклитическая частица, служащая для эмпазиса подлежащего. А. Гардинер считает форму *sdm.f* в составе такой конструкции перфектной, а Т. Тэкер — проспективной.

Природа формантов *in*, *hr*, *k3* привлекала внимание многих исследователей. К. Зете полагал, что *in*, *hr* — обычные предлоги³⁵. Однако в настоящее время это мнение отвергнуто. Ф. Лекса первый высказал предположение, что форманты *in*, *hr*, *k3* — архаические самостоятельные глаголы речи³⁶.

Эта гипотеза впоследствии полностью подтвердилась. К. Зете и А. де Бук первые отметили существование глагола *i* "говорить", форма *sdm.n(f)* которого, как показал Р. Фолкнер, — *in*³⁷. Формант *hr* с суффиксом — это форма *sdm.f* глагола *hr* "голосить" (того же корня, что и существительное *hrw* "голос"); наконец, формант *k3* с суффиксом — это форма *sdm.f* глагола *k3* "намереваться", "думать"³⁸. А. Гардинер, который, так же как и А. де Бук, глубоко исследовал эту проблему, указывает, что заняться настоящим вопросом его побудила не столько статья

³⁰ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 118.

³¹ Gardiner, *Grammar*, § 418A.

³² Н. J. Polotsky, *The «emphatic» sdm.n.f form*, — RE, vol. 11, 1957, pp. 109–117.

³³ T. W. Thacker, *The relationship*, p. 244; Gardiner, *Grammar*, § 427.

³⁴ Gardiner, *Grammar*, § 227, 450E.

³⁵ K. Sethe, *Zum participialen Ursprung der Suffixconjugation*, — ZÄS, Bd 54, 1918, Ss. 98–103.

³⁶ Fr. Lexa, *L'origine vraisemblable de la forme verbale de l'égyptien sdm.f*, — «Philologica», vol. 2, 1923–1924, pp. 25–53.

³⁷ K. Sethe, *Die beiden Lieder von der Trinkstätte in der Darstellungen des Luxorfestzuges*, — ZÄS, Bd 64, 1929, S. 3; R. O. Faulkner, *The verb i 'to say' and its developments*, — JFA, vol. 21, 1935, p. 186.

³⁸ Gardiner, *Grammar*, § 427, 437.

Ф. Лекса, сколько работа о глаголе «говорить» как вспомогательном глаголе в нубийском и китайском языках³⁹.

Как мы увидим дальше, в рассматриваемых глагольных [156] формах *sdm* является причастием страдательного залога. Следовательно, *sdm.in.f* значит буквально «услышанное сказал он», *sdm.hr.f* — «услышанное говорит он», *sdm.k3.f* «услышанное намеревается он».

Конечно, в сознании египтян знаменательное значение всех этих глаголов было давно забыто; они воспринимали их лишь как грамматические форманты определенного значения.

§ 30. ФОРМА *sdm.t.f*.

Обычно форму *sdm.t.f* рассматривают отдельно от форм суффиксального спряжения. Однако для этого нет никаких существенных причин, так как по своей структуре она ничем не отличается от форм суффиксального спряжения. Характерным признаком этой формы является формант *t*, который встречается у всех глаголов, включая и сильные, и, следовательно, к неопределенному наклонению никакого отношения не имеет.

Согласно установившейся точке зрения, форма *sdm.t.f*, как и другие формы суффиксального спряжения, происходит от причастия страдательного залога⁴⁰. По-новому подошел к этому вопросу Н. С. Петровский, сблизив формант *t* настоящей формы с инфиксом *ta* семитского перфекта⁴¹. Однако серьезным препятствием к принятию подобной гипотезы является то, что в страдательном залоге форма *sdm.t.f*, вернее ее основа *sdm.t*, тождественна причастию женского рода страдательного залога⁴². Этот факт все же не может полностью опровергнуть догадку Н. С. Петровского, так как форма *sdm.t.f* выполняет три различные функции и нет уверенности в том, что во всех трех случаях перед нами одна и та же форма; возможно — это глагольные формы разного происхождения⁴³. Если дело обстоит именно так, то предположение Н. С. Петровского, может быть, подтвердится в будущем.

Форма *sdm.t.f* употребляется:

1) с отрицанием *n* для отрицания еще не наступившего действия (преимущественно в придаточных предложениях), например: *n sdm.t.f* "не слышал еще он", *n ir.t.i hmt* "не женился еще я"; [157]

2) после предлогов *m*, *mi*, *hft*, *m-ht*, особенно часто после предлога *r* со значением «до тех пор, пока...» (например: *r sdm.t.f* "до тех пор, пока он не услышит"; *r km.t.k 3bd 4* "до тех пор, пока ты не проведешь 4 месяца"), реже с предлогом *dr* в значении «с тех пор как», «до» (например: *iw.i m t3 pn hr wd.f dr hpr.t mini tp ʕwj.f* "я был в этой стране под его командованием до смерти его" (букв. "до происшествия смерти на руках его");

3) очень редко как повествовательная форма глагола, выполняя функции формы *sdm.n.f*⁴⁴, например: *pr.t.i* "вышел я".

Сочетание *n sdm.t.f* встречается не только в действительном, но и в страдательном залоге, например: *n msj.t k3w* "прежде чем (были) рождены быки"; здесь форма *msj.t* тождественна причастию страдательного залога.

§ 31. СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ ФОРМ СУФФИКСАЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ

Как уже указывалось, формы действительного залога суффиксального спряжения могут быть переведены в страдательный залог посредством форманта *tw* (в староегипетском *ti*). По сути дела это *tw* (или *ti*), которое иногда сокращенно пишется просто *t*, является неопределен-

³⁹ Gardiner, *Some aspects of the Egyptian language*, — «Proceedings of the British academy», London, vol. 23, 1937, p. 13; A. Waley — C. H. Ambruster, *The verb «to say» as auxiliary*, — BSOS, vol. 7, 1933–1935, p. 573.

⁴⁰ Lefebvre, *Grammaire*, § 416; Gardiner, *Grammar*, § 405.

⁴¹ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 146.

⁴² Gardiner, *Grammar*, § 404.

⁴³ Ibid., § 401.

⁴⁴ Lefebvre, *Grammaire*, § 432.

ным местоимением 3-го лица вроде французского *on* или немецкого *man*, что в русском языке выражается 3-м лицом множественного числа, например: «меня ввели» = «я был введен».

Форма *sdm.t.f* в сочетании с отрицанием *n*, т.е. *n sdm.t.f*, образует страдательный залог без помощи этого форманта.

Как упоминалось выше, две формы суффиксального спряжения — пассивная *sdm.f* и *sdmm.f* — по своей природе выражают только страдательный залог.

Форма *sdm.f* страдательного залога почти не отличается от перфектной формы *sdm.f* действительного залога. Однако для формы страдательного залога характерно окончание глагола *w* перед подлежащим-существительным и в безличном употреблении; *w* никогда не встречается перед подлежащим — местоименным суффиксом. Это окончание принимают как глаголы со слабым последним корневым, например *irw*, *rdiw*, так и неизменяемые глаголы, например *h3bw*. [158]

Глагол в форме *sdm.f* страдательного залога может оканчиваться и на *j*, которое присуще только глаголам со слабым корневым, например *msj*, *mrj*, и встречается перед подлежащим — местоименным суффиксом, например: *msj-i* "я был рожден". Но такие случаи очень редки, в основном же при подлежащем — местоименном суффиксе глагол в форме *sdm.f* страдательного залога окончаний не принимает⁴⁵.

Таким образом, при наличии подлежащего-суффикса формы *sdm.f* действительного и страдательного залога внешне тождественны. Несмотря на это, в текстах они легко различимы по смыслу.

Форма *sdm.f* страдательного залога может относиться к прошедшему, настоящему и будущему. Преимущественно она употребляется в главных предложениях⁴⁶. В общем соответствуя перфектной форме действительного залога, форма *sdm.f* страдательного залога передает однократное и завершённое действие. Она отличается от форм суффиксального спряжения страдательного залога, образованных при помощи форманта *tw* и выражающих многократное и незавершённое действие, т.е. соответствующих имперфектным формам действительного залога⁴⁷.

С предшествующей отрицательной частицей *n* страдательная форма *sdm.f* встречается редко.

В формах действительного залога подлежащее — и местоименный суффикс и существительное — является тем лицом (предметом), от которого исходит действие (или которое пребывает в каком-то состоянии). В этих случаях грамматическое и логическое подлежащее совпадают. Иначе дело обстоит в формах страдательного залога. Например, в форме *sdm.f* суффикс *f* — грамматическое, но не логическое подлежащее: лицо (предмет), обозначаемое этим суффиксом, подвергается действию, которое исходит от логического подлежащего, часто лишь подразумеваемого. Таким образом, в формах страдательного залога грамматическое подлежащее служит логическим дополнением. Иногда логическое подлежащее присутствует в предложении, присоединяясь к форме *sdm.f* (или другой форме страдательного залога) посредством предлога *in* или, гораздо реже, посредством предлога *hr*. Например: *n 3mm.i in 3krw* "не был схвачен я змеями"; *drp.tw.f hr ntrw* "питаем он богами"⁴⁸. [159]

Форма *sdmm.f* страдательного залога найдена в Текстах Пирамид и в архаизирующих среднеегипетских религиозных текстах, однако в последних она встречается очень редко. Особенностью этой формы является удвоение конечного звука даже у сильных трехгласных глаголов, которые, как правило, во всех остальных формах спряжения не изменяются⁴⁹.

Следует отметить, что значение страдательного залога нередко выражается не относящимся к суффиксальному спряжению старым перфектом (см. § 36) и страдательными причастиями.

⁴⁵ Gardiner, *Grammar*, § 420

⁴⁶ Ibid., § 422–423.

⁴⁷ W. Westendorff, *Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter*, Belin, 1953, Ss. 8–9.

⁴⁸ Lefebvre, *Grammaire*, § 307.

⁴⁹ Gardiner, *Grammar*, § 425; T. W. Thacker, *The relationship*, p. 316.

В египетском языке, кроме многочисленных знаменательных глаголов, есть и служебные глаголы. Они разделяются на вспомогательные и отрицательные.

Вспомогательный глагол в форме суффиксального спряжения и последующий знаменательный глагол (главным образом в формах *sdm.f* действительного и страдательного залогов или *sdm.n.f*) образуют сложную форму суффиксального спряжения. Такие многочисленные разнообразие сложные формы иногда имеют вполне определенное новое значение, а иногда различие по значению между ними и простыми формами суффиксального спряжения неуловимо.

Вспомогательные глаголы широко употребляются и вне суффиксального спряжения, в первую очередь в сочетании с неопределенным наклонением или старым перфектом в ложноглагольных конструкциях.

К вспомогательным глаголам относятся следующие:

1. Глагол *iw* "быть" (наиболее из них распространенный). Он выполняет лишь грамматические функции связки. Этот глагол, не выражающий никакого определенного времени, применяется либо в форме *sdm.f* (с подлежащим — местоименным суффиксом или существительным), либо в безличной форме. Глаголу *iw* не могут предшествовать никакие частицы, в том числе и отрицательные *n* и *nn* (однако в новоегипетском языке эти отрицания перед *iw* нередко встречаются). Глагол *iw* употребляется как в главных предложениях, так и в придаточных — глагольных, ложноглагольных и неглагольных. В глагольных предложениях он сочетается с [160] каким-либо знаменательным глаголом, и таким образом создается сложная форма, например *iw sdm.f*. Происхождение глагола неизвестно. Берлинский словарь под знаком вопроса сопоставляет его с еврейским יָרַח "выпадать", "быть". А. Гардинер считает более вероятным, что он происходит от египетского глагола *iw* "приходить".

В староегипетских текстах этот глагол писался обычно сокращенно, например *i.f* вместо *iw.f*.

2. Глагол *wn* "быть", "существовать". Помимо своей основной роли этот глагол в сочетании со знаменательными глаголами часто играет роль служебного глагола, имея только грамматическое значение. Сложные глагольные формы, образованные посредством этого глагола (например, *wnn.hr.f sdm.f*, *wn.in.f sdm.f* и др.), передают различные значения. Поскольку глагол *wnn* спрягается во всех формах суффиксального спряжения, в тех случаях, когда он употребляется как вспомогательный глагол, он выполняет те грамматические функции, которые должны были бы выполнять несуществующие формы глагола *iw*. Поэтому, как и *iw*, глагол *wnn* употребляется в главных и придаточных предложениях.

3. Глагол ḥ^c "стоять". Как вспомогательный глагол, будучи в форме *sdm.f* или *sdm.n.f* (большой частью без подлежащего) — ḥ^c или $\text{ḥ}^c.n$, он применяется перед формами *sdm.f* (действительного и страдательного залогов) и *sdm.n.f*. Сложные глагольные формы с глаголом ḥ^c употребляются в главных предложениях и выражают прошедшее действие, наступившее после уже описанного действия (состояния)⁵⁰.

4. Глагол *p3*. Имея различные формы, он употребляется перед неопределенным наклонением знаменательного глагола. Сложные формы, образованные посредством этого глагола, описывают завершённое действие и соответствуют встречающимся в европейских языках конструкциям с глаголами *avoir*, *have*, *haben*⁵¹.

5. Очень важную роль играет глагол *iri* "делать". Если в среднеегипетском языке этот глагол как вспомогательный встречается редко, то в новоегипетском он становится широко распространенным вспомогательным глаголом, применявшимся в сложных глагольных конструкциях. В таких случаях спрягается только глагол *iri*, а следующий за ним знаменательный глагол стоит в инфинитиве. Нужно отметить специальное его употребление в форме *sdm.f* перед [161] неопределенным наклонением глаголов, корень которых состоит более чем из трех согласных, например: *iri.f knkn* "он побил". Эта сложная описательная форма заменяет форму *sdm.f*, не образуемую от таких глаголов в новоегипетском. Иначе говоря, *iri.f knkn* имеет значение *sdm.f*.

⁵⁰ Gardiner, *Grammar*, § 476; Lefebvre, *Grammaire*, § 327.

⁵¹ Ibid., § 411.

Наряду с перечисленными в качестве вспомогательных глаголов применяются и знаменательные глаголы *iw* и *ij* "приходить", *dr* "кончать", *sdr* "проводить ночь", *pri* "выходить".

Назначением отрицательных глаголов (их всего два — *imi* и *tm*) является отрицание разных глагольных форм. Отрицательные глаголы утратили свое первоначальное значение и выполняют только грамматические функции.

В предложении отрицательный глагол (будучи одной из форм суффиксального спряжения, в повелительном наклонении или в форме причастия) предшествует знаменательному глаголу; последний является отрицательным дополнением, признаком которого служит нередко опускаемое конечное *w*.

Отрицательный глагол *imi* встречается лишь в двух видах: в форме *sdm.f* (в значении пожелания) — *imi.f* — и в повелительном наклонении — *m*. Поэтому он служит только для отрицания формы *sdm.f* и повелительного наклонения; например: *imi.k tnmw* "не заблуждайся", *m dd grg* "не говори лжи" (*tnmw* и *dd* — отрицательные дополнения).

Гораздо шире и разнообразнее отрицательные функции глагола *tm*, который, по видимому, первоначально имел значение «кончать». Этот глагол может отрицать различные глагольные формы. Однако основное его назначение — отрицание не суффиксальных форм спряжения, а причастий и неопределенного наклонения, например: *tm sdm* "(да) не слушающий", здесь *tm* — причастие, а *sdm.(w)* — отрицательное дополнение. В новоегипетском за *tm* следует неопределенное наклонение.

Употребление обоих отрицательных глаголов с подлежащим-существительным отличается одной особенностью: существительное всегда стоит после отрицательного дополнения (тогда как подлежащее—местоименный суффикс — обычно до него)⁵².

---

⁵² Gardiner, *Grammar*, § 343.

По своей природе египетские причастия являются отглагольными прилагательными, которые нередко субстантивируются и играют роль существительных. Следовательно, [162] в предложении причастия могут быть подлежащим, дополнением и определением. Но вместе с тем причастия сохраняют свойства глаголов и употребляются как сказуемое, имея прямое или косвенное дополнение (при этом местоименным объектом может быть лишь зависимое местоимение).

В среднеегипетском языке существовали четыре формы причастий: однократного действия (перфектные) и многократного (имперфектные) действительного и страдательного залогов¹. Морфологически они четко различаются по отсутствию или наличию геминии (разумеется, это относится только к причастиям, происходящим от геминирующих и слабых глаголов). По мнению ряда исследователей, есть еще и перспективные причастия страдательного и действительного залогов². Все четыре формы причастия имели свои окончания *w* и *j*, которые, однако, в письме обозначались нерегулярно и часто опускались. У слабых глаголов они сливались с конечным звуком корня. Имперфектное причастие страдательного залога большей частью оканчивается на *w*, перфектное — на *j*³; *j* иногда бывает и у имперфектных причастий. Интересно отметить, что в среднеегипетских текстах в очень редких случаях встречаются причастия, начинающиеся протетическим ḳ , например: *ihmsk* "неразрушимые" (название созвездия). Как указал А. Гардинер, протетическое *i* выражает начальный нейтральный гласный перед двумя согласными⁴. В новоегипетском языке это протетическое *i* в активных и пассивных причастиях становится закономерным явлением, например: *išm* "отправившиеся", *ihprj* "бывшие".

Изменяясь в роде и числе, причастия принимают окончания прилагательных.

В новоегипетском языке система причастий значительно проще; там имеется только одно причастие действительного залога и одно страдательного залога.

Укажем на некоторые особенности употребления причастий в египетском языке.

В так называемой причастной конструкции (participial statement) причастия играют роль сказуемого, следуя за подлежащим. В этой конструкции встречаются лишь [163] причастия действительного залога (однократного и многократного действия). Схема конструкции с местоименным подлежащим (им могут быть только независимые местоимения) такова: *ntf sdm.f* "слушает он" (букв, "он слушающий"). С подлежащим-существительным причастная конструкция имеет несколько иной вид: *in sš sdm* "слушает писец" (букв, "писец слушающий"); здесь перед подлежащим стоит частица *in*⁵. В этих случаях почти всегда применяется активное перфектное причастие.

Причастия употребляются как сказуемые и в конструкциях, близких по строению с неглагольным предложением, где роль сказуемого играет прилагательное. В таких конструкциях причастие предшествует подлежащему (существительному или зависимому местоимению), не согласуясь с ним ни в роде, ни в числе.

Характерно применение причастий страдательного залога. Логическое подлежащее таких причастий, т.е. лицо (или предмет), от которого исходит действие, выражается при помощи предлога *in* (как и у других форм страдательного залога), например: *dwt irjt r.f in sn.f Sth* "зло, содеянное против него братом его Сетом". Логическое подлежащее может быть передано также посредством прямого родительного падежа, например: *hmt.f mrt.f* "жена его любимая его" и косвенного родительного падежа, например: *ḥsj n(j) nb t3wj* "хвалимый владыкой обеих земель". «Родительный падеж» логического подлежащего придает предложению неглагольный характер: причастие воспринимается здесь не как глагол, а как прилагательное (в первом примере)

¹ Ibid., § 335.

² Lefebvre, *Grammaire*, § 455; B. Gunn, *Studies in Egyptian syntax*, pp. 26–32; T. W. Thacker, *The relationship*, p. 30.

³ Gardiner, *Grammar*, § 362.

⁴ Ibid., § 272.

⁵ Ibid., § 373.

или как существительное (во втором примере). В. Вестендорф правильно отмечает статичность таких предложений, в них глагол в виде причастия страдательного залога лишен динамики⁶.

Специфической особенностью египетского языка является оборот речи, названный Н. С. Петровским «усложненной конструкцией причастий страдательного залога»⁷. Эта конструкция издавна привлекала внимание исследователей и хорошо изучена, несмотря на всю свою необычность и трудность. Сущность ее заключается в том, что за причастием страдательного залога (в роли отглагольного прилагательного), определяющим существительное (выраженное или [164] только подразумеваемое), следует прямое или косвенное дополнение, на которое и направлено действие причастия.

Присутствие дополнения показывает, что причастие воспринимается в страдательном залоге лишь по отношению к грамматическому подлежащему (определяемому слову), а по отношению к дополнению воспринимается в действительном или среднем залоге. Например: *dd n.f nb n ḥswt* "(тот), которому дают золото милости" (букв, "даваемый ему золото милости"). Здесь причастие страдательного залога *dd* (от глагола *rdi* "давать") относится не к дополнению *nb ḥswf* "золото милости", а к грамматическому подлежащему; что же касается суффикса *f* косвенного дополнения *n.f*, то он тождествен с грамматическим подлежащим. Разберем еще пример: *spt ms(j)t wi im.s in N* "ном, в котором я — N рожден", букв, "ном рожден я в нем N (таким-то)"; здесь страдательное причастие женского рода единственного числа *ms(j)t* "рожденный" согласуется в роде и числе с определяемым существительным *spt* "ном". Прямым дополнением сказуемого — страдательного причастия *ms(j)t* (оно воспринимается по отношению к дополнению в действительном залоге) — служит зависимое местоимение *wi* "я", за ним следует косвенное дополнение *im.s* "в нем", суффикс которого тождествен с грамматическим подлежащим *spt* "ном".

Этот суффикс, всегда имеющий в виду определяемое слово, называется подхватывающим, т. е. играет роль местоимения, подхватывающего значение логического объекта.

Таким образом, определяемое слово является грамматическим подлежащим, но не логическим объектом.

Необычность этой конструкции заключается и в том, что она дает возможность пользоваться причастиями страдательного залога от непереходных (нетранзитивных) глаголов. Например: *3dt ḥr.s* "(то), на что гневаются" (букв, "гневаемое на это"); *prrw ḥ33w ḥr šhrw.f* "по замыслу которого выходят и приходят" (букв, "выходимый и приходимый по замыслу его"). В обоих приведенных примерах причастие страдательного залога служит определением к подразумеваемому определяемому. Действие же глагола, от которого образовано причастие страдательного залога, распространяется на косвенное дополнение (т.е. на логический объект), следующее за причастием; местоименные суффиксы *s* (в первом примере) и *f* (во втором примере) подхватывают значение подразумеваемого определяемого.

Как показывает эта конструкция, в египетском языке иногда [165] отсутствовала четкая и определенная грань между страдательным и другими залогами⁸.

Форма *sdm.tj.fj*, подобно рассмотренным причастиям, является отглагольным прилагательным и по своей природе очень близка к причастиям. Она употребляется только со значением будущего времени в 3-м лице единственного числа мужского и женского рода и в 3-м лице множественного числа:

sdm.tj.fj "тот, который услышит";
sdm.tj.sj "та, которая услышит";
sdm.tj.sn "те, которые услышат".

⁶ W. Westendorf, *Vom Passiv zum Aktiv*, — MDIO, Bd I, 1953, Hft 2, S. 231.

⁷ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 133.

⁸ Надо отметить, что в русском и многих других языках грань между залогами тоже не всегда столь определена, как принято обычно думать. Например, русское причастие страдательного залога «терпимый» нередко употребляется в значении действительного залога; в латинском языке так называемые отложительные глаголы (*verba deponentia*), которым присущи морфологические признаки страдательного залога, имеют действительное значение и т.д.

Форма *sdm.tj.fj* слабых глаголов геминации не имеет (геминация бывает лишь у глаголов с геминирующей второй согласной). Как определение форма *sdm.tj.fj* всегда следует за определяемым словом, иногда она подвергается субстантивации и выступает в предложении в качестве подлежащего. В страдательном залоге эта форма встречается в исключительно редких случаях (без морфологических изменений).

§ 34. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ (РЕЛЯТИВНЫЕ) ФОРМЫ

Относительные формы являются специфической особенностью египетского языка. Внешне они сходны с формами суффиксального спряжения *sdm.f* и *sdm.n.f* и, как у последних, подлежащим у них бывают существительные (или их эквиваленты) и местоимения (только местоименные суффиксы). Относительные формы имеют значение действительного залога, но происходят от форм страдательного залога. Как уже указывалось, логическое подлежащее причастия страдательного залога часто выражается «прямым родительным падежом», например: *mrrw niwt.f* значит «любимый (постоянно) городом своим»; здесь *mrrw* — причастие многократного действия страдательного залога. Но поскольку сущность залога заключается в передаче отношения между подлежащим, сказуемым и дополнением, слова *mrrw niwt.f* можно переосмыслить и понимать в действительном залоге: «(тот), которого любит (постоянно) город его». Таким образом, *mrrw* выступает уже не в [166] качестве причастия страдательного или действительного залога — в последнем случае эти слова имели бы значение «любящий (постоянно) город свой», — а как динамическая глагольная форма действительного залога, относящаяся к предшествующему определяемому (выраженному или подразумеваемому).

Приведем другой пример, где определяемое слово выписано: *ht nbt ddt sr nb nds nb r ht-ntr* "вещи всякие, которые дарует (постоянно) вельможа всякий малый всякий в храм". Здесь относительная форма *ddt sr nb nds nb* "которые дарует (постоянно) вельможа всякий малый всякий" относится к предшествующему определяемому *ht nbt* "вещи всякие"; *sr nb nds nb* "вельможа всякий малый всякий" — подлежащее относительной формы. Относительные формы играют в предложении преимущественно роль определений, согласуясь в роде и числе с определяемым словом.

Подобно глагольным формам действительного залога, относительные формы имеют прямое дополнение, которое или тождественно с предшествующим определяемым или отличается от него. В первом случае (будучи выраженным или лишь подразумеваемым) дополнение выступает в предложении только в виде предшествующего определяемого. Приведенные выше примеры отлично это иллюстрируют: в примере *ht nbt ddt sr nb nds nb* дополнением относительной формы служат определяемые слова *ht nbt* "вещи всякие"; в примере *mrrw niwt.f* подразумеваемое определяемое также тождественно с дополнением относительной формы.

Если же дополнение относительной формы отличается от предшествующего определяемого, то оно, естественно, должно быть упомянуто после относительной формы, например: *dd.n.f nb.f nb* "(тот), которому дает господин его золото". Здесь *nb* — дополнение относительной формы (следует отметить, что местоименным дополнением относительной формы бывают лишь зависимые местоимения). Последний пример представляет собой усложненную конструкцию относительной формы; как и в аналогичной конструкции причастий страдательного залога, действие относительной формы распространяется не на предшествующее определяемое, а на следующее за относительной формой дополнение (прямое или косвенное). Усложненная конструкция дает возможность использовать относительные формы непереходных глаголов, которые в таком случае стоят в среднем залоге. Примеры: *w3t ijt.n.f hr.s* "дорога, по которой он пришел" (букв, "дорога, пришел он по ней"), здесь подхватывающий суффикс *s* после предлога тождествен предшествующему определяемому *w3t* "дорога"; *km3t b3w Iwnw [167] nfrw.s* "(та), красоту которой создали души Она" (букв, "созданная душами Она красота ее").

Число относительных форм твердо не установлено. По мнению А. Гардинера, их три⁹.

⁹ Gardiner, *Grammar*, § 387. — Другие исследователи считают, что существует и перспективная форма (см. В. Gunn, *Studies in Egyptian syntax*, pp. 1–26; Lefebvre, *Grammaire*, § 485; Т. W. Thacker, *The relationship*, p. 263). А. Гардинер, ссылаясь на открытие Ж. Клэра (J. Clère, *Une nouvelle forme verbale relative en égyptien*, — «Actes

1. Многократного действия (имперфектная) с геминацией:

mrrw.f"(тот), которого любит он (постоянно)"

mrrt.f"(та), которую любит он (постоянно)"

2. Однократного действия (перфектная), без геминации:

mr.f"(тот), которого любит он"

mrt.f, mrti.f"(та), которую любит он".

3. Форма полностью завершённого действия:

mr(w).n.f"(тот), которого любил он"

mrt.n.f"(та), которую любил он".

Отрицается относительная форма посредством отрицательного глагола *tm*, который сам ставится в относительной форме, а следующий за ним знаменательный глагол — в форме отрицательного дополнения. В новоегипетском языке отличительным признаком относительной формы становится протетическое *i*, например: *iin.k* "паруса, которые ты доставил". Очень распространена описательная относительная форма, образованная при помощи вспомогательного глагола *iri* "делать"; этот глагол стоит в относительной форме, а за ним следует неопределённое наклонение знаменательного глагола, например: *p3j iri.i h3b n.k* "это (то), что я послал тебе".

§ 35. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ СУФФИКСАЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ

Ознакомление с причастиями даёт возможность обратиться к вопросу о происхождении форм суффиксального спряжения.

А. Эрман высказал предположение, что активное причастие плюс подлежащее (существительное или местоименный суффикс) — это конструкция, ставшая впоследствии функционировать как глагольная форма *sdm.f*¹⁰. Такого же взгляда [168] вначале придерживался и Г. Лефевр¹¹. Однако К. Зете ещё в 1910 г. выдвинул теорию, по которой основой формы *sdm.f* является причастие страдательного залога; обстоятельная аргументация была приведена им несколько позже¹². Затем к К. Зете присоединились А. де Бук и А. Гардинер (который обосновал точку зрения на пять форм суффиксального спряжения — *sdm.f, sdm.n.f, sdm.in.f, sdm.hr.f* и *sdm.k3.f*), а также сам А. Эрман, Г. Лефевр и В. В. Струве¹³. Сторонником происхождения форм суффиксального спряжения от причастия действительного залога остался лишь Ф. Лекса¹⁴. Т. Тэкер, тоже не разделяющий взглядов К. Зете, видит в *sdm* основу, производную от так называемого «второго инфинитива». Аналогичным он считает и происхождение форм *sdm.in.f, sdm.hr.f* и *sdm.k3.f, sdm.tj.fj* и отрицательного дополнения¹⁵.

А. Эрман, впервые выступив с попыткой объяснить происхождение форм суффиксального спряжения, предложил следующую интерпретацию формы *sdm.f*: *sdm* — причастие действительного залога в роли сказуемого, *f* — местоименный суффикс в роли подлежащего, т.е. эту форму А. Эрман буквально переводил «слушающий он». На самом деле, причастие в роли сказуемого полностью соответствует предикативному прилагательному, последнее же, согласно правилам египетской грамматики, всегда предшествует подлежащему. Однако А. Эрман сталкивался с одной непреодолимой трудностью. В египетском языке при сказуемом — предикативном прилагательном подлежащее-местоимение всегда выражается только формами зависи-

---

du XXI Congrès international des orientalistes», Paris, 1948, pp. 64–66), также допускает возможность того, что форма однократного действия «распадается на перфектную и проспективную» (Gardiner, *Grammar*, § 387).

¹⁰ A. Erman, *Zur Entstehung der jüngeren Flexion des Verbums*, — ZÄS, Bd 39, 1901, Ss. 123–428; A. Erman, *Die Flexion des ägyptischen Verbums*, — SPAW, Phil.-hist. Kl., 1900, S. 317.

¹¹ Lefebvre, *Grammaire*, 1-re ed, Le Caire, 1940, § 242.

¹² K. Sethe, *Über einige sekundäre Verben im Koptischen*, — ZÄS, Bd 47, 1910, S. 140; K. Sethe, *Zum participialen Ursprung der Suffixkonjugation*, — ZÄS, Bd 54, 1918, Ss. 98–103.

¹³ A. de Buck, *Zum Ursprung der Relativformen im Ägyptischen*, — ZÄS, Bd 59, 1924, Ss. 65–69; A. Gardiner, *Grammar*, 1 ed., London, 1927, § 411; A. Erman, *Ägyptische Grammatik*, 4 Aufl., Berlin, 1928, § 277; Lefebvre, *Grammaire*, § 242; В. В. Струве, *Стадиальная семантика египетской глагольной формы sdm.f*, — сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 345–351.

¹⁴ Fr. Lexa, *L'origine vraisemblable de la forme verbale de l'égyptien sdm.f*, — «Philologica», vol. 2, 1923–1924, pp. 25–53.

¹⁵ T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 141–142.

мого личного местоимения типа *wi*, *tw*, *tn* и т.д. При других формах сказуемого в качестве местоименного подлежащего, кроме зависимых местоимений, могут выступать лишь независимые местоимения типа *ink*, *ntk* и т.д. Местоименные суффиксы в форме суффиксального спряжения *sdm.f* искони имели значение притяжательности. Когда мы говорим о местоименном [169] суффиксе как о подлежащем глагола, мы имеем в виду вторичное, переосмысленное значение суффикса. А. Эрман, хорошо сознавая это, высказал предположение, что суффиксы *f* и *s* являются усеченной формой гипотетических зависимых местоимений *ff* и *sj*, сохранившихся в формах *sdm.tj.ff* и *sdm.tj.sj*. Но происхождение этих *ff* и *sj* до сих пор неясно, и нет данных, свидетельствующих о существовании таких местоимений. Поэтому настоящий аргумент не может служить доказательством употребления суффиксов в качестве подлежащего. Также несостоятелен и другой довод, приводимый А. Эрманом для подкрепления своей первоначальной точки зрения: в предложении *bw ntj.f im* "место, в котором он" *f* — местоимение-подлежащее после слова *ntj* "который", ибо после *ntj* в качестве подлежащего в форме 2-го и 3-го лица единственного числа встречаются суффиксы *k* и *f*. Однако, как указал А. Гардинер, это явление объясняется изменением написания независимых местоимений 2-го и 3-го лица единственного числа *ntk* и *ntf*¹⁶. Таким образом, употребление суффиксов в качестве подлежащего нельзя считать доказанным. Следовательно, первоначальное предположение А. Эрмана не может быть принято. Как отмечалось, отказался от него и сам А. Эрман.

Точка зрения на происхождение форм суффиксального спряжения от причастий страдательного залога, предложенная К. Зете, доказывается довольно просто. Сравнение относительных форм *sdm(w).f* и *sdm(w).n.f* с повествовательными формами суффиксального спряжения *sdm.f* и *sdm.n.f* очень показательно: они почти тождественны. Это легко проследить, взяв слабый глагол *mri* "любить", у которого благодаря геминации нетрудно отличить имперфект от перфекта:

Относительные формы	Повествовательные формы
<i>mrr(w).f</i>	<i>mrr.f</i>
<i>mr.f</i>	<i>mr.f</i>
<i>mr(w).n.f</i>	<i>mr.n.f</i>

По мнению А. Гардинера было бы парадоксальным полагать, что эти формы разного происхождения. А так как происхождение относительных форм от причастий страдательного залога не вызывает сомнений, можно считать доказанным и подобное происхождение повествовательных форм *sdm.f*. Другие [170] формы суффиксального спряжения — *sdm.in.f*, *sdm.hr.f*, *sdm.k3.f* также происходят от причастия страдательного залога *sdm* и значат «слушаемое сказал он» и т.д.¹⁷

Надо добавить несколько слов о первоначальной семантике этих форм. Форма *sdm.f* (причастие страдательного залога плюс суффикс) представляет собой конструкцию «родительного падежа», где причастие играет роль существительного: «слушаемое его.», т.е. «то, что он слушает». Форма *sdm.n.f* является конструкцией «дательного падежа» также с субстантивированным причастием: «слушаемое для него». В египетском языке «дательный падеж» выражает притяжательность. Следовательно, конструкции *sdm.f* и *sdm.n.f* по типу аналогичны, они передают разные оттенки одного и того же значения «слушалось ему» (ср. русское «слушать случилось ему», форме «ему» соответствует египетское *n.f*). Из обеих конструкций: *sdm* плюс «родительный падеж» и *sdm* плюс «дательный падеж» параллельно развивались относительные формы *sdm(w).f* и *sdm(w).n.f*, с одной стороны, и повествовательные формы суффиксального спряжения *sdm.f* и *sdm.n.f* — с другой¹⁸. Такой переход от страдательного залога к действительному свойствен не только египетскому языку, но и некоторым иным языкам семито-хамитской группы, например сирийскому¹⁹. А. Гардинер указывает, что подобные факты наблюдаются и в индоевропейских языках, например французское *il a fait* буквально значит «он имеет сделанное»;

¹⁶ Gardiner, *Grammar*, § 200–203; A. Gardiner, *Some aspects of the Egyptian language*, p. 23.

¹⁷ Gardiner, *Grammar*, § 411; Gardiner, *Some aspects of the Egyptian language*, p. 13.

¹⁸ Gardiner, *Grammar*, § 411.

¹⁹ A. Gardiner, *Some aspects of the Egyptian language*, p. 15.

точно такое же значение и немецкого *er hat getan; fait, getan* — не что иное как причастия страдательного залога.

Изменение семантики анализируемых глагольных форм от пассивной к активной произошло в доисторические времена. Даже в Текстах Пирамид относительные формы и формы суффиксального спряжения предстоят перед нами вполне сложившимися.

Таким образом, относительные формы и формы суффиксального спряжения восходят к причастиям страдательного залога. Совокупность этих глагольных форм составляет очень существенную часть египетской глагольной системы.

Следует отметить, что *sdm.f* страдательного залога и форма *sdm.t.f* также происходят от причастий страдательного залога. [171]

§ 36. СТАРЫЙ ПЕРФЕКТ

Старый перфект, или, по немецкой терминологии, псевдопартицип, является одной из форм спряжения египетского глагола. В старом перфекте глагол изменяется по родам, лицам и числам. Эти изменения выражаются особыми суффиксами, отличающимися от местоименных суффиксов рассмотренных выше форм суффиксального спряжения. Приводим полную парадигму спряжения старого перфекта в среднеегипетском и новоегипетском языках²⁰.

Среднеегипетский язык		
	Единственное число	Множественное число
1-е лицо (общее)	<i>sdm.kwi</i>	<i>sdm.wjn</i>
2-е » »	<i>sdm.ti</i>	<i>sdm.tjwnj</i>
3-е » мужского рода	<i>sdm.(w)</i>	<i>sdm.(w)</i>
3-е » женского »	<i>sdm.ti</i>	<i>sdm.ti</i>
Двойственное число		
3-е лицо мужского рода	<i>sdm.wj</i>	
3-е » женского »	<i>sdm.ti</i>	
Новоегипетский язык		
	Единственное число	Множественное число
1-е лицо (общее)	<i>sdm.k</i> (позднее <i>sdm.t</i>)	<i>sdm.n</i>
2-е » »	<i>sdm.t</i>	<i>sdm.t</i>
3-е » мужского рода	<i>sdm</i>	<i>sdm</i>
3-е » женского »	<i>sdm.t</i>	<i>sdm</i>

Двойственного числа у старого перфекта в новоегипетском языке нет.

В среднеегипетском языке суффиксальное окончание 1-го лица единственного числа старого перфекта встречается иногда в усеченной форме: *ki* и даже *k*. В последнем случае оно внешне тождественно с местоименным суффиксом 2-го лица единственного числа мужского рода. Суффиксальные окончания 2-го лица единственного числа и 3-го лица единственного числа женского рода *ti* в письме могут иметь усеченную форму *t*, т.е. бывают похожи на местоименный суффикс 2-го лица единственного числа женского рода.

Окончания *w* и *t* (от *ti*) обычно пишутся перед детерминативом. Все остальные окончания (в том числе и *ti*) следуют за детерминативом глагола.

Окончания 3-го лица единственного числа мужского рода [172] и 3-го лица множественного числа *w* нередко опускаются, а у глаголов *tertiae* и *quartae infirmae* иногда заменяются на *j*. Окончания старого перфекта не отделяются от глагола ни другими словами, ни какими-либо формантами. Если подлежащее старого перфекта — существительное (или зависимое местоимение), то оно обязательно предшествует глаголу, который согласуется с ним в роде и числе.

Вопрос о старом перфекте — одна из сложнейших проблем египетской грамматики. Рассматривая старый перфект, надо помнить о морфологической и семантической близости еги-

²⁰ От египетского старого перфекта происходит коптский квалитатив.

петского старого перфекта и аккадского пермансива, о чем говорилось в начале работы. Однако констатация этого факта еще не объясняет ни происхождения, ни значения старого перфекта. По мнению А. Гардинера, давшего название «старый перфект», эта форма в глубокой древности была формой повествовательного характера, которая могла иметь значение действительного и страдательного залогов. В дальнейшем, на следующих этапах развития языка, в частности в среднеегипетском языке, она, за редким исключением, потеряла повествовательный характер и стала выражать не действие, а состояние, являющееся результатом действия, т.е. перестала передавать динамику и ограничилась описанием лишь статистического состояния²¹.

Форма старого перфекта редко выступает самостоятельно. Лишь формы 1-го лица единственного числа передают повествовательную форму действительного залога, например: *ir.kwi mi s3 t3 n smt* "действовал я как змея пустыни", *dd.kwi* "сказал я". Во всех лицах старого перфекта переходное значение сохранилось только у глагола *rh* "знать". Как правило, переходные глаголы в старом перфекте выражают страдательный залог, например: *h3b.kwi* "послан я", *f3.kwi m ʕhnwti* "был я награжден во дворце", а непереходные глаголы сохраняют свое значение, например: *ij.kwi*, букв. "пришедши я", чему соответствует во французском «*moi etant venu*». Последнее предложение описывает не динамический процесс возвращения, а его статический результат. В некоторых случаях во 2-м и 3-м лице мужского рода старый перфект выражает пожелание; наиболее распространенным примером такого его употребления является стереотипная фраза: *ʕnh wd3 snb* "да будет он жив, невредим, здоров", которая обычно писалась после царского титула. Однако примеры самостоятельного употребления старого перфекта не типичны для среднеегипетского языка. [173]

Выступая в своей основной роли, старый перфект (в виде отглагольного наречия) передает сопутствующие обстоятельства (качество, состояние), определяет подлежащее или дополнение предшествующего глагола. Приведем несколько примеров несамостоятельного употребления старого перфекта: *n sp m3.k iw pn hpr m mwj* "никогда не увидишь ты остров этот, ставши морем"; *gm.n.i sw rh(w) st* "нашел я его знающим это"; *wʕ m nn hrw hpr* "один из этих дней наступивши".

Отрицание формы старого перфекта почти не встречается. Отмечены лишь очень редкие случаи, когда за отрицанием *nn* следует зависимое местоимение *st*, а после него форма старого перфекта, относящаяся к этому *st*²².

Н. С. Петровский метко назвал старый перфект «формой качества и состояния» и подчеркнул, что по существу она является спрягаемым отглагольным наречием. Он сопоставляет эту форму с русскими диалектными деепричастиями прошедшего времени типа «заснувши», «ушедши», «выпимши» и т.д.²³

Т. Тэкер и Ж. Вергот отмечают, что старый перфект употребляется также как латинский *ablatus absolutus* и греческий *genetivus absolutus*²⁴, которые, как известно, выражают сокращенное обстоятельственное предложение²⁵. Например: *ir.n.i hrw 3 wʕ.kwi* "провел я три дня будучи один"; *m hrw.w šmw pt t3.t(i)* "в дни лета при небе пылающем".

Многочисленные самостоятельные и несамостоятельные способы употребления старого перфекта подробно рассматривает в своем исследовании Ж. Вергот, относя их к различным типам «нексуса»²⁶;

²¹ Gardiner, *Grammar*, § 311–312.

²² Gardiner, *Grammar*, § 334.

²³ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 147–148.

²⁴ T. W. Thacker, *The relationship*, p. 110; J. Vergote, *La fonction du pseudoparticipe*, — «*Agyptol. Studien*», S. 341.

²⁵ С. И. Соболевский, *Грамматика латинского языка*, М., 1950, § 1091; С. И. Соболевский, *Древнегреческий язык*, М., 1948, § 1404.

²⁶ Этот термин предложен О. Есперсеном для обозначения разных видов предикации (О. Есперсен, *Философия грамматики*, стр. 149).

§ 37. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное наклонение встречается в утвердительной и отрицательной (ветативной) формах 2-го лица единственного и множественного числа. Утвердительная форма передает приказание или побуждение к действию, отрицательная — запрет. В единственном числе повелительная форма [174] совпадает с корнем, например: *sdm* "слушай"; во множественном числе она имеет окончание *w*, которое в письме бывает либо опущено, либо заменено детерминативом множественного числа — тремя штрихами. Интересно отметить, что в новоегипетском языке повелительное наклонение, как правило, начинается протетическим *i*, например: *iʿš* "читай", *iwn* "открой" и т.д.

Глаголы *rdi* "давать" и *ij*, *iw* "приходить" редко имеют форму повелительного наклонения от того же корня. Повелительное наклонение этих глаголов обычно образуется от других корней — *imi* "дай(те)", *mi* "приди(те)". Следует упомянуть еще повелительную форму *m* (коптское **мо**) "возьми"; другие формы этого глагола неизвестны.

Повелительное наклонение часто усиливается посредством присоединения к глаголу следующих элементов:

- 1) зависимого местоимения, например: *sdm(w) tn* "слушайте вы";
- 2) частицы *r.k* (собственно *r* + суффикс *k*), например: *mi r.k* "приходи";
- 3) предлога *n* с суффиксом, выражающих «дательный падеж», например: *ʿpr n.k* "снабди себе", ср. русское «ступай себе», «запомни себе» и т.д.; оборот соответствует латинскому *dativus commodi*;
- 4) частицы *m(j)*, например: *mi m(j) ib.i* "приди же, сердце мое".

Повелительное наклонение глагола *iri* "делать" применяется в сложной описательной форме повелительного наклонения 2-го лица, например: *ir n.k iwt r Kmt*, букв. "сделай себе возвращение в Египет".

В описательной сложной форме повелительного наклонения 3-го лица используется повелительная форма глагола *rdi* "давать" ("заставлять"; "побуждать") — *imi*; при этом после *imi* непосредственно следует знаменательный глагол в форме *sdm.f*. Такой оборот лучше всего переводится на русский язык словом «пусть», например: *imi rh.f* "пусть знает он".

Повелительное наклонение может иметь прямое дополнение — существительное или зависимое местоимение.

Отрицательная форма повелительного наклонения (т.е. запрет) образуется описательно следующими способами:

- 1) посредством повелительной формы *m* от отрицательного глагола *imi*, которая ставится перед знаменательным глаголом (последний стоит в форме, называемой отрицательным дополнением), например: *m snd* "не бойся";
- 2) при помощи оборота *m ir* "не делай", за которым [175] следует знаменательный глагол, например: *m ir snd* "не бойся"; в коптском языке оборот *m ir* сохранился в виде **мнр**²⁷;
- 3) посредством оборота *m rdi*, стоящего перед формой *sdm.f* знаменательного глагола; *m rdi* точно передается русским «пусть не», например: *m rdi šm.n* "пусть не пойдём мы".

§ 38. НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В египетском языке неопределенное наклонение — это отглагольное существительное, обозначающее действие или состояние. Неопределенная форма имеет грамматический род, о чем уже говорилось при классификации глаголов²⁸.

Выступая как существительное, неопределенное наклонение может быть подлежащим в предложении, например: *nfr wrt mʒʒ r ht nbt* "гораздо лучше видеть (это), чем что-либо"; здесь неопределенная форма *mʒʒ* "видеть" (букв. "видение") является подлежащим. Эта форма бывает также и прямым дополнением некоторых глаголов: *ʒb* "прекращать"; *ʒbi* "желать"; *wḥm* "повто-

²⁷ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 300.

²⁸ В новоегипетском языке неопределенное наклонение всех глаголов при употреблении в роли повествовательной глагольной формы — только мужского рода.

рять", *wḏ* "приказывать", *m33* "видеть", *mri* "любить", *rh* "знать", *snd* "бояться", *sh3* "помнить", *š3* "приказывать", *š3c* "начинать", *k3i* "замышлять", *rđi* "давать", *dd* "говорить" и др., например: *wḏ hm.f sḥc wḏ pn* "приказало его величество установить плиту эту". В данном примере неопределенное наклонение глагола *sḥc* "установить" имеет двойную природу: по отношению к глаголу *wḏ* "приказывать" оно играет роль существительного (прямого дополнения). По отношению к последующим словам *wḏ pn* "плиту эту" неопределенное наклонение *sḥc* выступает в роли глагола, так как слова *wḏ pn* "плита эта" являются прямым дополнением к *sḥc*. Предложения такого типа широко распространены и в русском языке. Как существительное, неопределенное наклонение в египетском языке подчиняется грамматическим правилам, распространяющимся на существительные: оно может иметь артикль, стоять в косвенном родительном падеже и т.д., например: *w3t nt prt* "дорога выхода"; форма *prt* "выход", букв. "выхождение" — неопределенное наклонение глагола *prī*.

Вместе с тем неопределенное наклонение часто употребляется в качестве глагола. При этом у него иногда бывает [176] свое логическое подлежащее и свое грамматическое прямое дополнение. Логическим подлежащим неопределенного наклонения является лицо или предмет, от которого исходит действие. Это подлежащее присоединяется к неопределенному наклонению посредством предлога *in*, например: *rdit in hm.f* "приказал его величество" (букв. "приказывание его величеством"). Логическое подлежащее-местоимение при неопределенном наклонении может передаваться местоименным суффиксом, например: *m prt.f* "когда выходил он" (букв. "при выходе его"); изредка оно выражается независимым местоимением, следующим за глаголом, например: *dd ntsn* "они говорили" (букв. "говорение с их стороны"). Здесь уместно сказать, что этот оборот с предшествующим предлогом *hnḥ* "вместе с", "с", т.е. *hnḥ sdm ntf*, букв. "вместе со слушанием с его стороны" — предтеча новоегипетского и коптского конъюнктива²⁹, особой формы глагола, которая в каждом данном случае приобретает грамматическое значение предшествующей ей глагольной формы, продолжая и развивая ее.

Грамматическим дополнением неопределенного наклонения может быть существительное или местоименный суффикс, но не зависимое местоимение (об исключении см. ниже). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в восприятии египтян местоименный суффикс после неопределенного наклонения имел точно такое же значение, как и после существительного, т.е. выражал притяжательность. Таким образом, внешне нет никакой разницы между формами *gmt.f* "находить его" (букв. "нахождение его") и *pr.f* "дом его".

Возникает вопрос, как можно установить, чем является местоименный суффикс и существительное, непосредственно идущие за неопределенным наклонением, — его логическим подлежащим или грамматическим дополнением?

Для ответа следует руководствоваться следующими двумя правилами:

1. При неопределенном наклонении непереходных глаголов местоименный суффикс или существительное служат логическим подлежащим, так как по своей природе непереходные глаголы прямого дополнения не имеют, например: [177] *m prt.f* "при выходе его"; *m prt sm* "при выходе жреца".

2. При неопределенном наклонении переходных глаголов местоименный суффикс и существительное играют роль его грамматического дополнения, например: *wrw hr hst.i* "вельможи восхваляют меня" (прямое дополнение — суффикс *i*); *sḥc wḏ pn* "установить плиту эту".

Однако из второго правила есть исключения: местоименный суффикс и существительное после неопределенного наклонения переходных глаголов могут быть не грамматическим дополнением, а логическим подлежащим при условии, что указано и дополнение, например: *grh pf n irt Ist i3kb*, букв. "ночь эта делания Исидой траура", после неопределенного наклонения глагола *irt* "делать" логическим подлежащим является *Ist* "Исида", грамматическим дополнением *i3kb* "траур". Другой интересный пример: *rdit.f sw r rpḥt h3tj-c*, букв. "назначение им его в царевичи". Здесь логическое подлежащее у неопределенного наклонения переходного глагола *rdit*

²⁹ A. Gardiner, *An Egyptian split infinitive and the origin of the Coptic conjunctive tense*, — JEA, vol. 14, 1928, pp. 86–96; J. Černý, *On the origin of the Egyptian conjunctive*, — JEA, vol. 35, 1949, pp. 25–30. — Другой точки зрения придерживается Г. Матха (G. Mattha, *The Egyptian conjunctive*, — BIFAO, t. 45, 1947, pp. 43–55).

"давать" — местоименный суффикс *f*, а грамматическое дополнение — зависимое местоимение *sw*³⁰.

Из последнего примера видно, что в тех случаях, когда местоименное дополнение неопределенного наклонения не следует за ним непосредственно, оно передается не суффиксом, а зависимым местоимением. Это вполне понятно, так как суффикс не может употребляться самостоятельно.

Нужно указать, что в новоегипетском языке логическое подлежащее неопределенного наклонения выражается притяжательным местоимением, предшествующим неопределенному наклонению, например: *ih p3j.k ijt m-s3.i* "что (значит) твое хождение за мной?" Таким образом, это притяжательное местоимение определяет неопределенное наклонение, и поэтому последнее здесь явно субстантивировано.

Часто неопределенное наклонение употребляется с предшествующими предлогами. Так, с предлогом *hr* "на" оно передает сопутствующее действие (выражаемое в русском языке деепричастием): *ist hd.n hm.f hr h3k dmiw* "вот отправился на север его величество, грабя города". Здесь *hr h3k* буквально значит «на ограблении».

С предшествующим предлогом *r* неопределенное наклонение выражает цель, например: *r sdm* "чтобы слушать". Встречаются перед неопределенным наклонением и другие предлоги, например: *m ht* "после того как". В ложноглагольной [178] конструкции неопределенному наклонению всегда предшествуют предлоги (*hr*, *r* или *m*).

Необходимо сказать несколько слов о залоге неопределенного наклонения. Б. Ганн считал, что в среднеегипетском языке, как и в европейских языках, неопределенное наклонение может стоять и в действительном и в страдательном залогах (ср. русское «любить» — «быть любимым») ³¹. Однако, по правильному указанию В. Вестендорфа, египетское неопределенное наклонение имеет номинальный характер и по своей сущности к залогам нейтрально ³².

В роли существительного наряду с неопределенным наклонением в текстах изредка встречается форма, названная «*nomen actionis*», которая также является отглагольным существительным, обозначающим действие или состояние. Она может отличаться от неопределенного наклонения грамматическим родом, например, слабый глагол *hmsi* имеет неопределенное наклонение — *hmst* женского рода, а *nomen actionis* того же глагола — *hms* мужского рода. Как сказуемое эта форма не употребляется. Иногда она служит прямым дополнением глагола того же корня, например: *ind hr.k wbn.k wbnt* "привет тебе, когда восходишь ты восходом".

По мнению Т. Тэкера, в египетском языке две формы неопределенного наклонения, причем вторая — одна из древнейших форм египетского глагола, называемая им «второй инфинитив», — никогда не видоизменялась, не сопровождалась суффиксами и была носителем понятия, выражаемого глаголом. Т. Тэкер полагает, что изредка встречающиеся глагольные формы, которые рассматриваются как *sdm.f* без подлежащего, являются этим вторым инфинитивом, например: *hcn g.n.f t.f nbt im.s nhm 3w.f sck r spt.f*, букв. "тогда он побил члены все его ею, отнял ослов его, погнал (их) в усадьбу свою". Здесь глаголы *nhm* и *sck*, согласно Т. Тэкеру, представляют собой «второй инфинитив», употребленный в качестве повествовательной формы ³³.

Сходные явления отмечены и А. Гардинером. Однако, приводя ряд примеров, он объясняет их как эллипс, т.е. выпадение подразумеваемого подлежащего. Точка зрения А. Гардинера подкрепляется тем, что без подлежащего глагол встречается не только в форме *sdm.(f)*, но и в других формах суффиксального спряжения, имеющих формант, [179] например: *rdi.in* "заставили (они)" (как известно, такие формы не могут быть неопределенным наклонением) ³⁴. Но наряду с бесспорными эллипсами подлежащего теоретически возможны случаи употребления «второго инфинитива». Положение Т. Тэкера пока может быть принято только как гипотеза. Для подтверждения ее необходимы скрупулезные изыскания.

³⁰ Gardiner, *Grammar*, § 301.

³¹ B. Gunn, *Studies in Egyptian syntax*, p. 66.

³² W. Westendorff, *Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter*, S. 140.

³³ T. W. Thacker, *The relationship*, pp. 142–143.

³⁴ Gardiner, *Grammar*, § 486.

§ 39. ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

С полным основанием морфология и синтаксис обычно трактуется как два больших самостоятельных отдела грамматики. Однако в ряде языков провести между ними четкое различие невозможно³⁵.

В египетском языке морфология и синтаксис тесно переплетаются между собой. Это необходимо иметь в виду при изучении египетского синтаксиса.

Египетское предложение включает: 1) подлежащее, 2) сказуемое, 3) определение, 4) прямое дополнение (объект), 5) косвенное дополнение, 6) обстоятельство.

Одни предложения имеют все эти члены, другие — только некоторые из них. Член предложения состоит из одного или из нескольких слов. В первом случае он называется простым членом предложения, во втором — составным. Каждый член предложения может быть представлен разными частями речи. Так, подлежащим бывают: 1) существительное; 2) субстантивированное прилагательное (качественное и нисба); 3) независимое местоимение; 4) зависимое местоимение с предшествующей частицей; 5) местоименный суффикс глагола; 6) специальное суффиксальное окончание старого перфекта; 7) неопределенное наклонение глагола; 8) указательные местоимения *pw*, *nt*; 9) количественные числительные и т.д.

Междометия, а также служебные части речи — частицы и предлоги — не являются самостоятельными членами предложения. Но предлоги могут быть составным элементом отдельных самостоятельных членов предложения, например, предлог в сочетании с неопределенным наклонением знаменательного глагола часто служит адвербиальным сказуемым. [180]

Вообще вопрос о частях речи как членах предложения, несмотря на существенное его значение, — один из наименее разработанных вопросов египетского синтаксиса.

В основу структурной классификации предложений принято брать природу сказуемого. В роли сказуемого в египетском предложении выступают: 1) все формы глагола; 2) прилагательные (только качественные) и их эквиваленты (например, причастия); 3) существительные; 4) независимые и притяжательные местоимения; 5) вопросительные местоимения; 6) наречия и адвербиальные обороты.

В соответствии с этим предложения разделяются на следующие типы:

I. Глагольные.

II. Ложноглагольные.

III. Неглагольные:

1) с адвербиальным сказуемым;

2) со сказуемым-существительным (или местоимением);

3) со сказуемым-прилагательным.

В глагольных предложениях сказуемое-глагол выражается формами суффиксального спряжения или формой старого перфекта, когда он употребляется самостоятельно и имеет повествовательное значение.

Порядок слов в подобном предложении строго определен. Если подлежащее, прямое и косвенное дополнения — существительные, то порядок членов предложения такой: сказуемое, подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение и обстоятельство. В глагольном предложении на первом месте обычно стоит сказуемое-глагол, а на последнем — обстоятельство. Место подлежащего, прямого и косвенного дополнений зависит от того, какими частями речи представлен каждый из этих членов. Здесь есть одна закономерность: зависимые местоимения в своем стремлении переместиться ближе к сказуемому-глаголу имеют преимущество перед существительными, а местоименные суффиксы после предлога — перед зависимыми местоимениями, иначе говоря, член предложения, выраженный местоименным суффиксом, стоит перед членом предложения, выраженным зависимым местоимением, а этот в свою очередь стоит перед членом предложения — существительным.

Проиллюстрируем порядок членов глагольного предложения несколькими примерами (сказуемое-глагол в действительном залоге, обстоятельство опущено):

³⁵ Г. Глисон, *Введение в дескриптивную лингвистику*, пер. с англ. М., 1959, стр. 184.

h3b sš sn n nb.f "посылает писец брата к господину [181] своему". Здесь подлежащее, прямое и косвенное дополнения — существительные;

h3b sw sš n nb.f "посылает его писец к господину своему". Здесь прямое дополнение-зависимое местоимение стоит перед подлежащим и косвенным дополнением, которые выражены существительным;

h3b n.f sw sš "посылает к нему его писец". В этом предложении косвенное дополнение-местоименный суффикс стоит перед прямым дополнением — зависимым местоимением, за которым следует подлежащее-существительное;

h3b.f sn n nb.f "посылает он брата к господину своему". Здесь подлежащее — местоименный суффикс стоит перед другими членами предложения, выраженными существительным;

h3b.f n.k sw "посылает он к тебе его". В этом примере подлежащее — местоименный суффикс стоит перед косвенным дополнением — местоименным суффиксом, за которым следует прямое дополнение — зависимое местоимение.

При сказуемом-глаголе в страдательном залоге эти правила сохраняются, исключения крайне редки и объясняются тем, что формальное соблюдение правила может затемнить смысл высказывания. Например, в предложении *dmd.t(w) n Spi pn 3bt.f* "присоединяют к Сепи этому семью его", согласно правилу, прямое дополнение *3bt.f* "семью его" должно предшествовать косвенному дополнению *n Spi pn* "к Сепи этому", но в таком случае получалась бы фраза "присоединяют семью его к Сепи этому", где смысл выражен нечетко: неясно, о чьей семье идет речь.

По этой же причине обстоятельственные слова иногда перемещаются с конца предложения ближе к той его части, к которой они непосредственно относятся, например: *rdi.n.i hknw hr mrjt n nb n iw pn* "воздал я хвалу на берегу господину острова этого". Здесь обстоятельственные слова *hr mrjt* "на берегу" передвинуты.

Без всякого нарушения порядка слов в предложение могут быть включены в качестве вставок отдельные слова и выражения.

Нормальный порядок членов глагольного предложения бывает изменен при эмфазисе — логическом ударении на каком-либо из членов предложения. Эмфазис часто осуществляется посредством энклитических или неэнклитических частиц, например: *m3.n.i r.i* "видел я". Здесь энклитическая частица *r.i* усиливает суффикс в глагольной форме *m3.n.i*. В предложении *mk ph.n.n hnw* "вот, мы достигли резиденции" неэнклитическая частица *mk* "вот" привлекает внимание к следующим далее словам. Однако при таком методе [182] эмфазиса порядок слов не нарушается. Изменение порядка членов глагольного предложения происходит при усиленном методе эмфазирования — антиципации (предварении) того члена предложения, на который делается логическое ударение. Этот член предложения перемещается в начало предложения, а на его место ставится местоимение. Таким образом, эмфазированный член предложения упоминается дважды: в начале фразы и затем в виде местоимения там, где ему надлежало быть по правилам египетского синтаксиса. Например: *mk wi pr.n.i* "я, вышел я"; *t3.n ph.n sw* "земля наша, достигли мы ее"; в первом примере предварено подлежащее, во втором — прямое дополнение.

В ложноглагольных предложениях подлежащее и сказуемое тесно связаны между собой ложноглагольной конструкцией. Последняя часто начинается подлежащим. Им бывает существительное, зависимое местоимение или местоименный суффикс, который всегда прикреплен к предшествующему вспомогательному глаголу (*iw, wnn, h^c* — эти глаголы могут предшествовать и подлежащему-существительному). После подлежащего стоит сказуемое — предлог (*hr, m, r*) с неопределенным наклонением или старый перфект.

Второстепенные члены ложноглагольного предложения следуют за ложноглагольной конструкцией в том же порядке, что и в глагольных предложениях.

В зависимости от природы сказуемого — неопределенное наклонение или старый перфект — ложноглагольные конструкции, а, значит, и ложноглагольные предложения бывают двух видов.

В ложноглагольных конструкциях со сказуемым — неопределенным наклонением чаще всего применяется предлог *hr*. Значительно реже встречаются предлоги *m* (преимущественно перед глаголами движения) и *r*. (обычно выражает будущее время).

Местоименным подлежащим в таких предложениях могут быть только зависимое местоимение и местоименный суффикс.

Примеры: *sš hr sdm* "писец слушает (слушал)" (букв, "писец на слушании"); *sš r sdm* "писец будет слушать" (букв, "писец к слушанию"); *m.k tw hr sdm* "вот, ты слушаешь (слушал)" (букв, "вот, ты на слушании"); *iw.f hr sdm* "он слушает (слушал)" (букв, "есть он на слушании"); *iw.f r sdm* "он будет слушать" (букв, "есть он к слушанию"). [183]

Если ложноглагольные конструкции со сказуемым — неопределенным наклонением в какой-то мере передают динамическое действие, то конструкции со старым перфектом преимущественно выражают результат действия глагола и вообще статическое состояние. Примеры ложноглагольных предложений со сказуемым — старым перфектом: *iw ntr pn wd3 tn htp* "бог этот отправился в мире"; *pt t3.t(i)* "небо пылающее"; *mk sw pr(w)* "вот, он вышел" (букв, "вышедши"); *mšc pr(w)* "войско вышло" (букв, "вышедши").

По своей структуре ложноглагольные предложения сходны с рассматриваемыми ниже неглагольными адвербиальными предложениями, у которых сказуемым служит наречие или адвербиальный оборот — предлог с существительным. Предлог с последующим неопределенным наклонением (т.е. отглагольным существительным) в ложноглагольных предложениях внешне ничем не отличается от предлога с существительным в адвербиальных предложениях. Старый перфект в роли сказуемого ложноглагольного предложения является также адвербиальным сказуемым, выражая обстоятельства. Таким образом, ложноглагольные предложения — это переходная ступень от глагольных предложений к неглагольным. Следует отметить, что в новоегипетском языке предлоги перед неопределенным наклонением, как правило, опущены, например среднеегипетское *iw.f hr sdm* и новоегипетское *iw.f sdm*.

Из неглагольных предложений наиболее распространены адвербиальные предложения. В таких предложениях подлежащее — существительное, зависимое местоимение, местоименный суффикс, указательное местоимение, числительное — предшествует сказуемому, которым служит, как уже упоминалось, наречие или предлог с существительным. Например: *r^c m pt* "солнце на небе". Адвербиальное предложение не имеет временного значения и может относиться к прошедшему, настоящему и будущему. В среднеегипетском языке подлежащему — зависимому местоимению в этих предложениях предшествует неэнклитическая частица. Если предложение начинается вспомогательными глаголами *iw* или *wpn*, то местоименное подлежащее выражается суффиксом при этих глаголах, в таких случаях играющих роль копулы (связки), например: *iw.f m pr* "есть он в доме". Адвербиальные предложения не передают действия, они лишь констатируют факты.

В неглагольных предложениях с предикативным прилагательным в роли сказуемого выступают только качественные прилагательные; сказуемое в этих [184] предложениях никогда не изменяется и предшествует подлежащему — существительному, зависимому или указательному местоимению. Если же подлежащим является независимое местоимение 1-го лица единственного числа *ink*, то предикативное прилагательное следует за ним, например: *ink nfr* "я хорош". Местоименное подлежащее после предикативного прилагательного выражается зависимым местоимением.

Эквивалентом предикативного прилагательного иногда бывает причастие. Особо надо отметить причастную конструкцию, в которой после подлежащего — существительного с предшествующей частицей *in* или независимого местоимения — стоит перфектное или имперфектное причастие. Перфектное причастие служит для выражения прошедшего и, изредка, настоящего, времени: имперфектное для передачи настоящего, иногда прошедшего и будущего. Например: *in hm.f rdi ir.t(w.f)* "это его величество приказал сделать это".

Обычное предложение с предикативным прилагательным передает состояние или качество безотносительно ко времени; причастная конструкция в какой-то мере выражает динамику действия.

Предложения со сказуемым — существительным или независимым и вопросительным местоимением — имеют подлежащим существительное или независимое местоимение. Такое предложение, как правило, начинается с подлежащего, например: *ink sš* "я писец". Однако, когда рядом стоят два существительных, не всегда легко различить подлежащее и сказуемое. В таких случаях нужно руководствоваться тем, что подлежащее — это абсолютно определяемое слово. Например, в предложении *Ddi rn.f* "Джеди — имя его" слово «Джеди» разъясняет и определяет слова «имя его», поэтому «Джеди» — сказуемое, а «имя его» — подлежащее.

В подобных предложениях нередко встречается конструкция с подлежащим — указательным местоимением *pw*, стоящим после именного сказуемого, например: *hf3w pw* "змея это", *R pw* "Ра это".

Завершив краткий обзор египетских предложений с точки зрения их структуры, укажем на различия между ними по смыслу.

Египетский язык обладал многочисленными средствами для передачи сложных мыслей и чувств. Предложения бывают утвердительными, отрицательными, вопросительными, повелительными, пожелательными и т.д.

Довольно часто в египетских текстах встречается прямая речь. Обычно она вводится словами *dd.f* "говорит [185] (говорил) он", *r dd* "говоря", *m dd* "в речи", *hn^c dd* "и говоря" и др., за которыми в новоегипетском иногда следует непере译имое *r ntt*.

Для передачи косвенной речи египетский язык не выработал специальных приемов, и здесь нередко наблюдается путаница³⁶. Признаком косвенной речи иногда служит стоящий в главном предложении глагол *dd* "говорить", от которого зависит придаточное дополнительное предложение, передающее то, что говорит лицо, упомянутое в главном предложении, например: *dd.n.f^ch3.f hn^c.i* "сказал он, (что) будет он сражаться со мной".

§ 40. СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОСТЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ И СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Так как в египетском языке союзов почти не было, то сочинительная связь между простыми предложениями осуществлялась путем прямого примыкания одного предложения к другому. При сочинительной связи предложения равноправны, хотя и могут быть связаны каким-то общим смыслом, например: *shpr.n.i ht ir.n.i sb n sdt n ntrw* "произвел я огонь (и) сделал я жертву всеожжения богам".

Значительно труднее вопрос о таких сложных предложениях, которые состоят из главного предложения и одного или нескольких придаточных, образующих с ним единое смысловое целое.

В тех случаях, когда придаточные предложения вводятся определенными словами, их легко отличить от главного.

Например, в предложении *wd hm.f s^cd mr pn m-ht gmt.f sw db3w m inrw* "приказал его величество прокопать канал этот, после того как нашел он его заваленным камнями" предлог *m-ht* "после того как" вводит придаточное предложение времени, подчиненное главному. Однако в египетском языке подобные слова встречаются далеко не всегда. Поэтому такое формальное различие между главным и придаточным предложениями, являющееся краеугольным камнем синтаксиса русского и многих других языков, не характерно для египетского языка³⁷.

Обычно и при подчинительной связи предложения просто примыкают друг к другу, причем по смыслу одно предложение поясняет или дополняет другое. Подобные предложения [186] принято называть придаточными, хотя таковыми они являются лишь по значению. Тем самым в египетскую грамматику вносится понятие, свойственное грамматикам других языков. А. Гардинер определяет такое предложение как фактическое подчиненное предложение (virtual subordinate clause)³⁸. Думается, наиболее точным был бы термин «вспомогательное предложение». Однако для ясности приходится сохранять общепринятое название — придаточные предложения.

Определение сложноподчиненных предложений и их классификация — один из наиболее трудных и не вполне решенных вопросов общего языкознания (вообще, надо сказать, что теория сложного предложения разработана еще очень мало). Может быть, наиболее верен взгляд В. А. Богородицкого, считающего, что «во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны... Став на эту точку зрения, исследователь должен стремиться к тому, чтобы бестенденциозно определить типы связей или отношений между обеими частями

³⁶ Gardiner, *Grammar*, § 224; Fr. Hintze, *Untersuchungen zu Stil und Sprache neuägyptischer Erzählungen*, Berlin, 1950–1952, Ss. 171–173.

³⁷ Lefebvre, *Grammaire*, § 578.

³⁸ Gardiner, *Grammar*, § 182.

сложных предложений и способов формального обозначения этих связей в речи (включая сюда и отсутствие соединяющих слов, равно как порядок слов и интонацию)»³⁹. Однако В. А. Богородицкий не указывает никаких конкретных формальных признаков и критериев, которые дали бы возможность с достаточной точностью определить сложноподчиненные предложения или классифицировать их.

Руководствуясь этими соображениями В. А. Богородицкого при определении сущности главного и придаточного предложений, нужно принять во внимание, что главное предложение повествует о каком-то событии или описывает какой-то факт, а придаточное предложение определяет один из членов главного предложения либо все главное предложение в целом. Следовательно, придаточные предложения являются определяющими, а главные — определяемыми. Казалось бы, никакое придаточное предложение не может выступать в роли подлежащего, ибо подлежащее — это нечто абсолютно определяемое, само не являющееся определением. Однако такая точка зрения признана далеко не всеми. Во многих грамматиках (и русских, и египетских) некоторые придаточные предложения рассматриваются как [187] подлежащее главного⁴⁰. Так, Н. С. Петровский, приводя пример *hpr is iwd.k tw r s.t tn* "произойдет же, (что) ты расстанешься с этим местом", объясняет придаточное предложение *iwd.k tw r s.t tn* как подлежащее сказуемого-глагола *hpr* "случаться", "становиться".

Н. С. Петровский, развивая мысли А. Гардинера, попытался классифицировать сложноподчиненные предложения в египетском языке⁴¹. Он делит их на одночленные и двучленные.

К первым, по его мнению, относятся сложные предложения, в составе которых придаточное выполняет функцию какого-либо члена главного предложения. Н. С. Петровский приводит пример: *rdi.i rh.k tw* "дам я, (чтобы) ты познал себя" (букв. "дам я познаешь ты себя") и считает, что здесь придаточное предложение несет функцию прямого дополнения главного предложения.

Двучленным предложением Н. С. Петровский называет такое сложноподчиненное предложение, в составе которого и главное и придаточное имеют главные члены предложения, например: *m3 wi r-s3 s3h.i t3* "посмотри на меня, после того как я достиг земли".

Основная мысль А. Гардинера и Н. С. Петровского — деление сложноподчиненных предложений на одночленные и двучленные — очень интересна и плодотворна. Однако эта схема пока недостаточно выявляет различия между одночленными и двучленными предложениями. Так, в обеих частях одночленного сложноподчиненного предложения *rdi.i rh.k tw* — и в главном, и в придаточном предложениях имеются свои главные члены (*rdi.i* "дам я" *rh.k tw* "познаешь ты себя"). Значит, с этой точки зрения оно ничем не отличается от двучленного предложения. Что же касается приведенного двучленного предложения, то придаточное *r-s3 s3h.i t3* "после того как я достиг земли" может рассматриваться как член главного предложения — обстоятельство.

Поэтому в определение двух типов сложноподчиненных предложений необходимо внести уточнения. Предлагаемая схема несколько развивает и конкретизирует идеи Н. С. Петровского:

1. Одночленными сложноподчиненными предложениями называются предложения, в которых придаточное [188] выполняет роль подлежащего или прямого дополнения главного предложения. Как видим, эта формулировка соответствует формулировке Н. С. Петровского. Если придаточное предложение является дополнением, то оно зависит от таких глаголов, как *wd* "приказывать", *dd* "говорить" и др.⁴².

2. В двучленных сложноподчиненных предложениях придаточные выполняют функции определения или обстоятельства главного предложения, относясь к одному из его членов или ко всему главному предложению в целом. Придаточными предложениями, выполняющими функции определения, могут служить относительные предложения или такие, которые имеют значение прилагательного. Обстоятельственными предложениями бывают предложения самого

³⁹ В. Л. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, М.—Л., 1935, стр. 229, прим. 1.

⁴⁰ «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, часть 2-я, М., 1954, стр. 294 и сл.; Gardiner, *Grammar*, § 188; Lefebvre, *Grammaire*, § 688; Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 203.

⁴¹ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 202.

⁴² См. Н. С. Петровский, *Египетский язык*, § 203.

разнообразного типа — временные, условные, сравнительные, причинные, целевые, следствия, уступительные, ограничительные.

Предлагаемое здесь определение четко разграничивает двучленные и одночленные сложноподчиненные предложения.

Обычно придаточное предложение следует за главным, исключение составляют условные придаточные предложения, предшествующие главному.

§ 41. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

В заключение нужно подвести некоторые итоги и установить, какими грамматическими способами пользовался египетский язык.

1. Сложение (использовалось в словообразовании). При сложении одна корневая морфема соединяется с другой полной или усеченной корневой морфемой, в результате чего образуется новое сложное слово. Этот результат не всегда механический, т.е. дающий сумму значений слагаемых элементов. Он может быть и фузионным; в таком случае значение нового сложного слова не равно сумме значений слагаемых элементов, например: *st* "место" + *drt* "рука" = *st drt* "ловкость" в выражении *rh st drt* "знающий место руки", т.е. "ловкий".

2. Ударение. Несмотря на нашу весьма слабую осведомленность в вокализации египетского языка, все же [189] можно полагать, что ударение играло существенную роль в некоторых грамматических формах. Например, как уже отмечалось, в прямом «родительном падеже» управляющее слово из *status absolutus* переходило в *status constructus*, и ударный гласный звук его подвергался редукции; в управляемом же слове ударение оставалось без изменений⁴³. Однако в завершённом виде это явление засвидетельствовано только в коптском языке.

3. Повторы. В египетских текстах повторы встречаются довольно часто. Обычно в текстах они выражаются формулой *sp snw* "два раза", непосредственно следующей за словом, которое нужно повторить. Само это слово выписывается только один раз. Повторы передают усиление и могут иногда выражать превосходную степень прилагательного или наречия; в таких случаях они переводятся на русский язык наречием «очень».

4. Интонация. Сведения об интонации, связанной, как и ударение, с вокализацией египетского языка, также очень ограничены. Все же несомненно, что интонация, относящаяся к целой фразе, играла в предложении важную роль. Это доказывают вопросительные предложения, которые не содержат вопросительных слов и вопросительный характер которых, можно выявить только из контекста. Видимо, такие предложения должны были отличаться интонацией.

5. Супплетивизм. В египетском языке супплетивизм почти отсутствует. Он имеется лишь у глаголов *rdi* "давать" и *ij, iw* "приходить", которые, однако, очень распространены. Повелительное наклонение этих глаголов образовано от других корней: повелительная форма глагола *rdi* — *imi*, глаголов *ij* и *iw* — *mi*. Следует напомнить также, что вспомогательный глагол *iw* применяется лишь в безличной форме *iw* и форме *s $\underline{d}$ m.f* и что вспомогательный глагол *wnn* выполняет функции недостающих форм глагола *iw*.

6. Аффиксация. В египетском языке аффиксация встречается очень часто и имеет большое значение. Египетский язык пользуется только одним видом аффиксов — местоименными суффиксами, которые употребляются с существительными, прилагательными, глаголами и предлогами. Как уже упоминалось, местоименные суффиксы никогда не изменяются и присоединяются к корням чисто механически, например: *s $\underline{d}$ m.f*.

В отдельных случаях между корнем глагола и суффиксом [190] стоят форманты, также чисто механически присоединяющиеся к корню, например: *s $\underline{d}$ m.n.f*, *s $\underline{d}$ m.in.f*, *s $\underline{d}$ m.hr.f*.

Следовательно, эта аффиксация — агглютинативного типа.

Подобная аффиксация наблюдается в языках многих народов Азии, Африки и островов Тихого океана.

7. Внутренняя флексия. Из-за безгласности египетского письма внутренняя флексия в текстах не отражена. Египетский язык относится к группе семито-хамитских языков, в которых корневые гласные глагола изменяются в зависимости от его грамматической формы.

⁴³ Gardiner, *Grammar*, § 85, pp. 431–432.

А. Гардинер и Г. Тэкер (подробно рассматривающий эту проблему) считают внутреннюю флексию несомненной⁴⁴.

8. Служебные слова. Выражение значений при помощи служебных слов — один из основных грамматических способов египетского языка. Посредством служебных слов передается значение предложений (отрицательное, условное, желательное и т.д.), а также отношение знаменательного слова к другим словам, т.е. устанавливаются синтаксические связи в предложении. Так, если латинская форма *patris* "отца" указывает на единственное число и родительный падеж, то египетская форма *it* "отец" выражает лишь единственное число. Отношение же этого слова к другим словам можно установить только при помощи служебных слов: служебное прилагательное *n(j)* в сочетании с формой *it — n(j) it* — передает «родительный падеж», а предлог *n* в сочетании с формой *it* указывает на «дательный падеж», т.е. *n it* соответствует латинскому *patri* "отцу".

9. Порядок слов в предложении. В египетском языке существует строгий порядок слов, также являющийся одним из основных способов выражения грамматических значений. Некоторые связи в предложении передаются исключительно посредством порядка слов. Если латинская форма *patrem* (винительный падеж единственного числа) сама по себе показывает, что *patrem* в предложении служит прямым дополнением переходного глагола, то по египетской форме *it*, взятой вне контекста, нельзя узнать, играет она роль подлежащего или прямого дополнения, так как ни подлежащее, ни дополнение не сопровождаются служебными частями речи. Только порядок слов может указать на роль этой формы в предложении. [191]

---

⁴⁴ Gardiner, *Grammar*, § 268–272; T. W. Thacker, *The relationship*; J. Vergote, *Vocalisation et origine du système verbal égyptien*, — CdE, année 31, 1956, pp. 16–51.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЯЗЫКА

§ 42. ПИСЬМЕННЫЙ И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫКИ

История египетского языка тесно связана с историей страны и ее культуры. Ж. Вандриес правильно отметил, что возникновение, развитие и упадок общих языков управляются историческими причинами, лежащими вне языка¹.

Египет на протяжении всей своей истории, несмотря на временное ослабление политических и социальных связей, неоднократно приводивших страну к децентрализации и упадку, выступал как единая рабовладельческая централизованная монархия. Это и явилось решающим социально-экономическим и политическим фактором, способствующим существованию общего языка.

Как уже отмечалось, за три с половиной тысячелетия египетский язык прошел несколько стадий развития.

Чем же вызывается смена одного этапа эволюции языка другим? Это станет понятным только в том случае, если учесть сосуществование двух линий развития языка — языка письменного и разговорного. Письменный язык более консервативен, он изменяется медленно и сравнительно мало, так как письмо фиксирует формы и структуру языка, создает прочную традицию. Устная речь в письменных памятниках отражалась сравнительно мало, ее формы и структура не были закреплены, поэтому она изменялась значительно быстрее.

Взаимодействие письменного и разговорного языков обуславливается конкретной исторической обстановкой. В определенный момент в силу каких-либо политических и социальных сдвигов разговорный язык начинает проникать в письменный и постепенно сменяет его. В самом начале этого процесса и в ближайшее к нему время оба языка тождественны. [192] В дальнейшем между ними снова образуются существенные расхождения. Таким образом, те изменения в письменном языке, которые отличают один этап его развития от другого, являются не столько результатом непрерывной эволюции письменного языка, сколько результатом превращения разговорного языка в письменный.

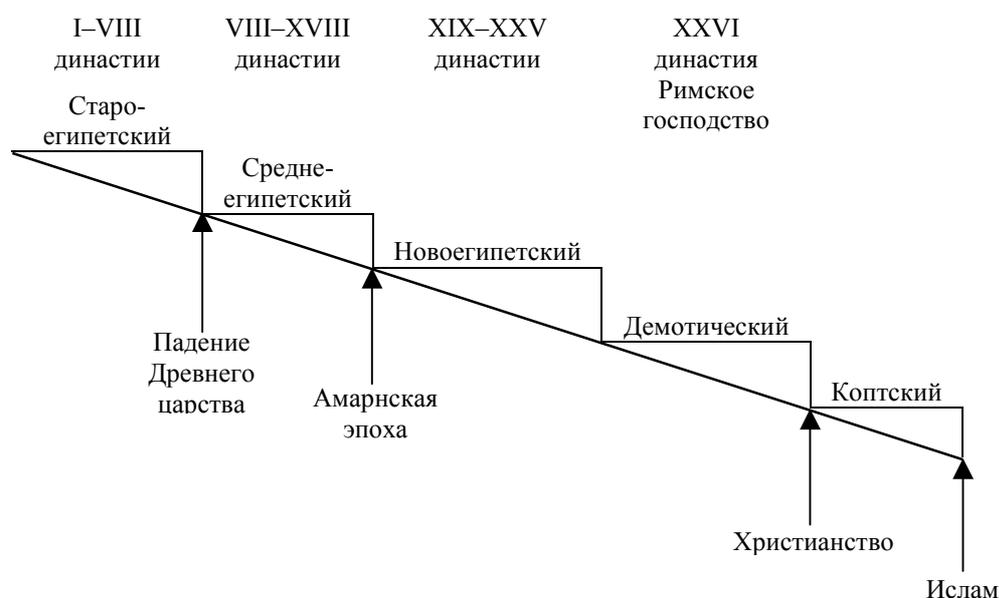

Рис. 4

¹ Ж. Вандриес, *Язык*, пер. с франц., М., 1937, стр. 256.

Естественно возникает вопрос: какие конкретные [193] исторические факторы влияют на эту трансформацию в каждом данном случае? К. Зете предложил схему, показывающую связь эволюции письменного языка с историей страны². Она воспроизводится здесь с некоторыми изменениями (рис. 4).

Пунктирные линии обозначают письменный язык, сплошная линия — разговорный (как мы видим, его развитие непрерывно). На схеме показано, что падение Древнего царства и социально-политические сдвиги, последовавшие за этим, вызвали к жизни среднеегипетский письменный язык. Эпоха Амарны способствовала превращению разговорного языка в письменный новоегипетский, а распространение христианства сделало разговорный коптский язык письменным языком христианского Египта. Победа ислама над христианством привела сначала к вытеснению, а потом и полному забвению коптского.

Такова вкратце внешняя история египетского языка. Однако само собой понятно, что великие исторические события не могли ни определять, ни изменять природу египетского языка.

Отличия разных этапов эволюции письменного языка, порой очень существенные, не являются мутациями, ибо языки развиваются не скачками, а постепенно. Эти различия представляются очень большими потому, что в письме отражаются только результаты изменения языка за длительный период. Проследить же постепенный процесс изменений невозможно» так как он совершался в устной речи, до нас почти не дошедшей.

Несколько другую схему развития языка предлагает Б. Стрикер³ (рис. 5).

Весьма важно сказать несколько слов о взаимоотношениях среднеегипетского и новоегипетского языков.

Последний к началу Нового царства, по-видимому, уже постоянно применялся в деловых документах и корреспонденции. Начиная с XIX династии новоегипетский язык широко распространяется в официальных надписях и даже в религиозных текстах, становясь господствующим языком эпохи. Однако наряду с новоегипетским, а позже и наряду с демотическим, продолжал употребляться среднеегипетский язык. Аналогичную картину мы видим в истории китайского языка. [194]

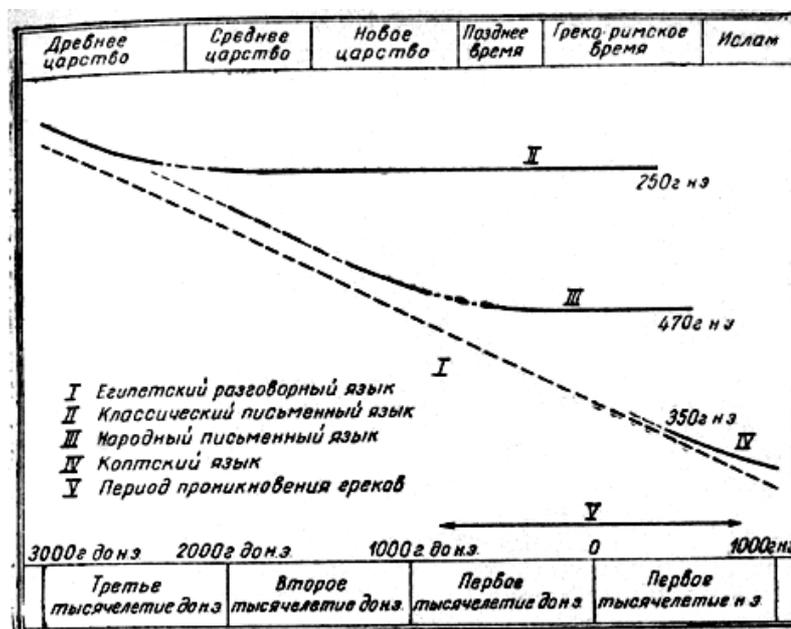

Рис. 5

«Литературным языком феодального Китая был так называемый вэньянь — язык старой литературы... Грамматические формы, стилистические и лексические нормы вэньяня сохранились, консервировались, а язык живого общения, разговорный язык, развивался и изменялся... Все увеличивающийся разрыв между формами письменного литературного языка и разговор-

² К. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch and seine Lehren für die Geschichte der ägyptischen Sprache* — ZDMG, Bd. 79, 1925, S. 315.

³ В. Н Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, Leiden, 1945, S. 36.

ным языком народа в силу изменений, происшедших в живой народной речи, достиг исключительно большой степени в период маньчжурской (Цинской) династии (1644 – 1911). Уже в XII–XIII вв. из-за указанных расхождений наряду с литературой на вэньяне начинает появляться довольно многочисленная литература, написанная на языке, близком к разговорной речи... Новый письменный язык в противовес вэньяню был назван байхуа... Оба литературных языка сосуществовали в течение нескольких столетий»⁴. [195]

§ 43. ДИАЛЕКТЫ

Нет сомнения, что разговорный язык распадался на диалекты и существовал лишь в их форме. Однако вопрос об египетских диалектах не разработан. Попытки обнаружить диалектальные различия до сих пор терпели неудачу. Выводы К. Пиля, написавшего специальное исследование о следах диалектов в Большом папирусе Харрис⁵, оказались неверными. Как доказал А. Эрман, различия, имеющиеся в этом тексте, палеографического, а не диалектального характера⁶.

Следы диалектов пробовали найти и в демотических текстах,

В 1882—1883 гг. французский ученый А. Байэ, сопоставив два демотических документа приблизительно одного и того же времени (из Мемфиса и из Фив), обнаружил между ними различия в орфографии, в терминологии и оборотах речи. В этом он усмотрел признаки диалектов⁷. Но кроме Э. Навилля⁸, никто с его выводами не согласился. Намного позднее к этому вопросу вернулся чешский ученый Ф. Лекса⁹. Сравнивая написание отдельных слов коптских диалектов с написанием их демотических эквивалентов, Ф. Лекса заключил, что в демотических текстах римского времени можно уловить диалектальные различия, в птоломеевских же и более ранних демотических текстах это сделать не удастся. Но взгляды Ф. Лекса также не получили признания.

Неудача всех этих попыток объясняется, конечно, не отсутствием диалектов в египетском языке, а тем, что при письме египтяне пользовались общим литературным (или близким к нему) языком, в котором диалектизмы и местные речения почти не отображались. Как отмечает Ж. Вандриес, «любой из диалектов и общий язык — это два языка, расположенные один над другим»¹⁰. Данные теоретического языкознания показывают, что в языках всех более или менее крупных народов существуют разнообразные говоры и диалекты. [196]

Там, где народы или племена, говорящие на одном языке, обитают на обширной территории, диалектальные различия выступают особенно четко и определенно. Именно так, очевидно, было в Египте, протянувшемся длинной и узкой лентой вдоль нижнего течения Нила. Вполне оправдано даже априорное предположение, что диалекты наиболее удаленных одна от другой северной и южной окраин страны имели особенно много различий. Очень ценный материал для изучения этого вопроса предоставляет коптский язык, распадающийся на пять диалектов и на несколько говоров. Любой коптский текст написан на одном из пяти диалектов. Эти диалекты следующие:

1) саидский — главный диалект Верхнего Египта, от арабского названия которого الصعيد "Аль Саид" происходит и наименование диалекта; сокращенно обозначается *S*; раньше назывался фиванским и обозначался *T*;

2) ахмимский (*A₁*) — верхнеегипетский, преимущественно диалект г. Ахмим и его области;

3) субахмимский, иначе асиутский (*A₂*) — верхнеегипетский;

⁴ Н. Н. Коротков, Ю. В. Рождественский, Г. П. Сердюченко, В. М. Солнцев, *Китайский язык*, М., 1961, стр. 8–9.

⁵ К. Piehl, *Dialectes égyptiens retrouvés au papyrus Harris N 1*, Stockholm, 1882.

⁶ A. Erman, *Zur Erklärung des Papyrus Harris*, — SPAW, 1903, Ss. 456–476.

⁷ A. Baillet, *Dialectes égyptiens* — RT, vol. 3, 1882, pp. 32–42; vol. 4, 1883, pp. 12–20.

⁸ E. Naville, *L'écriture égyptienne*, Paris, 1926.

⁹ Fr. Lexa, *Les dialectes dans la langue demotique*, — «Archiv orientální», vol. 6, 1934, pp. 161–172; Fr. Lexa, *Le développement de la langue ancienne égyptienne*, — «Archiv orientální», vol. 10, 1938, pp. 215–272.

¹⁰ Ж. Вандриес, *Язык*, стр. 249.

- 4) фаюмский (*F*) — среднеегипетский; прежде назывался башмурским и обозначался *B*;
5) бохейрский (*B*) — нижеегипетский, название происходит от арабского наименования Нижнего Египта البحيرة "Аль Бохейр"; раньше назывался мемфисским и обозначался *M*.

Наибольшие различия наблюдаются между нижеегипетским бохейрским диалектом и верхнеегипетскими диалектами. В основном они заключаются в фонетических особенностях, преимущественно в вокализме¹¹.

Коптский язык употреблялся как разговорный еще тогда, когда письменным языком был демотический. Отсюда можно сделать вывод о наличии диалектов в то время. А так как коптский и демотический языки восходят к новоегипетскому, то вполне допустимо предположение, что наряду с письменным новоегипетским языком существовали и разговорные диалекты. Правильность подобных догадок подтверждается весьма интересными данными Папируса Анастаси I (строки 28, 6), датированного временем XIX династии. Этот текст содержит полемику двух писцов — Хори и Аменемопе. Хори упрекает своего коллегу в недостаточности познаний, в неумении выражаться правильно и изящно; по мнению Хори, слова Аменемопе непонятны, «они подобны речи человека из [197] Дельты (обращенной) к человеку из Элефантины»¹². Таким образом, писец, по тому времени человек образованный, очевидно хорошо владеющий родной речью, совершенно недвусмысленно говорит о том, что для жителя Нижнего Египта диалект крайнего юга страны был непонятен. Если даже Хори допустил преувеличение, все же остается несомненным существование различий между речью обитателей Дельты и Элефантины.

В связи с этим возникает законный вопрос, нельзя ли рассматривать староегипетский язык как письменное выражение нижеегипетского диалекта, а новоегипетский — как письменное выражение диалектов Верхнего Египта. Ведь староегипетский язык — это письменный язык того времени, когда политический и культурный центр страны находился в Нижнем Египте, новоегипетский же — язык времени расцвета и гегемонии Фив. На этот вопрос ученые отвечают по-разному.

Как указывает Ф. Хинце, различия между бохейрским диалектом и верхнеегипетскими диалектами, несравненно меньше, чем между староегипетским и новоегипетским языками. Предположение о том, что эти этапы развития языка обусловлены различиями диалектов, он отвергает¹³. Ф. Хинце отрицает также гипотезу, выдвинутую много лет назад Г. Масперо; согласно этой гипотезе, новоегипетское койне поглотило старые, существовавшие до этого диалекты и в свою очередь распалось на диалекты, позднюю форму которых мы наблюдаем в коптском языке¹⁴.

По мнению В. Эджертон, староегипетский и новоегипетский языки представляют собой одну линию развития нижеегипетского диалекта. Они имеют общие черты, отсутствующие в среднеегипетском: 1) наличие протетического *i* в императиве глаголов с двусогласными корнями, например: *idd* "говори", *išm* "иди", *iwn* "открой"; 2) употребление именных предложений, в которых роль предиката и субъекта играет существительное (без копулы); 3) применение именной конструкции, где предикатом является существительное (или личное местоимение), а субъектом — указательное местоимение.

Эти подмеченные В. Эджертоном факты очень интересны и безусловно заслуживают дальнейшего детального изучения. [198]

По существу В. Эджертон допускает, что общеегипетским языком в эпоху Древнего царства и потом в эпоху Нового царства был нижеегипетский диалект, а во время Среднего царства — диалект среднеегипетский. Теоретически это, конечно, возможно: в истории языков неоднократно засвидетельствовано превращение в общий язык местного диалекта в результате исторического и политического выдвижения той области, где он распространен; например, диалект Иль-де-Франс и Парижа получил первенствующее значение, когда Париж и Иль-де-Франс

¹¹ W. Till, *Koptische Grammatik*, Ss. 36–37.

¹² См. А. Н. Gardiner, *Egyptian Hieratic Texts*, series I, pt. 1, Leipzig, 1911.

¹³ Fr. Hintze, *Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung*, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 1, 1947, S. 89.

¹⁴ G. Maspero, *A travers la vocalisation égyptienne*, — RT, vol. 24, 1902, p. 152.

стали политическим центром страны. Таким образом, В. Эджертон рассматривает египетские диалекты как очень важный фактор в истории языка¹⁵.

Интересные данные, в какой-то степени подтверждающие мнение В. Эджертон о связи староегипетского и новоегипетского языков, приводит Ф. Хинце, который, как уже упоминалось, отрицает ведущую роль диалектов. Ссылаясь на Г. Юнкера¹⁶, он сообщает, что в надписи из мастабы Каи-эм-анх (VI династия) в Гиза (Нижний Египет) встречается выражение *p3 mri-i* "мой любимый", т. е. типичная новоегипетская конструкция: определенный артикль *p3* перед *mri-i* (вместо *pn* после *mri-i* в староегипетском и среднеегипетском). Это свидетельствует о том, что некоторые явления, считающиеся в науке характерными только для новоегипетского языка, существовали в языке Нижнего Египта за много веков до появления новоегипетских текстов. Сам В. Эджертон этот факт почему-то не отмечает, хотя его заметка появилась четырьмя годами позже исследования Ф. Хинце.

Как уже упоминалось, язык египетских памятников не был полностью отделен от народных диалектов. Последние оказывали на него более или менее сильное влияние. Особенности написания некоторых слов дают основание считать эти слова диалектизмами. Так, например, в папирусе Парижской национальной библиотеки № 196 (IV recto, 5), относящемся ко времени правления XXI династии, имя богини *ʿnkt* написано *ʿnknt*. Издавая этот текст, В. Шпигельберг указывает, что такое же написание встречается еще в одном папирусе, хранящемся в Турине¹⁷, и говорит: «Сначала я счел это за ошибку, в чем теперь я сомневаюсь, ибо здесь нельзя отрицать возможность диалектизма. Вспомним различие между [199] саидским и бохейрским диалектами в коптском языке, проявляющиеся в частности в том, что в бохейрском *н* иногда вставляется там, где его в саидском нет, например:

нѐт (саидский) и **нѐт** (бохейрский)¹⁸. Г. Гедике обратил внимание на пары слов, которые имеют одинаковое значение, но пишутся несколько различно, например *ʿh* и *ʿd* "гореть". Г. Гедике допускает, что это диалектальные написания одного и того же слова¹⁹.

§ 44. СТАРОЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

Староегипетский язык — язык времени правления первых восьми династий, которое продолжалось, согласно хронологии Шарфа — Мортгаат, приблизительно с 2850 по 2190 г. до н. э.; по мнению других египтологов, этот период длился целое тысячелетие: с 3200 по 2200 г. до н. э.²⁰. Однако в данном вопросе точность хронологии особой роли не играет.

Тексты первых двух династий очень коротки и в основном содержат имена и титулы. Их архаическое письмо трудночитаемо. Для истории языка такие тексты не имеют большого значения. Первый крупный текст эпохи Древнего царства — автобиографическая надпись вельможи Мечен, датируемая началом IV династии. В дальнейшем количество надписей и их размеры увеличиваются; тексты V и VI династий многочисленны и весьма важны для изучения истории языка. Отдельные очень интересные тексты этого времени сохранились лишь в поздних копиях, например так называемый Мемфисский богословский трактат дошел до нас в копии XXV династии.

Среди староегипетских текстов особо выделяются Тексты Пирамид, представляющие собой заупокойные формулы религиозного и магического содержания, которые должны были обеспечить умершему царю полную безопасность и благоденствие в потустороннем мире. Они найдены внутри пирамид, где погребены цари V и VI династий, но, как неопровержимо свидетельствует содержание, часть текстов возникла намного раньше. Достаточно сослаться, например, на известные [200] ритуальные формулы, относящиеся к магическому каннибализму

¹⁵ W. Edgerton, *Early Egyptian dialect interrelationships*, — BASOR, № 122, 1951, April, pp. 9–12.

¹⁶ Junker, *Giza*, IV, S. 39.

¹⁷ См. W. Spiegelberg, *Ein Papyrus aus der Zeit Ramses V*, — ZÄS, Bd. 29, 1891, S. 76 (Papyrus Turin. 51, 2).

¹⁸ W. Spiegelberg, *Correspondance du temps des rois-prêtres*, Paris, 1895, p. 4.

¹⁹ H. Goedicke, *Alternation of h and d in Egyptian*, — ZÄS, Bd. 80, 1955, Ss. 32–34.

²⁰ Edel, *Grammatik*, § 6; A. Scharff — A. Mortgaat, *Ägypten und Vorderasien im Altertum*, München, 1950; Gardiner, *Grammar*, § 4; Lefébvre, *Grammaire*, § 8.

умершего царя, и на другие данные, восходящие к глубокой древности, к тем временам, когда Египет еще не был объединен в одно государство (о чем прямо говорится в самом тексте)²¹.

Архаическому языку Текстов Пирамид свойственны следующие отличия от языка надписей Древнего царства²².

I. В орфографии:

1) отсутствие либо умышленное искажение иероглифов, изображающих людей и животных (см. § 7);

2) тщательное обозначение в некоторых глаголах, например в глаголе *imri* "любить", начального *i*, не выписываемого в этих глаголах в более поздних текстах;

3) полное фонетическое написание названий числительных, впоследствии обозначавшихся лишь цифрами.

II. В фонетике:

4) написание с фонемой *k* отдельных слов, начинающихся в более поздних текстах фонемой *t*, например: зависимое местоимение *kw* (позднее *tw*); *kbwj* (позднее *tbwj*) "обе подошвы".

III. В грамматике:

5) употребление суффикса 2-го лица женского рода единственного числа *tn* наряду с обычным для более позднего времени *t*;

6) использование зависимого местоимения 2-го лица женского рода единственного числа *tm* и более поздней его формы *tn*;

7) применение архаической формы указательных местоимений женского рода единственного числа (*itw*, *itn* встречается наряду с обычными *tw*, *tn*);

8) образование формы *sdm.n.f* глагола *iw* "приходить" в виде *iw.n* (вместо более поздней *ij.n*);

9) частое употребление неизменяемого императива *mi* "смотри";

10) применение пассивной формы *sdmm.f*;

11) употребление постпозитивного *is* со значением "как" и постпозитивного *ist* со значением "и";

12) применение независимого местоимения в качестве подлежащего предложений с адвербиальным сказуемым или со сказуемым — старым перфектом;

13) широкое распространение безглагольных предложений, [201] в которых и подлежащее и сказуемое — существительные;

14) изредка встречающееся согласование в роде и числе указательных местоимений *pw*, *tw*, *ipw* в роли подлежащего с предшествующим сказуемым, чего не бывает в более поздних текстах;

15) использование указательного местоимения *nw* (вместо *wnt* и *ntt*) для субстантивизации предложений;

16) употребление отрицательного наречия *im*;

17) применение отрицательного глагола *hm* наряду с обычным для более поздних текстов *tm*;

18) полное отсутствие отрицаний *n sp*, *iw tj sp*, *nfr n*.

Все названные особенности, однако, не создают принципиальных различий между языком Текстов Пирамид и языком текстов Древнего царства. По мнению Э. Эделя, эти различия меньше, чем различия между староегипетским и среднегипетским языками²³ (что будет рассмотрено ниже).

Язык автобиографических надписей и царских декретов менее архаичен и значительно ближе к среднегипетскому языку. В староегипетских текстах, написанных официальным языком, часто встречаются элементы быденной речи — в репликах крестьян и ремесленников, изображенных на рельефах гробниц. Здесь появляются предшествующие определяемому слову указательные местоимения *p3*, *t3*, *n3* из которых в новоегипетском языке развился определенный артикль.

²¹ См. Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, Л., 1935, стр. 190–191.

²² Edel, *Grammatik*, § 12–14.

²³ Ibid., § 20.

Э. Эдель, так же как и В. Эджертон, считает, что в формировании староегипетского языка существенную роль сыграл нижеегипетский диалект. При этом Э. Эдель исходит не только из теоретических соображений, но и из данных некоторых текстов; он отмечает, например, что существительное *nb* "владыка", "хозяин" (как и ряд других слов) встречается в двух написаниях: *nb* — вышеегипетское и *nbw* — нижеегипетское²⁴.

§ 45. СРЕДНЕЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

Около 2200 г. до н. э. на смену староегипетскому языку приходит среднеегипетский, который сохраняется как господствующий письменный язык приблизительно до 1350 – 1300 гг. до н. э. Затем он уступает место новоегипетскому [202] языку. Но, как уже отмечалось, до конца существования древнеегипетской культуры среднеегипетский классический язык остается языком религии и культа, т. е. играет примерно ту же роль, что и язык Текстов Пирамид в Древнем царстве. На среднеегипетском языке составлены даже большие иероглифические тексты греко-римского времени.

Наряду с разнообразными среднеегипетскими текстами на официальном языке — а их подавляющее большинство — имеются и тексты на разговорном языке, таковы, например. Папирус Весткар, содержащий сказки, и ряд папирусов делового содержания. Различия между языком этих текстов и письменным языком несущественны²⁵. Язык Папируса Весткар в основном отличается лишь употреблением определенных артиклей *p3*, *t3*, *n3* и притяжательных местоимений *p3j.f*, *t3j.f*, *n3j.f*. Пожалуй, даже правильнее будет сказать, что язык этих памятников является не настоящей обиденной речью, а тем же письменным языком, в какой-то степени подвергшимся воздействию разговорного.

Э. Эдель подробно перечисляет отличия среднеегипетского языка от староегипетского²⁶.

I. В орфографии:

1) совершенно четко проявляется тенденция к упорядочению, упрощению и стабилизации орфографии; многие слова, не имевшие раньше определенного написания, приобретают теперь установившийся графический облик, например: *sdm* "слушать" (вместо прежних, и т. д.);

2) стабилизируется применение вертикального штриха в качестве показателя того, что графема, не сопутствуемая фонетическими дополнениями, должна читаться как идеограмма;

3) стандартизируется написание форм множественного числа; так, например, множественное число служебного прилагательного мужского рода *n(j)* — *nw* — в текстах Древнего царства (Тексты Пирамид и другие) имело семь различных написаний, из них выбирается и становится общеупотребительным одно —

4) вместо сокращенных написаний вспомогательного глагола *iw* с суффиксами в виде *i(w).k*, *i(w).f* [203] и т. д., характерных для Древнего царства, прочно входят в употребление полные формы — и т. д.:

5) окончание *tj* прилагательных женского рода, часто опускавшееся в староегипетском, теперь регулярно выписывается;

6) ранее заменявшие друг друга отрицания *n* и *nn* тщательно различаются;

7) детерминативы слов систематически выписываются;

8) постоянно выписывается суффикс 1-го лица единственного числа *i*, ранее очень часто опускавшийся;

9) исчезает четкое различие в написании единственного и множественного числа относительной формы глагола.

II. В фонетике:

1) исчезает характерное для староегипетского различие между $\rightarrow$ (звонкое *z*) и $\parallel$ (глухое *s*);

2) в ряде случаев *d* и *t* переходят в *d* и *t*;

²⁴ Ibid., § 21.

²⁵ Gardiner, *Grammar*, § 2.

²⁶ Edel, *Grammatik*, § 16–19.— В настоящей работе этот перечень приведен с незначительными исключениями.

3) не наблюдается типичный для староегипетского переход $h > š$ в слове *ih̄t* (в status pronominalis или во множественном числе).

III. В грамматике:

1) исчезает распространенное в староегипетском двойственное число местоимений и глаголов;

2) староегипетские независимые местоимения встречаются только как архаизмы, парадигма среднеегипетского независимого местоимения иная;

3) исчезает староегипетское указательное местоимение *pj*, оно заменяется среднеегипетским *pw*;

4) указательные местоимения *nn*, и *nw*, нередко употреблявшиеся в староегипетском как формы единственного числа, в среднеегипетском являются исключительно формами множественного числа;

5) собственные названия городов, не оканчивающиеся на *t* и поэтому трактовавшиеся как существительные мужского рода, в среднеегипетском рассматриваются как существительные женского рода;

6) в именных предложениях указательное местоимение *pw*, являющееся подлежащим, следует непосредственно за предикативным существительным, и только после *pw* стоит прилагательное, например: *s3 pw mn̄h* "сын это хороший";

в староегипетском же прилагательное предшествует указательному местоимению *pw*, например: *bw nfr pw* "место хорошее это"; [204]

7) в среднеегипетском сохраняется предикативное употребление служебного прилагательного *n(j)* только в сочетании с зависимыми личными местоимениями для выражения притяжательности, например: *n(j)sw* "ему принадлежит", "его"; в староегипетском же предикативное употребление *n(j)sw* "принадлежит к" и прилагательных-нисб встречается довольно часто;

8) количественные числительные от 3 до 9 являются грамматическими словами в единственном числе, тогда как в староегипетском они воспринимались как слова во множественном числе и сопровождавшие их указательные местоимения тоже имели форму множественного числа;

9) распространяется (начиная с текстов VI династии) употребление формы *s̄dm.n.f* в историческом повествовании; в староегипетском для этой цели в основном служила форма *s̄dm.f*;

10) употребляется пассивная форма *s̄dm.tw.f* вместо староегипетской *s̄dm.tj.f*;

11) в причастной конструкции предикативное причастие, стоящее за подлежащим (существительным или независимым местоимением), не согласуется с ним в роде и числе, как в староегипетском;

12) предлог *ir* с местоименным суффиксом, усиливающие повелительное наклонение, предшествуют прямому или косвенному дополнению в «дательном падеже», например: *sb3 ir.k sw* "воспитай его", в староегипетском же дополнение обычно стоит сразу после императива, например: *ini sw ir.k* "принеси его";

13) у предлога *tp* "на" отсутствует конечный полугласный *j* или *w*, характерный для этого предлога в староегипетском;

14) предлог *dr* стал иметь значение «с (такого-то времени)», тогда как в староегипетском он означал «в (таком-то месте)»;

15) исчезают предлоги *wpiw ir* и *h3w* со значением «кроме» и «помимо»;

16) частица *igr* превращается в *igrt* (начиная с текстов VI династии);

17) староегипетская частица *wnnt* начиная с текстов XI династии превращается в среднеегипетскую *wnt* со значением «действительно».

18) наряду с частицей *wnt*, служащей для введения некоторых придаточных предложений, в среднеегипетском (начиная с текстов конца V династии) употребляется новая частица *ntt*, постепенно вытесняющая *wnt*; [205]

19) частица *isk (sk)* превращается (начиная с текстов V династии) в *ist (st)*;

20) входит в употребление (начиная с текстов V династии) ложноглагольная конструкция со сказуемым *hr s̄dm*, чуждая староегипетскому;

21) почти полностью исчезают отрицания *(n?)ij*, *w* и *nfr n*;

22) появляется новое местоимение *st*;

23) независимые местоимения приобретают новые дополнительные значения: *ntk* "твой", *ntf* "его" и т. д.;

24) широко распространяются глагольные формы с вспомогательным глаголом *ḥḥ.n* и глагольные формы *hr.f sdm.f*, *k3.f sdm.f*, *sdm pw ir.n.f*, отсутствовавшие в староегипетском.

Несмотря на такие отличия среднеегипетского языка от староегипетского, Э. Эдель считает, что между этими языками нет принципиальной и резкой грани, что староегипетский медленно и постепенно переходил в среднеегипетский.

§ 46. НОВОЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

Новоегипетский язык — это следующая ступень в развитии египетского языка.

Отдельные элементы новоегипетского языка появляются в среднеегипетских надписях и папирусах задолго до того, как он становится господствующим языком. В так называемой табличке Карнарвона № 1 содержится иератический текст, передающий один из эпизодов борьбы Фив против гиксосов при XVII династии²⁷. Этот текст отделен от событий, о которых повествует, не более чем полувеком. По палеографическим признакам он датируется началом XVIII династии и, следовательно, относится к концу XVI — началу XV вв. до н. э. В тексте, написанном среднеегипетским языком, впервые встречаются личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа *twi* и *twn*, которые входят в постоянное употребление только в новоегипетском [206] языке²⁸. В надписях гробницы вельможи Пахери в Эль-Кабе (время Тутмоса I, XVI в. до н. э.) элементы новоегипетского языка характерны не только для речи слуг, но и для речи женщины, принадлежащей к господствующему классу²⁹. Тексты храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари показывают, что на новоегипетском говорили воины³⁰. Наконец, даже в речи самого фараона видны черты новоегипетского языка — в анналах Тутмоса III и в других текстах (например, Urk., IV, 1021, 1 — новоегипетское *iw.w* вместо среднеегипетского *iw.sn*; чисто новоегипетское выражение *p3.j i hrw n ḥḥ* "мой день жизни" и т. д.)³¹. Однако здесь эти элементы, проявляющиеся в грамматических формах и в структуре предложения, встречаются лишь спорадически и тесно переплетены со среднеегипетскими³². Ряд новоегипетских конструкций содержат два письма писца Ахмосе Пенниати — первая половина XVIII династии (папирус Лувра № 3230)³³. Опубликованные А. Гардинером четыре папируса из Кахуна, которые относятся к последнему десятилетию правления Аменхотепа III и началу правления Аменхотепа IV (т. е. непосредственно предшествуют времени Тель-эль-Амарны), написаны уже новоегипетским языком³⁴.

Как подчеркивает К. Зете, царствование Аменхотепа IV и эпоха Амарны сыграли решающую роль в истории новоегипетского языка. Переворот, происшедший за эти полтора–два десятилетия в духовной жизни египетского народа, не прошел бесследно и для языка. Элементы новоегипетского языка проникают в ранее запретную для них область религиозной литературы (гимны), а также в официальные надписи и титулатуру царей и вельмож. Характерно, что именно после Аменхотепа IV, при XIX династии, появляется множество рукописей светского содержания — художественная литература, письма, деловые документы — на новоегипетском

²⁷ A. H. Gardiner, *The defeat of the Hyksos by Kamose: the Carnarvon tablet № 1*, — JEA, vol. 3, 1916, pp. 95–110; L. Habachi, *Preliminary report on Kamose stela...*, — ASAE, t. 53, 1955–1956, pp. 195–202; P. Lacau, *Une stèle du roi Kamosis*. — ASAE, t. 39, 1939, pp. 245–271.

²⁸ A. H. Gardiner, *The defeat of the Hyksos by Kamose: the Carnarvon tablet № 1*, — JEA, vol. 3, 1916, pp. 102–103; Gardiner, *Grammar*, § 134; A. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, Leipzig, 1933, § 479.

²⁹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch und seine Lehren für die Geschichte der ägyptischen Sprache*, — ZDMG, Bd 79, 1925, S.306.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. (со ссылкой на Urk. IV, 649 ff; 1020–1021 ff).

³² H. Grapow, *Studien zu den Annalen Thutmosis des Dritten, und zu ihnen verwandten historischen Berichten des Neuen Reiches*, Berlin, 1949, Ss. 38–50.

³³ E. Peet, *Two eighteenth dynasty letters. Papyrus Louvre 3230*, — JEA, vol. 12, 1926, pp. 70–74.

³⁴ A. H. Gardiner, *Four papyri of the 18-th Dynasty from Kahun*, — ZÄS, Bd 43, 1906, Ss. 27–47.

[207] языке³⁵. Таким образом, приблизительно с 1350–1300 гг. до н. э. новоегипетский становится официальным языком. Однако, как уже не раз упоминалось, он никогда полностью не вытеснил среднеегипетский язык. Даже некоторые нерелигиозные тексты на новоегипетском языке содержат многие элементы среднеегипетского³⁶.

Новоегипетский как разговорный язык господствовал с XVI до VIII в. до н. э., когда он уступил место демотическому. Естественно, на протяжении столетий новоегипетский язык изменялся. Последняя стадия развития языка представлена сравнительно немногочисленной группой иератических текстов (преимущественно делового содержания), написанных аномальной иератикой. Они происходят из Верхнего Египта, в частности из Фив.

Различия между среднеегипетским и новоегипетским гораздо более четки и существенны, чем различия между староегипетским и среднеегипетским.

Характерные для новоегипетского языка особенности не позволяют объединить его в одно целое с языком предшествующих эпох, закономернее сближать его с демотическим и коптским. Если язык Текстов Пирамид, надписей Древнего царства и среднеегипетский язык представляют собой более или менее единый большой этап в истории языка, то с новоегипетского начинается новый период, охватывающий собственно новоегипетский, демотический и коптский.

Эта стадия развития языка имеет следующие черты, отличающие ее от предшествующего этапа³⁷:

1) наличие адвербиального предложения с местоименным подлежащим без вводной частицы (парадигма *twi*, *twk* и т.д.);

2) новый суффикс 3-го лица множественного числа *w* (коптское **ou**);

3) особые притяжательные местоимения *pʒj.f*, *tʒj.f*, *nʒj.f* и т. д., образовавшиеся из указательных местоимений *pʒ*, *tʒ*, *nʒ*, и определенный артикль *pʒ*, *tʒ*, *nʒ*, происходящий от этих же указательных местоимений;

4) указательные местоимения *pʒj*, *tʒj*, *nʒj*, выступающие в роли подлежащего после предикативного существительного (коптское **pe**, **te**, **ne**); [208]

5) неопределенный артикль *w^c n* (коптское **oua**), произошедший от числительного *w^c* один;

6) конструкция «родительного падежа» после числительных выше 10 и трактовка всех числительных в единственном числе, например: *pʒ 20 n rmt* "20 человек" (*pʒ* — определенный артикль единственного числа мужского рода);

7) выражение среднего рода посредством форм мужского рода (а не женского, как раньше);

8) отсутствие у многих существительных морфологических различий между формами единственного и множественного числа; например в новоегипетском языке слово *rmt* "человек" пишется обычно с детерминативом множественного числа, независимо от того, в каком числе оно стоит;

9) инфинитив с предшествующим артиклем и объектом, который выражен местоименным суффиксом, например: *pʒ pti.k* "видеть (букв. "видение") тебя";

10) мужской род инфинитивов, ранее бывших женского рода;

11) конъюнктив, образованный при помощи префикса *mtw.f* (коптское **mq**);

12) отсутствие формы *sdm.n.f*;

13) описательная конструкция оптатива, образованная посредством императива *imi* (коптское **ma**) отрицательная форма оптатива, образованная при помощи *m rdi*, букв. "не дай" (или *m ir rdit*, где *m ir* соответствует коптскому **mp̄r**), с последующей формой *sdm.f*;

14) выпадение предлога *hr* перед инфинитивом в разных конструкциях, особенно в тех, где инфинитив выступает в роли предиката;

15) выпадение предлога *r* в выражениях типа (*r*) *dr.f* "совсем" (коптское **tnr̄q**), (*r*) *dd* "что" (коптское **xe**), (*r*) *hʒt.f* (коптское **znt̄q**);

³⁵ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch und seine Lehren für die Geschichte der ägyptischen Sprache*, — ZDMG, Bd 79, 1925, Ss. 308–311.

³⁶ Gardiner, *Grammar*, § 4.

³⁷ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd 79, 1925, Ss. 304–306. — Перечень особенностей, собранных К. Зете, в настоящей работе приводится не полностью.

16) резкое разделение относительных предложений на две группы: а) предложения, играющие роль определения, они вводятся словом *ntj* "который" (в новоегипетском и демотическом такие обороты нередко заменяются причастием или относительной формой); б) предложения, играющие роль обстоятельства, они вводятся связкой *iw*;

17) отрицания *bn . . . in* (коптское $\bar{n}$ . . . $\bar{an}$), *bw* (коптское $\bar{m\epsilon}$), *bwprw.f* (коптское $\bar{n}\bar{p}\bar{e}\bar{q}$), *mn* (коптское $\bar{m}\bar{n}$);

18) множество новых слов, например: *šri* "сын" (старое *s3*), *d3d3* "голова" (старое *tp*), *iwtn* "земля", "почва" (старое *s3tw*), *h3wtj* "первый" (старое *tpj*), *rwj3t* "сторона" (старое *gs*), *nm* "кто?" (из древнего *in-m*), *bl* "снаружи" (старое *rwt*), *r-iwd* "между" (старое *imitw*), *irm* "вместе" (старое *hn^c*), *mdj* "у", [209] "от" (старое *hr*), *dj* "здесь" (старое *ʕ3*), *nw* "видеть" (старое *m33*), *hdb* "убивать" (старое *sm3*), *dj* "давать" (старое *rdj*).

Перечень особенностей нового периода развития языка, собранных и классифицированных К. Зете, следует дополнить.

Так, говоря о лексике, нужно упомянуть, что уже новоегипетский язык в результате тесного политического и культурного общения Египта со странами восточного Средиземноморья заимствовал из семитских языков свыше 1200 слов³⁸.

Необходимо отметить типичное для новоегипетского языка (а также для демотического) употребление описательных сложных глагольных форм, образуемых при помощи вспомогательных глаголов *iw* (копула) и *irj* "делать" (в среднеегипетском эти формы появляются лишь sporadически). Весьма характерно, что в этих глагольных формах спрягается, т. е. принимает личные окончания, лишь вспомогательный глагол, знаменательный же глагол не изменяется, иначе говоря, вспомогательный глагол выполняет только грамматическую функцию, а знаменательный — только лексическую. Например, в новоегипетском выражении *iw.f (hr) sdm* "он слышал" грамматическая функция принадлежит копуле *iw.f* и предлогу *hr*, если он не опущен, а лексическая — инфинитиву *sdm*. Подобные формы имеют большое значение для истории языка (ср. во французском *Il a écouté*, в немецком *er hat gehört*, в английском *he has heard*).

Наряду с ложноглагольной описательной конструкцией встречается такой же тип конструкции при словообразовании: древние формы словообразования с окончанием *-w*, *-wt*, *-j*, например: *nmḥw* "бедный" от *nmḥ* "быть бедным", *w3stj* "фиванец" от *w3st* "Фивы" (нисба, образованная посредством прибавления *j* к существительному), заменяются сложными словами, в которых первое имеет более или менее общий смысл и играет почти служебную роль, например: *rmṯ iw.f ḥnh*, букв. "человек, который живой", *rmṯ iw.f mwt*, букв. "человек, который мертвый" и т. п. Впоследствии *rmṯ iw.f* теряет свое основное значение и превращается в коптском в грамматический префикс $\bar{p}\bar{e}\bar{q}$, обозначающий людей. Большинство коптских словообразовательных префиксов произошло именно таким образом³⁹. [210]

³⁸ M. Burchardt, *Die altkanaanäischen Fremdworte und Eigennamen im Ägyptischen*, Leipzig, 1910.

³⁹ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 123–146.

В VII в. до н. э. на смену новоегипетскому приходит демотический язык, существовавший до V в. н. э. В науке долгое время было широко распространено ошибочное мнение, что язык, представленный демотическими текстами, является разговорным языком народа. Оно возникло в результате буквального толкования греческого названия демотического письма.

В действительности же, только ранние демотические тексты отражали разговорный язык. Язык текстов более позднего времени — официальный письменный язык; наряду с ним, по-видимому, уже существовал коптский разговорный язык или тот разговорный язык, из которого произошел коптский¹. Об этом говорят элементы коптского, обнаруженные в магическом папирусе III в. н. э. (его части хранятся в Лейдене и Лондоне)². Папирус этот, относящийся к римскому времени, написан демотическим языком. Однако некоторые его места содержат грамматические формы, чуждые демотическому и представляющие явные архетипы коптских, например: *mi.f sdm* "он обычно не слушает" — **мѐџсџтм̄** (отрицательное Praesens consuetudinis). Таким образом, в этом магическом папирусе и в других демотических текстах мы видим явление, аналогичное тому, которое нам известно из анналов Тутмоса III.

Новоегипетский и демотический языки как последовательные этапы эволюции языка имеют очень существенные общие черты, отсутствующие в коптском³:

1) употребление после неопределенного наклонения относительных форм с глаголом *irj*, определяющих это неопределенное наклонение и предшествующих его дополнению;

2) распространение конструкции, в которой неопределенное наклонение в косвенном «родительном падеже» следует за существительным с предшествующим ему притяжательным местоимением, например: *n tʒj.s wnwʔ n tm nw r.f* "в ее час невидения его" (здесь *tʒj.s wnwʔ* "ее час" — логическое подлежащее неопределенного наклонения); [211]

3) трактовка неопределенного наклонения женского рода как существительного женского рода, если оно играет роль существительных; если же неопределенное наклонение играет роль повествовательной глагольной формы, то оно трактуется в мужском роде (в коптском языке неопределенное наклонение всегда выступает в форме мужского рода);

4) применение конструкции: *pʒ* (артикл) + относительное предложение (в роли существительного) + *nb* "каждый", "всякий";

5) употребление причастий и относительных глагольных форм (которые в коптском встречаются лишь как архаизмы);

6) применение в демотическом относительного выражения *dd X* "то, что сказал X" без определенного артикля, служащего для введения прямой речи, чему в новоегипетском соответствует форма *ddt-n X*; в коптском же языке эквивалент этого выражения **пѐха**. имеет артикл и употребляется в значении «сказал X», т. е. повествовательно;

7) распространение такого порядка слов, при котором определение-прилагательное непосредственно следует за определяемым словом, согласуясь с ним в роде и числе, например: *wʕt mdt nfrt* "одна хорошая вещь"; в коптском же преобладает конструкция косвенного «родительного падежа», например: **оурџмѐ н̄савѐ** "мудрый человек" (здесь перед прилагательным **савѐ** "мудрый" стоит служебное прилагательное «родительного падежа» **н̄**);

8) непосредственное присоединение существительных к количественным числительным от 3 до 9, например *ʒ sp* "три раза", ср. коптское **џомн̄т н̄соп**, где перед существительным **соп** стоит служебное прилагательное «родительного падежа» **н̄**; однако, отмечая этот факт, констатируемый К. Зете, следует упомянуть, что в коптском встречаются подобные сочетания и без **н̄**, например: **џомн̄т соп** "три раза", **џтоу тнү** "четыре ветра"⁴.

9) употребление конструкции косвенного «родительного падежа» со служебным прилагательным *n(j)* после названий частей тела, например: *rʒ n pʒ mʒj* "пасть льва"; в коптском к названию части тела присоединяется еще и суффикс, например: **ʒѐн пџџ н̄пмоуи** "в пасти льва";

¹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd 79, 1925, S. 299.

² F. H. Griffith — H. Thompson, *The Demotic Magical Papyrus of London and Leiden*, I–III, London, 1904–1909.

³ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd 79, 1925, S. 29–295.

⁴ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 165.

10) выделение субъекта при помощи местоименного [212] суффикса, например: *šm.f n.f p3 rmt* "пошел себе человек"; в коптском вместо суффикса стоит **нби** "именно";

11) вопросительное слово *ih* со значением "что", "что за" (в коптском ему соответствует **оу**).

К. Зете отмечает также, что в новоегипетском и демотическом языках отсутствуют отдельные формы и конструкции, характерные для коптского:

1) форма будущего времени, образованная в коптском при помощи глагола **на**, "идти" (Futurum I — **чна**, Futurum II — **счна**⁵); по указанию А. Гардинера, подобные коптские, глагольные формы восходят к новоегипетскому *m nʒ r* "be going to" (*nʒ* "идти")⁶, однако в новоегипетском это просто оборот речи, еще не ставший грамматической формой;

2) форма, соответствующая коптскому Perfectum II — **нтадсвтм**;

3) употребление **пѐ** в конце предложения после имперфекта **нѐрѐ- нѐ**, например: **нѐсвтм пѐ**;

4) сочетания неопределенного артикля и предикативного прилагательного с последующим **пѐ**, например: **оугаѐос пѐ** "хороший он";

5) условная глагольная форма, образованная в коптском при помощи префикса **џан-**;

6) многие сложные глаголы, образованные в коптском посредством глаголов **ѐрѐ** "делать", **†** "давать", **џи** "брать" и др.

Вместе с тем необходимо остановиться и на различиях между новоегипетским и демотическим языками⁷. Демотический язык имеет ряд отличительных особенностей, в частности⁸:

1) личные зависимые местоимения, употребляющиеся в качестве прямого дополнения, имеют новую парадигму:

	Единственное число		Множественное число
1-е лицо общее	<i>ti</i>		<i>tn</i>
2-е » мужского рода	<i>tk</i>	} общее	<i>ttn</i>
2-е » женского »	<i>tt</i>		
3-е » общее	<i>s</i>		<i>st</i>

[213]

2) полностью отмирают пассивные причастия; активные причастия (только описательные) образуются при помощи глаголов *iri* "делать" и *wn* "быть";

3) прямое дополнение (не местоименное) большей частью вводится предлогом *n* (ср. с коптским **н**);

4) неопределенным артиклем множественного числа служит *hjn* (ср. коптское **ѐѐнѐ**); однако несомненно, что это слово происходит от новоегипетского *nhi*⁹;

5) *nomen agentis* инфинитива вводится предлогом *m-dr* (в новоегипетском частицей *in*)

6) характерна структура предложения с предикативным прилагательным *n3 nfr.f* (в новоегипетском *nfr sw*)

7) причастная конструкции не вводится, как раньше частицей *in*;

8) употребляется конструкция оптатива *mj sdm.f* (в новоегипетском — *ih sdm.f, imj sdm.f*)

9) для повествования о прошедшем используется форма *sdm.f* (а не *iw.f hr sdm*, как в новоегипетском);

10) отрицанием *sdm.f* является *bnpw.f sdm* (а не *bwpw.f sdm.f*, как в новоегипетском)¹⁰;

11) для введения протасиса условных предложений употребляются формы *in-n, wn.n3w*;

12) употребляется глагольная форма *hr sdm.f*, по своему значению соответствующая коптскому Praesens consuetudinis — **џадсвтм** который выражает обычные, повторные действия.

⁵ Ibid., § 252.

⁶ А. Н. Gardiner, *The origin of the Coptic tense Futurum I*, — ZÄS, Bd 43, 1906, Ss. 97–98.

⁷ К сожалению, эта весьма существенная проблема не рассматривается в исследовании К. Зете.

⁸ В. Н. Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, Ss. 34–35.

⁹ А. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 185, 243.

¹⁰ Б. Стрикер (В. Н. Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, S. 34) утверждает, что отрицательная форма *bwpw.f sdm* (вероятно, здесь опечатка: нужно *bnpw.f*, так как *bwpw.f* в демотическом нет) является типичным для демотического отрицанием прошлого. Это неверно, ибо она обычна и для новоегипетского языка (А. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 776, 781).

Наконец, в демотическом языке есть свой особый вспомогательный глагол *w3h*.

Этот глагол в качестве знаменательного применялся задолго до возникновения демотического языка. Но в роли вспомогательного глагола он употребляется только в демотическом для образования глагольной формы *w3h.f sdm*, выражающей законченное действие¹¹.

Демотический язык, как и прежде новоегипетский, на протяжении всей своей истории пополнял лексику словами иностранного происхождения.

В 525 г. до н. э. Египет захватывают персы; персидское [214] владычество, естественно, оставило следы в демотическом языке.

В западной части персидской монархии, в том числе и в Египте, был распространен арамейский язык, из которого в демотический перешло много слов. Так, например, арамейское слово *ardab* (позднее аккадское *ardabi*), обозначающее меру веса, встречается в демотическом языке в виде *irdb* или *rdb*, в коптском оно сохранилось в виде **ртов**, находим его и у Геродота — ἡ ἀρτόβη (I, 192); это слово проникло также в армянский язык — *ardov*, в сирийский и египетский диалекты арабского языка — *ardib*, *ardob*. Слово *hgr* (коптское **гabor**), обозначающее конного гонца, перешло в демотический в ту же эпоху. Знаменитая персидская эстафетная почта не была изобретена персами: они лишь усовершенствовали этот способ передачи вестей, заимствовав его из Вавилона. По-видимому, *hgr* соответствует греческому названию племени ἄγγαρος, обитавшего на пути из Египта в Вавилон. Люди этого племени с давних времен выполняли обязанности курьеров. С распространением персидского владычества почтовое сообщение стало более регулярным и организованным, и этнический термин превратился в профессиональный. Тогда же в демотический перешло слово *mdj* или *mdw* (коптское **матой**) "солдат". Происходит оно не от древнего египетского *md3j*, обозначающего жителей страны *Md3*, а от арамейского названия персов *Mādaḡ*. Таким образом, как и в предыдущем случае, этнический термин стал обозначать профессию (ср. сирийское *romaja* "римляне", "солдаты"). Название греков в демотическом языке *winn* — эквивалент греческого Ἴωνες; (коптское **оуе(ε)иенин**) — также арамейского происхождения¹².

В демотических текстах встречаются и некоторые греческие слова, например: *strks* (греч. στρατηγός) "стратег", *stjts* (греч. στρατιώτης) "воин"¹³. В отдельных случаях они проникали даже в иероглифические надписи, например: *rk wr* (греч. ἀργύρος) "серебро"; любопытно иероглифическое написание имени *kwrrks* Γεώργιος¹⁴. Однако в дохристианскую эпоху греческих слов в египетских текстах было очень немного. [215]

§ 48. КОПТСКИЙ ЯЗЫК¹⁵

Коптский язык — последняя ступень поздней стадии развития египетского языка. Однако он значительно отличается от новоегипетского и демотического.

Особенности коптского языка четко выступают в системе глагола: во-первых, спряжение основано преимущественно на префиксах, а число глаголов суффиксального спряжения крайне ограничено (в новоегипетском же и демотическом нет даже следов префиксального спряжения)¹⁶; во-вторых, имеются вполне определенные глагольные времена¹⁷. Происхождение префиксального спряжения коптского глагола известно давно. Оно полностью аналогично происхождению словообразовательных коптских префиксов. Коптские глагольные префиксы возник-

¹¹ W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, Heidelberg, 1925, § 188.

¹² K. Sethe, *Spuren der Perserherrschaft in der späteren ägyptischen Sprache*, — NGWG, Phil.-hist. Kl. 1916, Ss. 113–120, 121, 131.

¹³ Erichsen, *Glossar*, S. 443.

¹⁴ См. В. В. Струве, *Манефон и его время*, — ЗКВ, 111, вып. 1, 1928, стр. 166; G. Daressy, *Statue de Georges, prince de Tentyris*, — ASAE, t. 1916, pp. 268–270.

¹⁵ Название «коптский» происходит от арабского слова **قبلى** (*кубт*), которое, по-видимому, является искаженным греческим αἰγυπτίος (см. W. Till, *Koptische Grammatik*, S. 30). Копты называли свой язык **мнтрн̄ п̄кне̄**, что соответствует новоегипетскому *mdt rmt n Kmt* букв. "речь людей Египта" (Wb., V, 127, 17).

¹⁶ Вспомогательный глагол и предлог перед знаменательным глаголом в описательных формах новоегипетского спряжения не являются префиксами; например, в предложении *iw.f r sdm* предлог и суффикс *iw.f r* суть лексемы. Префиксы же никаких лексических свойств не имеют, они только грамматические форманты.

¹⁷ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 281, 303–325.

ли из новоегипетских описательных форм спряжения, образованных при помощи вспомогательных глаголов *irj* "делать", копулы *iw* и др. Например: коптское ⲉⲥⲱⲧⲙ "слушаю" (Praesens I) происходит от новоегипетского *twi sdm*; коптское ⲉⲓⲥⲱⲧⲙ "он слушает" (Praesens II) — от новоегипетского *iw.f sdm*; коптское ⲙⲉⲓⲥⲱⲧⲙ "он не может слушать" (отрицательное Praesens consuetudinis) — от новоегипетского *bw ir.f sdm*; коптское ⲁⲓⲥⲱⲧⲙ "он слушал" (Perfectum I) — от новоегипетского *iir.f sdm* и т. д.

Возникает вопрос: почему ни в новоегипетских, ни в демотических текстах нет следов превращения вспомогательных глаголов описательных форм спряжения в префиксы? Это объясняется тем, что эволюция происходила не в письменном новоегипетском и демотическом языках, а в устной речи. Когда разговорный язык стал письменным, он перенес префиксы в тексты. Все же в текстах изредка можно уловить намеки на этот процесс. Г. Масперо обратил внимание на один текст XXII династии, в котором суффикс *f* после *iw*) превратился в префикс последующего слова *ḥnh* в результате опущения *iw*. Здесь встречается собственное имя [216] *Dd Hr-iw.f-ḥnh*, написанное в виде *Dd-Hr-f-ḥnh*¹⁸. Значит *iw.f-ḥnh* в это время звучало как ⲉⲓⲥⲱⲧ̅.

В лексике коптского языка, помимо греческих, имеется множество слов, совершенно чуждых языкам предшествующих этапов, в том числе и демотическому. Таких слов около 1900 (из 3308 слов, приведенных в словаре Крама). Например: ⲩⲁⲗⲗⲉ "слово", ⲗⲁⲗⲁϥ "что-то", ⲃⲓⲭ "рука", ⲛⲟⲃ "большой", ⲧⲁⲓ ⲧⲉ ⲟⲈ "это так", ⲉⲃⲟⲗ ⲭⲉ "потому", ⲭⲉⲕⲁⲥ "чтобы", ⲉ̅ⲛⲁⲩ, ⲓ̅ⲙⲓⲛⲉ "какого рода", "какие", ⲗϥⲱ "и", ⲓ̅ⲙⲁϥ "там", ⲟϥ̅ⲛⲧⲁϥ "у него есть"¹⁹.

Вместе с тем коптскому и новоегипетскому языкам свойственны отдельные общие черты, отсутствующие в демотическом. Так, в бохейрском диалекте коптского языка наряду с обычной формой множественного числа определенного артикля ⲛ̅ существует форма ⲛⲉⲛ, которая употребляется главным образом в конструкциях «с родительным падежом»²⁰;

эта форма соответствует применявшейся в ранних новоегипетских текстах конструкции: артикль с последующим служебным прилагательным «родительного падежа» *n(j)* в поздних новоегипетских текстах такая конструкция почти не встречается и полностью исчезает в демотическом языке²¹.

Общим для коптского и новоегипетского является также употребление местоименных суффиксов в качестве объекта инфинитива глагола *dj(t)* "давать". Демотический в таких случаях пользовался зависимыми местоимениями, на что указывает распространенное в VIII в. до н. э. теофорное имя *Imn-ir-dj-s* "(бог) Амун дал его (ее)" (т. е. сына или дочь), букв. "Амун сделал давание его (ее)", где *s* — зависимое местоимение. Эту особенность демотического языка следует считать, вероятно, результатом влияния разговорного языка той эпохи²².

К. Зете доказал, что коптский и демотический восходят к общему источнику—новоегипетскому языку²³. Эту же мысль до К. Зете вскользь высказал М. Мюллер²⁴. К выводам К. Зете [217] присоединились Г. Грапов²⁵ и Б. Стрикер, однако последний, как отмечает М. Малинин, не во всем соглашается с К. Зете²⁶.

Распространение христианства в Египте обусловило превращение разговорного коптского языка в официальный письменный. Христианская пропаганда обратилась к разговорному языку народных масс потому, что официальный язык того времени — демотический — из-за сложности письма не подходил для ее целей и, кроме того, он был тесно связан с одиозной для христианства языческой традицией. Путем приспособления греческого алфавита к разговорному языку создается новое письмо, более простое и доступное. Для передачи звуков, отсутствующих в греческом языке и, следовательно, не имеющих обозначений в греческом алфавите, разными

¹⁸ G. Maspero, *Notes sur differents points de grammaire et d'histoire*, — RT, vol. 2, 1880, p. 32.

¹⁹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd. 79, 1925, Ss. 293–296.

²⁰ Crum, *Dict.*, p. 268 b.

²¹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd 79, 1925, S. 298.

²² Ibid., S. 297.

²³ Ibid., S. 301.

²⁴ M. Müller, *Eine koptische Partikel im Demotischen*, — RT, vol. 13, 1890, p. 150.

²⁵ Fr. Hintze, *Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung*, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 1, 1947, S. 87.

²⁶ M. Malinine, *Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique*, pt. 1, Paris, 1953, p. VIII; B. H. Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, S. 28.

коптскими диалектами были заимствованы из демотического письма знаки **ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ**. Само собой понятно, что в демотическом письме они имели иной графический облик.

Огромным достижением явилось введение алфавита с гласными.

Необходимо остановиться на некоторых довольно интересных фактах. Начиная с 1934 г. было опубликовано несколько небольших египетских текстов, написанных греческими буквами; датируются эти тексты II в. до н. э. Понимание их крайне затруднено; однако вполне очевидно, что язык этих текстов не коптский, а демотический²⁷. К началу нашей эры относятся языческие, так называемые старокоптские тексты (Old Coptic). Язык их смешанный — частично демотический, частично коптский²⁸, но последний отличается от отработанного и упорядоченного языка коптских христианских текстов. Ф. Гриффис дает этому следующее объяснение: «Мы имеем право предположить, что язычество оказывало сильное консервативное влияние на письмо и на литературный язык, и в то время как христиане писали уже на основе отлично [218] разработанной системы, язычники продолжали придерживаться «своей громоздкой литературной традиции»²⁹.

В основу коптского литературного языка лег перевод Библии с греческого, в результате чего коптская лексика пополнилась огромным количеством греческих слов. Таким образом, коптский язык развился и стабилизировался как литературный язык на основе религиозной христианской литературы. Наиболее важными в литературном отношении являются диалекты саидский и бохейрский.

С проникновением ислама возможности дальнейшего развития коптского языка, естественно, значительно сузились. Арабский язык—язык ислама—очень быстро распространялся, вытесняя коптский. Когда коптский язык перестал быть живым языком, в точности неизвестно³⁰. Во всяком случае арабский историк Макриси (1364—1441) в своей «Истории коптов», перечислив ряд верхнеегипетских монастырей, говорит: «Христиане этих монастырей знают главным образом коптско-саидский, и это основное наречие коптского языка; затем следует коптско-бохейрский; жены и дети христиан из Эль-Саида могут говорить только на коптско-саидском, но они также в совершенстве владеют и греческим языком»³¹. Есть все основания считать, что сказанное Макриси о коптском языке соответствует действительности, хотя его слова о греческом и непонятны. Так или иначе в наши дни коптский язык отчасти вытеснен арабским языком даже из церковного обихода коптов.

Были попытки обнаружить остатки живого коптского языка в языке египетского крестьянства, говорящего преимущественно по-арабски. В 1902 г. египтолог Дж. Квибел опубликовал следующее сообщение: «Как меня информирует священник американской миссии в Бени-Суэйф Давид Стрэнг, 30 лет назад, когда он прибыл в Египет, были еще живы люди, утверждавшие, что в Верхнем Египте они слышали коптскую речь. Он ссылается, в частности, на старика из Куса, некоего Яма Эстефаниоса, который помнит, как во времена его детства родители и другие старики в Кусе и Накаде разговаривали между собой по-коптски. По мнению Яма, это последние места, где коптский сохранился до тех времен». [219] Дж. Квибел добавляет, что от других он также слышал, будто в одной деревушке близ Куса еще говорят на ломаном коптском языке, но сомневается в этом и старается проверить подобные слухи³².

В. Вичихль в 1936 г. сообщил о том, что в деревне Пи-Солсел, в нескольких километрах к северу от Луксора, он столкнулся с весьма любопытным фактом. Население этой деревни состоит из мусульман и очень немногочисленной группы коптов-христиан. Среди последних было четыре человека в возрасте от 50 до 65 лет, по утверждениям которых их родители говорили по-коптски. Сами же они говорили на арабском языке с сильной лексической примесью копт-

²⁷ W. E. Crum, *An Egyptian text in Greek characters*, — JEA, vol. 28, 1942, pp. 30–31; A. Volten, *An Egyptian text in Greek characters*, — «Studia orientalia Joanni Pedersen dedicata», Hauniae, 1953, pp. 364–377; P. Lacau, *Un graffito égyptien d'Abydos écrit en lettres grecques*, — «Etudes de papyrologie», t. 2, 1934, pp. 226–246; см. также рецензию Ж. Вергота (J. Vergote) в «Bibliotheca orientalis», vol. 11, 1954, p. 103.

²⁸ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 31.

²⁹ F. Ll. Griffith *The Old Coptic Texts and their relation to Christian Coptis*, — ZÄS, Bd. 39, 1901, Ss. 78–82.

³⁰ J. Simon, *Wann starb das Koptische aus?* — ZDMG, Bd. 90, 1936, Ss. 44–45.

³¹ Makrizi, *Geschichte der Kopten. Aus den Handschriften zu Gotha und Wien mit Übersetzung und Anmerkungen von F. Wüstenfeld*, Göttingen, 1845, S. 104.

³² J. E. Quibell, *Wann starb das Koptische aus?* — ZÄS, Bd. 39, 1902. S. 87.

ского (бохейрского диалекта), и являлись, таким образом, последними носителями угасшего коптского языка. Кроме того, В. Вичихль отмечает, что в населенных пунктах Каср-эс-Сайяд, Абидос, Кена, Дендера, Кус, Накада, Камула и Баарат в большей или меньшей степени сохранились воспоминания о коптском языке как языке недавнего прошлого³³.

Совокупность всех этих фактов свидетельствует о том, что в XIX в. коптский язык еще был живым языком в ряде деревень Верхнего Египта.

Представление о живом коптском языке продолжало волновать умы ученых до самого последнего времени: с точки зрения маститого египтолога Г. Штейндорфа, и теперь в мелких деревушках Верхнего Египта говорят на бохейрском диалекте коптского языка. Ж. Вергот в рецензии на грамматику Г. Штейндорфа указал на неправильность этого мнения³⁴.

Египетский ученый проф. А. Фахри в беседе с автором настоящей книги в 1945 г. утверждал, что коптский как разговорный язык окончательно вымер.

Однако отдельные элементы египетского и коптского языков до сих пор встречаются в разговорном арабском языке Египта. Помимо чрезвычайно интересных фактов, приведенных В. Вичихлем, можно сослаться и на другие.

Еще в конце прошлого века известный коптолог Л. Штерн установил, что результатом коптского влияния являются некоторые синтаксические особенности египетского диалекта [220] арабского языка, в частности постпозиция вопросительных слов *mīn* (ميم), *ē* (اڤ), *kat* (كافر), *fēn* (فون), *mīn en* (مبولفون), *ezeī* (ناڤ نزع), *emte* (تناط), *le* (لےتھے). Арабское *rāh fēn*, по мнению Л. Штерна, — калька коптского **єквнк тѡн** "ты пришел откуда?"³⁵. Ф. Преториус и Э. Литман разделяют взгляды Л. Штерна³⁶.

Однако эти факты — лишь очень слабое доказательство влияния коптского языка на арабский. Спитта-бей, автор грамматики египетского диалекта арабского языка, отмечает, что ни в одном разделе грамматики ему не удалось показать влияния коптского языка на египетский диалект арабского³⁷. Отрицает это влияние и Э. Гаттье³⁸.

В лексике же арабского языка заимствования из коптского не подлежат никакому сомнению. Спитта-бей в предисловии к своей грамматике перечислил шестнадцать таких заимствований³⁹; в статье К. Фолерса приведено несколько больше⁴⁰.

Этому же вопросу посвящено несколько специальных исследований⁴¹.

Э. Литман рассматривает ряд слов, обозначающих отдельные части сакие — древнего оросительного механизма. Этимология этих слов не может быть выведена из арабского; среди них наряду со словами греческого и латинского происхождения есть, по-видимому, и слова коптского происхождения⁴². Г. Масперо отмечает, что в Папирусе Булак III (6, 19), который датируется приблизительно началом нашей эры, египетское слово *bir* имеет такое же значение, как и арабское **بير** [221] "колодезь"⁴³. Интересное сообщение сделал А. Блекман. Он рассказал, как, читая с одним из своих слушателей, ныне известным ученым, египтянином А. Фахри, происходящим из Фаюма, иероглифический текст повести о красноречивом сельянине, он узнал от А. Фахри, что египетское слово *sdb*, означающее в этом тексте «кайма (куска материи)», имеет

³³ W. Vycichl, *Pi-Solsel, ein Dorf mit koptischer Überlieferung*, — MDAIK. Bd. 6, 1936, Ss. 169–175.

³⁴ Рецензия Ж. Вергота на грамматику Г. Штейндорфа (G. Steindorff, *Lehrbuch der koptischen Grammatik*, Chicago, 1951) опубликована в «Bibliotheca orientalis», Leyden, vol. 11, 1954, pp. 103–107.

³⁵ L. Stern, *Fragment eines koptischen Tractates über Alchimid*, — ZÄS, Bd. 23, 1885, S. 119, Anm.

³⁶ F. Prätorius, *Koptische Spuren in der ägyptisch-arabischen Grammatik*, — ZDMG, Bd. 56, 1901, Ss. 146–147; E. Littman, *Koptischer Einfluss im Ägyptisch-Arabischen*, — ZDMG, Bd. 56, 1902, Ss. 681–684.

³⁷ W. Spitta-bey, *Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Ägypten*, Leipzig, 1880.

³⁸ E. Gattier, *De l'influence du copte sur l'arabe d'Égypte*, — BIFAO, t. 2, 1902, pp. 212–216.

³⁹ W. Spitta-bey, *Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Ägypten*, S. X.

⁴⁰ L. Vollers, *Beiträge zum Kenntniss der lebenden arabischen Sprache in Aegypten*, — ZDMG, Bd. 50, 1896, S. 653.

⁴¹ В отдельных работах были допущены ошибки. Так, Лабиб (см. библиографию) некоторые слова семитского происхождения принимал за коптские, что отметил К. Цеттерстен в рецензии на работу Лабиба (см. библиографию). Очень большой и интересный материал, собранный Г. Сохби (см. библиографию), также нуждается в тщательной проверке.

⁴² E. Littmann, *Die Säqhiya*, — ZÄS, Bd. 76, 1940, S. 45.

⁴³ G. Maspero, *Mémoire sur quelques papyrus du Louvre*, — «Académie des inscriptions et belles lettres. Notices et extraits des manuscrits», pt. 1, 1875, p. 31. — В Берлинском словаре этого слова нет.

такой же смысл, как и в арабском наречии Фаюма слово *سدبة*. которое содержит те же согласные и так же произносится⁴⁴. Известный египтолог Селим-Хассан указал В. Шпильбергу на буквальный арабский эквивалент слов из поучения Аменемпе «в ящике тела твоего» — *fi sanduk batni*⁴⁵.

Таких фактов, подтверждающих влияние коптского языка на египетский диалект арабского, безусловно, намного больше; собирание и изучение их представляет огромный интерес для арабской филологии.

Во многих европейских языках бытуют слова, происходящие из древних восточных языков, и в частности из египетского и коптского⁴⁶.

В египетском диалекте арабского языка среди заимствованных коптских слов имеется слово *طوب* "кирпич" (коптское *тѳѳѳ*, египетское *dbt*), любопытную историю которого проследил Г. Висман⁴⁷. Это слово, сохраняя свое первоначальное значение, после завоевания арабами Испании переходит в испанский язык; затем испанцы приносят его в Мексику, откуда оно проникает в Соединенные Штаты и там в виде *adobe* включается в американскую лексику; впоследствии оно как технический термин заимствуется английским языком.

Так, в англо-русском словаре В. К. Мюллера слово *adobe* объясняется следующим образом: 1) «кирпич воздушной сушки, сырец, саман; 2) саманная постройка, глинобитная постройка»⁴⁸ (вспомним, что и в Древнем Египте кирпич делали из глины с примесью соломы и высушивали его на солнце).

Интересна история и другого египетского слова, [222] прослеженная В. Лорэ⁴⁹. Во французском языке есть слово *nénuphar* "кувшинка", "водяная лилия", а слово *nufar* в египетском диалекте арабского языка означает водяное растение, известное в ботанике под названием *Nymphaea lotus* "белый лотос". Слово *nufar* восходит к египетскому *nfr* "белый лотос", которое, хотя и не отмечено в Берлинском словаре, в форме множественного числа *nfrw* встречается в двух поздних иероглифических текстах. Оно могло иметь и иную форму множественного числа — с предшествующим артиклем — *n3 nfrw*; эта форма до нас не дошла. Однако существование такой формы, полностью отвечающей законам египетской грамматики, косвенно подтверждается формами *نيلوفر* или *لينوفر* в арабском языке. Форме *n3 nfr* и соответствует французское *nénuphar*. В начале средних веков арабы, покорив Испанию, проникли в юго-западную Францию; здесь принесенное арабами слово перешло на местное водное растение — белую лилию.

§ 49. ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

Заканчивая рассмотрение пяти последовательных стадий развития египетского языка, следует еще раз подчеркнуть, что древний этап (староегипетский язык, включая Тексты Пирамид, среднеегипетский) и новый (новоегипетский, демотический коптский языки) качественно различны: в первом преобладают элементы синтеза, во втором — анализа.

«Значение этих терминов сводится к тому, что при синтетической тенденции грамматики грамматическое значение синтезируется, соединяется с лексическими значениями в пределах слова, что при единстве слова является прочным показателем целого; при аналитической же тенденции грамматические значения отделяются от выражения лексических значений; лексические значения сосредоточены в самом слове, а грамматические выражаются либо сопровождающими знаменательное слово служебными словами, либо порядком самих знаменательных слов, либо интонацией, сопровождающей предложение, а не данное слово»⁵⁰.

⁴⁴ A. M. Biackman, *The story of Sinuhe and other Egyptian texts*, — JEA, vol. 22, 1936, p. 40.

⁴⁵ W. Spiegelberg, *Die Konjunktion hr-r^c* — «zu der Zeit wo, wann, wenn, da weil», — ZÄS, Bd. 62, 1927, S. 43, Anm. 2.

⁴⁶ E. Littmann, *Morgenländische Wörter im Deutschen*, Berlin, 1920.

⁴⁷ H. Wiesmann, *Adobe*, — ZÄS, Bd. 52, 1916, S. 130.

⁴⁸ *Англо-русский словарь*, сост. В. К. Мюллер, М., 1956, стр. 19.

⁴⁹ *Correspondance de V. Loret*, — «Kemi», vol. 13, 1954, pp. 19–20.

⁵⁰ А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1960, стр. 255.

На древнем этапе род и число передаются морфологическими показателями — окончаниями; например: *sn* "брат", *snt* [223] "сестра"; *snw* "братья", *snwt* "сестры". Это синтетическое выражение рода и числа в силу аналитической тенденции развития языка заменяется аналитическим: появляющиеся артикли *p3*, *t3*, *n3* указывают на род и число следующего за ними слова, а старые морфологические показатели рода и числа постепенно стираются и исчезают. В коптском языке признаком рода и числа служат в основном уже не окончания, а артикли, например: **псннпс** "остаток", **ꜥꜥсннпс** "остатки"; **тꜥсꜥрс** "дочь", **ꜥꜥсꜥрс** "дочери"; **пꜥнрс** "сын", **ꜥꜥнрс** "сыновья"⁵¹. Различия в структуре слов мужского и женского рода, такие, как **ꜥнрс** — **ꜥсꜥрс**, свойственны сравнительно немногим коптским словам; форму множественного числа также имеет лишь ограниченное количество слов⁵².

К явлениям аналитического порядка относится новый способ выражения принадлежности: если на древнем этапе развития языка принадлежность передавалась только посредством местоименных суффиксов, например *pr.f* "дом его", то на новом этапе существуют специальные притяжательные местоимения, которые произошли от указательных местоимений путем присоединения к ним местоименных суффиксов: *p3j.fpr* "его дом".

Ф. Хинце наглядно показал аналитическую тенденцию развития новоегипетского языка. Он воспользовался очень важным для истории египетского языка отрывком из Книги Мертвых в издании Шотта, где одни и те же формулы представлены в среднеегипетской и новоегипетской версиях. Так, древнее *km3 wnnt* "создавший существующее" новоегипетский передает следующим образом: *ntj ntf idj hpr ntj nb* "который сделал существование всего"; в том же тексте древнее *ij tkk* "приходящий (чтобы) напасть" в новоегипетском получает форму: *p3 ntj iw.f ij r hwr^c* "который приходит, чтобы грабить"⁵³. В обоих случаях среднеегипетские причастия *km3* "создавший" и *ij* "приходящий" в новоегипетском выражены через *ntj ntf* и *p3 ntj* "который"; предикативное значение в новоегипетском передано в первом случае причастием *idj*, букв. "сделавший", во втором — глагольной формой *iw.f ij*. В первом примере в среднеегипетской версии прямой объект причастия *km3* также выражен причастием *wnnt* "существующее", в новоегипетской версии прямой объект передан через *hpr ntj nb*, т. е. через [224] субъюнктивную форму *sdm.f*, где *hpr* предикат, а *ntj nb* субъект. Как видно из этих примеров, сделанные самими египтянами переводы на новоегипетский — не что иное, как аналитические эквиваленты древних синтетических выражений. Еще показательнее другой пример, взятый Ф. Хинце из 125-й главы демотической Книги Мертвых: древнее предложение из четырех слов *si3 ibw d^r hwt*, букв. "ведающий сердца, испытующий утробы" в демотическом переводе состоит уже из 16 слов: *p3 nt ir rḥ p3 nt hn p3 h3t iw.f rḥ p3 nt hn t3 ht* "тот который знает то, что внутри сердца, причем он знает то, что внутри утробы". Здесь аналитическое разделение знаменательных лексических и служебных грамматических элементов проведено последовательнее, чем в предшествующих двух примерах.

К аналитическим явлениям относится и характерное для новоегипетского языка употребление глагольных описательных конструкций, образованных при помощи вспомогательных глаголов *iri* "делать", *iw* и др.

Однако префиксация в коптской глагольной системе не может быть отнесена к явлениям аналитического порядка. Если описательные формы новоегипетского глагола аналитичны, то превращение их в префиксальную систему спряжения, несомненно, имеет синтетический характер, ибо префиксация только частный случай синтетической аффиксации. Таким образом, древнеегипетский синтетический глагол суффиксального спряжения превратился в аналитический новоегипетский глагол, а последний — в коптский синтетический глагол префиксального спряжения.

Отметим, что староегипетский этап развития языка, с одной стороны, и последующие, — с другой, существенно отличаются и по месту ударения: в древности оно во всех сложных фор-

⁵¹ Fr. Hintze, *Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung*, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 1, 1947, S. 91.

⁵² W. Till, *Koptische Grammatik*, § 82.

⁵³ Urk., VI, 93, 13; Urk., VI, 117, 1.

мах падало на первую часть, позднее — на последнюю. Как указывает К. Зете, оно вообще переместилось ближе к концу⁵⁴.

§ 50. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

Исследуя замечательные литературные произведения Египта, а также тексты иного содержания, мы то и дело встречаемся с очень серьезными трудностями в понимании отдельных мест, трудностями, свидетельствующими о несовершенстве [225] наших познаний в египетском языке. Несмотря на это, научный уровень египетской филологии достаточно высок, чтобы дать возможность не только разобраться во многих сложных проблемах, связанных с изучением языка, но и составить адекватное представление о его особенностях, из которых, пожалуй, главная — архаизм.

В начале своей грамматики А. Гардинер отмечает, что «самой характерной чертой египетского языка на всех стадиях его развития является конкретный реализм, ориентация на внешний облик предметов и явлений, пренебрежение к представлениям, играющим большую роль в современных и даже классических языках. Такие оттенки мышления, которые выражены в словах "мог бы", "должен был бы", "может", "едва ли", а равно такие абстракции, как "причина", "мотив", "долг", принадлежат к более поздней стадии лингвистического развития ... Философские размышления заменены у египтян исключительной наблюдательностью. Интеллектуальные и эмоциональные качества обычно описаны посредством жестов и выражений, которыми сопровождалось их проявления, например „щедрость" — это "протягивание руки" (*3wt-ʿ*), "ловкость" — это "острота лица" (*spd hr*)»⁵⁵. Такую особенность египетского языка А. Гардинер гипотетически объясняет отсутствием у египтян склонности к отвлеченному мышлению, и полагает, что это доказывает вся их культура (вопреки мнению древних греков, считавших египтян мудрецами и философами). Лаконичное замечание маститого английского ученого нуждается в уточнении и дополнении. А. Гардинер, конечно, прав, утверждая, что мышление египтян в целом имело конкретную направленность и что абстрактные категории сравнительно мало привлекали их внимание. Подобную же мысль намного раньше А. Гардинера высказал и Б. А. Тураев, который находил, что «здесь всецело господствует практический дух ежедневного обихода и исключается всякое умозрение»⁵⁶. Мы не станем оспаривать этих положений, однако отметим что Мемфисский богословский трактат, например, или Медицинский папирус Эдвина Смита свидетельствуют о высоком уровне абстрактного мышления.

Конкретность мышления египтян определялась историческими причинами, и если даже видеть в этом утилитарные черты характера населения Древнего Египта, то нельзя забывать, что характер каждого народа далеко не постоянен и является следствием исторического развития. Учитывая, что [226] египтяне были создателями одной из древнейших мировых цивилизаций (а может быть, и самой древнейшей), которой предшествовало доисторическое варварство, станет понятна причина утилитарности их мышления. Перед создателями великой культуры долины Нила в первую очередь стояли чисто практические задачи; их решение способствовало появлению зачатков абстрактного мышления, первых обобщений.

Положение о связи конкретности языка с его архаичностью подтверждается изучением языков ряда африканских, азиатских и океанических народов. Л. Леви-Брюль опубликовал данные, представляющие большой интерес для сравнительного языкознания. Собранные Л. Леви-Брюлем материалы иллюстрируют главную особенность этих языков — способность в мельчайших подробностях передавать конкретные детали окружающей действительности: «Общая тенденция таких языков заключается в том, чтобы описывать не впечатление, полученное воспринимающим субъектом, а форму, очертание, положение, движение, образ действия объектов в пространстве, одним словом, то, что может быть воспринято и нарисовано»⁵⁷.

Л. Леви-Брюль указывает, что в таких языках «все представлено в виде образов-понятий, т. е. своего рода рисунками, где закреплены и обозначены мельчайшие детали (а это верно не

⁵⁴ K. Sethe, *Die Vokalisation der Ägyptischen*, — ZDMG, Bd. 77, 1923, S. 190 ff.

⁵⁵ Gardiner, *Grammar*, § 3.

⁵⁶ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, М., 1920, стр. 17.

⁵⁷ L. Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales des sociétés inférieures*, Paris, 3-me éd., 1918, p. 175.

только в отношении живых существ, но и в отношении всех предметов, каковы бы они не были, в отношении всех движений, всех действий, всех состояний). Поэтому словарь этих языков должен отличаться таким богатством, о котором наши языки дают лишь весьма отдаленное представление. И действительно, это богатство вызывало удивление многих исследователей⁵⁸. Приведем несколько данных, собранных Л. Леви-Брюлем⁵⁹: у некоторых австралийцев имеются специальные названия правой и левой руки; в языке маори существуют особые термины для обозначения хвоста рыбы, птицы, животного; в языке одного южноафриканского племени разные виды дождя называются по-разному, у лопарей есть специальные термины для обозначения оленей разного возраста (от одного до семи лет); в их же языке двадцать слов обозначают лед, одиннадцать — холод, сорок одно — таяние снега; в языке гурунов имеются особые термины, выражающие передвижение по воде и суше; в некоторых африканских языках [227] есть несколько глаголов, обозначающих разные способы передвижения и т. д. Приведенные примеры (число их можно легко умножить) вполне убедительно доказывают, что во многих языках богатство лексики служит для выражения подробностей и конкретности, неизвестных более развитым языкам, а не для передачи абстрактных понятий, которых, конечно, гораздо меньше.

С развитием отвлеченного мышления конкретизирующая тенденция слабеет, специфические различия между многими словами стираются: эти слова становятся синонимами. Один из исследователей алеутского языка так описывает подобный процесс: «мало-помалу понимание всех этих бесконечных тонкостей затемняется, и нынешние алеуты употребляют, не делая различий, одну глагольную форму в нескольких значениях или несколько глагольных форм в одном значении; если туземца спросить, что побуждает его употреблять данную форму, а не другую, он окажется в большом затруднении»⁶⁰.

Таким образом, синонимы не были в глубокой древности синонимами, а их многочисленность в языке — неопровержимое свидетельство его архаизма.

Леви-Брюль приводит слова Гатчета, исследователя языков североамериканских индейцев, очень удачно назвавшего конкретность, присущую наречиям индейцев «живописующей тенденцией»⁶¹.

Эта тенденция свойственна и египетскому языку, лексика которого отражает ее в достаточной степени. Леви-Брюль отмечает еще одно очень интересное наблюдение Гатчета. Последний считал, что «категория положения — расположение в пространстве и расстояние — имеет в представлениях ряда народов такие же основное значение, какие для нас имеют категории времени и причинности»⁶². Языкам некоторых народов присуще множество специальных слов, служащих для выражения конкретизации и детализации пространственных отношений. Следы этого явления обнаруживаются и в египетском языке. Углубленное исследование двух казалось бы синонимичных предлогов позволило Б. Ганну установить, что они передают разные пространственные отношения:

hr-tp, букв. "под головой" имеет специальное значение «быть около лежащего человека», предлог *tp-mʒʕ*, [228] букв. "на виске" означает «быть около движущегося человека»⁶³.

В египетском языке подобные явления стали пережиточными, потеряли свою специфику и потускнели.

Поэтому очень часто бывает трудно уловить различные оттенки значений, выражаемые синонимами. Так, только для некоторых из многочисленных глаголов движения удастся установить точные значения: *iw* "приходить", *hʒj* "спускаться", *ʃm* "идти" и др.

Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с содержанием Берлинского словаря, чтобы убедиться в том, что очень многие египетские слова, в глубокой древности имевшие, по всей вероятности, разные значения, воспринимаются нами как синонимы. Например, понятие «наводнение» обозначают 13 слов, «крыло» — 7 слов, «мрак» — 10 слов, «огонь» — 21 слово и т. д.

---

⁵⁸ Ibid., p. 192.

⁵⁹ Ibid., pp. 173–175, 192–198.

⁶⁰ Ibid., p. 193.

⁶¹ Ibid., p. 161.

⁶² Ibid.

⁶³ B. Gunn, *Notes on Egyptian lexicography*, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 145–146.

Именно в свете этих фактов следует подходить и к собранным Ж. Байэ многочисленным египетским терминам, передающим понятие «раб»⁶⁴. С точки зрения нашей абстрагирующей социальной классификации, для выражения этого понятия не может быть столько терминов. Неоднократно выдвигалось предположение, что среди них лишь некоторые обозначают рабов, а остальные — людей иных социальных прослоек. Не отрицая такой возможности, отметим, однако, что подобный подход к этой проблеме обусловлен современной точкой зрения, современным восприятием языка и терминологии. Скорее всего, эти термины отражают деление людей не по абстрактной социальной характеристике, а по каким-то вполне конкретным, для нас до сих пор неуловимым признакам, например по занятиям, месту жительства, расе, народности, принадлежности тому или иному лицу и т. д.

Архаические черты египетского языка проявляются и в некоторых особенностях его структуры, так, например, египетский язык не выработал четкого и ясного способа для выражения косвенной речи; неудовлетворительна, с нашей точки зрения, координация слов и предложений: отсутствуют союзы, нет многих служебных слов, выполняющих важные функции в европейских языках (таких, как «вследствие», «так что», «как бы», «чтобы», «однако», «хотя бы», «примерно», «относительно» и т. п.). [229]

Мы уже отмечали практическую направленность мышления египтян, которая видна в основном из текстов.

Допустимо ли, однако, из сопоставления этого факта с характером египетского языка делать вывод о тесной органической связи между обоими явлениями? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным.

Язык египтян сложился в доисторическую эпоху. Египтяне же с исторических времен унаследовали язык, созданный их далекими предками, народом первобытным и примитивным. Умственный практицизм древних египтян, конечно, ни в коей мере нельзя считать следствием их примитивности и, тем более, первобытности. Египтяне исторических времен приспособились к своему архаическому языку. Многие буквальные выражения они воспринимали как отвлеченные, например, предлог *r-sʒ* буквально значит «к спине», употреблялся же он в смысле «за», «после» не только в пространственном значении, но и во временном. Примерами переосмысления пережиточных архаических слов и выражений могут служить рассмотренные глагольные формы суффиксального спряжения и относительные формы, воспринимавшиеся египтянами как активные; их происхождение от пассивного причастия было давно забыто. Изложенная выше история числительного 10 000 также очень показательна.

Естественно, возникает вопрос, почему же египтяне не усовершенствовали свой язык? Дело в том, что язык в историческом развитии всегда намного отстает от мышления, новые формы которого обычно приспособливают уже существующие языковые нормы для своих целей. Судить об уровне мышления народа на основании грамматики и лексики можно лишь очень условно и ограниченно. Египтяне исторических времен, сумев пользоваться архаическим языком предков, тем самым в значительной мере утратили стимул к его усовершенствованию; мы говорим — в значительной мере, но не полностью, так как язык все же изменялся и совершенствовался. Неверно полагать, что архаизм языка не дает ему возможности выражать мысли и представления, возникшие на более поздних ступенях развития культуры. Гибкость и живучесть языка проявляются именно в возможностях приспособления к новым потребностям. Египтяне исторических времен создали на своем языке, невзирая на его архаичность, древнейшие в мире художественные произведения — подлинные шедевры литературы, отличающиеся и изысканностью стиля, и изяществом метафор, и образностью сравнений, и подбором слов, создающих определенный ритм. Поэтому абсолютно неправ М. Пипер, по мнению которого, египетский язык [230] «несовершенное орудие»⁶⁵. Заслуженную отповедь М. Пиперу дал А. де Бук, указавший, что утверждение М. Пипера является проявлением европейского эгоцентризма и не выдерживает серьезной критики с точки зрения языкознания. А. де Бук подчеркивает, что еги-

---

⁶⁴ J. Baillet, *Les noms de l'esclave en égyptien*, — RT, vol. 27, 1905, pp. 193–217; vol. 28, 1906, pp. 113–131; vol. 29, 1907, pp. 8–25.

⁶⁵ M. Pieper, *Die ägyptische Literatur*, Potsdam, 1927.

петский язык так же гибок и совершенен, как французский или арабский, и что только недостаточное знание его способствует возникновению ложных представлений⁶⁶.

Вторая характерная особенность египетского языка — его склонность к именным предложениям и оборотам. В. В. Струве отмечает, что в египетском языке, как и в других семито-хамитских языках, во все периоды его истории большую роль играли именные предложения⁶⁷. К ним относятся предложения с предикативным существительным или местоимением, прилагательным и адвербиальным оборотом, а также ложноглагольная конструкция. Кроме того, нередко в повествовании или в заголовках неопределенное наклонение глагола применяется в качестве повествовательной формы. Наконец, суффиксальные формы спряжения происходят от пассивного причастия (следовательно, имени) с притяжательным суффиксом. Формы суффиксального спряжения иногда трактуются как существительные в «родительном падеже», управляемом существительным или другой частью речи. В этих случаях суффиксальная глагольная форма служит определением управляющего слова. Например: *ht nbt nfrt nt šsp hm.f*, букв. "всякие хорошие вещи получения его величеством"; здесь *šsp hm.f* (т. е. форма *sdm.f* глагола *šsp* с подлежащим *hm.f*, предшествуемая служебным прилагательным женского рода *nt*) является косвенным родительным падежом, служащим определением предшествующих слов *ht nbt nfrt* "всякие хорошие вещи". Так же употребляется и форма *sdm.n.f: ink nsw n šhpr.n.f* "я царь его воспитания" (т. е. "которого он воспитал").

Если, с одной стороны, как отмечалось выше, древние именные и пассивные обороты в процессе развития языка превратились в активные глагольные формы, то, с другой стороны, создавались новые именные конструкции; в коптском языке разные типы именных предложений пользуются полным правом гражданства⁶⁸. [231]

Еще одна отличительная черта египетского языка — стойкость порядка слов в предложении. Перестановка частей предложения по усмотрению говорящего, закономерная в других языках (например в русском, греческом и т. д.), недопустима в египетском.

Вполне понятно, что архаизм языка обуславливается рядом исторических причин. В то же время объяснить роль именных оборотов и неизбежность порядка слов очень трудно. А. Гардинер, говоря о последней особенности и сопоставляя ее с египетской архитектурой, пишет: «Стремление к строгому порядку и симметрии бросается в глаза как характерные черты разных отраслей культуры древних египтян. Разве не кажется необходимым наличие и в языке специфических национальных особенностей?»⁶⁹.

Однако А. Гардинер не развивает и не аргументирует свою мысль, т. е. по существу он никакого объяснения не предлагает.

Постановка А. Гардинером этого вопроса связана с высказанной на страницах того же исследования мыслью: «со своей стороны, я считаю несомненным, что различие между языками разных систем соответствует различию мышления». Таким образом, А. Гардинер затронул кардинальную для лингвистики проблему языка и мышления. Со свойственной ему осторожностью маститый английский ученый не сделал никаких, даже гипотетических выводов. Отметим, что Б. Уорф, по утверждениям которого культура народа находится в зависимости от его языка, все же признал необходимым отговориться: «между культурными нормами и языковыми моделями есть связи, но нет корреляций или прямых соответствий»⁷⁰. Вместе с тем следует твердо помнить, что «всякие попытки установить прямой параллелизм между явлениями языка и культуры оказались малоубедительными... Но если между явлениями культуры и фактами структуры языка нет прямой причинной зависимости и прямого соответствия, то между ними несомненно существует общая зависимость, благодаря которой изменения в культуре могут находить косвенное опосредствованное отражение в языке... Наличие такой зависимости можно до-

⁶⁶ A. de Buck, *Défense et illustration de la langue égyptienne*, — CdE, année 22, 1947, pp. 23–37.

⁶⁷ В. В. Струве, *Стадиальная семантика египетской глагольной формы sdm.f*, — сб. «Академику Н. Я. Марру», М.–Л., 1935, стр. 845.

⁶⁸ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 241.

⁶⁹ А. Н. Gardiner, *Some aspects of the Egyptian language*, — «Proceedings of the British academy», vol. 23, 1937, p. 99.

⁷⁰ Б. Уорф, *Отношение норм поведения и мышления к языку*, — «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 168.

пустить и в области грамматических значений, поскольку в грамматике нет ничего такого, чего не было бы [232] предварительно в лексике»⁷¹. Безусловно, язык имеет свои внутренние законы развития, непосредственно не зависящие от внешних факторов. Но также несомненно, что язык не изолирован от культуры народа, что между языком и культурой имеется какое-то взаимодействие⁷². Однако установление конкретной опосредствованной взаимозависимости между фактами языка и фактами культуры требует доказательства в каждом данном случае, и вряд ли это всегда возможно. Поэтому, несмотря на соблазнительность разных сопоставлений, к ним надо относиться с большой осторожностью.

Американский египтолог Лутц пытался объяснить причину распространенности именных конструкций в египетском языке картинностью египетского иероглифического письма: «звук слова как бы вызывал образ, привычный для глаза в письме, и этот образ возникал перед духовным взором в разговоре. По этой причине египетские предложения, как правило, являются именными»⁷³.

Такое объяснение совершенно неприемлемо: во-первых, характерные особенности языка сложились задолго до возникновения письма; во-вторых, именные обороты распространены и в ряде других языков, не имевших иероглифического письма.

К сожалению, наука до сих пор не в состоянии ответить на вопрос, почему именно возникли специфические особенности того или другого языка. [233]

---

⁷¹ В. А. Звегинцев, *Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа*, — «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 132–133.

⁷² Г. О. Винокур, *О задачах истории языка*, — в кн.: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков*, ч. II, М., 1960, стр. 251–252.

⁷³ H. Fr. Lutz, *Speech consciousness among Egyptians and Babylonians*, — «Osiris», vol. 2, 1936, pp. 8–9.

БИБЛИОГРАФИЯ

Прилагаемая библиография отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. Здесь опущены (как устаревшие) почти все работы, относящиеся к первым десятилетиям Существования египтологии; исключение сделано лишь для основных трудов Фр. Шампольона. Однако и среди приведенных исследований многие представляют в настоящее время только частичный интерес. Не помещены и многочисленные статьи и заметки, посвященные отдельным иероглифическим знакам и словам. Из работ по коптской, семитской и хамитской филологии упомянуты лишь те общие труды, которые имеют непосредственное отношение к египетской филологии.

Более полную библиографию можно найти в специальных справочниках: Ibrahim-Hilmy, *The literature of Egypt and the Soudan from the earliest times to the year 1885 inclusive*, vol. I–II, London, 1886—1888; Ida A. Pratt. *Ancient Egypt*, vol. I–II. New York, 1925–1942; I. M. A. Janssen. *Annual Egyptological bibliography*. Leiden, 1947–1960; W. Kamraerer. *A Coptic bibliography*. Ann Arbor, 1950, а также в ежегодных библиографических обзорах, публикуемых в журналах «Orientalia», «Aegyptus», JEA, CdE и др.

Происхождение египетского языка и его место среди других языков

- Крымский А. Е. Семитские языки и народы, М., 1909–1912.
- Ольдерогге Д. А. Происхождение народов Центрального Судана (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко), — «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 23–38.
- Ольдерогге Д. А. Хамитская проблема в африканистике, — «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 157–170.
- Снегирев И. Л. Материалы к историческому определению древнеегипетского языка, — «Язык и мышление», т. 1, 1933, стр. 15–28.
- Albright W. F. Ein agyptisch-semitisches Wort für «Schlangenhaut», — OLZ, Jg. 24, 1921, Sp. 58–59.
- Albright W. F. Notes on Egypto-Semitic etymology, — AJSLL, vol. 34, 1918, pp. 81–98, 215–255. [234]
- Albright W. F. Notes on Egypto-Semitic etymology, — JAOS, vol. 47, 1927, pp. 198–237.
- Bates O. *The eastern Lybians*, London, 1914.
- Behnk Fr. Lexicalische Beiträge zur ägyptisch-semitischen Sprachvergleichung, — ZÄS, Bd 62, 1927, Ss. 80–83.
- Behnk Fr. Über die Beziehungen des Ägyptischen zu den hamitischen Sprachen, — ZDMG, Bd 82, 1928, Ss. 136–141.
- Benfey Th. Über das Verhältnis der agyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm, Leipzig, 1844.
- Brockelmann C. Ägyptisch-semitischen Etymologien, — «Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete», Leipzig, Bd 8, 1932, Ss. 99–117.
- Brockelmann C. Gibt es einen hamitischen Sprachstamm? — «Antropos», Fribqurg, Bd 27, 1923, Ss. 797–818.
- Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Bd I–II, Berlin, 1908–1913.
- Brockelmann C. Kurzgefasste vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen. Elemente der Laut- und Formenlehre, Berlin, 1908.
- Brockelmann C. Précis des linguistique sémitique, Paris, 1910.
- Brockelmann C. Semitische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1916.
- Brockelmann C. Zur semito-ägyptischen Etymologie, — «Mélanges Maspero», pp. 379–383.
- Calice Fr. Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung; eine kritische Diskussion des bisherigen Vergleichsmaterials, hrsg. von H. Balcz, — «Beiheft zu WZKM», fasc. II, Wien, 1936.
- Calice Fr. Über semitisch-ägyptische Sprachvergleichung, — ZDMG, Bd 85, 1931, Ss. 25–137.
- Calice Fr. Zur ägyptisch-semitischen Wurzelverwandtschaft, — ZÄS, Bd 39, 1901, Ss. 146–147.
- Chabot J. B. Inscriptions punico-libyques, — «Journal asiatique», Paris, serie 11, vol. II, 1918, № 2, pp. 259–302.

- Cohen M. Chronique de linguistique chamito-sémitique, — «Revue des études sémitiques», Paris, 1934, № 3–4, pp. XIII–XXX.
- Cohen M. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique, Paris, 1947.
- Cohen M. Langues chamito-sémitiques et linguistique historique, — «Rivista di scientia», Bologna, vol. 86, 1951, pp. 304–310.
- Cohen M. Les langues dites «chamitiques», — «Comptes-rendus du Congrès de l'Institut international des langues africaines», 1931, octobre, pp. 35–40.
- Cohen M. Les résultats acquis, de la grammaire comparée chamito-sémitique, — «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», année 1933, Paris, 1934, pp. 17–31.
- Cohen M. Sémitique, égyptien, libyco-berbère, couchitique, — «Bibliotheca Orientalis», Leiden, vol. 10, 1953, pp. 88–90.
- Cohen M. Sur l'affixe *n* dans les verbes expressifs des divers langues chamito-sémitiques, — «Mélanges Maspero», pp. 705–719.
- Cohen M. Sur la forme verbale égyptienne dite «pseudoparticipe», — MSLP, t. 22, 1922, p. 242 et suiv.
- Dhorme P. Langues et écritures sémitiques, Paris, 1930.
- Drexel A. Der semitische Triliterismus und die afrikanische Sprachforschung, — WZKM, Bd 31, 1924, Ss. 219–236, 249–277; Bd 32, 1925, Ss. 1–31.
- Drival E. van. Grammaire comparée des langues sémitiques et de l'égyptien, Paris, 1879.
- Durand A. Le pronom en égyptien et dans les langues sémitiques, — «Journal asiatique», Paris, série 9, vol. 5, 1895, pp. 412–463.
- Ember A. Egypto-Semitic studies, Leipzig, 1930. [235]
- Ember A. Kindred Semito-Egyptian words, — ZÄS, Bd 49, 1911, Ss. 93–94
- Ember A. Kindred Semito-Egyptian words, — ZÄS, Bd 51, 1914, Ss. 110–121.
- Ember A. Kindred Semito-Egyptian words, — ZÄS, Bd 53, 1917, Ss. 83–90.
- Ember A. Mehri parallels to Egyptian stems with prefixed *h*. — ZÄS, Bd 51, 1914, Ss. 138–139.
- Ember A. Notes on the relation of Egyptian and Semitic, — ZÄS, Bd 50, 1912, Ss. 86–90.
- Ember A. Partial assimilation in Old Egyptian, — «Oriental studies published in commemoration of the fortieth anniversary of Paul Haupt» Baltimora, 1926, pp. 300–312.
- Ember A. Semito-Egyptian sound changes, — ZÄS, Bd 49, 1911, Ss. 87–92.
- Ember A. Several Egypto-Semitic etymologies, — «Oriens», Leiden, vol. I, 1926, pp. 5–8.
- Ember A. Several Egypto-Semitic particles, — «Zeitschrift für Assyriologie», Leipzig, Bd 28, 1914, Ss. 302–306.
- Ember A. The etymological equivalent in Egyptian of the common Semitic word for «life», — OLZ, Jg. 19, 1916, Sp. 72–74.
- Erman A. Das Verhältnis des Ägyptischen zu den semitischen Sprachen, — ZDMG, Bd 46, 1892, Ss. 93–129.
- Friedrich J. Semitisch und Hamitisch, — «Bibliotheca Orientalis», Leiden, vol. 9, 1952, pp. 1154–1157.
- Gordon C. Egypto-Semita, — «Rivista degli studi orientali», Roma, vol. 32, 1957, pp. 269–277.
- Gordon C. H. Marginal notes on the Ancient Middle East, — «Jahrbuch für kleinasiatischen Forschung», Heidelberg, Bd 2, 1951, Ss. 50–61.
- Gsell St. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, t. 1, eh. 5, Paris, 1914.
- Hintze Fr. Zur hamito-semitischen Wortvergleihung, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd 5, 1951, Ss. 65–67.
- Holma H. Zur semitisch-hamitischen Sprachverwandschaft, — «Zeitschrift für Assyriologie», Leipzig, Bd 32, 1918–1919, Ss. 34–47.
- Hommel Fr. Über den Grad der Verwandtschaft des Altägyptischen mit dem Semitischen, — «Beiträge zur Assyriologie», Leipzig, Bd 2, 1894, Ss. 342–358.
- Hrozny B. Sur quelques rapports entre Sumer-Akkad et l'Égypte au IVe millénaire avant J.—C., — «Archiv orientální», Praha, vol. 10, 1938, pp. 369–374.
- Klingenheben A. Die Präfix- und die Suffixkonjugationen des Hamito-semitischen, — MIO, Bd 4, 1956, Ss. 211–277.
- Lacau P. Égyptien et sémitique, — «Syria», Paris, t. 31, 1954, pp. 286–306.
- Lefebvre G. Sur l'origine de la langue égyptienne, — CdE, année 11, 1936, pp. 266–292.
- Leslau W. Semitic and Egyptian Comparisons, — JNES, vol. XXI, 1962, pp. 44–49.

- Lexa Fr. Comment se révèlent les rapports entre les langues hamitiques, sémitiques et la langue égyptienne dans la grammaire des pronoms personnels des verbes et dans les numéros cardinaux 1–9, — «Philologica», London, vol. 1, 1921–1922, pp. 151–177.
- Lexa Fr. Le développement de la langue égyptienne aux temps préhistoriques, — «Archiv orientální», vol. 10, 1938, pp. 390–426.
- Littmann E. Bemerkungen zur ägyptisch-semitischen Sprachvergleichung, — ZÄS, Bd 67, 1931, Ss. 63–68.
- Lukas J. Die Verbreitung der Hamiten in Afrika, — «Scientia», Bologna, vol. 65, 1939, pp. 108–118.
- Marcy G. Les inscriptions libyques bilingues de l'Afrique du Nord, — «Cahiers de la Société asiatique», Paris, 1936. [236]
- Maspero G. Des pronoms personnels en égyptien et dans les langues sémitiques, — MSLP, t. 2, 1875, pp. 1–8.
- Meillet A. — Cohen M. Les langues du monde, Paris, 1952.
- Meinhof C. Die Sprachen der Hamiten, Hamburg, 1912.
- Möller G. Ägyptisch-libysches, — OLZ, Jg. 24, 1921, Sp. 193–197.
- Möller G. Die Ägypter und ihre libyschen Nachbarn, — ZDMG, Bd 78, 1924, Ss. 36–60.
- Müller W. M. Ein libysch-ägyptisches Wort, — WZKM, Bd 26, 1912, Ss. 428–431.
- Naville E. Hebraeo-egyptiaca, — PSBA, vol. 34, 1912, pp. 180–196, 308–315.
- Naville E. L'évolution de la langue égyptienne et les langues sémitiques, Paris, 1920.
- Nöldeke Th. Die semitischen Sprachen, Leipzig, 1899.
- O'Callaghan R. O. The word *ktp* in Ugaritic and Egypto-Kanaanite mythology, — «Orientalia», Roma, vol. 21, 1952, pp. 37–46.
- Keinisch L. Das persönliche Fürwort und die Verbalflexion in den chamitosemitischen Sprachen, Wien, 1909.
- Reinisch L. Das Zahlwort «vier» und «neun» in den chamito-semitischen Sprachen, — «Sitzungsberichte Wiener Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Kl., Bd 121, 1890, Abh. 12.
- Revillout E. Les voyelles en égyptien et dans les langues sémitiques, — «Revue égyptologique», Paris, vol. 13, 1911, pp. 134–136.
- Rochemonteix M., Essai sur les rapports grammaticaux qui existent entre l'égyptien et le berbère, Paris, 1894; также: «Bibliothèque égyptologique», t. 3, Paris, 1894.
- Rössler O. Akkadisches und libysches Verbum, — «Orientalia», Roma, vol. 20, 1951, pp. 101–107, 366–373.
- Rössler O. Der semitische Charakter der libyschen Sprache, — «Zeitschrift für Assyriologie», Bd 16, (NF), 1952, Ss. 121–1160.
- Rössler O. Die Sprache Numidiens, Sybaris, — «Festschrift Hans Krähe», Wiesbaden, 1958, Ss. 94–120.
- Rössler O. Verbalbau und Verbalflexion in den semito-hamitischen Sprachen. Vorstudien zu einer vergleichenden semito-hamitischen Grammatik, — ZDMG, Bd 100, 1950, Ss. 461–514.
- Sellus O. Phonetic relations of Egyptian and Semitic, — AJSLL, vol. 50, 1934, pp. 109–110.
- Sethe K. Die ägyptischen Ausdrücke für «jeder» und ihre semitischen Entsprechungen; ein neues Zeugnis für die Verwandtschaft des Ägyptischen mit den semitischen Sprachen, — «Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete», Leipzig, Bd 5, 1927, Ss. 1–5.
- Sottas H. L'égyptologie en tant que discipline philologique, — «Scientia», Bologna, vol. 27/28, 1920, p. 120 sq.
- Thacker. T. W. The relationship of the Semitic and Egyptian verbal Systems, London, 1954.
- Till W. Die Zusammenhänge zwischen den ägyptischen und semitischen Personalpronomina, — WZKM, Bd 33, 1926, Ss. 236–251.
- Vycichl W. Ägyptisch-semitische Anklänge, — ZÄS, Bd 84, 1954, Ss. 145–147.
- Vycichl W. Aegyptiaka. Beiträge zur vergleichenden Hamitosemitistik — WZKM, Bd 40, 1933, Ss. 171–180.
- Vycichl W. Amharique *denk*, égyptien *dng*, — «Annales d'Ethiopie», Paris, vol. 2, 1957, pp. 248–249.
- Vycichl W. Das berberische Perfekt, — «Rivista degli studi orientali», Roma, vol. 27, 1952, pp. 74–80.
- Vycichl W. Das persönliche Fürwort in Bedja und im Tigré, — «Muséon», Louvain, vol. 66, 1953, pp. 157–161. [237]
- Vycichl W. Der bestimmte Artikel in der Bedja-Sprache. Seine Beziehungen zum Ägyptischen und Berberischen, — «Muséon», Louvain, vol. 66, 1958, pp. 373–379.

- Vycichl W. Die ägyptische Ausdrücke für «selbst»,— «Muséon», Louvain, vol. 66, 1953, pp. 41–44.
- Vycichl W. Die berberischen Nomina der Form *abukad*, *afunas* etc.,— «Aegyptus», Milano, anno 34, 1954, pp. 76–86.
- Vycichl W. Die Fürsten von Libyen, — «Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napofī», Roma, nuova serie, vol. 6, 1954–1956, p. 43–48.
- Vycichl W. Die Nisbe-Formationen im Berberischen,— «Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli», Roma, nuova serie, vol. 4, 1952, pp. 111–117.
- Vycichl W. Eine vorhamitische Sprachschicht im Altägyptischen, — ZDMG, Bd 101, 1951, Ss. 67–77.
- Vycichl W. Gedanken zur ägyptisch-semitischen Verwandtschaft, — «Muséon», Louvain, vol. 73, 1960, N 1–2, pp. 173–176.
- Vycichl W. Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung, — MDAIK, Bd 16, 1958, Ss. 367–405.
- Vycichl W. Hausa und Ägyptisch, — MSOS, Jg. 37, 1934, Abt. 3, Ss. 36–116.
- Vycichl W. Is Egyptian a Semitic language? — «Kush», Khartum, vol. 7, 1959, pp. 27–44.
- Vycichl W. Notes sur la préhistoire de la langue égyptienne, — «Orientalia», Roma, vol. 123, 1954, pp. 217–222.
- Vycichl W. Old Nubian studies, — «Kush», Khartum, vol. 6, 1958, pp. 172–174.
- Vycichl W. Studien der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung, — ZÄS, Bd 84, 1959, Ss. 70–77.
- Vycichl W. Three problems of North African Chronology. The Canary Islands — the Hoggar in the Central Sahara — Old Egypt,— «Actes du IV congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques Vienne, 1–8 septembre 1952», t. III, Wien, 1956, pp. 6–8.
- Vycichl W. Trois études de linguistique amharique, — «Annales d'Ethiopie», Paris, vol. 2, 1937, pp. 167–179.
- Vycichl W. Urägyptische Wortschatz, — «Archiv für ägyptische Archäologie», Wien, Bd 1, 1938, S. 133 ff.
- Vycichl W. Was sind Hamitensprachen?, — «Africa», London, vol. 8, 1935, pp. 76–89.
- Vycichl W. Zur Herkunft der amharischen Plurale *bjet^woč*, *gjet^woč* etc. Ihre Beziehungen zum Ursemitischen und Altägyptischen, — «Aegyptus», Milano, anno 32, 1952, pp. 491–494.
- Ward W. Comparative studies in Egyptian and Ugaritic, — JNES, vol. 20, 1961, pp. 34–41.
- Ward W. A. Some Egypto-Semitic roots, — «Orientalia», Roma, vol. 31, 1962, pp. 397–412.
- Yeivin S. Studies in comparative Egypto-Semitics, — «Kêmi», Paris, t. 6, 1936, pp. 63–80.
- Zimmern H. Das Verhältnis des assyrischen Permansivs zum semitischen Perfect und zum ägyptischen «Pseudo-particip» untersucht unter Benutzung der El-Amarna Texte,—«Zeitschrift für Assyriologie», Leipzig, Bd 5, 1890, Ss. 1–22.
- Zyhlarz E. Das geschichtliche Fundament der hamitischen Sprachen, — «Africa», London, Bd 9, 1936, Ss. 433–452.
- Zyhlarz E. Die ägyptisch-hamitische Dekade, — ZÄS, Bd 67, 1931, Ss. 133–139.
- Zyhlarz E. Die Sprachreste der unteräthiopischen Nachbarn Altägyptens, [238] — «Zeitschrift für eingeborenen Sprachen», Berlin, Bd 25, 1935, Ss. 161–188, 241–261.
- Zyhlarz E. Die «unbekannte» Schrift des antiken Südspaniens, — ZDMG, Bd 87, 1938–1934, Ss. 50–67.
- Zyhlarz E. Konkordanz ägyptischen und libyscher Verbalstammtypen, — ZÄS, Bd 70, 1934, Ss. 107–122.
- Zyhlarz E. Ursprung und Sprachcharakter des Altägyptischen, — «Zeitschrift für eingeborenen Sprachen», Berlin, Bd 23, 1932–1933, Ss. 25–45, 81–110, 161–194, 241–254.

*Связи египетского языка с африканскими, индоевропейскими,
кавказскими и другими языками*

- Лившиц И. Г. Марр и египтология, — «Язык и мышление», т. 8, 1937, стр. 189–200.
- Марр Н. Я. Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими, СПб., 1908.
- Марр Н. Я. Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими, — Избранные работы, т. I, 1933, стр. 23–38.
- Ольдерогге Д. А. О некоторых египто-нубийских словах,— «Сборник египтологического кружка при ЛГУ», № 1, 4929, стр. 13–14.

- Юшманов Н. В. Семито-хамито-яфетические сжатогортанные, — *Язык и мышление*, т. 11, 1946, стр. 395–405.
- Юшманов Н. В. Фонетические параллели африканских и языков, — сб. «Africana», т. 1, М.—Л., 1937, стр. 19–44.
- Abel K. Ägyptisch-indoeuropaeische Sprachverwandschaft, Leipzig, 1890.
- Abel K. Einleitung in ein ägyptisch-semitisch-indoeuropaeisches Wurzelwörterbuch, Leipzig, 1886.
- Abel K. Gegen Herrn Professpr Erman. Zwei ägyptologische Antikritiken, Leipzig, 1887.
- Abel K. L'affinité etymologique des langues égyptienne et indo-européennes, — «Mémoire destiné à la 10-ème Session du congrès international des orientalistes», Lisbonne, 1892.
- Abel H. Nubisch-ägyptisches Sprachgut, — «Zeitschrift für eingeborenen Sprachen», Berlin, Bd 24, 1034, Ss. 303–306.
- Abel K. Offener Brief an Professor Dr. Gustav Meyer in Sachen der ägyptisch-indogermanischen Sprachverwandschaft, Leipzig, 1891.
- Abel K. Über Wechselbeziehungen der ägyptischen, indoeuropaeischen und semitischen Etymologie, Leipzig, 1890.
- Abel K. Zur ägyptischen Etymologie, Berlin, 1878.
- Barenton H. de. La langue étrusque dialecte de l'ancien égyptien, Paris, 1920.
- Bissing Fr. Die altafrikanische Herkunft des Wortes «Pavian — Babuin» und sein Vorkommen als Gottesname in altägyptischen Texten, — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Kl., 1951, Hft 3.
- Cotteville-Giraudet R. L'ancien égyptien et les langues africaines, — «Revue anthropologique», Paris, année 46, 1936, pp. 56–73.
- Cuny A. Etudes prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-semitiques, Paris, 1924.
- Cuny A. Invitation à l'étude comparative des langues européennes et des langues chamito-sémitiques, Bordeaux, 1946.
- Cuny A. La catégorie du duel dans les langues indo-européennes et chamito-sémitiques, — «Mémoires publiés par l'Académie Royale de Belgique», Classe des lettres, Brüssel, Bd 28, 1930, S. 67. [239]
- Cuny A. La famille linguistique indo-européenne considérée dans ses rapports avec le groupe chamito-sémitique, — «Mélanges Maspero», pp. 257–266.
- Drioton E. Les langues negro-africaines et les peuples qui les parlent, — «Valeurs», Le-Caire, vol. I, 1945, pp. 78–83.
- Eichtal G. Etudes sur l'histoire primitive des races océaniques et américaines, — «Mémoires de la société ethnologique» t. 2, 1845, pp. 151–320.
- English P. T. Cushites, Colchians and Khazars, — JNES, vol. 18, 1859, pp. 49–53.
- Homburger L. De quelques éléments communs à l'égyptien et aux langues dravidiennes, — «Kemi», Paris, t. 14, 1957, pp. 26–34.
- Homburger L. Etudes de linguistique negro-africaine, Chartres, 1939.
- Homburger L. Indians in Africa, — «Man», London, vol. 86, 1956, pp. 18–21.
- Homburger L. La morphologie nubienne et l'égyptienne, — «Journal asiatique», Paris, vol. 218, 1931, pp. 249–279.
- Homburger L. Les langues africaines modernes et l'égyptien ancien, — MSLP, t. 23, 1929, pp. 149–174.
- Homburger L. Les langues négro-africaines et les peuples qui les parlent, Paris, 1957.
- Homburger L. Les langues nilotiques et l'égyptien, — «International congress of linguists, Rome, 1933», Atti, Firenze, 1936, p. 200 et suiv.
- Homburger L. Les noms égyptiens des parties du corps dans les langues négro-africaines, «Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 1928, pp. 371–375.
- Homburger L. Les représentants de quelques hieroglyphes égyptiens en Peul, — MSLP, t. 23, 1930, pp. 277–812.
- Homburger L. L'Inde et l'Afrique, — «Journal de la Société des africanistes de Paris», t. 25, 1955, pp. 13–18.
- Homburger L. L'Inde et l'Egypte, — «Proceedings of the twentythird international congress of orientalistes», London, 1954, pp. 370–371.
- Homburger L. Notes sur quelques morphèmes communs à l'égyptien et aux langues négro-africaines, — «Journal asiatique», Paris, vol. 212, 1928, pp. 323–345.

- Huntingford Q. W. B. On the connection between Egypt and the Masai-Nandi group of East Africa,— «Ancient Egypt», London, 1926, pp. 10–11.
- Kuentz Gh. Les langues négro-africaines sont-elles d'origine égyptienne? Quelques remarques à propos d'une nouvelle théorie, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 36, 1935, pp. 79–81.
- La Grasserie R. de. De la parenté entre l'égyptien, les langues sémitiques et les langues indoeuropéennes d'après les travaux de M. K. Abel, — «Muséon», Louvain, vol. 13, 1894, pp. 78–88, 149–175, 269–298, 321–346.
- Mukarowsky G. Altmediterranes Wortgut in Westafrika, — WZKM, Bd 55, 1959, Ss. 1–83.
- Mukarowsky G. Das «Sonnenrind» der Ful'be, — WZKM, Bd 54, 1957, Ss. 131–140.
- Pokorny J. Sprachliche Beziehungen zwischen dem Alten Orient und den Britischen Inseln, — «Archiv orientální», Praha, vol. 19, 1951, pp. 268–270.
- Reinisch L. Der einheitliche Ursprung der Sprachen der alten Welt nachgewiesen durch Vergleichung der afrikanischen, erythräischen und indogermanischen Sprachen mit Zugrundelegung des Teda, Wien, 1873.
- Schultze M. Indogermanisch, Semitisch und Hamitisch, Berlin, 1873. [240]
- Tuttle H. Dravidian and Nubian, — JAOS, vol. 52, 1932, pp. 133–144.
- Vycichl W. Eine abnorme ägyptische Konstruktion *kj-j* «alius». Ägyptisch-berberische Parallelen, — «Muséon», Louvain, vol. 71, 1958, pp. 153–160.
- Vycichl W. Varia grammatica, — «Kush», Khartum, vol. 4, 1956, pp. 39–47.
- Vycichl W. Zur Topologie des Somali, — «Rivista degli studi orientali», Roma, vol. 31, 1956, pp. 221–227.
- Wancher W. La langue étrusque renaît, Copenhagen, 1951.
- Zyhlarz E. Sudan-ägyptisch im antiken Äthiopenreich von K'-ash, — «Kush», Khartum, vol. 9, 1961, pp. 226–257.

*История египетского языка.
Диалекты*

- Baillet A. Dialectes égyptiens, — RT, vol. 3, 1882, pp. 32–42; vol. 4, 1883, pp. 12–20ю
- Bakir M. Late Egyptian, — «Bulletin of the faculty of arts of the Alexandria university», vol. 6–7, 1952–1953, pp. 48–58.
- Edgerton W. Early Egyptian dialect interrelationships, — BASOR, N 122, 1951, April, pp. 9–12.
- Grapow H. Ägyptisch, vom Lebenslauf einer altafrikanischen Sprache, — «Der Orient in deutscher Forschung», Leipzig, 1944, Ss. 205–216.
- Grapow H. Vom Hieroglyphisch-Demotischen zum Koptischen. Ein Beitrag zur ägyptischen Sprachgeschichte, — SPAW, Phil.-hist. Kl., № 28, 1938, Ss. 322–349.
- Hintze Fr. Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd I, 1947, Ss. 85–108.
- Hintze Fr. «Konversion» und «analytische Tendenz» in der ägyptischen Sprachentwicklung, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd 4, 1950, Ss. 41–56.
- Kees H. Altägyptisch, — «Ägyptologie», Ss. 62–72.
- Lexa Fr. Le développement de la langue ancienne égyptienne, — «Archiv orientální», Praha, vol. 10, 1938, pp. 215–272.
- Lexa Fr. Les dialectes dans la langue démotique, — «Archiv orientální», Praha, vol. 6, 1934, pp. 161–172.
- Lutz H. Fr. Speech consciousness among Egyptians and Babylonians, — «Osiris», Louvain, vol. 2, 1936, pp. 1–27.
- Meulenaere H. de. Filologische criteria als hulpmiddel bij de datering von Laat-Egyptisch Beeldhouwerk, — «Handling van het XXII Vlaams Filologencongress», Gent, 1957.
- Otto E. Mittelägyptisch,— «Ägyptologie», Ss. 73–81.
- Otto E. Neuägyptisch (und Demotisch), — «Ägyptologie», Ss. 81–90.
- Piehl K. Dialectes égyptiens retrouvés au papyrus Harris № 1, Stockholm, 1882.
- Piehl K. Petites, notes de critique et de philologie. § 28. Forme dialectale de «citerne», — RT, vol. 2, 1880.
- Sainte Fare Carnot J. Les formules funéraires des stèles égyptiennes, — «Histoire générale des religions», vol. I, Paris, 1948, pp. 328–337.

- Sethe K. Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch und seine Lehren für die Geschichte der ägyptischen Sprache, — ZDMG, Bd 79, 1925, Ss. 290–316.
- Sethe K. Spuren der Perserherrschaft in der späteren ägyptischen Sprache, — NGWG, Phil-hist. Kl, 1916, Ss. 112–133. [241]
- Simon J. L'aire et la durée des dialectes coptes, — «Actes du quatrième congrès international des linguistes», Copenhagen, 1938, pp. 182–186.
- Stern L. Hieroglyphisch-Koptisches, — ZÄS, Bd 15, 1877, Ss. 72–88, 113–124.
- Stolte E. Analyse und Synthese in der Entwicklungsgeschichte des ägyptischen Verbs, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd 5, 1951, Ss. 240–244.
- Stricker B. H. De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis, Leiden, 1945.
- Vergote J. Les dialectes dans le domaine égyptien, CdE, année 36 1961, N 71, pp. 237–251.
- Vycichl W. A Late-Egyptian dialect of Elephanline, — «Kush», Khartoum, vol. 6, 1958, pp. 176–178.
- Vycichl W. Der Dialekt von Elephantine, — WZKM, Bd 43, 1936, Ss. 111–112.

Фонетика

- Донич С. О звуковом потенциале двух египетских графем, — «Советское востоковедение», 1958, № 6, стр. 86–88.
- Abel H. Tonverschmelzung gewisser Wortgruppen im Altägyptischen, Leipzig, 1910.
- Abel H. Zur Tonverschmelzung im Altägyptischen, Leipzig, 1910.
- Albright W. E. Cuneiform material for Egyptian prosography, JNES, vol. 5, 1946, pp. 7–25.
- Albright W. F. The new cuneiform vocabulary of Egyptian words, — JEA, vol. 12, 1926, pp. 186–100.
- Albright W. F. The principles of Egyptian phonological development, — RT, vol. 40, 1923, pp. 64–70.
- Bissing F. W. Die Umschreibung der Hieroglyphen, — «Aufsätze zur Kultur- und Sprachgeschichte vornemlich des Orients. Ernst Kühn zum 70 Geburtstag», Breslau, 1916, Ss. 115–118.
- Burchardt M. Ägyptische Eigennamen in semitischer Umschreibung, — ZÄS, Bd 50, 1912, Ss. 122–123.
- Calice Fr. Zur Entwicklung des u-Lautes im Ägyptischen und Koptischen, — ZÄS, Bd 63, 1928, Ss. 141–143.
- Czermak W. Die Laute der ägyptischen Sprache; eine phonetische Untersuchung. I. Die Laute des Alt- und Mittelägyptischen, § 1–135, Wien, 1931; II. Die Laute des Neuägyptischen, § 136–162, Wien, 1934. Dennis J. T. The transliteration of Egyptian, — JAOS, vol. 24, 1903, pp. 275–281.
- Dévaud E. Permutation de *r* avec *ʒ*, — «Sphinx», Uppsala, vol. 12, 1909, pp. 123–124.
- Dévaud E. Sur la Substitution d'un $\int$ secondaire à un —^{a} primaire, — «Sphinx», Uppsala, vol. 12, 1909, pp. 107–110.
- Edel E. Neue keilschriftliche Umschreibungen ägyptischer Namen aus den Bogazköytexten, — JNES, vol. 7, 1948, pp. 11–24.
- Edel E. Neues Material zur Herkunft der auslautenden Vokale *ə*- und *ɪ*- in Koptischen — ZÄS, Bd 86, 1961, Ss. 103–106.
- Edel E. Zur Vokalisation des Neuägyptischen, — MIO, Bd 2, 1954, Ss. 30–43.
- Edgerton W. Stress, vowel, quantity and syllabic division in Egyptian, — JNES, vol. 6, 1947, pp. 1–17. [242]
- Ember A. The equivalents of several Egyptian consonants in the other Semitic languages, — «The John Hopkins University circular», New Series, Baltimore, 1919, № 6, pp. 13–19.
- Erman A. Assimilation des ʿ Ajin an andere schwache Konsonanten, — ZÄS, Bd 46, 1909–1910, Ss. 96–104.
- Erman A. Die tonlosen Formen der ägyptischen Sprache, — ZÄS, Bd 21, 1883, Ss. 37–40.
- Erman A. Die Umschreibung des Ägyptischen, — ZÄS, Bd 34, 1896, Ss. 51–62.
- Erman A. Wechsel von *f* und *w*, — ZÄS, Bd 38, 1900, Ss. 152 ff.
- Farina G. Le vocali dell'antico egiziano, — «Aegyptus», Milano, anno 5, 1924, pp. 313–325.
- Fecht G. Wortakzent und Silbenstructtir. Untersuchungen zur Geschichte der ägyptischen Sprache, Hamburg, 1960.
- Fecht G. Zu den Namen ägyptischer Fürsten und Städte in den Annalen des Assurbanipal und der Chronik des Asarahaddon, — MDAIK, Bd 16, 1958, Ss. 120–131.
- Fecht G. Zur Vokalisation von Eigennamen der Amarnazeit, — ZÄS, Bd 85, 1960, Ss. 84–91.

- Friedrich J. Zu den keilschriftlichen ägyptischen Wörter aus Boghazköi — OLZ, Jg. 27, 1924, Sp. 704–707.
- Goedicke H. Alternation of *h* and *d* in Egyptian, — ZÄS, Bd 80, 1955, Ss. 32–34.
- Goedicke H. The pronunciation of $\square$ in the Middle Egyptian, — ZÄS, Bd 81, 1956, Ss. 62.
- Grimme H. Ein verloren geglaubter Laut des Altägyptischen, — OLZ, Jg. 30, 1927, Sp. 86–88.
- Hall R. The Egyptian transliteration of Hittite names, — JEA, vol. 8, 1922, pp. 219–222.
- Haupt P. Über die beiden Halbvocale *u* und *i*, — «Beiträge zur Assyriologie», Leipzig, Bd 1, 1890, Ss. 293–300.
- Hintze Fr. Noch einmal zur «Ersatzdehnung» und Metathese im Ägyptischen, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd 2, 1948, Ss. 112–116.
- Hintze Fr. Zur Structur des Wortes im Ägyptischen. «Ersatzdehnung» und Metathese, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd 1, 1947, Ss. 18–24.
- Hommel Fr. Die ältesten Lautwerte einiger ägyptischen Buchstabenzeichen, — ZDMG, Bd 63, 1899, Ss. 347–349.
- Jequier G. Notes et remarques. XX. Sur la prononciation de la lettre *r*, — RT, vol. 34, 1912, p. 125.
- Jirku A. Bemerkungen zu den ägyptischen sogenannten «Achtungstexten», — «Archiv orientální», Praha, vol. 20, 1952, pp. 167–169.
- Kuentz Ch. L'égyptien avait-il deux *l*, ou un seul, ou aucun? Resume, — «Actes du quatrième Congrès international des linguistes», Copenhagen, 1938, pp. 272–273.
- Kuentz Ch. Les deux mutations consonantiques de l'égyptien, — «International congress of linguists, Rome, 1933», Atti, Firenze, 1935, pp. 193–199.
- Lacau P. Notes de phonétique et d'étymologie égyptiennes, — RT, vol. 24, 1902, pp. 201–228; vol. 31, 1909, pp. 73–90.
- Lacau P. Sur la chute du $\ominus$ final, marque du féminin, — RE, vol. 9, 1952, pp. 81–90.
- Lacau P. Sur le ~~~~ égyptien, devenant **p** en copte, — «Recueil Champollion», pp. 721–732.
- Lambdin Th. O. Another cuneiform transcription of Egyptian *msh* «crocodile», — JNES, vol. 12, 1953, pp. 286 ff. [243]
- Lambdin Th. O. Egyptian words in Teil el Amarna letter № 14, — «Orientalia», Roma, vol. 22, 1953, pp. 362–369.
- Legge G. F. The history of the transliteration of Egyptian, — PSBA, vol. 24, 1902, pp. 273–282.
- Littmann E. Semitische Parallelen zur assimilatorischen Wirkung des ʿAjin , — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 62–164.
- Loret V. Une Hypothèse au sujet de la vocalisation égyptienne, — PSBA, vol. 26, 1904, pp. 227–284, 269–275.
- Maspero G. A travers la vocalisation égyptienne, — RT, vol. 15, 1893, pp. 189–196; vol. 16, 1894, pp. 77–90; vol. 18, 1896, pp. 53–64; vol. 19, 1887, pp. 149–185; vol. 20, 1898, pp. 146–161; vol. 22, 1900, pp. 218–225; vol. 23, 1901, pp. 48–60, 172–194; vol. 24, 1902, pp. 77–90, 142–159; vol. 25, 1903, pp. 15–22, 161–177, vol. 127, 1905, pp. 1–113; vol. 29, 1907, pp. 95–106; vol. 32, 1910, pp. 70–77; vol. 33, 1911, pp. 95–101.
- Maspero G. Introduction à l'étude de la phonétique égyptienne, — RT, vol. 37, 1915, pp. 147–202; vol. 38, 1916, pp. 85–164.
- Maspero G. Un exemple saite de la transcription *RIA* pour Ⲁ° , RT, vol. 37, 1915, pp. 111–112.
- Müller W. M. The fals *r* in archaic Egyptian orthography, — RT, vol 31, 1909, pp. 182–201.
- Naville E. Etudes grammaticales. La lettre Ⲁ , — RT, vol. 27, 1905, pp. 156–161.
- Naville E. Lettre à M. le professeur Maspero sur la vocalisation des noms égyptiens, — ZÄS, Bd 21, 1883, Ss. 1–11.
- Philippi Fr. Die Aussprache der semitischen konsonanten ʒ und ʿ , — ZDMG, Bd 40, 1886, Ss. 639–654.
- Philippi Fr. Nochmals die Aussprache der semitischen Konsonanten ʒ und ʿ , — ZDMG, Bd 51, 1897, Ss. 66–104.
- Piehl K. A propos de «the transliteration of Egyptian», — «Sphinx», Uppsala, vol. 7, 1903, pp. 62–64.
- Piehl K. Petites notes de critique et de philologie. § 11. Chute de la nasale devant un *t*, — RT, vol. 1, 1870.
- Ranke H. Keilschriftliches, — ZÄS, Bd 56, 1920, Ss. 69–75; Bd 58, 1923, Ss. 132–138; Bd 73, 1937, Ss. 90–93.

- Ranke H. Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vocalisation, — «Anhang zu APAW», 1910.
- Ranke H., Zur keilschriftlichen Umschreibungen ägyptischer Eigennamen, — ZÄS, Bd 48, 1911, S. 112 ff.
- Renouf P. Le Page. Are there really no vowels in the Egyptian alphabet? — «Transactions of the ninth International congress of orientologists», vol. 2, London, 1893, pp. 279–283.
- Renouf P. Le Page. Egyptian phonology, — PSBA, vol. 11, 1889, pp. 107–115.
- Renouf P. Le Page. The thematic vowel in Egyptian, — PSBA, vol 11, 1889, pp. 5–10.
- Sainte Fare Garnot Y. Remarques sur le vocalisme de l'ancien égyptien et du copte, — «Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 1957, pp. 140–145.
- Sainte Fare Garnot Y. Sur le vocalisme en ancien égyptien et en copte notamment en dialecte sahidique, — BIFAO, vol. 58, 1959, pp. 39–48.
- Sander-Hansen C. E. Die phonetische Wortspiele des ältesten Ägyptischen, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 20, 1946–1948, pp. 1–22. [244]
- Sethe K. Das Wort für «Hand» im Ägyptischen und der Laut *D*, — ZÄS, Bd 50, 1912, Ss. 91–99.
- Sethe K. De aleph prostetico in lingua Aegyptiaca..., Berlin, 1892.
- Sethe K. Die Vokalisation des Ägyptischen, — ZDMG, Bd 77, 1923, Ss. 145–207.
- Sethe K. Zur Vokalisation der Nisbeformen, — ZÄS, Bd 44, 1907–1908, Ss. 93–95.
- Sethe K. Zur Vokalisation des Dualis im Ägyptischen, — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 42–59.
- Sethe K. Zur Wiedergabe des ägyptischen *h* am Wortanfang durch die Griechen, — NGWG, Phil.-hist. Kl., 1924, Ss. 50–56; 1925, Ss. 50–56.
- Smieszek A. Notes on Egyptian accent as evidenced in Coptic nouns, Poznań, 1935.
- Smieszek A. Some hypotheses concerning the prehistory of the Coptic vowels, Krakow, 1936.
- Smith S. — Gadd C. J. A cuneiform vocabulary of Egyptian words, — JEA, vol. 11, 19215, pp. 230–238 (Additional note by T. E. Peet, pp. 239–240).
- Spiegelberg W. Die Vokalisation des ägyptischen Duals, — OLZ, Jg. 12, 1909, Sp. 530.
- Spiegelberg W. Zu den semitischen Eigennamen in ägyptischer Umschrift aus, der Zeit des «neuen Reiches» (um 1500–1000), — «Zeitschrift für Assyriologie», Leipzig, Bd 13, 1898, Ss. 47–56.
- Steindorff G. Das altägyptische Alphabet und seine Umschreibung, — ZDMG, Bd 46, 1892, Ss. 709–730.
- Steindorff G. Mouillirung der Liquida φ im Ägyptisch-Koptischen, — ZÄS, Bd 27, 1889, Ss. 106–110.
- Sturm J. Zu den dumpfen Vokalen des Ägyptischen, — WZKM, Bd 40, 1933, Ss. 123–124.
- Sturm J. Zur Vokalverflüchtigung in der ägyptischen Sprache des Neuen Reiches, — WZKM, Bd 41, 1934, Ss. 43–69, 161–180.
- Vergote J. Exposé de la phonétique historique de l'égyptien, — CdE, année 23, 1948, pp. 56–68.
- Vergote J. La solution d'un probleme important: la vocalisation des formes verbales égyptiennes, — «Mededelingen van de Koninklijke Vlaamse Akademie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Künsten van België», Klasse Letteren, Jaargang XXII, 1960, № 7.
- Vergote J. Le Systeme phonologique du moyen-égyptien, — GLECS, t. 4, 1947, pp. 57–62.
- Vergote J. Où en est la vocalisation de l'égyptien? — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 1–19.
- Vergote J. Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes, Louvain, 1945.
- Vergote J. Vokalisation et origine du système verbal égyptien, — CdE, année 34, 1956, pp. 16–53.
- Vycichl W. Das ägyptische Vokalisationsproblem, — «Mélanges Maspero», pp. 385–392.
- Vycichl W. Die Selbstlaute. Zur Lautlehre der ägyptischen Sprache, — WZKM, Bd 54, 1957, Ss. 214–221.
- Vycichl W. Ein phonetisches Problem im Ägyptischen und seine Lösung (*hhj hrh hh*), — ZÄS, Bd 86, 1901, Ss. 149–150.
- Vycichl W. Nouveaux aspects de la langue égyptienne, — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 49–72.
- Vycichl W. Über den Wechsel der Laute *h* und $\hbar$ im Ägyptischen, — ZÄS, Bd 82, 1957, Ss. 71–73.
- Vycichl W. Zur Phonetik der Bohairisch-Koptischen, — «Muséon», Louvain, vol. 67, 1954, pp. 187–189. [245]
- Ward W. A. Some effects of varying phonetic conditions on semitic loan words in Egyptian, — JAOS, vol. 80, № 4, 1960, pp. 322–327.
- Wilcken U. Ägyptische Eigennamen in griechischen Texten, — ZÄS, Bd 21, 1883, Ss. 159–166.
- Worrell W. H. Phonetics and the Egyptian language, — «Quarterly review», University of Michigan, vol. 40, 1034, pp. 21–27.

- Yoyotte J. Quelques toponymes égyptiens mentionnés dans les «*Annales d'Assurbanipal*», — «*Revue d'assyriologie et archéologie orientales*», Paris, vol. 46, 1952, pp. 212–214.
- Ернштедт П. В. Греческие египтизмы времени существования греческих факторий в Египте, — ВДИ, 1956, № 2, стр. 153–160.
- Ернштедт П. В. Египетские заимствования в греческом языке, М. — Л., 1963.
- Ернштедт П. В. Из области египетских заимствований в греческом языке, — «*Палестинский сборник*», вып. 3 (66), 1958, стр. 29–40.
- Ернштедт П. В. «Море и мореплавание» в словарных египтизмах ахейской речи, — «*Древний мир*». Сборник статей, М., 1962, стр. 513–619.
- Ернштедт П. В. «Обильно орошаемый Египет» у Гомера, — ВДИ, 1954, № 2 (48), стр. 149–151.
- Ернштедт П. В. Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка, — «*Палестинский сборник*», вып. 2 (64–65), 1956, стр. 12–30.
- Ернштедт П. В. Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе, — «*Византийский временник*», т. 9, 1956, стр. 154–158.
- Коростовцев М. А. Филологические заметки, — «*Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели*», М.—Л., 1960, стр. 352–355.
- Piotrovsky V. Zur Revision der Verteilung des Wortschatzes im ägyptischen Wörterbuch, — «*Сборник египтологического кружка при ЛГУ*», № 6, 1930, стр. 5–9.
- Snegir'ov I. Notes on Egyptian semantics, — ДАН, серия В, 1931, № 1, стр. 8–14.

Лексика

- Albright F. W. Northwest-Semitic names in a List of Egyptian slaves from the eighteenth Century BC, — JAOS, vol. 74, 1954, pp. 222–223.
- Albright W. F. The Egyptian correspondence of Abimilki, prince of Tyre, — JEA, vol. 23, 1937, pp. 190–204.
- Allen T. G. Egyptian dictionary notes, — AJSL, vol. 56, 1939, p. 158 ff.
- Badawy A. Philological evidence about methods of construction in ancient Egypt, — ASAE, t. 54, 1956, pp. 51–74.
- Baillet J. Les noms de l'esclave en égyptien, — RT, vol. 27, 1905, pp. 32–38, 193–217; vol. 28, 1906, pp. 113–131; vol. 29, 1907, pp. 6–25.
- Bissing Fr. Zur ägyptischen Wortkunde, — OLZ, Jg. 29, 1926, Sp. 305–309.
- Brugsch H. Hieroglyphisch-demotisches Wörterbuch, Bd 1–7, Leipzig, 1867–1882.
- Budge W. An Egyptian hieroglyphic dictionary, London, 1920.
- Burchardt M. Die altkanaanäischen Fremdwörter und Eigennamen im Ägyptischen, Leipzig, 1910.
- Černý J. Age of the Egyptian month names, — ASAE, t. 41, 1942, pp. 335–338; t. 412, 1943, pp. 341–350; t. 51, 1951, pp. 441–442.
- Černý J. Some Coptic etymologies. I, — Crumstu, pp. 35–47; II, — «*Ägyptol. Studien*», Ss. 30–37; III — BIFAO, vol. 57, 1958, pp. 203–213. [246]
- Černý J. The names of the sixteenth day of the lunar month — JNES, vol. 12, 1953, p. 50.
- Černý J. The words for the first and the last day of a month, — ASAE, t. 51, 1901, pp. 444–446.
- Champollion Fr. Dictionnaire égyptien en écriture hiéroglyphique, Paris, 1841–1843.
- Clère J. J. Les noms de parenté en ancien égyptien, — GLECS, t. 6, 1953, pp. 35–36.
- Couroyer B. Le «doigt de Dieu» (Exode, VIII, 15), — «*Revue biblique*», Paris, vol. 63, 1966, pp. 481–496.
- Couroyer B. Quelques égyptianismes dans l'Exode, — «*Revue biblique*», Paris, vol. 63, 1955, pp. 209–219.
- Couroyer B. Termes égyptiens dans les papyri arameens du musée de Brooklyn, — «*Revue biblique*», Paris, vol. 61, 1954, pp. 554–559.
- Deines H., Westendorf W. Zur ägyptischen Wortforschung, V, — APAW, Phil.-hist., KL, Jg. 1956, № 6.
- Devauud E. Etudes de lexicographie égyptienne et copte, — «*Kêmi*», Paris, t. 2, 1929, pp. 3–18.
- Du Mesnil du Buisson. Les noms et signes égyptiens désignant des vases ou objets similaires, Paris, 1935.
- Edel E. Beiträge zum ägyptischen Lexikon I–IV, — ZÄS, Bd 79, 1954, Ss. 86–90; Bd 81, 1956, Ss. 6–18, 68–76; Bd 85, 1960, Ss. 12–18.
- Erman A. Ägyptische Lehnwörter im Griechischen, — «*Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*», Göttingen, Bd 7, 1883, Ss. 386–338.
- Erman A. Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache, — ZDMG, Bd 76, 1922, S. 72 ff.

- Erman A. Über den Werth der in den altägyptischen Texten vorkommenden semitischen Fremdwörter, — ZÄS, Bd 14, 1876, Ss. 38–42.
- Erman A. Zur ägyptischen Wortforschung I–IV, — SPAW, 1907, Ss. 400–415; 1912, Ss. 904–963.
- Erman A. Zusammenziehung zweier Worte in der Aussprache, — ZÄS, Bd 56, 1920, Ss. 61–66.
- Erman A. — Grapow H. Ägyptisches Handwörterbuch, Berlin, 1921.
- Erman A. — Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Bd I–V, Leipzig, 1926–1931; Belegstellen zum Bd I–V, Leipzig, 1935–1953; Bd VI, Deutsch-ägyptisches Wörterverzeichnis, Leipzig, 1950.
- Faulkner R. A concise dictionary of Middle Egyptian, Oxford, 1962.
- Gardiner A. Minuscula lexica, — «Ägyptol. Studien», Ss. 1–3.
- Gardiner A. The Egyptian origin of some English personal names, — JAOS, vol. 56, 1936, pp. 189–198.
- Gardiner A. The first two pages of the Wörterbuch, — JEA, vol. 34, 1948, pp. 12–18.
- Gauthier H. Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques, vol. I–VII, Le Caire, 1925–1931.
- Goedicke H. Juridical expressions of the Old Kingdom, — JNES, vol. 15, 1956, pp. 27–32.
- Grapow H. Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Zur Geschichte eines grossen wissenschaftlichen Unternehmens der Akademie, Berlin, 1953.
- Grapow H. Wie ein Wörterbuch entsteht, — «Wissenschaftliche Annalen zur Verbreitung neuer Forschungsergebnisse», Bd I, 1952, Ss. 28–34.
- Grapow H. Zur Wortbildung des Ägyptischen, — «Miscellanea Academica Berolinensia», 1950, Ss. 54–76.
- Griffith F. Ll. Chronological value of Egyptian words found in the Bible, — PSBA, vol. 23, 1901, pp. 72–77.
- Gunn B. Notes on Egyptian lexicography, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 144–148. [247]
- Harari L. Portée de la stèle juridique de Karnak. Essai sur la terminologie juridique du Moyen Empire égyptien, — ASAE, t. 51, 1951, pp. 273–297.
- Harkavy A. Les mots égyptiens de la Bible, — «Journal asiatique», Paris, serie 6, vol. 15, 1870, pp. 161–186.
- Harris J. R. Lexicographical studies in ancient Egyptian minerals, Berlin, 1961.
- Helck W. Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches, Glückstadt, 1954.
- Hickman H. Terminologie musicale de l'Égypte ancienne, — BIE, t. 36, 1955, pp. 583–618.
- Iversen E. Some ancient Egyptian paints and pigments. A lexicographical study, København, 1955.
- Janssen J. Über Hundennamen im pharaonischen Ägypten, — MDAIK, Bd 16, 1958, Ss. 176–182.
- Jequier G. Essai sur la nomenclature des parties de bateaux, — BIFAO, t. 9, 1911, pp. 37–82.
- Jequier G. Matériaux pour servir à l'établissement d'un dictionnaire d'archéologie égyptienne, — BIFAO, t. 9, 1921, pp. 1–120.
- Junker H. «Der Lebendige», — «Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Kl., 1954, № 12, Ss. 169–191.
- Körnung E. Lexikalische Studien, — ZÄS, Bd 86, 1961, Ss. 106–114; Bd 87, 1962, Ss. 115–119.
- Karlberg G. Über die ägyptischen Wörter in alten Testamente, Uppsala, 1912.
- Lambdin T. O. Egyptian loan words in the Old Testament, — JOAS, vol. 73, 1953, pp. 145–155.
- Lauth F. J. Semitische Lehnwörter im Ägyptischen, — ZDMG, Bd 25, 1871, Ss. 618–644.
- Lefebvre G. Sur quelques mots égyptiens, — «Ägyptol. Studien», Ss. 205–211.
- Lefebvre G. Tableau des parties du corps humain mentionnées par les égyptiens, — CASAE, Le Caire, 1952.
- Leibovitch J. Quelques égyptianismes contenus dans les textes arameens d'Égypte, — BIE, t. 18, 1936, pp. 19–20.
- Lieblein J. Dictionnaire des noms hiéroglyphiques en ordre généalogique, Christiania, 1871; supplement, Leipzig, 1892.
- Lieblein J. Index alphabétique de tous les mots contenus dans le Livre des Morts publié par R. Lepsius, Paris, 1875.
- Lieblein J. Mots égyptiens dans la Bible, — PSBA, vol. 20, 1897, pp. 202–210.
- Littmann E. Morgenländische Wörter im Deutschen, Berlin, 1920.
- Lutz N. F. A Sumerian loanword in Egyptian, — «Archiv für Orientforschung», Berlin, Bd 5, 1929, pp. 185–186.
- Maspero G. Sur la formation des thèmes trilitères en égyptien, — MSLP, t. 4, 1881, pp. 185–203.
- Massart A. L'emploi en égyptien de deux termes opposés pour exprimer la totalité, — «Mélanges bibliques en honneur de André Robert», Paris, 1957, pp. 38–46.

- Montet P. Le nom des grecs en ancien égyptien et l'antiquité des grecs en Egypte, — «Revue archéologique», Paris, 6-me série, vol. 28, 1947, pp. 129–144.
- Morenz S. Wortspiele in Ägypten, — «Festschrift Johannes Jahn zum XXII November MCMLVII», Leipzig, 1957, Ss. 23–32.
- Naville E. Hebraeo-Aegyptiaca, — PSBA, vol. 34, 1912, pp. 180–190, 308–315.
- Peet E., Jahuda S. Die Sprache des Pentateuch in ihren Beziehungen zum Ägyptischen, Berlin, 1929, — JEA, vol. 16, 1930, pp. 167–160. [248]
- Peruzzi E. A propos de l'origine greco-égyptienne de $\xi\upsilon\theta\omicron\varsigma$, — «Humanitas», Coimbra, vol. I, 1947, pp. 138–140.
- Piehl K. Contribution au dictionnaire hiéroglyphique, — PSBA, vol. 20, 1898, pp. 190–201, 306–327.
- Piehl K. Dictionnaire du papyrus Harris № 1, publié par S. Birch, d'après l'original du British Museum, Vienne, 1882.
- Piehl K. Notes de lexicographie égyptienne, — «Actes du dixième Congrès international des orientalistes, Genève. 1894», Leide, 1897, pp. 123–138.
- Piehl K. Notes de lexicographie égyptienne, — «Actes du douzième Congrès international des orientalistes», Florence, 1902, t. 3, pt 2, pp. 33–36.
- Piehl K. Notes de lexicographie égyptienne, — «Sphinx», Uppsala vol. 2, 1896, pp. 1–9; vol. 6, 1903, pp. 125–131.
- Piehl K. Remarques générales sur le dictionnaire hiéroglyphique, — «Actes du huitième Congrès international des orientalistes», Leide, 1892, pt 4, section 3, pp. 1–23.
- Poebel A. Sumerian *mu-an-na* «year» and Egyptian *rnpt* «year», — AJSL, vol. 49, 1932, pp. 1–18.
- Rabinovitz J. Semitic elements in Egyptian adoption papyrus published by Gardiner, — JNES, vol. 17, 1958, pp. 145–147.
- Ranke H. Die ägyptischen Personennamen, Bd I–II, Hamburg, 1934–1952.
- Sauneron S. *Gp.t* — «plafond», — BIFAO, vol. 60, 1960, pp. 9–10.
- Sayce A. H. Karian, Egyptian and Nubian — Greek inscriptions, from the Sudan, — PSBA, vol. 32, 1910, pp. 261–268.
- Schäfer H. Ägyptische Worte bei Diodor, — ZÄS, Bd 41, 1904, S. 140.
- Seidl E. Zum juristischen Wortschatz der alten Ägypter, — «Festschrift Franz Dornseiff zum 65 Geburtstag», Leipzig, 1953, Ss. 320–329.
- Smith H. Three Coptic etymologies, — JEA, vol. 44, 1958, p. 122.
- Spiegelberg W. Ägyptisches Sprachgut in den aus Ägypten stammenden aramäischen Urkunden der Perserzeit, — «Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburtstag», Bd 2, Giessen, 1906, Ss. 1093–1115.
- Stracmans H., Libon G. Le nom de la planète Venus et ses antécédents égyptiens, — «Latomus», Bruxelles, vol. 6, 1947, pp. 3–16.
- Ullendorf E. The knowledge of languages in the Old Testament, — «Bulletin of the John Rylands Library», Manchester, vol. 44, 1962, № 2, pp. 455–465.
- Volten A. L'étymologie de deux mots coptes, — BIFAO, vol. 58, 1959, pp. 21–28.
- Volten A. Zwei ägyptische Wörter, die im Wb. nicht stehen, — «Ägyptol. Studien», Ss. 362–365.
- Walker N. The meaning of «Moses», Epsom, 1948.
- Walker N. The Tetragrammaton, Epsom, 1948.
- Weill R. La racine $\imath$ «être», génératrice de formes verbales et de noms de personnes, — BIFAO, t. 30, 1931, pp. 593–618.
- Westendorff W. Zu zwei Tagesformeln der ägyptischen Literatursprache, — ZÄS, Bd 79, 1954, Ss. 65–68.
- Yahuda A. S. Die Sprache des Pentateuch in ihren Beziehungen zum Ägyptischen, Berlin, 1929.
- Yahuda A. S. Hebrew words of Egyptian origin, — «Journal of biblical literature», Philadelphia, vol. 66, 1947, pp. 83–90.
- Yahuda A. S. Medical and anatomical terms in the Pentateuch in the light of Egyptian medical papyri, — «Journal of the history of medicine and allied sciences», New Haven, Conn., vol. 2, 1947, № 4, pp. 549–574. [249]
- Yoyotte J. Notes de toponymie égyptienne, — MDAIK, Bd 16, 1958, Ss. 414–430.
- Žaba Z. Deux mots du Wörterbuch reunis, — «Archiv orientální», Praha, vol. 24, 1956, pp. 272–275.

- Коростовцев М. А. Египетский язык, М., 1961.
Матъе М. Э. Хрестоматия древнеегипетских иероглифических текстов, Л., 1948.
Петровский Н. С. Египетский язык, Л., 1958.
- Behnk Fr. Grammatik der Texte aus el-Amarna, Paris, 1930.
Brugsch H. Hieroglyphische Grammatik, Leipzig, 1872.
Buck A. de. Egyptian readingbook, vol. I, Leyden, 1948.
Buck A. de. Grammaire élémentaire du moyen égyptien, traduite par B. van de Walle et J. Vergote, Leiden, 1952.
Budge W. An Egyptian reading book for beginners..., London, 1896.
Budge W. Essay lessons in Egyptian hieroglyphics with sign list, London, 1899.
Chatne M. Notions de langue égyptienne. Langue du moyen empire, Paris, 1938.
Chaine M. Notions de la langue égyptienne. Langue du nouvel empire, Paris, 1942.
Champollion J. F. Grammaire égyptienne, Paris, 1836.
Edel E. Altägyptische Grammatik, Roma, 1955.
Erman A. Ägyptische Chrestomathie..., Berlin, 1904.
Erman A. Ägyptische Grammatik, 4-te Aufl., Berlin, 1928.
Erman A. Die Sprache des Papyrus Westcar, Göttingen, 1890.
Erman A. Neuägyptische Grammatik, Leipzig, 1933.
Farina G. Grammatica della lingua egiziana antica, Milano, 1910.
Gardiner A. Egyptian Grammar, 3-d ed., London, 1957.
Hintze Fr. Untersuchungen zu Stil und Sprache neuägyptischer Erzählungen, Berlin, 1950–1952.
Junker H. Grammatik der Denderatexte, Leipzig, 1906.
Junker H. Sprachliche Verschiedenheiten in den Inschriften von Dendera, — SPAW, Jg. 1905, Ss. 782–805.
Lefebvre G. Grammaire de l'égyptien classique, Le Caire, 1955.
Lemm O. Ägyptische Lesestücke..., Leipzig, 1883.
Lesquier J. Grammaire égyptienne d'après la troisième édition de la grammaire d'Adolf Erman, Le Caire, 1914.
Loret V. Manuel de la langue égyptienne, Paris, 1889.
Mercer S. A. B. Egyptian grammar with chrestomathy and glossary, London, 1927.
Murray M. A. Elementary Egyptian grammar, London, 1932.
Reinisch L. Ägyptische Chrestomathie, Lief. 1–2, Wien, 1873–1875.
Renouf P. Le Page. An elementary grammar of the ancient Egyptian language in the hieroglyphic type, London, 1875.
Roeder G. Ägyptisch, München, 1926.
Rossi Fr. Grammatica egizia nelle tre scritture geroglifica, demotica e copta, Torino, 1901.
Rouge E. de. Chrestomathie égyptienne, pt I–IV, Paris, 1867–1876.
Sainte Fare Garnot Y. Etat présent des études linguistiques relatives à l'ancien égyptien, — «Mélanges Maspero», vol. I, fasc. 4, Le Caire, 1961. [250]
Sander-Hansen C. E. Studien zur Grammatik der Pyramidentexte, Copenhagen, 1956.
Schack-Schackenburg H. Ägyptologische Studien, Bd I, Zur Grammatik der Pyramidentexte; Bd 2, Index zu den Pyramidentexten, Leipzig, 1902.
Sethe K. Ägyptische Lesestücke..., Leipzig, 1924.
Sethe K. Erläuterungen zu den ägyptischen Lesestücken, Leipzig, 1927.
Wolf W. Zur zweiten Auflage von Ermans Neuägyptischer Grammatik, — ZÄS, Bd 69, 1933, Ss. 106–112.

Местоимения

- Bakir M. A new approach to Middle Egyptian demonstratives, — JEA, vol. 39, 1953, pp. 111–112.
Bissing Fr. Recherches sur la formation des pronoms personnels en égyptien, — «Sphinx», Uppsala, vol. 15, 1911–1912, pp. 136–150.
Bourget P. Sur quelques emplois du pronom indépendant ancien à la XVIIIe dynastie, — RE, vol. 7, 1950, pp. 1–8.

- Clère J. J. La chute de l'n du suffixe *čn* dans l'ancien égyptien, — GLECS, t. 2, 1937, pp. 66–68.
- Daumas F. Notes sur l'expression égyptienne du démonstratif d'identité, — BIFAO, t. 48, 1949, pp. 81–106.
- Deines H. Die demonstrativa im Wundenbuch des Papyrus E. Smith, — MIO, Bd 2, 1954, Ss. 1–39.
- Edel E. Die Herkunft der neuägyptisch-koptischen Personal suffixes der 3. Person Plural -w, — ZÄS, Bd. 84, 1959, Ss. 17–37.
- Edgerton W. as independent pronoun, — AJSLL, vol. 50, 1933, p. 66.
- Erman A. Die pronomina absolutum, — ZÄS, Bd 30, 1892, Ss. 15–24.
- Erman A., Zum Pronomen absolutum, — ZÄS, Bd 27, 1889, S. 125.
- Gardiner A. A Late-Egyptian use of the older absolute pronouns, — ZÄS, Bd 80, 1912, Ss. 114–117.
- Gardiner A. An use of the later absolute pronoun, — ZÄS, Bd 41, 1904, pp. 135–136.
- Gardiner A. Two employments of the independent pronouns, — JEA, vol. 20, 1934, pp. 13–17.
- Gordon C. H. The feminine Singulars of the Egyptian demonstrative pronouns, — JAOS, vol. 49, 1929, pp. 58–60.
- Grapow H. Die Duale der Demonstrativpronomina *pw*, *pn* und *pf*, — ZÄS, Bd 45, 1908–1909, Ss. 57–60.
- Grapow H. Zum Gebrauch der alten Pronomina absoluta, — ZÄS, Bd 71, 1935, Ss. 48–55.
- Groff W. Etude sur le pronom de la 1-re personne du singulier en égyptien, — «Revue égyptologique», Paris, vol. 5, 1888, pp. 145–162.
- Junker H. Eine neue Bezeichnung des Pronomen absolutum im Ägyptischen, — WZKM, Bd 22, 1908, Ss. 175–179.
- Kees H. Grammatische Kleinigkeiten. 1. Zum Gebrauch des Pronomen absolutum, — ZÄS, Bd 60, 1925, Ss. 84–86.
- Lange H. O. — Erman P. A. Die sogenannten Objektssuffixe, — ZÄS, Bd 30, 1892, Ss. 12–16.
- Maspero G. Les pronoms personnels en égyptien, — «Journal asiatique», Paris, série 6, vol. 18, 1871, pp. 62–105.
- Maspero G. Sur une forme du pronom féminin de la seconde personne du singulier, — RT, vol. 21, 1899, pp. 197–199.
- Müller W. M. Abgekürzte Orthographie der Pronominalsuffixe, — ZÄS, Bd 30, 1832, Ss. 121–124. [251]
- Müller W. M. Zum Pronomen absolutum der ersten Person, — ZÄS, Bd 30, 1892, Ss. 59–62.
- Otto E. Über die Demonstrativa und Nominalbildung im altägyptischen, — ZDMG, Bd 101, 1951, Ss. 52–66.
- Piehl K. ^o pronom-suffixe des basses époques, — «Sphinx», Uppsala, vol. 1, 1897, pp. 68–69.
- Piehl K. Le pronom suffixe féminin de la première personne du singulier, — «Sphinx», Uppsala, vol. 2, 1898, pp. 75–78; vol. 4, 1901, pp. 54–60.
- Piehl K. Petites notes de critique et de philologie. § 22. Une forme curieuse du suffixe possessif de la première personne du singulier = , — RT, vol. 2, 1880.
- Piehl K. Quelques formes pronominales en égyptien, — «Sphinx», Uppsala, vol. 2, 1898, pp. 195–202.
- Piehl K. Quelques points de la grammaire égyptienne, — «Sphinx», Uppsala, vol. 6, 1903, pp. 206–210.
- Piehl K. Varia. § XIX. Pronom I p. s. indépendant, — ZÄS, Bd 23, 1885, Ss. 84–85.
- Renouf P. Le Page. Pronominal forms in Egyptian, — PSBA, vol. 10, 1888, pp. 247–264; vol. 11, 1889, pp. 18–21.
- Sethe K. Zur Bildung der altägyptischen Demonstrativpronomina, — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 59–62.
- Spiegelberg W. Der ägyptische Possesivartikel, — ZÄS, Bd 54, 1918, Ss. 104–110.
- Vycichl W. Der Aufbau der ägyptischen Pronomina *nt-f*, *nt-s* etc., — «Muséon», Louvain, vol. 67, 1954, pp. 367–372.
- Vycichl W. Die ägyptische Pronominalendungen, — «Muséon», Louvain, vol. 66, 1953, pp. 381–389.

Существительные, прилагательные, числительные

- Берлев О. Д. Способы указания филиации в письменности Среднего царства, — «Палестинский сборник», № 9, М., 1962, стр. 13–42.
- Петровский Н. С. Количественные числительные в древнеегипетском языке как члены предложения, — «Древний мир». Сборник статей, М., 1962, стр. 160–165.
- Brunner H. Das Gesetz der Polarität in der ägyptischen Sprache, — ZÄS, Bd 72, 1936, Ss. 139–141.
- Černý J. The gender of tens and hundreds in Late-Egyptian, — JEA, vol. 23, 1937, pp. 57–59.

- Clère J. J. La lecture de la fraction «deux tiers», — «Archiv orientální», Praha, vol. 20, 1952, pp. 629–641.
- Clère J. J. Sur le genre général féminin des noms de villes en ancien égyptien, — GLECS, t. 3, 1939, pp. 47–49.
- Dévaud E. Etudes et notes de grammaire..., sur la désinence masculine *w* des nombres 3 et 7 à 10 en égyptien, — «Kêmi», Paris, t. I, 1928, pp. 136 et suiv.
- Erman A. Die Bedeutung der Adjectives auf *j*, — ZÄS, Bd 52, 1915, Ss. 107–108.
- Erman A. Die Pluralbildung des Ägyptischen, Leipzig, 1878.
- Faulkner R. O. The plural and dual in Old Egyptian, Bruxelles, 1929.
- Gardiner A. 1) and ; 2) the demonstrative and its derivatives, — PSBA, vol. 22, 1900, pp. 321–325. [252]
- Gardiner A. Adversaria grammatica, — JEA, vol. 34, 1948, pp. 23–26.
- Gardiner A. The relative adjective *nty*, — PSBA, vol. 22, 1900, pp. 37–41.
- Grapow H. Zum Dualis a potiori, — ZÄS, Bd 75, 1939, Ss. 134–135.
- Hamza M. La lecture de l'adjectif relatif négatif et sa syntaxe comparée avec celle de l'adjectif relatif , Le Caire, 1929.
- Jequier J. Le système numérique en égyptien, — «Recueil Champollion», pp. 467–482.
- Korostovtsev M. L'hiéroglyphe pour 10000, — BIFAO, t. 45, 1947, p. 81.
- Lacau P. Liquides et matières, en grains employés au pluriel, — BIFAO, t. 66, 1957, pp. 161–172.
- Möller G. Die Zeichen für die Bruchteile des Hohlmasses und das Uzatauge, — ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 99–106.
- Sander-Hansen C. E. Zum Gebrauch des direkten und indirekten Genitivs in der ältesten ägyptischen Sprache, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 14, 1935–938, Ss. 26–54.
- Sarton G. On a curious subdivision of the Egyptian cubit, — «Isis», Cambridge, Mass., vol. 25, 1936, pp. 399–402.
- Sauneron S. Une forme de substantif à redoublement, — RE, vol. 7, 1950, pp. 182–185.
- Sethe K. Eine bisher unbeachtete Bildung für die Ordinalzahlworte im Neuägyptischen, — ZÄS, Bd 38, 1900, Ss. 144–145.
- Sethe K. Untersuchungen über die ägyptischen Zahlwörter, — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 1–41.
- Sethe K. Von Zahlen und Zahlworten bei den alten Ägyptern, Strassburg, 1916.
- Sethe K. Zur Negativadjectiv — ZÄS, Bd 50, 1912, Ss. 109–113.
- Sethe K. Zur Vokalisation der Nisbeformen, — ZÄS, Bd 44, 1907–1908, Ss. 93–95.
- Sottas H. Notes de grammaire égyptienne, — RT, vol. 40, 1923, pp. 73–78.
- Spiegel J. Zum Gebrauch der Apposition im Ägyptischen und Arabischen, — ZÄS, Bd 71, 1935, Ss. 56–81.
- Spiegelberg W. Die Lesung des Zahlwortes «hundert», — ZÄS, Bd 36, 1898, Ss. 135–139.
- Spiegelberg W. Eine neue Art der Nominalbildung, — RT, vol. 16, 1894, pp. 191–197.
- Vergote J. A propos des adjectifs nisbes de l'égyptien, — «Archiv orientální», Praha, vol. 20, 1952, pp. 417–423.
- Vycichl W. Bau und Ursprung der ägyptischen Nisbe, — WZKM, Bd 46, 1939, Ss. 189–104.
- Vycichl W. Die Bildung des Duals im Ägyptischen; die Vokalisation des Zahlwortes *snau* «zwei», — «Muséon», Louvain, vol. 70, 1957, pp. 357–365.
- Vycichl W. Die Nisbe-Formationen im Berberischen, — «Annali dell'Instituto universitario Orientale di Napoli», Roma, nuova seria, vol. IV, 1952, pp. 111–127.
- Vycichl W. Gab es eine Pluralendung *-w* im Ägyptischen?, — ZDMG, Bd 105, 1955, Ss. 261–270.
- Vycichl W. Zwei ägyptische Nominalbildungen. Typ *hbso* und Typ *rmio*, — ZÄS, Bd 85, 1960, Ss. 70–76.
- Weill R. L'adjectif négatif etc, etc, — «Cahier complémentaire à la RE», Le Caire, 1950, pp. 1–42.
- Wesseley K. F. J. Die Zahl neunundneunzig, — «Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer», Wien, Jg. 1, 1887, S. 113.
- Wiesmann H. Elliptische Duale a potiori im Ägyptischen, — ZÄS, Bd 62, 1927, Ss. 66–67. [253]

- Коростовцев М. А. Глагольная форма *iw sdm.f* в новоегипетском языке, — «Древний мир». Сборник статей, 1962, стр. 86–103.
- Коростовцев М. А. Причастия и релятивные формы глагола *wn* 'быть' с начальным протетическим *i* в новоегипетских текстах, — «Семитские языки». Сборник статей, М., 1963, стр. 56–58.
- Матье М. Э. Основные черты древнеегипетского глагола, — «Ученые записки ЛГУ», № 128, - 1952, стр. 212–220.
- Струве В. В. Стадиальная семантика египетской глагольной формы *sdm.f*, — сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 345–351.
- Allen T. G. «Independent» uses of the Egyptian qualitative, — JAOS, vol. 49, 1929, pp. 160–167.
- Blackman A. The infinitive form *sdm.t.f* with preceding $\overline{\text{w}}$ and $\overline{\text{m}}$, — ZÄS, Bd 49, 1911, Ss. 103–105.
- Brunner H. Das *nfr-sw* im Ägyptischen, — «Archiv für Orientforschung», Berlin, Bd 16, 1952, p. 75.
- Brunner H. Die *sdmtf* Form von *m33*, — ZÄS, Bd 87, 1962, Ss. 77–78.
- Brunner H. *sdmfn* als synchrones Präsens, — ZÄS, Bd 85, 1960.
- Buck A. de. Zum Ursprung der Relativformen im Ägyptischen, — ZÄS, Bd 59, 1924, Ss. 65–69.
- Calice Fr. Die Verba des Gebens, — ZÄS, Bd 39, 1901, Ss. 75–77.
- Calice Fr. Zu Sethes Verbum I, § 357, — ZÄS, Bd 41, 1904, Ss. 90–91.
- Černý J. On the origin of the Egyptian conjunctive, — JEA, vol. 35, 1949, pp. 26–30.
- Clère J. J. Une nouvelle forme verbale relative en égyptien, — «Actes du XXI Congrès international des orientalistes», Paris, 1948, pp. 64–66.
- Dévaud E. Sur la forme *sdm.k3.f*, — «Sphinx», Uppsala, vol. 12, 1909, pp. 118–119.
- Dévaud E. Sur les verbes de la forme *sdm*, — «Sphinx», Uppsala, vol. 11, 1908, p. 150.
- Dévaud E. Sur l'hypothèse du *niph^cal* en égyptien, — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 164–165.
- Edel E. Beiträge zur ägyptischen Grammatik, — ZÄS, Bd 84, 1999, Ss. 105–113; Bd 85, 1960, Ss. 82–83.
- Edgerton W. Obsolescence of the imperative mood in Egyptian, — «Griffith Studies», pp. 61–68.
- Edgerton W. On the origin of certain Coptic verbal forms, — JAOS, vol. 55, 1935, pp. 257–267.
- Erman A. *ḥ^c.n* und die ihm analogen Formen, — ZÄS, Bd 27, 1889, Ss. 29–39.
- Erman A. Die ägyptischen Ausdrücke für «noch nicht», «ehe», — ZÄS, Bd 50, 1912, Ss. 104–109.
- Erman A. Die Flexion des ägyptischen Verbums, — SPAW, Jg. 1900, Ss. 317–393.
- Erman A. Ein altes Verbaladjektiv, — ZÄS, Bd 46, 1909–1910, Ss. 104–106.
- Erman A. Eine neue Art der ägyptischen Konjugation, — ZÄS, Bd 27, 1889, Ss. 65–84.
- Erman A. Ein neuer Rest der alten Flexion im Koptischen, — ZÄS, Bd 32, 1894, Ss. 128–130.
- Erman A. Grammatisches, — ZÄS, Bd 44, 1907–1908, Ss. 111–113. I. Eine [254] alte Verbalform (*niph^cal*); II. Zur Bildung *sdm.hr.f*; III. Passive Relativformen; IV. Eine Ausnahme der Wortstellung; V. *hr* vor dem Infinitiv im Koptischen.
- Erman A. Zur Entstehung der jüngeren Flexion des Verbums, — ZÄS, Bd 39, 1901, Ss. 128–128.
- Faulkner R. O. The verb *i* «to say» and its developments, — JEA, vol. 21, 1935, pp. 177–190.
- Feichtner M. K. Die erweiterten Verbalsämme im Ägyptischen, — WZKM, Bd 38, 1932, Ss. 195–229.
- Firchow O. Innere Kausative ägyptischer Verben, — MIO, Bd 1, 1953, Ss. 16–26.
- Gardiner A. An Egyptian split infinitive and the origin of the Coptic conjunctive tense — JEA, vol. 114, 1928, pp. 86–96.
- Gardiner A. On certain participial formations in Egyptian, — «Revue égyptologique», Paris, nouv. série, t. 2, 1921, pp. 42–55.
- Gardiner A. Second thoughts on the origin of Coptic $\epsilon\pi\epsilon$, — JEA, vol. 32, 1946, p. 101.
- Gardiner A. The origin of certain Coptic grammatical elements, — JEA, vol. 16, 1930, pp. 220–234.
- Gardiner A. The origin of the Coptic negative $\text{m}\pi\epsilon$, — ZÄS, Bd 45, 1908–1909, Ss. 73–79.
- Gardiner A. The relative form in Egyptian in the light of comparative syntax, — «Philologica», London, vol. 1, 1921, pp. 1–14.
- Golenischeff W. The Egyptian participle, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 46, 1962, стр. 13–26.
- Grapow H. Das Passiv der Form *sdm.k3.f*, — ZÄS, Bd 46, 1909, Ss. 139–140.
- Gunn B. A special use of the *sdm.f* and *sdm.n.f* forms, — JEA, vol. 35, 1949, pp. 21–24.

- Gunn B. The split determined infinitive, — JEA, vol. 32, 1946, pp. 92–96.
- Heckel U. Studien zum Eigenschaftsverbum und zum prädikativen Adjectivum im Altägyptischen, — ZÄS, Bd 81, 1956, Ss. 76–82; Bd 82, 1957, Ss. 19–47.
- Hintze Fr. Ist koptisch *sown* «wissen» eine Pielbildung? — MIO, Bd 1, 1953, Ss. 27–37.
- Kees H. Grammatische Kleinigkeiten. 2. Zur Konstruktion des Negativverbums *im* — ZÄS, Bd 60, 1925, Ss. 84–86.
- Korostovzev M. Notes philologiques, — RE, vol. 13, 1961, pp. 53–64.
- Lacau P. Les verbes à troisième radicale faible 𓂏 (*i*) ou 𓂏 (*w*) en égyptien, — BIFAO, t. 52, 1953, pp. 7–50.
- Lacau P. Passif dans les verbes à troisième radicale faible, — BIFAO, t. 52, 1953, pp. 51–56.
- Lefebvre G. Observations grammaticales sur Pap. Harris I. 2. Pseudoparticipe + temps passé, — RE, vol. 8, 1901, pp. 121–125.
- Lexa Fr. Beiträge zu den Relativformen aus dem Gebiete der Personennamen, — «Archiv orientální», Praha, vol. 24, 1956, Ss. 241–251.
- Lexa Fr. Beiträge zu den unveränderlichen Partizipien, — «Ägyptol. Studien», Ss. 212–218.
- Lexa Fr. Les formes relatives dans la langue ancienne égyptienne, — «Archiv orientální», Praha, vol. 9, 1937, pp. 311–335.
- Lexa Fr. Les participes indéclinables dans la langue ancienne égyptienne — «Archiv orientální», vol. 8, 1936, pp. 98–125, 210–272; vol. 9, 1937, pp. 1–77; vol. 25, 1967, pp. 1–20.
- Lexa Fr. L'origine vraisemblable de la forme verbale de l'égyptien *sdm.f*, — «Philologica», London, vol. 2, 1923–1924, pp. 25–53. [255]
- Littmann E. Zur Verbaladjektivendung *-nj*, — ZÄS, Bd 47, 1910, S. 167.
- Loret V. A propos d'un prétendu verbe irrégulier, — BIFAO, t. 16, 1919, pp. 245–353.
- Maspero G. Des formes de la conjugaison en égyptien antique, en démotique et en copte, Paris, 1871.
- Mattha G. The Egyptian conjunctive, — BIFAO, t. 45, 1947, pp. 43–55.
- Müller W. M. Die alten Imperative, — ZÄS, Bd 31, 1893, Ss. 42–51.
- Müller W. M. Studien zur ägyptischen Formenlehre, — ZÄS, Bd 29, 1891, Ss. 85–101.
- Otto E. Die Verba I-ae inf. und die ihnen verwandten im Ägyptischen, — ZÄS, Bd 79, 1954, Ss. 41–52.
- Parker R. The function of the imperfective *sdm.f* — RE, vol. 10, 1955, pp. 49–59.
- Peet E. Can 𓂏 be used to negative *sdmt.f*? — ZÄS, Bd 52, 1916, Ss. 109–111.
- Piehl K. A propos du terme Pseudopartizip qu'à tort on a voulu introduire en égyptien, — «Sphinx», Uppsala, vol. 5, 1902, pp. 27–31
- Piehl K. Varia. § LXII. Forme périphrastique, — ZÄS, Bd 28, 1890, Ss. 15–17.
- Polotsky J. The «emphatic» *sdm.n.f* form, — RE, vol. 11, 1957, pp. 109–117.
- Polotsky H. Une règle concernant l'emploi des formes verbales dans la phrase interrogative en néo-égyptien, — ASAE, t. 40, 1940–1941, pp. 241–245.
- Posener G. Origine des expressions *ntj-wn* «le possédant» et *iwty-n.f* «le non-possédant», — RE, vol. 6, 1951, p. 235.
- Renouf P. Le Page. Note on some negative particles of the Egyptian language, — В КН.: The life-work of Sir Peter Le Page Renouf, vol. I, Paris, 1902, pp. 305–316.
- Roccati A. G. I tempi narrativi nella biographia di Wnj, — «Rivista degli studi orientali», vol. 37, fasc. 1–2, 1962, pp. 33–38.
- Sander-Hansen C. E. Über die Bildung der Modi im Altägyptischen, Kopenhagen, 1941.
- Sethe K. Das ägyptische Verbum im Altägyptischen, Neuägyptischen und Koptischen, Bd 1–3, Leipzig, 1899–1902.
- Sethe K. Der Ursprung des Koptischen 𓂏 , — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 147–153.
- Sethe K. Zu den Verben des Gebens — ZÄS, Bd 39, 1901, Ss. 180–135.
- Sethe K. Zum participialen Ursprung der Suffixkonjugation, — ZÄS, Bd 54, 1918, Ss. 98–103.
- Spiegelberg W. Varia. 1. Der Infinitiv des Zweckes nach den Verben der Bewegung, — RT, vol. 14, 1893, pp. 39–40.
- Spiegelberg W. Varia. 61. Über der Ursprung einiger Tempuspräfixe, — RT, vol. 26, 1904, pp. 43–44.
- Spiegelberg W. Zu den Verba II-ae geminatae, — «Sphinx», Uppsala, vol. 4, 1901, pp. 142–144.
- Stricker B. H. Etudes de grammaire égyptienne, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 16, 1937, pp. 81–84.

- Thacker T. W. On the structure of the expressions denoting existence and non-existence in Middle Egyptian, — JEA, vol. 35, 1949, pp. 31–37.
- Thausing G. Ägyptische Confixe und die ägyptische Verbalkonstruktion, — WZKM, Bd 48, 1941, Ss. 5–34.
- Theodorides A. A propos du relatif prospectif, — «Annuaire de l'Institut de philologie et histoire orientales et slaves», Bruxelles, t. 14, 1954–1957, pp. 85–108. [256]
- Till W. Das *Pi^cel* im Ägyptischen, — ZÄS, Bd 73, 1937, Ss. 131–138.
- Till W. Der Irrealis im Neuägyptischen, — ZÄS, Bd 69, 1933, Ss. 112–117.
- Till W. Zur Bedeutung der negativen *n*-Form, — ZÄS, Bd 67, 1931, Ss. 118–121.
- Vergote J. De oplossing van een gewichtig probleem: de vocalisatie von de Egyptische werkwoordformen, Brussel, 1960.
- Vergote J. La fonction du pseudoparticipe, — «Ägyptol. Studien», Ss. 338–361.
- Vergote J. Une nouvelle interprétation de deux passages du Naufragé (132b–136 et 167b–169), — MDAIK, Bd 15, 1957, Ss. 275–287.
- Vergote J. Vocalisation et origine du système verbal égyptien, — CdE, année 31, 1956, pp. 16–53.
- Vycichl W. Ein nomen actoris im Ägyptischen. Der Ursprung der sogenannten emphatischen Konjugation, — «Muséon», Louvain, vol. 65, 1952, pp. 1–4.
- Vycichl W. Ein passives Partizip im Ägyptischen und im Haussa (British Nigeria). Die passive Konjugation *s + mm.f*, — «Muséon», Louvain, vol. 70, 1957, pp. 353–356.
- Vycichl V. Ein passives Partizip *qatil* im Ägyptischen und Semitischen, — ZDMG, Bd 109, 1959, Ss. 253–258.
- Vycichl W. Neues Material zur Form des ägyptischen nomen agentis *qattal*, — OLZ, Jg. 48, 1953, Ss. 293–294.
- Vycichl W. *Pi^l* formen im Ägyptischen und im Koptischen, — MIO, Bd 5, 1957, Ss. 10–25.
- Vycichl W. Über eine Klasse ägyptischer Verben *ultima^j*, — ZDMG, Bd 103, 1953, Ss. 373–377.
- Waley A. Ambruster C. H. The verb «to say» as auxiliary, — BSOS, vol. 7, 1933–1935, p. 573 ff.
- Weill R. La signification de *p3j*, verbe «être réalisé», «exister», — RE, vol. 1, 1933, pp. 181–196.
- Weill R. Le verbe d'existence *p3* et ses dérivés, — RE, vol. 6, 1951, pp. 49–88.
- Wente E. *iwiw.f sdm* in Late Egyptian, — JNES, vol. 20, 1961, pp. 120–123.
- Westendorf W. Das geminierte passive *sdm.f (mrr.f)*; imperfektivisch oder emphatisch? — ZÄS, Bd 84, 1959, Ss. 147–155.
- Westendorf W. Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter, Berlin, 1953.
- Westendorf W. Die Wortstellung Nomen + *sdm.f* als grammatische Konstruktion — MIO, Bd 1, 1953, Hft 3, Ss. 337–343.
- Westendorf W. Dynamischer Gebrauch des passivisch-intransitiven Pseudopartizips, — MIO, Bd 1, 1953, Hft 1, Ss. 38–56.
- Westendorf W. Vom Passiv zum Aktiv. Die Entwicklungstendenzen der altägyptischen Sprache, — MIO, Bd 1, 1953, Hft 2, Ss. 227–232.
- Young D. The origin of the *w3w* converse, — JNES, vol. 12, 1953, pp. 248–252.

Служебные слова

- Calice Fr. Die neuägyptische Negation $\text{𓂏}^{\text{e}} \text{𓂏} \text{𓂏} \text{𓂏}$, — ZÄS, Bd 42, 1905, Ss. 137–139.
- Calice F. Zur Entwicklung der Negationen im Neuägyptischen, — ZÄS, Bd 43, 1906, Ss. 149–151ю
- Clère J. L'ancienneté des negations à *b* initial du néoégyptien, — MDAIK, Bd 14, 1956, Ss. 29–33. [257]
- Clère J. J. Sur un emploi parallèle des prépositions arabes bilatéral *bi* et l'ancien égyptien *m*, — GLECS, t. 4, 1946, pp. 24–25.
- Czermak W. Über den Richtungswechsel in der Bedeutung präpositionaler Nisbe-Adjectiva im Ägyptischen, — WZKM, Bd 37, 1930, Ss. 64–75.
- Edgerton W. On the late Egyptian negative 𓂏^{e} — AJSL, vol. 48, 1931, pp. 27–44.
- Gardiner A. A hitherto unnoticed negative in Middle Egyptian (*nfr-pw*), — RT, vol. 40, 1923, pp. 79–82.
- Gardiner A. An unrecognized Egyptian adverb $\text{𓂏} \text{𓂏}$, — PSBA, vol. 40, 1918, pp. 5–7.
- Griffiths G. The inverted use of *imy*, — JEA, vol. 28, 1942, pp. 66–67.
- Gunn B. A negative word in Old Egyptian, — JEA, vol. 1948, pp. 27–30.

- Lutz H. F. Concerning the significance of the Egyptian particle *m(j)*, — «University of California publications in Semitic philology», vol. 10, № 5, 1936, pp. 223–227.
- Lutz H. F. The Egyptian enclitic particle *ms—mjsj*, — «University of California publications in Semitic philology», vol. 10, № 6, 1937, pp. 229–230.
- Lutz H. F. The intensifying conjunction in Egyptian, — «University of California publications in Semitic philology», vol. 10, № 4, 1936, pp. 217–221.
- Lutz H. F. Verb qualifiers in Egyptian, — «University of California publications in Semitic philology», vol. 10, 1940, pp. 265–274.
- Renouf P. Le Page. Note on Egyptian prepositions, — TSBA, vol. 2, 1873, pp. 301–320.
- Renouf P. Le Page. The Egyptian prepositions and , — PSBA, vol. 6, 1884, pp. 93–95.
- Renouf P. Le Page. The negative particle , — PSBA, vol. 6, 1884, pp. 95–101.
- Roeder G. Die Praeposition *r* in der Entwicklung der ägyptischen Sprache, Berlin, 1904.
- Sethe K. Das Wort *im* «Seite» und der Ursprung der neuägyptischen Präposition *irm (w)* «mit», — ZÄS, Bd 64, 1929, Ss. 9–12.
- Sethe K. Die ägyptische Worte für «hier» und «dort», — ZÄS, Bd 50, 1912, Ss. 99–103.
- Sethe K. Neuägyptisches *m-dr* für *m-dj*, — ZÄS, Bd 62, 1927, Ss. 5–8.
- Sethe K. Zu der enklitischen Negation *w*, — ZÄS, Bd 61, 1926, Ss. 79–81.
- Smither P. A new use of the preposition *m*, — JEA, vol. 26, 1939, pp. 166–169.
- Spiegelberg W. Die Konjunktion *hr-rʿ* «zu der Zeit wo, wann, wenn, da, weil», — ZÄS, Bd 62, 1927, Ss. 42–43.
- Spiegelberg W. Die neuägyptische Praeposition *m-dr* «wegen», — ZÄS, Bd 60, 1925, Ss. 59–61.
- Varille A. Un emploi particulier de la préposition *kher*, — «Kêmi», Paris, t. 4, 1933, pp. 119–125.
- Wiedemann A. Die Aussprache der Negation , — RT, vol. 4, 1883, pp. 87–89.

Разные грамматические вопросы. Префиксы

- Ceugney G. Du rôle de *m* préfixe en égyptien, — RT, vol. 2, 1880, pp. 1–9.
- Clère J. J. Existe-t-il un préfix verbal *t* en ancien égyptien? — GLECS, t. 3, 1938, pp. 13–16. [258]
- Dévaud E. Etudes et notes de grammaire, de lexicologie, de paléographie etc. égyptiennes et coptes, — «Kêmi», Paris, t. 1, 1928, pp. 136–146.
- Dévaud E. Questions de grammaire, — «Sphinx», Uppsala, vol. 13, 1910, pp. 193–172.
- Dévaud E. Remarques philologiques, — «Kemi», Paris, t. 1, 1928, pp. 29–31.
- Drioton E. Expressions prépositionnelles d'identité, — ASAE, t. 40, 1941, pp. 619–621.
- Erman A. Altägyptische Studien, — ZÄS, Bd 19, 1881–1882, Ss. 43–45.
- Feichtner M. K. Die *t*- Präfix und *t*- Suffixverben im Ägyptischen, — WZKM, Bd 39, 1932, Ss. 295–316.
- Grapow H. Über die Wortbildungen mit einem Präfix *m*- im Ägyptischen, — APAW, Phil.-hist. Kl., Jg. 1914, № 5.
- Jequier G. Le préfix dans les noms d'objets du moyen empire, — RT, vol. 39, 1921, pp. 145–154.
- Lacau P. Egyptologie, — «Annuaire du Collège de France», Paris, vol. 47, 1947, pp. 136–143.
- Lacau P. L'analogie en ancien égyptien, — BIFAO, t. 58, 1959, pp. 116–130.
- Lacau P. Notes de grammaire à propos de la Grammaire égyptienne de M. Erman, — RT, vol. 34, 1912, pp. 206–218; vol. 35, 1913, pp. 59–82.
- Lefebvre G. Observations grammaticales sur le Papyrus Harris I, — RE, vol. 8, 1951, pp. 121–125.
- Lexa Fr. Remarques sur quelques idées de M. Gardiner, publiées dans son Egyptian Grammar, — «Archiv orientální», Praha, vol. 2, 1930, pp. 435–440.
- Maspero G. Notes sur différents points de grammaire et d'histoire, — RT, vol. 1, 1870, pp. 152–160; vol. 2, 1871, pp. 32, 105–120; vol. 8, 1886, pp. 179–192; vol. 17, 1895, pp. 56–78, 121–142.
- Maspero G. Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire, — ZÄS, Bd 17, 1879, Ss. 49–63; Bd 18, 1880, Ss. 41–49; Bd 19, 1881, Ss. 116–131; Bd 20, 1882, Ss. 120–135; Bd 21, 1883, Ss. 62–79; Bd 22, 1884, Ss. 78–93; Bd 23, 1885, Ss. 3–13.
- Montet P. Le préfix *n* en égyptien, — «Sphinx», Uppsala, vol. 14, 1910–1911, pp. 201–230.
- Naville E. Etudes, grammaticales, — RT, vol. 27, 1905, pp. 44–53; vol. 31, 1909, pp. 61–64.

- Piehl K. Notes de philologie égyptienne, — PSBA, vol. 11, 1889, pp. 219–221; vol. 12, 1890, pp. 114–125, 368–379, 433–438; vol. 13, 1891, pp. 40–53, 106–118, 235–245, 350–365, 562–575; vol. 14, 1892, pp. 45–59, 133–142; vol. 15, 1893, pp. 31–47, 347–268, 471–493; vol. 16, 1894, pp. 249–254; vol. 17, 1895, pp. 254–267.
- Piehl K. Petites notes de critique et de philologie, — RT, vol. 1, 1870, pp. 133–138, 196–205; vol. 2, 1880, pp. 27–32, 121–120; vol. 3, 1882; pp. 65–72; vol. 4, 1883, pp. 117–124.
- Piehl K. Une particularité de grammaire, — «Sphinx», Uppsala, vol. 1, 1897, pp. 65–70.
- Piehl K. Une règle douteuse de la grammaire égyptienne, — «Sphinx», Uppsala, vol. 5, 1902, pp. 23–26.
- Renouf P. Le Page. Miscellaneous notes on Egyptian philology, — в кн.: The life-work of Sir Peter Le Page Renouf, vol. 1, Paris, 1902, pp. 329–356.
- Spiegelberg W. Varia. 25. Zur neuägyptischen Orthographie, — RT, vol. 19, 1897, p. 89.
- Spiegelberg W. Varia. 34. Weiteres zur neuägyptischen Orthographie, — RT, vol. 21, 1899, pp. 41–42.
- Thausing G. Über ein *h*- Präfix im Ägyptischen, — WZKM, Bd 39, 1932, Ss. 287–294. [259]
- Till W. Altägyptische Sprachprobleme, — MDAIK, Bd 8, 1939, Ss. 213–217.
- Vergote J. Enquête zur les fondements de la théorie grammaticale, — «Mededelmgen van de koninklijke Vlaamse Akademie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Künsten van België», XIII année, Bruxelles, 1951, pp. 1–43.
- Vergote J. Naar een hernieuwing van de Egyptische grammatica Jaarbericht № 15 van het Voorasiatisch-Egyptisch Genootschap Ex Oriente Lux, Leiden, 1907–1958, pp. 34–46.
- Vergote J. Semantemen en morfemen, — «De nieuwe taalgids» Diakarta, vol. 49, 1956, pp. 319–326.
- Vycichl W. Monophthongisierung, — «Archiv für ägyptische Archaeologie», Wien, Bd 1, 1938, Hft 6, Ss. 132–133.
- Vycichl W. Rezente Forschungen in Ägyptischen Sprachwissenschaft, — «Kongress XXIV», Ss. 95–96.
- Vycichl W. Varia grammatica, — «Kush», Khartum, vol. 4, 1956, pp. 39–46.
- Wendel F. C. H. Notes on history of Egyptian grammar, — JAOS, vol. 14, 1890, pp. 198–202.
- Wessetzky W. Zur Problematik des *d* — Präfixes und der Name des Thot, — ZÄS, Bd 82, 1958, Ss. 152–154.
- Wiedemann A. Ägyptologische Studien, Bonn, 1889.

Синтаксис, стиль, метрика

- Матье М. Э. Стилистические замечания к литературе Среднего царства, — «Сборник египтологического кружка при ЛГУ», № 4, 1930, стр. 15–19.
- Mathew M. — Olderogge D. The chiasm in Egyptian poetry, — «Сборник египтологического кружка при ЛГУ», № 1, 1929, стр. 1–3.
- Baillet A. et J. La chanson chez les égyptiens, — «Mélanges Maspero», pp. 121–133.
- Buck A. de. Défence et illustration de la langue égyptienne, — CdE, année 22, 1947, pp. 23–37.
- Buck A. de. Une forme énigmatique de la question: «qui es-tu?», — «Archiv orientální», Praha, vol. 20, 1952, pp. 379–399.
- Clère J. J. La phrase non-verbale en ancien égyptien, — GLECS, t. S, 1950, pp. 17–22.
- Czermak W. Rhythmus und Umbildung im Ägyptisch-Koptischen, — ZÄS, Bd 63, 1928, Ss. 78–89.
- Daumas Fr. La proposition relative égyptienne étudiée à la lumière de la syntaxe structurale, — «Orbis», Louvain, t. XI, № 1, 1962, pp. 21–32.
- Daumas Fr. Les moyens d'expression du grec et de l'égyptien, comparés dans les décrets de Canope et de Memphis, Le Caire, 1952 (Supplément aux ASAE, cahier 16).
- Diemke W. Die Entstehung des hypotaktischen Relativsatzes in der Sprache der alten Ägypter, — WZKM, Bd 47, 1940, Ss. 1–50.
- Edel E. Untersuchungen zur Phraseologie der ägyptischen Inschriften des Alten Reiches, — MDAIK, Bd 13, 1944.
- Firchow O. Grundzüge der Stilistik in den altägyptischen Pyramidentexten, Berlin, 1953.
- Gardiner A. Some aspects of the Egyptian language, — «Proceedings of the British Academy», London, vol. 23, 1937, pp. 81–104.
- Golénischeff V. S. Le rôle l'intonation dans quelques textes égyptiens, — «Mélanges Maspero», pp. 687–646.

- Golénischeff W. Notes sur la grammaire égyptienne, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 46, 1962, стр. 5–12. [260]
- Golénischeff V. S. Parallelisme symétrique en ancien égyptien, — «Griffith Studies», p. 86 sq.
- Golénischeff W. Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne, — «Recueil Champollion», pp. 685–712.
- Grapow H. Beiträge zur Untersuchung des Stils ägyptischer Lieder, — ZÄS, Bd 79, 1954, Ss. 17–27.
- Grapow H. Die Bildlichen Ausdrücke des Ägyptischen, vom Denken und Dichten einer altorientalischen Sprache, Leipzig, 1924.
- Grapow H. Untersuchungen zur ägyptischen Stilistik. I. Der stilistische Bau der Geschichte des Sinuhe, Berlin, 1952.
- Grapow H. Wie die alten Ägypter sich anredeten, wie sie sich grüßten und wie sie miteinander sprachen, I–IV, — APAW, Phil.-hist. Kl., 1939–1943.
- Gunn B. Studies in Egyptian syntax, Paris, 1924.
- Hermann A. Dialog. A la. Ägypten, — «Reallexicon für Antike und Christentum», Bd 3, Stuttgart, 1957, col. 929–634.
- Kuentz Gh. Deux points de syntaxe égyptienne, — BIFAO, t. 4, 1918, pp. 231–254.
- Morenz S. Wortspiele in Ägypten, — «Festschrift Johannes Jahn zum XXII November MCMLVII», Leipzig, 1957, Ss. 28–32.
- Müller D. Der gute Hirte, — ZÄS, Bd 86, 1961, Ss. 126–144.
- Polotsky H. Etudes de syntaxe copte, Le Caire, 1944.
- Sauneron S., Formules de politesse en égyptien ancien, — GLECS, t. 7, 1954–1957, pp. 95–96.
- Sander-Hansen C. E. Bemerkungen zum altägyptischen Identitätssatz, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 17, 1938, Ss. 196–228.
- Sander-Hansen C. E. Über einige sprachliche Ausdrücke für den Vergleich in den Pyramidentexten, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 14, 1936–1936, Ss. 286–318.
- Seele K. C. A rare grammatical construction in a neglected Egyptian text, — JNES, vol. 8, 1949, pp. 359–364.
- Sethe K. Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen, Leipzig, 1916.
- Spiegelberg W., Das Verhältnis der griechischen und ägyptischen Texte in den zweisprachigen Dekreten von Rosetta und Kanopus, Berlin, 1922.
- Till W. Zum Sprachtabu im Ägyptischen, — «Ägyptol. Studien», Ss. 322–337.
- Towers J. R. Are ancient Egyptian texts metrical? — «Journal of the Manchester University Egyptian and oriental society», № 20, 1936, pp. 41–44.
- Vycichl W. Der Stabreim in der ägyptischen Poesie, — «Die Sprache», Wien, Bd 3, 1956. Ss. 216–220.
- Wessetzky W. Az egyiptomi stílusztika történetéhez (A propos de l'histoire de la stylistique égyptienne), — «Antik Tanulmányok», Academia Kiado, Budapest, vol. 1, 1–3 füzt, 1954, pp. 161–168.
- Wessetzky V. Az egyiptomi versfordítások néhány kérdése, — «Antik Tanulmányok», Budapest, vol. 4, 1957, pp. 97–98.

Демотический язык и письмо

- Струве В. В. Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина для истории и культуры птолемеевского Египта, — в кн.: «Десятый международный конгресс историков в Риме. Доклады Советской делегации», М., 1955, стр. 320–342.
- Струве В. В. Три демотических папируса Московского музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, связанные с документами фиванской жреческой семьи от конца IV в. по начало III в. до н. э., — в кн.: [261] «Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов», серия египтологии, М., 1954, стр. 39–61.
- Brunner H. Demotisch, — «Ägyptologie», Ss. 48–51.
- Chardon D. — Denisse L. Dictionnaire démotique suivi d'un index français démotique et d'un tableau de tous les signes démotiques, avec leur équivalence et leur transcription hiéroglyphique, Paris, 1893–1897.
- Erichsen W. Auswahl frühdemotischer Texte, Hft 1–3. Texte, Umschrift und Glossar, Schriftliste, Kopenhagen, 1950.
- Erichsen W. Demotisches Glossar, Kopenhagen, 1954.

- Erichsen W. Demotische Lesestücke, Bd I, Literarische Texte, Hft 1–3, Texte, Glossar, Schrifttafel, Leipzig, 1937; Bd II, Urkunden der Ptolemäerzeit, Hft 1–2, Texte, Glossar, Leipzig, 1939.
- Gardiner A. Remarques sur la particule démotique *hmy*, — CdE, année 30, 1955, pp. 288–203.
- Griffith F. Ll. Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library, vol. I–III, Manchester, 1909.
- Griffith F. Ll. Notes on Demotic philology, — PSBA, vol. 18, 1896, p. 103 ff.; vol. 23, 1901, p. 16 ff.
- Griffith F. Ll. Transliteration of demotic, — PSBA, vol. 21, 1899, pp. 273–276.
- Kral U. Demotische Lesestücke, t. 1–2, Wien, 1897–1903.
- Krall J. Paläographische Bemerkungen, — «Mitteilungen aus den Sammlungen der Papyrus Rainer», Wien, 1897, Ss. 54–58.
- Lexa Fr. Grammaire démotique, vol. I–VII, Praha, 1947–1951.
- Lexa Fr. Le genre de substantifs démotiques, — «Mélanges Maspero», pp. 401–411.
- Lexa Fr. Les morphèmes *e e-f*, *a e-f* etc., dans la langue démotique, — «Archiv orientální», Praha, vol. 15, 1946, pp. 420–435.
- Malinine M. Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique, pt I. Paris, 1953.
- Malinine M. L'expression désignant l'enfant adoptif en égyptien, — GLECS, t. VI, 1952, pp. 13–14.
- Müller W. M. Die demotische Präformativpartikel *мет*, — RT, vol. 9, 1887, pp. 21–26.
- Müller W. M. Eine koptische Partikel im Demotischen, — RT, vol. 13, 1880, pp. 149–153.
- Müller W. M. Einige griechisch-demotische Lehnwörter, — RT, vol. 8, 1886, pp. 172–178.
- Ort-Geuthner G. Grammaire démotique du Papyrus magique de Londres et Leyde, Paris, 1936.
- Revillout E. Chrestomathie démotique, Paris, 1880.
- Revillout E. Cours de langue démotique et de droit égyptien, Paris, 1883.
- Revillout E. Nouvelle Chrestomathie démotique, Paris, 1878.
- Sethe K. Das perfektische Hilfsverbum *w3h* im Demotischen und Koptischen, — ZÄS, Bd 52, 1915, Ss. 112–116.
- Sethe K. Die angebliche Bezeichnung des Vokals *ě* in Demotischen, — ZÄS, Bd 2, 1927, Ss. 8–13.
- Sethe K. Die relativischen Partizipialumschreibungen des Demotischen und ihre Überreste im Koptischen in zwei Ausdrücken der hellenistischen Mysteriensprache, — NGWG, Phil.-hist. Kl., 1919, Ss. 145–158.
- Spiegelberg W. Der gegenwärtige Stand und die nächsten Aufgaben der demotischen Forschung, — ZÄS, Bd 59, 1924, Ss. 131–140.
- Spiegelberg W. Demotische Grammatik, Heidelberg, 1925. [262]
- Spiegelberg W. Demotische Miscelien. IV. Zur Definition des «Demotischen», — ZÄS, Bd 37, 1899, Ss. 18–20.
- Spiegelberg W. Ursprung einiger Abkürzungen in Demotischen, — ZÄS, Bd 37, 1899, S. 20.
- Stricker B. H. Etudes de grammaire égyptienne. 3. L'emploi du temps *sdm.f* en démotique, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 16, 1937, p. 84.
- Stricker B. H. Het graphisch system van de magische papyrus London — Leiden III. Inventaris der Demotische Tekens, — OMRO, vol. 39 1958, pp. 83–103.
- Stricker B. H. Het semantisch subject in het Demotisch, — OMRO, vol. 35, 1954, Ss. 65–73.
- Volten A. Der Ursprung des demotischen Plusquamperfectums, — ZÄS, Bd 74, 1938, Ss. 142–146.
- Wit C. La particule démotique *hmj*, — CdE, année 30, 1955, pp. 15–18.

Коптский язык

- Еланская А. И. Происхождение настоящего времени определительного предложения и система употребления форм относительного местоимения *ет* (*ntj*) и *ете* (*ntj iw*) в коптском языке, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3, стр. 170–178.
- Еланская А. И. Связь и согласование приложений с определяемым в коптском языке, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 46, 1962, стр. 88–103.
- Еланская А. И. Синтаксическая роль определительных предложений в коптском языке, — «Палестинский сборник», № 5, М., 1960, стр. 32–44.
- Ернштедт П. В. К детерминации в коптском языке, — сб. «Советское востоковедение», т. 6, 1949, стр. 52–62.
- Ернштедт П. В. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, М.,— Л., 1959.
- Ернштедт П. В. Коптские тексты Государственного Эрмитажа, М.— Л., 1959.

- Ериштедт П. В. **ⲟⲩⲉⲗⲛⲁϥ**, — «Сборник египтологического кружка при ЛГУ», № 4, 1930, стр. 1–2.
- Jernstedt P. Das koptische Praesens und die Anknüpfungsarten des näheren Objekts, — ДАН, серия В, 1927, стр. 69–74.
- Jernstedt P. Die grammatische und lexikalische Stellung des koptischen Verbums **ⲛⲁ** «geben», — ДАН, серия В, 1927, стр. 33–35.
- Jernstedt P. Frage: **ⲉⲕⲃⲏ ⲉⲧⲟⲛ**, Antwort: **ⲉⲓⲛⲁⲃⲟⲕⲉ-**, — «Сборник египтологического кружка при ЛГУ», № 2, 1929, стр. 4–5.
- Jernstedt P. Koptisches **ⲙⲉⲟⲩⲉ** «du (Frau) weisst nicht», — ДАН, серия В, 1925, стр. 23–26.
- Jernstedt P. Zum Gebrauch des koptischen Qualitativs, — ДАН, серия В, 1925, стр. 74–77.
- Султанов А. Ф. Национальный язык и реформа письменности в странах Арабского Востока, — «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», сб. статей, М., 1933, стр. 253–274.
- Albright W. F. Another case of Egyptian $\hat{u}$ = Coptic, e, — ZÄS, Bd 62, 1927, S. 64.
- Amélineau E. Lettre à M. Maspero sur la prononciation et la vocalisation du copte et de l'ancien égyptien, RT, vol. 12, 1892, pp. 23–47, 108–135. [263]
- Beshai W. Notes on the Coptic substratum in Egyptian Arabic, — JAOS, vol. 80, 1960, pp. 225–229.
- Chaine M. Eléments de grammaire dialectale copte: bohairique, sahidique, achmimique, fayoumique, Paris, 1933.
- Chaine M. La langue nationale populaire de l'Egypte ancienne, — BSAC, vol. 13, 1951, pp. 179–190.
- Chaine M. La proposition nominale dans les dialectes coptes, Paris, 1955.
- Chaine M. Les dialectes coptes assioutiques, Paris, 1934.
- Chaine M. Le verbe copte. Sa conjugaison dans ses rapports avec l'égyptien, Paris, 1945.
- Cramer M. Ein koptischer Brief aus dem Jahre 1848, — ZDMG, Bd III, 1961, Ss. 86–94.
- Cramer M. Zur Sprache und Geschichte des koptischen Ägypten, — «Institut copte, Les Cahiers Coptes», Le Caire, 1953, № 3, pp. 9–18.
- Crum W. E. A Coptic dictionary, Oxford, 1939.
- Crum W. E. An Egyptian text in Greek characters, — JEA, vol. 28, 1942, pp. 20–31.
- Czermak W. Der Rhythmus der koptischen Sprache und seine Bedeutung in der Sprachgestaltung, — SOAW, Phil.-hist. Kl., 1931, Bd 213, Abh. 2. Dyroff K. Ägyptisches *j*- der Tonsilbe im Koptischen, — ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 27–30.
- Erman A. Unterschiede zwischen den koptischen Dialekten bei der Wortverbindung, — SPAW, Jg. 1915, Ss. 180–188.
- Galtier E. De l'influence du copte sur l'arabe d'Egypte, — BIFAO, t. 2, 1902, pp. 212–216.
- Gardiner A. H. The origin of the Coptic tense Futurum I, — ZÄS, Bd 43, 1906, Ss. 97–98.
- Griffith Fr. Ll. The Old Coptic horoscope of the Stobart collection, — ZÄS, Bd 38, 1900, Ss. 71–85.
- Griffith Fr. Ll. The Old Coptic magical texts of Paris, — ZÄS, Bd 38, 1900, Ss. 85–93.
- Griffith Fr. Ll. The Old Coptic texts and their relation to Christian Coptic, — ZÄS, Bd 39, 1901, Ss. 78–82.
- Hintze Fr. Bemerkungen zur Aspiration der Verschlusslaute im Koptischen, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd 1, 1947, Ss. 199–213.
- Hintze Fr. Konsonantische Übergangslaute im Koptischen, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, Bd 3, 1949, Ss. 46–53.
- Houghton H. P. The «old» Coptic conjugation. Supplement to the Coptic verb, bohairic dialect, Charlottesville, Virginia, 1957.
- Jernstedt P. Graeco-Coptica, — ZÄS, Bd 64, 1929, Ss. 122–135.
- Jernstedt P. Zur lexikalischen Neuschöpfung im Koptischen, — ZÄS, Bd 65, 1930, Ss. 127–128.
- Krall J. Über die Anfänge der koptischen Schrift, — «Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer», Wien, 1887.
- Labib C. J. Collection des mots coptes, qui passent en usage dans la langue arabe vulgaire, Le Caire, 1901 (На арабском яз.).
- Lacau P. A propos des voyelles redoublées en copte, — ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 77–81.
- Lacau P. Un graffito égyptien d'Abydos écrit en lettres grecques, — «Etudes de papyrologie», Le Caire, t. 2, 1934, pp. 229–246.
- Lambdin T. The bivalence of Coptic *Eta* and related problems in the vocalization of Egyptian, — JNES, vol. 17, 1958, № 3, pp. 177–193.

- Littmann E. Die Sâqiya, — ZÄS, Bd 76, 1940, Ss. 45–54.
- Littmann E. Koptischer Einfluss im Ägyptisch-Arabischen, — ZDMG, Bd 56, 1902, Ss. 681–684. [264]
- Mallon A. Grammaire copte, Beyrouth, 1956.
- Morenz S. Das Koptische, — «Ägyptologie», Ss. 90–104.
- O'Leary L. E. de. Notes on the Coptic language, — «Orientalia», Roma, vol. 3, 1934, pp. 243–258.
- Petracek K. Zum arabischen Dialekte von Ägypten, — «Archiv orientální», Praha, vol. 24, 1956, № 4, pp. 591–595.
- Polotsky H. J. Zur koptischen Lautlehre I–II, — ZÄS, Bd 67, 1931, Ss. 74–77; Bd 69, 1938, Ss. 125–129.
- Pratorius F. Koptische Spuren in der ägyptisch-arabischen Grammatik, — ZDMG, Bd 55, 1901, Ss. 145–147.
- Prince J. D. The modern pronunciation of Coptic in the mass, — JAOS, vol. 23, 1902, pp. 289–306.
- Quatremère E. M. Recherches critiques et historiques sur la langue et la littérature de l'Égypte, Paris, 1808.
- Quibell J. E. Wann starb das Koptische aus? — ZÄS, Bd 39, 1902, S. 87.
- Revillout E. La grammaire copte étudiée dans ses origines hiéroglyphiques et démotiques, — «Revue égyptologique», Paris vol. 14, 1914, pp. 93–100, 133–150.
- Rochemontoux M. La prononciation moderne du copte dans la Haute-Égypte, — MSLP, t. 7, 1891, pp. 245–276.
- Sethe K. Über einige sekundäre Verben im Koptischen, — ZÄS, Bd 47, 1910, Ss. 136–146.
- Simon J. Wann starb das Koptische aus? — ZDMG, Bd 90, 1936, S. 44.
- Sobhy G. Common words in spoken Arabic of Egypt, of Greek or Coptic origin, Le Caire, 1950.
- Sobhy G. La prononciation moderne du copte dans l'église, — BIFAO, t. 14, 1918, pp. 51–56.
- Sobhy G. Miscellanea. The persistence of ancient Egyptian words in modern Arabic, — JEA, vol. 16, 1930, pp. 3–5.
- Sobhy G. Studies in Coptic lexicography, — BIFAO, t. 14, 1918, pp. 57–64.
- Sobhy G. Survivals of ancient Egyptian in modern dialect, — «Ancient Egypt», London, 1921, pp. 70–75; 1922, pp. 47–49.
- Sobhy G. The pronunciation of Coptic in the church of Egypt, — JEA, vol. 2, 1916, pp. 15–19.
- Sobhy G. The survival of ancient Egypt, — BSAC, t. 4, 1938, pp. 59–70.
- Sobhy G. The traditional pronunciation of Coptic in the church of Egypt, — BSAC, t. 6, 1940, pp. 109–117.
- Spiegelberg W. Arabische Einflüsse in dem Koptischen Kambysesroman, — ZÄS, Bd 45, 1908, Ss. 83–84.
- Spiegelberg W. Koptisches Handwörterbuch, Heidelberg, 1921.
- Spiegelberg W. Über die gelegentliche Wiedergabe des «Aleph» und «Ajin» im Koptischen, — OLZ, Jg. 25, 1922, Sp. 97–100.
- Steindorff G. Bemerkungen über die Anfänge der koptischen Sprache und Literatur, — Crumstu., Ss. 189–214.
- Steindorff G. Lehrbuch der koptischen Grammatik, Chicago, 1951.
- Stricker B. H. Trois études de phonétique et morphologie coptes, — «Acta orientalia», Copenhagen, vol. 15, 1937, pp. 1–20.
- Till W. Achmimisch-koptische Grammatik mit Chrestomathie und Wörterbuch, Leipzig, 1928.
- Till W. Altes 'Aleph und 'Ajin im Koptischen, — WZKM, Bd 36, 1929, Ss. 186–196.
- Till W. Betrachtungen zum Wortakzent im Koptischen, — BSAC, t. 13, 1951, pp. 13–32.
- Till W. Coptic and its value, — «Bulletin of the John Rylands library», Manchester, vol. 40, 1957, № 1, pp. 229–268.
- Till W. Der Murrelvokal, — ZÄS, Bd 68, 1932, Ss. 121–122. [265]
- Till W. Die Überreste des altägyptischen unbetonten (älteren) Pronomen absolutum im Koptischen, — WZKM, Bd 33, 1926, Ss. 125–130.
- Till W. Die Vokalisation des Fayoumischen, — BIFAO, t. 30, 1930, pp. 361–368
- Till W. Koptische Dialektgrammatik, München, 1931.
- Till W. Koptische Grammatik, Leipzig, 1961.
- Till W. Zur Vokalisation des Koptischen, — «Griffith Studies», p. 181.
- Vollers K. Beiträge zur Kenntniss der lebenden arabischen Sprache im Ägypten, — ZDMG, Bd 50, 1896, Ss. 607–656, Bd 91, 1897, Ss. 291–326, 343–364.

- Volten A. An Egyptian text in Greek characters, — «Studia Orientalia Joanni Pedersen dedicata», Haunia, 1853, pp. 364–376.
- Vycichl W. Koptisch *hna-f* «er will», — «Muséon», Lovain, vol. 68, 1956, pp. 235–237.
- Vycichl W. Pi Solsel, ein Dorf mit koptischer Oberheferung, — MDAIK, Bd 6, 1939, Ss 166–175.
- Worrel W. H. Coptic sounds, Ann Arbor, 1934.
- Worrel W. H. Popular traditions of the Coptic language, — AJSSL, vol. 54, 1937, pp. 1–11.
- Worrel W. H. The evolution of velar, palatal and dental stops in Coptic, — JEA, vol. 15, 1929, pp. 191–193.
- Worrel W. H. The pronunciation of Coptic, — JAOS, vol. 150, 1930, pp. 144–149.
- Young D. W. On Shenoute's use of Present I, — JNES, vol. 20, 1961, pp. 120–124.
- Zetterstéen K. V. Un ouvrage oriental sur les mots coptes dans la langue arabe vulgaire, — «Sphinx», Uppsala, vol. 7, 1903, p. 165.

Материалы для письма

- Bissing Fr. Bücher und Büchereien im alten Ägypten, — «Sitzungsberichte der Phil.-hist Kl., der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München», 1952, Hft 8, Ss. 7–8.
- Brunner H. Ägyptisches Schreibmaterial, — «Ägyptologie», Ss 59–62.
- Černý J. Paper and books in Ancient Egypt, London, 1952.
- Christensen H. G. Zur Etymologie des Wortes «Papier», — OLZ, Jg. 41, 1938, Sp. 204–205.
- Keimer L. Papyrus, — «Egypt travel magazine», Cairo, № 26, 1956, pp. 21–28.
- Lewis N. L'industrie du papyrus dans l'Égypte greco-romaine, Paris, 1934.
- Lucas A. Ancient Egyptian materials and industries, London, 1948.
- Lucas A. The inks of ancient and modern Egypt, — «The Analyst», Cambridge, vol. 47, 1922, pp. 9–14
- Mitchell C. A. Alleged use of marking ink in ancient Egypt, — «The Analyst», Cambridge, vol. 52, 1927, p. 27.
- Mitchell C. A. An ancient Egyptian marking ink, — «The Analyst», vol. 65, 1940 pp. 100–101.
- Mitchell C. A. Marking ink in ancient Egypt, — «Ancient Egypt», London, 1927, p. 18.
- Pietschmann R. Leder und Holz als Schribmaterialen bei den Aegyptern, — «Sammlung bibliothekwissenschaftlichen Arbeiten», Leipzig, Hft 8, 1895, Ss. 105–115.
- Sayce A. H. The use of papyrus as a writing material among the accadians, — TSBA, vol. 1, 1872, pp. 343–344.
- Torczyner H. On Egyptian ideas and names in Canaan and the Bible, — RHJE, vol. 1, 1947, pp. 105–110.
- [266]
- Vergote J. L'origine du mot «papier», — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», Bruxelles, vol. 2, 1951, pp. 411–416.

Иероглифическое письмо

- Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите, перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица, [М.—Л.], 1950.
- Anthes R. Die Verwendung des Schriftzeichens $\{$ für den Lautwert *n*, — ZÄS, Bd 74, 1938, Ss. 109–112.
- Anthes R. Zur Datierung durch $\{$ -*n*, — ZÄS, Bd 77, 1941, Ss. 55–66.
- Badawy A. About three Egyptian hieroglyphs, — JNES, vol. 15, 1956, pp. 175–179.
- Balcz H. Zum Wesen und Werden der ägyptischen Schrift, — «Mitteilungen der Anthropologische Gesellschaft zu Wien», Bd 60, 1950, Ss. 278–284.
- Bonnet H. Ägyptisches Schrifttum, Leipzig, 1919.
- Bowman E. A note on the developing of Egyptian writing, — JNES, vol. 19, 1960, pp. 46–49.
- Champollion J. Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens..., Paris, 1827–1828.
- Chassinat E. Catalogue des signes hiéroglyphiques de l'imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, Le Caire, 1907.
- Chassinat E. — Gauthier H. Supplément au Catalogue des Signes hiéroglyphiques, t. 1–2, Le Caire, 1912–1915.
- Chassinat E. Supplément général au Catalogue des signes hiéroglyphiques..., Le Caire, 1930.

- Clère J. L'emploi du signe du roseau $\left\{ \right.$ comme déterminatif dans l'écriture égyptienne, — «Kongress XXIV», Ss. 76–78.
- Clère J. Un nouvel exemple du monogramme, *hṭp-di-nswt*, — «Studi in memoria di I. Rossellini», vol. II, Pisa, 1955, pp. 33–42.
- Curto S. Ricerche sulla natura e significato dei caratteri geroglifici di forma circolare, — «Aegyptus», Milano, vol. 39, 1959, pp. 226–279.
- Czermak W. Vom Sinn der vokallosen Schriftem, — «Die Sprache», Wien, Bd 1, 1949, Ss. 171–194.
- Davies N. M. Picture writing in ancient Egypt, London, 1958.
- Drioton E. Dissimilations graphiques dans les textes des pyramides, — ASAE, t. 49, 1949, pp. 57–68.
- Driver G. R. Semitic writing: from pictograph to alphabet, London, 1954.
- Ebers G. Die hieroglyphische Schriftzeichen der Ägypter, Leipzig, 1890.
- Edgerton W. T. On the theory of writing, — JNES, vol. 11, 1952, pp. 287–290.
- Erman A. Defective Schreibungen, — ZÄS, Bd 29, 1891, Ss. 33–39.
- Erman A. Die Hieroglyphen, Leipzig, 1912.
- Erman A., Ein orthographisches Kriterium, — ZÄS, Bd 55, 1918, Ss. 86–88.
- Foucart G. Histoire de l'écriture égyptienne, d'après les dernières publications, — «Revue archéologique», Paris, vol. 32, 1898, pp. 20–33.
- Friedrich J. Die Parallel — Entwicklung der drei alten Schrift-Urschöpfungen (Ägyptische Schrift, Keilschrift, chinesische Schrift), — «Kongress XXIV», Ss. 52–53. [267]
- Gardiner A. Additions to the new hieroglyphic fount, — JEA, vol. 15, 1929, p. 95; vol. 17, 1931, pp. 245–247.
- [Gardiner A.] Catalogue of the Egyptian hieroglyphic printing type from matrices owned and controlled by Dr A. H. Gardiner, Oxford, 1928.
- Gardiner A. The nature and development of the Egyptian hieroglyphic writing, — JEA, vol. 2, 1916, pp. 61–75.
- Grapow H. Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte, Glückstadt, 1936.
- Godron G. Deux notes d'épigraphie thinite, — RE, vol. 8, № 51, pp. 91–100.
- Godron G. Notes d'épigraphie thinite, — ASAE, t. 54, 1957, pp. 191–206.
- Griffith F. Ll. A collection of hieroglyphs, London, 1898.
- Griffith F. Ll. Notes on hieroglyphs: the head, the papyrus roll the soldier, — PSBA, vol. 21, 1899, p. 269.
- Griffith F. Ll. The system of writing in ancient Egypt, — «Journal of the Anthropological institute», London, vol. 30, 1900, pp. 153–159.
- Gunn B. Notes on the Naucratis stela, — JEA, vol. 29, 1943, pp. 55–59.
- Janssen J. Hieroglyphen, Leiden, 1952.
- Janssen J. Remarques sur les listes des signes hiéroglyphiques, — CdE, année 27, 1952, pp. 88–97.
- Junker H. Die Hieroglyphen für Erz and Erzarbeit, — MDAIK, Bd 14, 1956, Ss. 89–103.
- Korostovtzev M. A. La main dans l'écriture et la langue de l'Égypte ancienne, — BIE, t. 28, 1947, pp. 1–10.
- Lacau P. Métathèses apparentes en égyptien, — RT, vol. 23, 1903, pp. 139–161.
- Lacau P. Suppressions et modification des signes dans les textes funéraires, — ZÄS, Bd 61, 1913, Ss. 1–64.
- Lacau P. Suppression des noms divins dans les textes de la chambre funéraire, — ASAE, t. 26, 1926, pp. 69–81.
- Lacau P. Sur le système hiéroglyphique, Le Caire, 1954.
- Meinhof C. Zur Entstehung der Schrift, — ZÄS, Bd 49, 1911, Ss. 1–14.
- Moret A. L'écriture hiéroglyphique en Égypte, — «Scientia», Bologna, vol. 25, 1919, pp. 94–125.
- Müller W. M. Das Prinzip des ägyptischen Hieroglyphenalphabetes, — OLZ, Jg. 2, 1898, Sp. 259–263.
- Müller W. M. Die Umstellungen in der altägyptischen Orthographic, — ZÄS, Bd 32, 1894, Ss. 27–35.
- Naville E. L'écriture égyptienne, Paris, 1926.
- Petrie H. Egyptian hieroglyphs of the first and second dynasties, London, 1927.
- Polotsky H. J. Zu den Inschriften der 11 Dynastie, Leipzig, 1929.
- Roeder G. Der Schmuckwert der ägyptischen Hieroglyphen, — «Buch und Schrift», Leipzig, Jg. 2, 1928, Ss. 83–88.
- Sainte Fare Garnot J. Du nouveau sur les textes des pyramides: relevés épigraphiques dans le sous-sol de la pyramide de Têti, — BIFAO, vol. 57, 1958, pp. 165–172.

- Schäfer H. Die Vokellosigkeit des «phönizischen» Alphabets, — ZÄS, Bd 52, 1915, Ss. 95–98.
- Scharff A. Archeologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift, München, 1942.
- Schmitt A. Die Vokellosigkeit der ägyptischen und semitischen Schrift, — «Indogermanische Vorschungen», Berlin. Bd 61, Hft 2–3, 1954, Ss. 216–227.
- Schott S. Abhängigkeit und Einwirkung, — «Ägyptologie», Ss. 32–36. [268]
- Schott S. Das Schriftsystem und seine Durchbildung, — «Ägyptologie», Ss. 22–31.
- Schott S. Die Erfindung der ägyptischen Schrift, — «Ägyptologie», Ss. 18–20.
- Schott S. Hieroglyphen. Untersuchungen zum Ursprung der Schrift, Mainz, 1961.
- Schott S. Untersuchungen zur Schriftgeschichte der Pyramidentexte, Heidelberg, 1926.
- Schwaller de Lubiez. Du symbole et de la symbolique, Le Caire, 1951.
- Sethe K. Das hieroglyphische Schriftsystem, Glückstadt — Hamburg, 1935.
- Sethe K. Die altägyptischen Pyramidentexte, Bd 4, Epigraphik, Leipzig, 1922.
- Sethe K. Die Bedeutung des Striches in den Pyramidentexten und im alten Reich, — ZÄS, Bd 45, 1908–1909, Ss. 44–56.
- Sethe K. Vom Bilde zum Buchstaben, Leipzig, 1939.
- Sethe K. Zur Reform der ägyptischen Schriftlehre, — ZÄS, Bd 45, 1908–1909, Ss. 36–43.
- Sottas H. — Drioton E. Introduction à l'étude des hiéroglyphes, Paris, 1922.
- Spiegel J. Hieroglyphen, — «Westermann's Monatshefte», Hft 4, Braunschweig, 1949, Ss. 29–36.
- Spiegelberg W. Die Schrift und Sprache der alten Ägypter, Leipzig, 1907.
- Stricker B. Het graphisch system van de magische papyrus London—Leiden 1, — OMRO, vol. 31, 1950, pp. 64–71.
- Stricker B. H. Une orthographe méconnue, — «Acta orientalia», — Copenhagen, vol. 15, 1936, pp. 21–25.
- Theinhardt F. Liste der hieroglyphischen Typen aus der Schriftgiesserei des Herrn F. Theinhardt in Berlin, Berlin, 1875.
- Till W. Vom Wesen der ägyptischen Schrift, — «Die Sprache», Wien, Bd 3, 1956, Ss. 207–215.
- Vikentiev V. Etudes d'épigraphie protodynastique: quelques cas où se lit *d3i* et signifie «suc», — ASAE, t. 55, 1958, pp. 25–33.
- Walle B. van de. Les déterminants dissimilés des noms d'animaux, — «Ägyptol. Studien», Ss. 366–378.
- Walle B. van de. Les soi-disants «signes déterminatifs» du système hiéroglyphique égyptien, — «Melanges de philologie orientate, Louvain, 1932, pp. 203–318.
- Won Kenn (Hwang Hyan Cheng), Origine et evolution de l'écriture hiéroglyphique et de l'écriture chinoise, Paris, 1939.
- Yeivin S. The sign and the true nature of the early alphabets, — «Archiv orientální», Praha, vol. 4, 1932, pp. 71–78.

Групповое письмо

- Albright W. F. The vocalization of the Egyptian syllabic orthography, Hew Haven, 1934.
- Albright W. F. — Lambdin T. O. New material for the Egyptian syllabic orthography, — «Journal of Semitic studies», Manchester, vol. 2, 1957, pp. 113–127.
- Brunner H. Gruppenschreibung (Syllabische Schrift), — «Ägyptologie», Ss. 37–39. [269]
- Burchardt M. Die altkanaanaischen Fremdworte und Eigennamen im Ägyptischen, t. I–II, Leipzig, 1909–1910.
- Calice F. Zur syllabischen Orthographic, — ZÄS, Bd 44, 1907, S. 102.
- Edel E. Neues Material zur Beurteilung der syllabischen Orthographic des Ägyptischen, — JNES, vol. 8, 1949, pp. 44–47.
- Edgerton W. T. Egyptian phonetic writing from its invention to the close of the nineteenth dynasty, — JAOS, vol. 60, 1940, pp. 473–506.
- Müller M. Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern, Leipzig, 1893.
- Ward W. A. Notes on Egyptian group writing, — JNES, vol. 16, 1957, pp. 198–203.

- Brunner H. Anigmatische Schrift (Kryptographie), — «Ägyptologie», Ss. 52–59.
- Černý J. The cryptogram of Mentemhet, — ASAE, t. 51, 1951, pp. 442–443.
- Conteneau G. La cryptographie en Egypte et en Mésopotamie, — «Mercure de France», Paris, t. 315, № 1066 (1 Juin 1952), pp. 349–393.
- Deveria Th. L'écriture secrète dans les textes hiéroglyphiques des anciens Égyptiens, — в его книге «Mémoires et fragments...», t. 2, Paris, 1897, pp. 49–80; также «Bibliothèque égyptologique», t. 5, Paris, 1897.
- Drioton E. Amon, refuge du coeur, — ZÄS, Bd 79, 1954, Ss. 3–11.
- Drioton E. A propos d'un cryptogramme de Montouemhet, — ASAE, t. 42, 1943, pp. 177–181.
- Drioton E. Chawabtou à inscriptions cryptographiques, — ASAE, t. 45, 1947, pp. 72–84.
- Drioton E. Cryptogrammes de la reine Nefertary, — ASAE, t. 39, 1939, pp. 133–144.
- Drioton E. Deux cryptogrammes de Senemout, — ASAE, t. 38, 1938, pp. 231–246.
- Drioton E. Encore l'acrophonie, — RE, vol. 10, 1955, pp. 91–92.
- Drioton E. Essai sur la cryptographie privée de la fin de la XVIII dynastie, — RE, vol. 1, 1933, pp. 1–50.
- Drioton E. Inscription énigmatique du tombeau de Chechanq III à Tanis, — «Kêmi», Paris, t. 12, 1952, pp. 24–33.
- Drioton E. La cryptographie de la chapelle de Toutânkhamon, — JEA, vol. 35, 1949, pp. 117–122.
- Drioton E. La cryptographie du papyrus Salt 825, — ASAE, t. 41, 1942, pp. 99–134.
- Drioton E. La cryptographie égyptienne, — CdE, année 9, 1934, pp. 192–206.
- Drioton E. La cryptographie égyptienne, — «Revue lorraine d'anthropologie», Nancy, vol. 6, 1933–1934, pp. 5–28.
- Drioton E. La cryptographie par perturbation, — ASAE, t. 44, 1944, pp. 18–33.
- Drioton E. L'écriture énigmatique, — в кн.: A. Piankoff. Le livre du jour et de la nuit, Le Caire, 1942, pp. 83–121.
- Drioton E. Le cryptogramme de Montou de Medamoud, — RE, vol. 2, 1936, pp. 21–33.
- Drioton E. Le frise d'écriture énigmatique du tombeau de Padykam, — в кн.: Sami Gabra, Rapports sur les fouilles de l'Université Fouad el Awal à Hermopolis Quest Touna el Gebel, Le Caire, 1941, pp. 29–37. [270]
- Drioton E. Le mot égyptien, signifiant «Principe» et «maxime» — ASAE, t. 50, 1950, pp. 585–590.
- Drioton E. Les jeux d'écriture et les rébus de l'Égypte antique — «Le Rayon», Le Caire, t. VIII, 1985, pp. 173–175.
- Drioton E. Les principes de la cryptographie égyptienne, — «Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», Paris, 1953, pp. 355–364.
- Drioton E. Les protocoles ornementaux d'Abydos, — RE, vol. 2, 1935 pp. 1–20.
- Drioton E. Notes sur le cryptogramme de Montouemhêt, — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slaves», Bruxelles, t. 3, 1935, pp. 133–140.
- Drioton E. Note sur un cryptogramme récemment découvert à Athribis, — ASAE, t. 38, 1938, pp. 109–116.
- Drioton E. Procédé acrophonique ou principe consonantal? — ASAE, t. 43, 1943, pp. 319–349.
- Drioton E. Recueil de cryptographie monumentale, — ASAE, t. 40, 1940–1941, pp. 306–427.
- Drioton E. Sentences memphites, — «Kêmi», Paris, t. 14, 1957, pp. 5–25.
- Drioton E. Un cryptogramme relatif aux «Souffles de vie», — «Ägyptol. Studien», Ss. 44–50.
- Drioton E. Une erreur antique de déchiffrement, — RE, t. 12, 1960, pp. 27–31.
- Drioton E. Une figuration cryptographique sur une stèle du Moyen Empire, — RE, vol. 1, 1933, pp. 203–229.
- Drioton E. Un rébus de l'ancien empire, — «Mélanges Maspero», pp. 697–704.
- Drioton E. Voeux inscrits sur des scarabées, — MDAIK, Bd 14, 1956, Ss. 34–46.
- Fairman H. W. An introduction to the study of Ptolemaic signs and their values, — BIFAO, t. 43, 1945, pp. 51–138.
- Fairman H. W. Notes on the alphabetic signs employed in the hieroglyphic inscriptions of the temple of Edfu, — ASAE, t. 43, 1943, pp. 193–318.
- Fairman H. W. Ptolemaic notes, — ASAE, t. 44, 1944, pp. 263–277.

- Grapow H. Studien zu den thebanischen Königsgrabern. Zur ägyptischen Schrift, — ZÄS, Bd 72, 1936, Ss. 12–39.
- Gutbub A. Jeux de signes dans quelques inscriptions des grands temples de Dendérah et d'Edfou, — BIFAO, t. 52, 1953, pp. 57–101.
- Junker H. Über das Schriftsystem in Tempel der Hathor in Dendera, Berlin, 1903.
- Meulenaere H. de. Notes ptolémaïques, — BIFAO, t. 53, 1953, pp. 103–111.
- Sauneron S. A propos de deux signes ptolémaïques, — BIFAO, vol. 56, 1957, pp. 77–80.
- Schott S. Die Schrift der verborgenen Kammer in Königsgrabern der 18 Dynastie, Göttingen, 1958.
- Sethe K. Die ägyptischen Inschriften, — в кн.: M. Northampton, W. Spiegelberg, P. E. Newberry. Reports on some excavations in the Theban necropolis during the winter of 1898–1899, London, 1908, pp. 1–12.
- Wit C. Some values of Ptolemaic signs, — BIFAO, vol. 55, 1955, pp. 111–121. [271]

Иератика и аномальная иератика¹

- Лурье И. М. Хрестоматия древнеегипетских иератических текстов, Л., 1948.
- Тураев Б. А. Papyrus Prachov собрания Б. А. Тураева, Л., 1927.
- Alien T. G. Types of rubrics in the Egyptian book of the Dead, — JAOS, vol. 56, 1936, pp. 145–155.
- Borchardt L. Die Wandlungen häufiger Zeichen der Kursivschrift der Mittleren Reiches, — ZÄS, Bd 29, 1891, Ss. 45–48.
- Brunner H. Hieratisch, — «Ägyptologie», Ss. 40–47.
- Bagnani G. The transcription of late hieratic, — JEA, vol. 19, 1933, pp. 162–166.
- Černý J. The abnormal hieratic tablet Leiden I, 431, — Griffith studies, pp. 46–57.
- Černý J. Two puzzles of Ramesside hieratic, — JEA, vol. 23, 1937, pp. 60–62.
- Dévaud E. L'age des papyrus égyptiens hiératiques d'après les graphics de certains mots de la XII-e dynastie à la fin de la XVIII-e dynastie Paris, 1924.
- Faulkner R. Some further remarks on transcription of late hieratic, — JEA, vol. 21, 1935, pp. 49–51.
- Gardiner A. H. The transcription of the New Kingdom hieratic, — JEA, vol. 15, 1929, pp. 48–55.
- Gunn B. The use of red for amounts of cereals in hieratic, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 157.
- Malinine M. Une vente d'esclaves a l'époque de Psammetique I, P. Vatican № 10574, — RE, vol. 5, 1946, pp. 119–131.
- Malinine M. Un jugement rendu à Thèbes sous la XXV-e dynastie, P. Louvre 3228, — RE, vol. 6, 1951, pp. 157–178.
- Möller G. Die Buchschrift der alten Ägypter, — «Zeitschrift der deutschen Vereins für Buchwesen und Schrifttum», Leipzig, 1919.
- Möller G. Die Schriftformen (der Sarge des früheren Mittleren Reichs aus Gebelen), — «Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen der Museen zu Berlin», 1901, Ss. 33–34.
- Möller G. Ein ägyptischer Schuldschein der 22 Dynastie, — SPAW, 1921, Ss. 298–304.
- Möller G. Hieratische Lesestücke, Hft 1–3, Leipzig, 1909–1910; Hft 1–2, 2-te Aufl. Leipzig, 1927.
- Möller G. Hieratische Paläographie, Bd I–III, Leipzig, 1927–1936; Ergänzungsheft zu Band I und III, Leipzig, 1936.
- Möller G. Zur Datierung literarischer Handschriften aus der ersten Hälfte des Neuen Reichs, — ZÄS, Bd 56, 1920, Ss. 34–43.
- Möller G. Zwei ägyptische Ehevertäge aus vorsaitischer Zeit, — APAW, Phil.-hist. Kl., 1918, № 3.
- Montet P. Le rôle du point diacritique en hiératique, — ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 96–98.
- Posener G. Les signes noirs dans les rubriques, — JEA, vol. 35, 1949, pp. 77–81.
- Posener G. Sur l'emploi de l'encre rouge dans les manuscrits égyptiens, — JEA, vol. 37, 1951, pp. 75–80. [271]
- Stricker B. Het graphisch system van de magische papyrus London — Leiden II, — OMRO, vol. 36, 1956, pp. 92–132.

¹ Тексты аномальной иератики частично опубликованы в работах: Griffith F. Ll. Catalogue of the demotic papyri...; M. Malinine. Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique (см. раздел «Демотический язык и письмо»).

Weill R. Un cas remarquable de transcription fautive de l'hiéroglyphique en hiéroglyphique,— RT, vol. 27, 1905, pp. 38–41.

Критское письмо

Эванс А. Критское линейное письмо, — ВДИ, 1939, № 3(8), стр. 10–39.

Dow S. Minoan writing, — AJA, vol. 58, 1954, pp. 77–129.

Grumach E. Kretisch-ägyptische Scheffelzeichen, — «Archiv orientální», Praha, vol. 10, 1938, pp. 427–432.

Sarton G. Minoan mathematics, — «Isis», Cambridge, Mass. vol. 24, 1936, pp. 376–381.

Sundwall J. Der Ursprung der kretischen Schrift. Zur Deutung kretischer Tontäfelchen. Über kretische Masszeichen. Altkretische Urkundenstudien, — «Acta Academiae Aboensis», Humaniora, Abo, 1920–925.

Sundwall J. Die kretische Schrift, — JDAI, 1921, Ss. 354–358.

Sundwall J. Zur vorgriechischen Festlandsschrift, — «Klio», Leipzig, Bd 22, 1929, Ss. 228–230.

Мероитский язык и письмо

Brugsch H. Entzifferung der meroitischen Schriftdenkmäler, — ZÄS, Bd 25, 1887, Ss. 1–32, 75–97.

Erman J. P. A. Zu den aethiopischen Hieroglyphen, — ZÄS, Bd 35, 1897, Ss. 152–165.

Griffith F. Ll. A meroitic funerary text in hieroglyphic, — ZÄS, Bd 48, 1911, Ss. 67–68.

Griffith F. Ll. Karanòg: the meroitic inscriptions of Shablùl and Karanòg, Philadelphia, 1911.

Griffith F. Ll. Meroitic inscriptions, pt 1–2, London, 1911.

Griffith F. Ll. Meroitic funerary inscriptions from Faras, Nubia, — «Recueil Champollion», pp. 565–600.

Griffith F. Ll. Meroitic studies, — JEA, vol. 3, 1916, pp. 22–30, 111–124; vol. 4, 1917, pp. 21–27, 159–73; vol. 11, 1925, pp. 218–224; vol. 15, 1929, pp. 69–74.

Hintze Fr. Die sprachliche Stellung des Meroitischen, — «Afrikanistische Studien Diedrich Westermann zu 80 Geburtstag gewidmet», Berlin, 1955, Ss. 355–372.

Meinhof C. Die Sprache von Meroe, — «Zeitschrift für eingeborenen Sprachen», Berlin, Bd 12, 1922, Ss. 1–16.

Monneret de Villard U. Iscrizione della regione de Meroe, — «Kush», Khartum, vol. 7, 1959, pp. 93–114.

Monneret de Villard U. Iscrizione meroitica di Kawa, — «Aegyptus», Milano, anno 17, 1937, pp. 101–103.

Randall-Maciver D. — Wooley C. L. Areika. With a chapter on meroitic inscriptions by F. Ll. Griffith, Oxford, 1909.

Sayce A. H. The origin of the meroitic alphabet, — PSBA, vol. 36, 1914, pp. 177–180.

Schuchardt H. E. M. Das Meroitische, — WZKM, Bd 27, 1913, Ss. 163–183.

Vycichl W. The present state of meroitic studies, — «Kush», Khartum, vol. 6, 1958, pp. 74–81. [273]

Vycichl W. The strategos of the water, — «Kush», Khartum, vol. 6, 1958, pp. 178–179.

Zyhlarz E. Das meroitische Sprachproblem, — «Anthropos», Fribourg, Bd 25, 1930, Ss. 409–463.

Zyhlarz E. Die Fiktion der «Kuschitischen» Völker, — «Kush», Khartum, vol. 4, 1956, pp. 19–33.

Синайские надписи и происхождение алфавита

Струве В. В. Происхождение алфавита, Пг., 1923.

Albright W. P. The early alphabetic inscriptions from Sinai and their decipherment, — BASOR, № 110, 1948, pp. 6–22.

Bauer H. Der Ursprung des Alphabets, Leipzig, 1937.

Bauer H. Zur Entzifferung der neuentdeckten Sinaiinschrift und zur Entstehung des semitischen Alphabets, Halle, 1918.

Bissing W. von. Zur Datierung der Petrieschen Sinaiinschriften, — «Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München», 1920, Ss. 1–22.

Branden van den. L'origine des alphabets protosinaitique, arabes préislamiques et phéniciens, — «Bibliotheca Orientalis», Leiden, 1962, № 5–6, pp. 198–206.

- Breasted J. H. The physical processes of writing in the early Orient and their relation to the origin of the alphabet, — *AJSL*, vol 32, 1915, pp. 230–249.
- Butin R. F. Some Egyptian hieroglyphs of Sinai and their relationship to the hieroglyphs of the Proto-Sinaitic Semitic alphabet, — «*Mizraim*», New York, vol. 2, 1936, pp. 62–56.
- Cohen M. La grande invention de l'écriture et son évolution, Paris, 1958.
- Cowley A. E. The origin of the Semitic alphabet, — *JEA*, vol. 3, 1916, pp. 17–21.
- Dawson W. R. The Egyptian origin of the alphabet, — «*Asiatic review*», London, vol. 16, 1920, pp. 124–126.
- Diringer D. The alphabet, a key to the history of mankind, New York, 1948.
- Gardiner A. H. The Egyptian origin of the Semitic alphabet, — *JEA*, vol. 3, 1916, pp. 1–16; *ZDMG*, Bd 77, 1923, Ss. 92–102.
- Gelb J. A study of writing, London, 1952.
- Grimme H. Althebräische Inschriften vom Sinai: Alphabet, Textliches, Sprachliches mit Folgerungen, Hannover, 1923.
- Grimme H. Altsinaitische Forschungen. Epigraphisches und historisches, Paderborn, 1937.
- Grimme H. Die altsinaitischen Buchstabeninschriften, Berlin, 1929.
- Grimme H. Die Lösung des Sinaischriftproblems, Münster, 1926.
- Grimme H. Die neuen Sinaischrift-Denkmäler und ihr wissenschaftlicher Ertrag, — *ZDMG*, NF, Bd 12, 1934, S. 177 ff.
- Grimme H. Die südsemitische Schrift, ihr Wesen und ihre Entwicklung, — «*Buch und Schrift*», Leipzig, Bd 4, 1930, Ss. 18–27.
- Grimme H. Südpalästinische Inschriften in altsinaitischer Schriftform, — «*Muséon*», Louvain, vol. 60, 1942, pp. 45–60.
- Grimme H. Zu der altsinaitischen Inschrift N 363, — «*Archiv für Orientforschung*», Berlin, Bd 12, 1937, Ss. 59–61.
- Hirschfeld H. Recent theories on the origin of the alphabet, — «*Journal of the Royal Asiatic society*», London, 1911, pp. 963–978. [274]
- Jensen H. Das Problem der Herkunft der semitischen Schrift und die Sinaiinschriften, — *OLZ*, Jg. 31, 1928, S. 650 ff.
- Jensen H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, Berlin, 1958.
- Kyle M. G. The Egyptian origin of the alphabet, — *RT*, vol. 23, 1901, pp. 151–156.
- Leibovitch J. Deux nouvelles inscriptions protosinaitiques, — «*Le Muséon*», t. 74, 1961, pp. 461–466.
- Leibovitch J. Die Petrieschen Sinai-Schriftdenkmäler, — *ZDMG*, Bd 84 (NF Bd 9), 1930, Ss. 1–14.
- Leibovitch J. Formation probable de quelques signes alphabetiques, — *BIFAO*, t. 32, 1932, pp. 83–66.
- Leibovitch J. Les inscriptions protosinaitiques, — *BIE*, t. 16, 1934, pp. 21–32.
- Leibovitch J. Un premier pas vers le déchiffrement des inscriptions énigmatiques du Sinai? — *BIE*, t. 20, 1938, pp. 19–27.
- Lenormant Fr. Essai sur la propagation de l'alphabet phénicien dans l'ancien monde, t. I–II, Paris, 1872–1873; t. I, 2 éd. 1875.
- Malion A. L'origine égyptienne de l'alphabet, — *BIFAO*, t. 30, 1930, pp. 131–151.
- Pilcher E. J. The origin of the alphabet, — *PSBA*, vol. 26, 1904, pp. 168–173.
- Rougé E. de. Mémoire sur l'origine égyptienne de l'alphabet phénicien, — «*Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*», Paris, 1862, pp. 115–124.
- The Serabit inscriptions. I. The rediscovery of the inscriptions by Kirsopp Lake and R. P. Blake; II. The decipherment and significance of the inscriptions by R. Butin, — «*Harvard theological review*», Cambridge, Mass. vol. 21, 1928, pp. 1–67.
- The Serabit expedition of 1930. The Protosinaitic inscriptions by R. Butin, — «*Harvard theological review*», Cambridge, Mass. vol. 25, 1932, pp. 95–203.
- Sethe K. Der Ursprung des Alphabets. Die neuentdeckte Sinaischrift, Berlin, 1926.
- Sottas H. Une nouvelle théorie sur l'origine égyptienne de l'alphabet semitique, — «*Journal asiatique*», Paris, série 11, vol. 17, 1921, pp. 123–132.
- Sprengling M. The alphabet, its rise, its development from the Sinai inscriptions, Chicago, 1931.
- Starr R. F. S. — Butin R. F. Excavations and Protosinaitic inscriptions at Serabit-el-Khadem, — «*Report of the expedition of 1935*», London, 1936.
- Struve W. Note, — *JEA*, vol. 10, 1924, p. 335. [275]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ДАН — «Доклады Академии наук СССР», М —Л.
- ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», Л.
- «Ägyptologie» — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, Bd I, «Ägyptologie», Leiden, 1959.
- «Ägyptol. Studien» — «Ägyptologische Studien (Hermann Grapow zum 70 Geburtstag gewidmet)», Berlin, 1955.
- AJA — «American Journal of Archaeology», Menasha.
- AJSLL — «The American Journal of Semitic languages and literatuies», Chicago.
- АРАВ — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
- ASAE — «Annales du Service des antiquités de l'Égypte», Le Caire.
- BASOR — «Bulletin of the American schools of oriental research», Jerusalem.
- BIE — «Bulletin de l'Institut d'Égypte», Le Caire.
- BIFAO — «Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale», Le Caire.
- BSAC — «Bulletin de la Société d'archéologie copte», Le Caire
- CdE — «Chronique d'Égypte», Bruxelles.
- Crum, Dict. — W. E. Crum, A Coptic dictionary, Oxford, 1939.
- Crumstu. — Coptic studies in honour of Walter Ewing Crum, — «Bulletin of the Byzantine institute», Boston, vol. 2, 1950.
- Edel, Grammatik — E. Edel, Altägyptische Grammatik, Roma, 1955.
- Enchsen, Glossar — W. Enchsen, Demotisches Glossar, Kopenhagen, 1954.
- Gardiner, Grammar — A. H. Gardiner, Egyptian grammar, 3 ed, London, 1957.
- Cardiner, Onomastica — A. H. Gardiner, Ancient Egyptian onomastica, vol. I–II, Oxford, 1947.
- GLECS — «Comptes-rendus du groupe linguistique d'études chamito-semitiques», Paris.
- «Griffith studies» — Studies presented to F. Ll. Griffith, London, 1932.
- JAOS — «Journal of the American oriental society», Baltimore.
- JDAI — «Jahrbücher des Deutschen archäologischen Instituts», Berlin.
- JEA — «The Journal of Egyptian archaeology», London.
- JNES — «Journal of Near Eastern studies», Chicago.
- Junker, Giza — H. Junker. Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien auf gemeinsame Kosten mit Dr. Wilhelm Pelizaeus unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Gîza, Bd I–XII Wien, 1929–1955. [276]
- «Kongress XXIV» — «Akten des vierundzwanzigsten internationalen Orientalisten Kongresses, München, 1957», Wiesbaden, 1959.
- Lefebvre, Grammaire — G. Lefebvre, Grammaire de l'égyptien classique, 2 éd., Le Caire, 1955.
- Lefebvre, Sur l'origine — Sur l'origine de la langue égyptienne, — «Chronique d'Égypte», année 11, 1936, pp. 266–292
- MDAIK — «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung Kairo», Wiesbaden.
- MIO — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung» (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin Institut für Orientforschung).
- «Mélanges Maspero» — «Mélanges Maspero», t. I, «Orient Ancien», La Caire, 1935–1938.
- MSLP — «Mémoires de la Société linguistique de Paris».
- MSOS — «Mitteilungen des Seminars für onentalische Sprachen» (Univeisität Berlin).
- NGWG — «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen».
- OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung», Leipzig.
- OMRO — «Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden».
- PSBA — «Proceedings of the Society of biblical archaeology», London.
- RE — «Revue d'égyptologie, publiée par la Société française d'égyptologie», Paris — Le Caire.
- «Recueil Champollion» — «Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion», Paris, 1922.
- RHJE — «Revue de l'histoire juive en Égypte», Le Caire.
- RT — «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assynennes», Paris.
- Sethe, Verbum — K Sethe. Das ägyptische Verbum im Altägyptischen, Neu-ägyptischen und Koptischen, Bd I–III, Leipzig, 1899–1902.
- SOAW — «Sitzungsberichte der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften», Wien.

SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
 TSBA — «Transactions of the Society of biblical archaeology», London.
 Urk. I — K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs, Leipzig, 1932.
 Urk. II — K. Sethe, Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit, Leipzig, 1904–1916.
 Urk. III — H. Schafer — G. Steindorff. Urkunden der älteren Aethiopenkönige, Leipzig, 1905–1908
 Urk. IV — K. Sethe. Urkunden der 18 Dynastie, Leipzig, 1906–1909.
 Urk. V — H. Grapow. Religiöse Urkunden nebst deutscher Übersetzung, Leipzig, 1915–1916.
 Urk. VI — S. Schott. Urkunden mythologischen Inhalts nebst deutscher Übersetzung, Leipzig, 1929.
 Vergote, Phonétique — J. Vergote. Phonétique hystorique de l'égyptien, Louvain, 1945.
 Wb. — A. Erman — H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Bd I–V, Leipzig, 1926–1931.
 WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
 ZÄS — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Berlin.
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen morgenlandischen Gesellschaft», Wiesbaden. [277]

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Египетский язык и его место среди других языков - - - - -	1	[3]
§ 1. Египетский язык - - - - -	1	[3]
§ 2. Семито-хамитские языки - - - - -	2	[5]
§ 3. Связи египетского языка с семитскими языками - - - - -	4	[8]
§ 4. Связи египетского языка с ливийско-берберскими и кушитскими языками - -	6	[13]
§ 5. Отношение египетского языка к языкам других групп - - - - -	8	[15]
<i>Глава II.</i> Письмо - - - - -	10	[19]
§ 6. На чем и как писали древние египтяне - - - - -	10	[19]
§ 7. Иероглифическое письмо - - - - -	14	[27]
§ 8. Происхождение иероглифического письма и его сущность - - - - -	21	[39]
§ 9. Подлинная природа египетского алфавита (безгласность египетского письма) -	25	[47]
§ 10. Групповое письмо («силлабическое») - - - - -	26	[49]
§ 11. Развитие иероглифической системы. Письмо греко-римского времени. Криптография - - - - -	28	[51]
§ 12. Иератическое письмо - - - - -	32	[59]
§ 13. Демотическое письмо - - - - -	37	[68]
§ 14. Трудности в понимании египетских текстов - - - - -	40	[74]
§ 15. Влияние египетской системы письма на системы письма других народов и на происхождение алфавита - - - - -	42	[76]
<i>Глава III.</i> Язык - - - - -	49	[88]
§ 16. Фонетика - - - - -	49	[88]
§ 17. Лексика - - - - -	62	[113]
§ 18. Части речи - - - - -	66	[119]
§ 19. Существительные и прилагательные - - - - -	67	[121]
§ 20. Личные местоимения - - - - -	70	[126]
§ 21. Местоимения указательные, вопросительные, относительные - - - - -	73	[131]
§ 22. Числительные - - - - -	74	[133]
§ 23. Наречия, предлоги, частицы, междометия - - - - -	76	[136]
§ 24. Глаголы - - - - -	80	[140]
§ 25. Была ли категория времени у египетского глагола? - - - - -	81	[144]
§ 26. Способы образования новых глаголов. Классификация глаголов - - - - -	83	[146]
§ 27. Суффиксальное спряжение [278] - - - - -	85	[149]
§ 28. Формы <i>sdm.f</i> - - - - -	85	[150]
§ 29. Формы <i>sdm.n.f</i> , <i>sdm.in.f</i> , <i>sdm.hr.f</i> , <i>sdm-k3.f</i> - - - - -	87	[154]
§ 30. Форма <i>sdm.t.f</i> - - - - -	89	[157]
§ 31. Страдательный залог форм суффиксального спряжения - - - - -	89	[158]
§ 32. Служебные глаголы и сложные формы суффиксального спряжения - - - - -	91	[160]
§ 33. Причастия и форма <i>sdm.tj.fj</i> - - - - -	93	[162]

§ 34. Относительные (релятивные) формы - - - - -	95 [166]
§ 35. Происхождение форм суффиксального спряжения - - - - -	96 [168]
§ 36. Старый перфект - - - - -	98 [172]
§ 37. Повелительное наклонение - - - - -	100 [174]
§ 38. Неопределенное наклонение - - - - -	100 [176]
§ 39. Типы предложений - - - - -	103 [180]
§ 40. Связь между простыми предложениями и сложные предложения - - - - -	106 [186]
§ 41. Грамматические способы египетского языка - - - - -	108 [189]
<i>Глава IV. Очерк истории языка - - - - -</i>	<i>110 [192]</i>
§ 42. Письменный и разговорный языки - - - - -	110 [192]
§ 43. Диалекты - - - - -	112 [196]
§ 44. Староегипетский язык - - - - -	114 [200]
§ 45. Среднеегипетский язык - - - - -	116 [202]
§ 46. Новоегипетский язык - - - - -	118 [206]
§ 47. Демотический язык - - - - -	121 [211]
§ 48. Коптский язык - - - - -	123 [216]
§ 49. Общая тенденция развития египетского языка - - - - -	127 [223]
§ 50. Некоторые особенности египетского языка - - - - -	129 [225]
Библиография - - - - -	134 [234]
Происхождение египетского языка и его место среди других языков - - - - -	134 [234]
Связи египетского языка с африканскими, индоевропейскими, кавказскими и другими языками - - - - -	137 [239]
История египетского языка. Диалекты - - - - -	139 [241]
Фонетика - - - - -	140 [242]
Лексика - - - - -	143 [246]
Хрестоматии и общие работы по грамматике - - - - -	146 [250]
Местоимения - - - - -	146 [251]
Существительные, прилагательные, числительные - - - - -	147 [252]
Глаголы - - - - -	149 [254]
Служебные слова - - - - -	151 [257]
Разные грамматические вопросы. Префиксы - - - - -	152 [258]
Синтаксис, стиль, метрика - - - - -	153 [260]
Демотический язык и письмо - - - - -	154 [261]
Коптский язык - - - - -	155 [263]
Материалы для письма - - - - -	158 [266]
Иероглифическое письмо - - - - -	158 [267]
Групповое письмо - - - - -	160 [269]
Криптография и храмовая иероглифика греко-римского времени - - - - -	161 [270]
Иератика и аномальная иератика - - - - -	162 [272]
Критское письмо - - - - -	163 [273]
Мероитский язык и письмо - - - - -	163 [273]
Синайские надписи и происхождение алфавита - - - - -	163 [274]
Список сокращений - - - - -	165 [276]

Михаил Александрович Коростовцев

ВВЕДЕНИЕ В ЕГИПЕТСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

*

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *Н. Н. Михина*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Е. Й. Дукельская* и *М. Ю. Каждан*

*

Сдано в набор 6/XII 1962 г.
Подписано к печати 27/V 1963 г.
А-06171 Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 17,5.
Уч.-изд. л. 18,08. Тираж 1500 экз.
Зак. 1658 Цена 1 руб. 20 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4